18.92
т.22
№1

1-й экз.

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ОБЩЕЙ ГЕОГРАФІИ.
ТОМЪ XXII, № 1,
ИЗДАННЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ **Е. В. Бретшнейдера**, чл. сотрудн. **А. М. Позднѣева**,
и поч. чл. барона **О. Р. Остенъ-Сакена.**

ДОРОЖНЫЯ ЗАМѢТКИ

НА ПУТИ ПО

МОНГОЛІИ

ВЪ 1847 и 1859 гг.

Архимандрита **ПАЛЛАДІЯ.**

Съ введеніемъ доктора **Е. В. Бретшнейдера** и замѣчаніями профессора, чл. сотр.
А. М. Позднѣева.

БИБЛІОТЕКА
ИНСТИТУТА
КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
Инв. № 9112.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1892.

9112.

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

О. Архимандритъ Палладій посѣтилъ въ первый разъ Китай, находясь въ составѣ двѣнадцатой Духовной Миссіи, прибывшей въ Пекинъ 4-го октября 1840 г. Уже четыре года спустя Директоръ Азіятскаго Департамента, Левъ Григоріевичъ Сенявинъ, озабочиваясь заблаговременнымъ выборомъ начальника для слѣдующей Духовной Миссіи, обратился по этому поводу съ довѣрительнымъ запросомъ къ начальнику Миссіи, Архимандриту Поликарпу. Вице-Директоромъ Департамента былъ въ то время Николай Ивановичъ Любимовъ, который сопровождалъ 12-ую Духовную Миссію въ качествѣ пристава и имѣлъ возможность, во время продолжительнаго пути и зимняго пребыванія въ Пекинѣ, узнать поближе членовъ новой Миссіи. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется самая форма, въ которой былъ поставленъ вопросъ о. Поликарпу. Сенявинъ прямо указывалъ на двухъ членовъ Миссіи, о. Іеромонаха Гурія [1]) и Іеродіакона Палладія, и спрашивалъ кого изъ нихъ можно было бы избрать начальникомъ будущей Миссіи. Въ пространномъ отвѣтѣ своемъ, 4-го апрѣля 1845 года, Архимандритъ Поликарпъ отзывался одинаково одобрительно о своихъ двухъ подчиненныхъ, и хотя

ставилъ о. Гурія выше по способностямъ, но все таки отдавалъ преимущество о. Палладію. Отзывъ о послѣднемъ мы позволимъ себѣ привести здѣсь цѣликомъ изъ письма Начальника Миссіи: „*Не скажу, писалъ о. Поликарпъ, чтобы у о. Палладія дарованія были посредственны. Я нахожу въ немъ замѣчательную способность къ предметамъ и занятіямъ серіознымъ, требующимъ большой силы соображенія и весьма головоломнымъ, и доказательствомъ этого служитъ то, что взявшись за Буддизмъ, предметъ въ Китайской Литературѣ едва ли не самый трудный, онъ узналъ его, въ теченіе четырехъ съ небольшимъ лѣтъ, отлично. Онъ любитъ читать, и читаетъ съ умѣньемъ; живя въ Пекинѣ пріобрѣлъ изъ Европейскихъ книгъ много разныхъ свѣдѣній, о которыхъ иной можетъ быть еще и не думалъ. Вообще, по моему мнѣнію, въ немъ несравненно болѣе ученаго направленія и способности сдѣлаться ученымъ, чѣмъ у о. Гурія. Но я долженъ также сознаться и въ томъ, что до сихъ поръ онъ какъ-то странно пишетъ. Почти все, что ни выходитъ изъ-подъ его пера, большое и малое, переводъ и его собственное сочиненіе непремѣнно требуетъ пересмотра и поправокъ, чтобы могло явиться въ люди; однимъ словомъ, у него всегда много мыслей, и часто превосходныхъ, но онъ рѣдко съумѣетъ дать имъ приличную форму; по крайней мѣрѣ мнѣ такъ кажется. Не знаю, откуда происходитъ въ немъ такой недостатокъ. Можетъ быть онъ есть слѣдствіе непривычки и неопытности въ писаніи; можетъ быть также, что онъ происходитъ отъ пренебреженія къ наружной отдѣлкѣ, свойственнаго многимъ весьма умнымъ людямъ. Но поставленный въ необходимость быть откровеннымъ предъ Вашимъ Превосходительствомъ, я не могъ не сказать правды, и считаю необходимымъ прибавить, что только этотъ недостатокъ, и ничто больше, помѣшалъ мнѣ поставить въ отношеніи*

къ дарованіямъ о. Палладія на одну степень съ о. Гуріемъ. За то о. Палладій имѣетъ нѣкоторыя преимущества передъ послѣднимъ по характеру. Онъ до такой степени тихъ, кротокъ и уклончивъ; такъ умно и осторожно ведетъ себя и такъ умѣетъ жить съ людьми, что въ этомъ отношеніи ему безспорно принадлежитъ пальма первенства въ Миссіи. Въ теченіе слишкомъ четырехъ лѣтъ, какъ онъ живетъ въ Пекинѣ, я не знаю ни одного случая, чтобы онъ хоть на минуту былъ съ кѣмъ нибудь изъ своихъ товарищей не въ ладахъ, или сдѣлалъ въ чемъ нибудь хоть одинъ лишній шагъ. Въ человѣкѣ его лѣтъ (ему теперь едва ли есть 27 лѣтъ) такой образъ дѣйствій составляетъ величайшее достоинство и выше всякихъ похвалъ.... О. Палладій можетъ быть поведетъ дѣла не такъ бойко, какъ повелъ бы ихъ о. Гурій, но онъ поведетъ ихъ къ цѣли, твердо, вѣрно и рѣшительно никогда не испортитъ ихъ. Я готовъ поручиться за это всѣмъ, чѣмъ только могу. Никогда, ни словомъ, ни дѣломъ, онъ не помѣшаетъ занятіямъ Миссіи; никогда не подастъ повода быть недовольнымъ его управленіемъ и всѣми будетъ отлично любимъ и уважаемъ, какъ любимъ теперь. Съ его аккуратностью и постоянствомъ въ трудахъ, онъ вѣрно исполнитъ и всѣ порученія, какія даны будутъ ему лично. Что касается до его маленькой неопытности въ писаніи, о которой я упомянулъ выше, то у него впереди столько еще времени, онъ такъ еще молодъ и слѣдовательно способенъ усовершаться, что его исправленіе въ этомъ отношеніи, на мой взглядъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію".

Министерство Иностранныхъ Дѣлъ остановило свой выборъ на о. іеродіаконѣ Палладіѣ. Это было сдѣлано въ самой деликатной формѣ, изъ справедливаго вниманія къ другому кандидату, о. іеромонаху Гурію, который по своему сану и по ученой степени стоялъ выше о. Пал-

ладія. „Такъ какъ Ваши отзывы о духовныхъ членахъ Миссіи равно одобрительны, писалъ Директоръ Департамента начальнику Миссіи 21-го Августа 1846 года, то Министерство поставлено было въ немалое затрудненіе кого именно представить въ кандидаты. Принимая однакоже во вниманіе, что отсутствіе Іеродіакона не можетъ быть для Миссіи столь чувствительно, какъ отсутствіе Іеромонаха, ибо богослуженіе при обѣихъ церквахъ нашихъ въ Пекинѣ можетъ быть отправляемо и безъ Іеродіакона, какъ этому уже были примѣры, — Министерство по сей причинѣ остановилось въ своемъ выборѣ на Іеродіаконѣ Палладіѣ и представило объ ономъ на благоусмотрѣніе Государя Императора".

Высочайшее соизволеніе послѣдовало и Іеродіаконъ Палладій былъ немедленно вызванъ изъ Пекина. Въ Петербургѣ онъ долженъ былъ готовиться къ будущимъ занятіямъ въ качествѣ начальника Духовной Миссіи. Предполагалось также поручить личному его наблюденію составленіе новой Миссіи.

Но отправленіе о. Палладія изъ Пекина не обошлось безъ хлопотъ для начальника Миссіи. Въ 1845 г., Китайское Правительство изъявило согласіе на предложеніе наше сократить, установившійся обычаемъ, десятилѣтній срокъ пребыванія Миссіи въ Пекинѣ на пять лѣтъ. Архимандритъ Поликарпъ, въ письмѣ къ Директору Департамента, выражалъ опасеніе, чтобы это обстоятельство не затруднило отъѣздъ Іеродіакона Палладія. „Китайское Правительство, писалъ онъ, пребываетъ въ твердой увѣренности (въ которой и надобно его оставить, чтобы не испортить дѣла), что новый порядокъ вещей начнется съ настоящей же Миссіи, и немедленное, по совершенномъ окончаніи дѣла, отправленіе въ Россію избраннаго Министерствомъ человѣка, не будучи совершенно невозможнымъ, можетъ сдѣлаться

чрезвычайно затруднительнымъ. Китайское Правительство можетъ сдѣлать мнѣ весьма сильныя возраженія и даже совершенно отказать въ немъ, опираясь на то, что Миссія должна будетъ скоро смѣниться.... Можетъ быть всего лучше было бы сказать прямо и откровенно, что Министерство предписало мнѣ отправить такого то въ Россію, въ намѣреніи взглянуть на него и сдѣлать начальникомъ новой Миссіи, если найдетъ его по своимъ мыслямъ, что̀ нисколько не показалось бы здѣшнему Правительству страннымъ, потому что оно само такъ поступаетъ со всѣми повышаемыми и вновь опредѣляемыми къ должностямъ чиновниками. Но этотъ способъ будетъ имѣть слишкомъ много гласности и до нѣкоторой степени стѣснитъ будущія дѣйствія Министерства; а высылка по болѣзни, кромѣ того, что заставитъ меня, при совѣщаніи объ этомъ дѣлѣ, закрыть глаза обѣими руками, можетъ еще и не увѣнчаться успѣхомъ".

Опасенія Архимандрита Поликарпа оказались однако преувеличенными. 20-го Февраля 1847 года онъ доноситъ Азіятскому Департаменту, что „о. Палладій возвращается въ Россію, въ глазахъ Китайцевъ, по домашнимъ обстоятельствамъ, для поддержанія и призрѣнія оставшихся по смерти его отца и матери малолѣтнихъ братьевъ". „Я нашелъ, прибавляетъ онъ, такой оборотъ дѣла самымъ приличнымъ, и чтобы предупредить всякія неумѣстныя разсужденія о немъ въ Трибуналѣ, написалъ въ бумагѣ, что выѣздъ его уже разрѣшенъ, по докладу Министерства, Государемъ Императоромъ. Все это принесло желаемые плоды и бумага не встрѣтила въ Трибуналѣ никакихъ возраженій".

О. Палладій долженъ былъ выѣхать изъ Пекина 20-го Апрѣля 1847 г.; всѣ сборы уже приходили къ концу, но смерть одного изъ членовъ Миссіи, Гор-

скаго [2]), остановила дѣло и заставила отложить отъѣздъ на недѣлю. „О. Палладій выѣзжаетъ если не больной, то полубольной, писалъ 26-го Апрѣля Архимандритъ Поликарпъ Директору Департамента, онъ везетъ съ собой цѣлый грузъ противулихорадочныхъ лекарствъ. Въ нынѣшнемъ году это уже третій приступъ лихорадки. Не знаю, что будетъ съ нимъ въ дорогѣ, и повѣдавъ Вашему Превосходительству фактъ, воздерживаюсь отъ всякихъ разсужденій о немъ".

Опасенія о. Архимандрита и на этотъ разъ были напрасны. Іеродіаконъ Палладій благополучно совершилъ обратный путь въ Россію, а плодомъ его поѣздки по Монголіи былъ дневникъ, представленный имъ въ Азіятскій Департаментъ и нынѣ впервые появляющійся въ печати [3]).

Существенное содѣйствіе при изданіи этого дневника было оказано намъ докторомъ Э. В. Бретшнейдеромъ, отличнымъ знатокомъ по части исторической географіи Азіи, и профессоромъ А. М. Позднѣевымъ.

Докторъ Бретшнейдеръ, котораго мы просили критически разобрать всѣ существующіе по Монголіи пути и показать мѣсто, которое въ числѣ оныхъ занимаетъ дорога, описанная Архимандритомъ Палладіемъ, составилъ обширное историческое введеніе и карту къ нему. Его же стараніями былъ отысканъ въ Пекинѣ другой монгольскій Дневникъ о. Палладія, относящійся къ 1859 году и равнымъ образомъ впервые появляющійся въ печати. О способѣ составленія приложенной карты сообщаетъ самъ Э. В. Бретшнейдеръ [4]). Ему же принадлежатъ примѣчанія къ Палладіевскому тексту, въ которыхъ указаны латинскія названія растеній, упоминаемыхъ въ описаніи пути [5]).

Подъ скромнымъ заглавіемъ „Замѣчаній на дневникъ" профессоръ А. М. Позднѣевъ даетъ намъ, основанный

на личныхъ наблюденіяхъ, превосходный комментарій къ путешествію Архимандрита Палладія; а сообщаемыя имъ, на стр. 136—167, свѣдѣнія о Чахарахъ составляютъ совершенно новое, весьма важное пріобрѣтеніе для этнографіи Монголіи.

Баронъ Ѳ. Р. Остенъ-Сакенъ.

Апрѣля 12 дня
1892 года.

ПРИМѢЧАНІЯ:

1) О. Гурій (Карповъ), бывшій впослѣдствіи начальникомъ 14-й Пекинской Духовной Миссіи, скончался въ санѣ Епископа Таврическаго, 27 Марта 1882 г., въ Симферополѣ, гдѣ и погребенъ въ каѳедральномъ соборѣ (*Свѣдѣнія, благосклонно сообщенное В. К. Саблеромъ*).

2) Владиміръ Горскій, свѣтскій членъ Миссіи, скончался отъ чахотки 14 Апрѣля 1847 г. Отецъ его Василій Горскій былъ Протоіереемъ въ Костромскомъ Каѳедральномъ Успенскомъ Соборѣ. Родной братъ его Александръ Васильевичъ Горскій, извѣстный профессоръ, а впослѣдствіи ректоръ Московской Духовной Академіи, скончавшійся въ 1875 г.

Владиміръ Горскій, отличавшійся своими способностями и подававшій большія надежды, оставилъ по себѣ память въ двухъ посмертныхъ статьяхъ, напечатанныхъ въ первомъ томѣ Трудовъ Членовъ Россійской Духовной Миссіи въ Пекинѣ (изд. въ 1852 г.) подъ заглавіями: «Начало и первыя дѣла Маньчжурскаго Дома» и «О происхожденіи родоначальника нынѣ царствующей въ Китаѣ династіи Цинъ и имени народа Маньчжу». Онъ былъ погребенъ 18 Апрѣля на русскомъ кладбищѣ въ Пекинѣ. Въ Августѣ 1847 г. Архимандритъ Поликарпъ писалъ Директору Азіятскаго Департамента: «16 іюля, на другой день имянинъ Владиміра Горскаго, я поставилъ и цѣлымъ соборомъ освятилъ памятникъ ему; самый великолѣпный, какой только можно было заказать въ Пекинѣ и тѣмъ воздать печальную, но должную честь достойнѣйшему человѣку и лучшему, единственному изъ моихъ подчиненныхъ. Памятникъ Горскому сдѣланъ по образцу поставленнаго іезуитами надъ Архимандритомъ Амвросіемъ Юматовымъ *), но гораздо лучше его и нѣсколько больше».

3) Всѣ вышеизложенныя свѣдѣнія извлечены изъ *Дѣла о Пекинской Духовной Миссіи 1840—1850 г.г.*, хранящагося въ Главномъ С.-Петербургскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

4) Указанная на стр. 171 Замѣчаній А. М. Позднѣева ошибка въ правописаніи имени монгольской станціи Ула-худу'къ, была впослѣдствіи исправлена на картѣ.

---

*) Архимандритъ Амвросій, начальникъ пятой Духовной Миссіи, скончался въ Пекинѣ въ 1771 году. См. о немъ въ Исторіи Пекинской Духовной Миссіи во второй періодъ ея дѣятельности, іеромонаха (нынѣ преосвященнаго) Николая. (Православный Собесѣдникъ за 1887 годъ).

5) Къ сожалѣнію не оказалось возможнымъ опредѣлить всѣ растенія, о которыхъ упоминаетъ Архимандритъ Палладій. Нашъ извѣстный путешественникъ, и естествоиспытатель Г. Н. Потанинъ сообщилъ намъ, по этому поводу, нижепомѣщаемыя замѣтки къ тексту Дневника:

1. *Травъ въ степи много, но только* юрху *можетъ быть хорошей пищей для лошадей и верблюдовъ.* (Стр. 61 Дневника).

Въ числѣ записанныхъ мною названій растеній есть халхаское въ Хангаѣ: у юргунъ или бо юргунъ, Plantago. Едва ли о. Палладій его разумѣетъ. Можетъ быть гдѣ онъ проходилъ это имя прилагается къ другому растенію. Киргизы на Зайсанѣ называютъ именемъ бай юргынъ Nanophytum caspicum Less., который въ Халхѣ повсюду зовутъ таръ.

2. *Пучкообразное растеніе съ малиновыми цвѣточками и душистая травка Акъ расли здѣсь (у станціи Ула-худу́къ) во множествѣ* (Стр. 68 Дневника).

Тутъ говорится о двухъ различныхъ растеніяхъ. О пучкообразномъ растеніи съ малиновыми цвѣточками трудно сказать что это такое. Акь вѣроятно àги, моего гербарія, видъ полыни, которой К. И. Максимовичъ далъ опредѣленіе Artemisia maritima Bess.

3. *У горы Богдо-хаирханъ: почва каменистая и песчаная, но ровная и гладкая; индѣ виднѣлись полосы краснаго песка; все прочее пространство покрыто было пучками растенія орто; широкіе и зеленые снопы его поддерживали букеты малиновыхъ цвѣточковъ.* (Стр. 77. Дневника). *У станціи Чжубури: твердая почва, испещренная малиновыми цвѣточками орто и желтыми буддарганы.* (Стр. 80 Дневника).

Орто вѣроятно Oxytropis aciphylla Ledeb., *цаганъ ортутъ*, т. е. бѣлый ортутъ, на песчаной почвѣ. Другой *уланъ ортутъ*, красный ортутъ, Oxytropis ampullata Pers. растетъ на скалахъ. Оба растенія колючія, ежикообразныя. Буддаргана—Kalidium gracile Fenzl.

4. *У Толотскаго перевала: дремучій лѣсъ съ обѣихъ сторонъ примыкалъ къ нашей дорогѣ; почва покрыта была оранжевой сараной и васильковой коко.* (Стр. 93 Дневника).

Оранжевая сарана — вѣроятно Lilium tenuifolium. Васильковая Коко можетъ быть *Коготъ*, Allium odorum L. Не имѣлъ ли о. Палладій въ виду *везиль*, Vicia?

5. *Живописный подъемъ Мангатай: подъ сѣнью березъ цвѣло безчисленное множество цвѣтовъ, среди которыхъ болѣе другихъ красовались астры, похожія на розы.* (Стр. 96 Дневника).

Астры — вѣроятно Aster alpinus L. Такъ, по крайней мѣрѣ, назвалъ всѣ мной вывезенныя изъ Монголіи астры покойный К. И. Максимовичъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Введеніе, Э. В. Бретшнейдера	1
Дневникъ о. Іеродіакона Палладія, веденный во время переѣзда по Монголіи въ 1847 году.....	35
Дорожныя замѣтки о. Архимандрита Палладія во время переѣзда его по Монголіи въ 1859 году	100
Письмо профессора А. М. Позднѣева къ Барону Ѳ. Р. Остенъ-Сакену, съ замѣчаніями на «Дневникъ о. Палладія по Монголіи, веденный въ 1847 году.....	114
Указатель	229
Приложеніе: Маршрутная карта Восточной Монголіи, составленная Э. В. Бретшнейдеромъ.	

ВВЕДЕНІЕ.

Исполняя съ особеннымъ удовольствіемъ порученіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, я позволю себѣ, прежде чѣмъ приступить къ историческому обозрѣнію всѣхъ извѣстныхъ маршутовъ по восточной Монголіи, сказать нѣсколько словъ о печатаемыхъ нынѣ двухъ монгольскихъ дневникахъ отца архимандрита Палладія. Дневники эти относятся къ 1847 и 1859 годамъ.

Въ 1847 году о. Палладій проѣхалъ черезъ Монголію по такъ называемому почтовому тракту, по новой и до тѣхъ поръ, Русскимъ и другимъ Европейцамъ совершенно неизвѣстной дорогѣ. Описаніе ея, которое мы находимъ въ его дневникѣ, тѣмъ болѣе интересно, что никто изъ послѣдующихъ путешественниковъ, проѣхавшихъ по той же дорогѣ, не далъ намъ о ней болѣе подробныхъ свѣдѣній. По этому самому тракту, въ 1859 году, послѣдовалъ черезъ Ургу въ Калганъ и Пекинъ отправленный въ то время, съ особымъ порученіемъ въ Китай, Свиты Е. В. генералъ-маіоръ (нынѣ графъ) Н. П. Игнатьевъ, при которомъ состоялъ топографъ Шимковичъ, снявшій на планъ подробный маршрутъ всего пройденнаго пути въ масштабѣ 3-хъ верстъ въ дюймѣ. Копію этой съемки мы видѣли въ нашемъ посольствѣ въ Пекинѣ. Намъ случилось также видѣть въ Пекинѣ англійскій переводъ этого маршрута, изданный въ уменьшенномъ масштабѣ однимъ протестантскимъ миссіонеромъ въ началѣ 60-ыхъ годовъ.

Второй монгольскій дневникъ составленъ отцомъ Палладіемъ въ 1859 году, когда онъ во второй разъ возвращался изъ Пекина въ Россію вмѣстѣ съ 14-ю Духовною Миссіею (приставомъ коей былъ П. Н. Перовскій). О существованіи этой рукописи мы нашли указаніе самого автора въ его статьѣ: Путевыя Записки Китайца Чжанъ-Дэ-хой во время путешествія его въ Монголіи въ первой половинѣ XIII-го столѣтія, напечатанной въ Запискахъ Сибирскаго отдѣла Геогр. Общества, 1867 г., стр. 582—591. Въ виду несомнѣнной важности этого дневника, мы обратились въ Пекинъ къ П. С. Попову, нашему первому драгоману при Миссіи, съ просьбою отыскать между оставшимися послѣ покойнаго архимандрита бумагами подлинную записку. Г. Поповъ съ любезною готовностью исполнилъ нашу просьбу и мы такимъ образомъ получили возможность снять точную копію съ подлиннаго документа.

Дорожный дневникъ 1859 года представляетъ собственно отрывочныя замѣтки, набросанныя по видимому о. Палладіемъ только для себя, съ намѣреніемъ обработать ихъ впослѣдствіи. Къ сожалѣнію онъ не успѣлъ сдѣлать этого. Тѣмъ не менѣе и въ этомъ несовершенномъ видѣ записки имѣютъ несомнѣнно большой научный интересъ. Особенно любопытны замѣчанія ученаго автора о развалинахъ древнихъ городовъ въ Монголіи и о его поѣздкѣ къ рѣкѣ Керулэну. Изъ записокъ видно, что о. Палладій выѣхалъ изъ Пекина 25-го мая 1859 г. и, проѣхавши черезъ Калганъ, въ первыхъ числахъ іюня былъ уже въ Цаганъ-балгасу. Близъ этого городища онъ пробылъ, вмѣстѣ съ Миссіею, до 25-го іюня въ ожиданіи пристава Перовскаго, который остался въ Пекинѣ для встрѣчи тамъ отправленнаго въ Китай, съ особымъ порученіемъ, генерала Игнатьева. Намъ помнится, что много лѣтъ тому назадъ покойный архимандритъ намъ говорилъ о своей встрѣчѣ съ Н. П. Игнатьевымъ въ Монголіи. Понятно, что для послѣдняго было чрезвычайно важно, до въѣзда въ китайскую столицу, видѣться съ человѣкомъ, который могъ ему сообщить вѣрныя свѣдѣнія о Китайцахъ, о Пекинѣ и о по-

положеніи дѣлъ тамъ. Почтовый трактъ, по которому ѣхала экспедиція Н. П. Игнатьева, проходитъ не далеко отъ Цаганъ-балгасу, который лежитъ по караванной дорогѣ. Собравшись опять въ путь 25-го іюня, о. Палладій прослѣдовалъ въ Ургу по такъ называемой дарханской караванной дорогѣ, по которой проѣхалъ въ 1849 г. Е. П. Ковалевскій.—Дорожныя записки 1859-го года печатаются въ томъ видѣ, какъ онѣ были найдены въ бумагахъ покойнаго архимандрита.

Приступая теперь къ обозрѣнію дорогъ, ведущихъ изъ Сибири черезъ Монголію въ Китай, по которымъ въ прежнія времена проходили въ Пекинъ наши торговые караваны, духовныя миссіи, посольства и курьеры, мы, для лучшей оріентировки читателя, прилагаемъ маршрутную карту дорогъ въ восточной части Монголіи, пріуроченную къ путевымъ запискамъ о. Палладія и къ нашимъ замѣткамъ. Имѣя въ виду, что въ настоящее время уже существуютъ, на русскомъ языкѣ, довольно подробныя и хорошо составленныя карты Монголіи вообще, мы, для большей наглядности, старались нанести на нашу карту лишь тѣ подробности въ географическихъ названіяхъ, которыя встрѣчаются у насъ въ текстѣ. Наша карта составлена по лучшимъ старымъ и новымъ источникамъ.

На основаніи сохранившихся въ сибирскихъ архивахъ старыхъ документовъ, наши историки считаютъ, что сношенія русскихъ съ Китаемъ начались въ 1619 или 1620 году, когда Тобольскій воевода И. С. Курякинъ послалъ въ Китай казаковъ И. Петлина и П. Киселева. Наши владѣнія въ Сибири въ то время простирались только до рѣки Енисея. Петлинъ и Киселевъ изъ города Томска (основаннаго въ 1604 году), направились черезъ земли Киргизовъ къ рѣкамъ *Абакану* и *Кемчику* (верховья Енисея), и оттуда вышли на большое озеро (*Убсаноръ*). На вершинѣ одной изъ рѣкъ, впадающихъ въ это озеро, кочевалъ монгольскій Алтынъ-ханъ. Далѣе экспедиція прошла всю запад-

ную Монголію отъ С.-З. на Ю.-В. и наконецъ вышла на «рубежную стѣну» (Китайскую Великую стѣну) у города *Широкалга* (Калганъ). Оттуда путешественники отправились къ *Бѣлому городу* (Пекинъ), гдѣ жилъ *Тай-бунъ*. Но самого царя они не видѣли. Подробности этой курьезной реляціи можно найти у Спасскаго въ Сибирскомъ Вѣстникѣ за 1818 годъ, съ апрѣля по іюль [1]).

---

1) По другимъ указаніямъ въ старыхъ сибирскихъ архивахъ, первое русское посольство въ Китай состоялось гораздо раньше, а именно въ 1567 г., когда Іоаннъ Грозный отправилъ «провѣдывать неизвѣстныя государства» казаковъ И. Петрова и Б. Ялычева. Новѣйшія изслѣдованія доказываютъ, что это посольство едва ли было въ Китаѣ. См. Книгу Трусевича: Посольскія и торговыя сношенія Россіи съ Китаемъ. 1882, стр. 2.

Однако считаемъ не лишнимъ замѣтить, что сохранилось заслуживающее вниманія свидѣтельство одного европейскаго путешественника первой половины 16-го столѣтія, которое прямо указываетъ на то, что русскіе въ то время посѣщали уже сѣверный Китай. Португальскій авантюристъ и пиратъ Мендезъ Пинто, который отъ 1537 до 1558 года скитался по морямъ и странамъ восточной Азіи, издалъ, по возвращеніи на родину, записки своихъ похожденій. Онъ разсказываетъ между прочимъ, что однажды былъ взятъ въ плѣнъ Китайцами и, присужденный къ каторжной работѣ, отправленъ изъ Пекина (гдѣ его судили) въ сѣверо-западный Китай, гдѣ послѣ долгихъ бѣдствій, онъ наконецъ освобожденъ былъ Монголами, сдѣлавшими въ то время набѣгъ на сѣверныя провинціи Китая. Въ бытность его въ лагерѣ монгольскаго хана, къ послѣднему являлись разныя посольства изъ Хорассана и другихъ азіятскихъ странъ; здѣсь же, около 1543 года, Пинто встрѣтилъ и русскихъ людей. Онъ описываетъ ихъ наружный видъ и одежду; между прочимъ его поразилъ одинъ странный обычай у этихъ Москвитянъ, именно, что они поминали Бога, когда *зѣвали* (такъ во французскомъ переводѣ; а испанскій переводъ книги Пинто говоритъ «quando estornudauan», когда *чихали*). Это послѣднее обстоятельство не допускаетъ, кажется, сомнѣнія въ томъ, что Пинто дѣйствительно видѣлъ русскихъ. Во французскомъ переводѣ записокъ Пинто (B. Figuier, Voyage avantureux de F. Mendez Pinto. Paris. 1628, vol. II, p. 265) его разсказъ о русскихъ гласитъ такъ:

«Chap. CXXIV: Comme le roy de Tartarie s'en alla de la ville de Lancame à celle de Tuymican, où quelques princes le visitèrent en personne et d'autres par leurs ambassadeurs.

«. . . L'autre éstoit le roy des Mogores, dont l'éstat est dans le coeur du païs près des Corazones, province proche de la Perse et du royaume de Delhy et de Chitor, et un Empereur nommé Caran, selon que nous l'avons appris icy, a les bornes de sa souveraineté dans les montagnes de Goncalidan, à 60 dégrez plus avant, avec des hommes que ceux du païs appellent *Moscovites*, desquels nous en vismes quelques uns dans cette ville, qui sont blonds, de belle taille et vestus de

Отправленное при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ 1654 г. изъ Москвы къ Пекинскому двору посольство съ Ѳ. И. Байковымъ во главѣ, прошло совершенно новымъ путемъ, западнѣе маршрута Петлина, черезъ Чжунгарію. Изъ Тобольска Байковъ плылъ на судахъ вверхъ по Иртышу до *Бѣлыхъ водъ* (ниже нынѣшняго Семипалатинска). Далѣе посольство отправилось къ калмыцкому хану Аблай-Тайши, который имѣлъ свое мѣстопребываніе на рѣкѣ *Аблай-китъ*, притокѣ Иртыша съ лѣвой стороны; потомъ они вышли на озеро (вѣроятно *Улюнгуръ*), и съ вершины Чернаго Иртыша шли по скаламъ южнаго Алтая. Затѣмъ посольство пересѣкло всю Монгольскую степь и наконецъ достигло города *Кокотанъ* (Кукухото). Отсюда путешественники продолжали путь къ заставному городу *Капти* или *Капки* (Калганъ) и 3 марта 1656 г. прибыли въ *Пекинъ*, гдѣ Байковъ остался до 4-го сентября. 4-го апрѣля 1657 г. онъ прибылъ обратно къ Аблай-Тайши и возвратился въ Тобольскъ прежнимъ путемъ. (См. у Спасскаго въ Сибирскомъ Вѣстникѣ, 1820, XI, стр. 113—158; — Русскій переводъ землев. Риттера, IV, стр. 218, разборъ пути Байкова).

По пріѣздѣ Байкова обратно въ Москву, въ 1659 г., посланъ былъ въ Пекинъ боярскій сынъ Перфильевъ, прослѣдовавшій тѣмъ же путемъ, который открытъ былъ Байковымъ.

---

hauts de chausses, de casaques et de chappeaux, comme les Flammands et les Suisses que nous voyons en Europe, dont les plus honorables avaient des robes fourrées de peaux et les autres de martres sebellines. Ils portaient tous des épées larges et grandes, et nous remarquames qu'en leur language ils usaient de quelques mots latins, mêsme qu' en baillant ils répetaient par trois fois, Dominus, Dominus, Dominus, ce qui semblait avoir en eux plus d'apparence d'idolatrie que de religion, et ce qu'il y avait de pire en eux estoit le détestable pesché de Sodomie, auquel ils éstoient grandement addonéz».

Наконецъ Пинто, пользуясь случаемъ отправки монгольскимъ ханомъ посольства черезъ западный Китай въ Бирму, сопутствовалъ ему и такимъ образомъ имѣлъ возможность добраться до порта, гдѣ могъ встрѣтить своихъ соотечественниковъ. Онъ вскорѣ опять отправился въ Китай. Судно китайскаго пирата, на которомъ находился Пинто, было занесено вѣтромъ къ берегамъ Японіи и тамъ выброшено. Такимъ образомъ Пинто былъ первый Европеецъ, который видѣлъ Японію.

Это былъ въ то время, какъ разсказываетъ Спаѳарій, обычный путь, по которому Бухарцы, Калмыки и русскіе люди ходили въ Китай. (См. Арсеньева Путешествіе Спаѳарія черезъ Сибирь въ Китай, въ Запискахъ Имп. Русс. Геогр. Общ., по отд. Этнографіи, X, 1882, стр. 21, 24).

Но послѣ завоеванія Восточной Сибири и Даурiи наши дѣла по сношенію съ Китаемъ сосредоточились въ *Нерчинскомъ остроги*, основанномъ въ 1658 г. Енисейскимъ воеводою Пашковымъ. Основаніе *Селенгинскаго острога* въ Забайкальи послѣдовало въ 1666 г. Разстояніе между китайскою столицею и русскою границею такимъ образомъ значительно сократилось, и торговыя сношенія между Россіею и Китаемъ начали производиться черезъ Восточную Сибирь.

Изъ дорогъ, ведущихъ изъ Восточной Сибири въ Пекинъ, до конца 17-го столѣтія считалась (по крайней мѣрѣ нашими посольствами) болѣе удобною и безопасною самая восточная, исходнымъ пунктомъ которой служилъ городъ Нерчинскъ. Русскую границу переходили въ то время у *Цуруxайту*, на рѣкѣ Аргуни, направляясь на рѣку *Хайларъ* и, переваливъ къ востоку черезъ *Хинганскій* хребетъ, спускались по долинѣ рѣки *Ялъ* къ рѣкѣ *Нонни* (или *Нунь*, на китайскихъ картахъ; сѣверный притокъ р. Сунгари). Близъ этой рѣки, не далеко отъ нынѣшняго города Цицикаръ, находился тогда городъ *Наунь* (Нунь). Далѣе этотъ путь имѣлъ югозападное направленіе и, велъ, сперва по степи, потомъ по горамъ, черезъ украйну юговосточной Монголіи, прямо въ *Пекинъ*, пересѣкая Великую стѣну въ воротахъ *Си фынъ коу*. Первымъ изъ русскихъ проѣхалъ этимъ путемъ Игнатій Миловановъ съ товарищами, отправленный посланикомъ въ 1670 г. къ китайскому Богдыхану. (См. у Арсеньева стр. 156). По той же дорогѣ слѣдовалъ въ 1675 г. извѣстный русскій посланникъ Н. Спаѳарій въ Пекинъ и обратно. (См. Диплом. Собраніе Дѣлъ между Россіею и Китаемъ, составленное Бантышъ-Каменскимъ, изд. Флоринскимъ. Казань, 1882, стр. 25, 26, 525).

Спустя 18 лѣтъ русское посольство, съ Исбрантъ Идесомъ

во главѣ, также прошло вышеуказаннымъ путемъ въ Пекинъ. Но черезъ рѣку Аргунь оно переправилось у Аргунскаго караула, въ 150 верстахъ ниже Цурухайту. Это посольство прибыло въ Пекинъ въ августѣ 1693 года. Посланникъ издалъ свои путевыя замѣтки на голландскомъ и на нѣмецкомъ языкахъ. См. Yssbrants Ides, Dreijährige Reise nach China, 1692—1695. Frankfurt, 1707.

Эта-же дорога была пройдена въ 1732 и 1736 годахъ извѣстнымъ русскимъ агентомъ Лоренцомъ Ланге. Мы еще возвратимся къ этому путешественнику. Впослѣдствіи русскіе перестали ѣздить по этой дорогѣ въ Китай, и она была совсѣмъ забыта. Только въ новѣйшее время, послѣ слишкомъ 150-ти лѣтняго перерыва, ее вновь посѣтилъ капитанъ генеральнаго штаба Ресинъ, который въ 1887 г., отправляясь изъ Пекина черезъ ворота Си фынъ коу и городъ Цицикаръ въ Благовѣщенскъ, прошелъ большую часть этой старой посольской дороги. Изъ маршрутной съемки его видно, что его путь совпадаетъ съ посольскимъ на протяженіи отъ Пекина до верховьевъ рѣки Лао хэ, а потомъ уклоняется отъ него на востокъ, пересѣкаетъ рѣку *Нонни*, близъ впаденія ея въ Сунгари, и слѣдуетъ въ Цицикаръ вдоль лѣваго берега р. Нонни. Но по старой посольской дорогѣ изъ Цурухайту черезъ Хайларъ и Хинганскій хребетъ въ Цицикаръ, никто изъ Европейцевъ послѣ Ланге до сего времени не проходилъ. Въ 1862 году Н. Хилковскій изъ Старо-Цуруха-туйскаго караула отправился въ городъ *Хайларъ*. Въ статьѣ о его поѣздкѣ въ этотъ городъ, помѣщенной въ Запискахъ Сибирскаго отд. Им. Русск. Геогр. Общ., VIII. 1865, Хилковскій сообщаетъ распросныя свѣдѣнія о дорогѣ въ Цицикаръ и перечисляетъ 18 почтовыхъ станцій по ней.

Дорога черезъ *Ургу* въ Пекинъ также давно была извѣстна русскимъ. Русскіе купцы стали ею пользоваться вскорѣ послѣ постройки Селенгинскаго острога въ Забайкальѣ, въ 1666 г. Въ 1728 г. послѣ заключенія Буринскаго разграничительнаго съ Китаемъ договора, на самой границѣ была основана *Кяхтинская*

слобода. На этомъ мѣстѣ, какъ равно въ *Цурухайту*, при р. Аргуни, положено было съѣзжаться купцамъ обоихъ государствъ для торговли; но такъ какъ послѣдній пунктъ вскорѣ оказался неудобнымъ для торговыхъ цѣлей, то онъ былъ оставленъ, и съ тѣхъ поръ такъ называемая *Кяхтинская дорога* черезъ *Ургу* и *Калганъ* сдѣлалась единственнымъ путемъ, по которому ходили наши казенные караваны и духовныя миссіи, отправлявшіеся въ Пекинъ. Точно также и въ настоящее время наша сухопутная торговля съ Китаемъ направляется почти исключительно на Кяхту, Ургу и Калганъ, и этимъ же путемъ, какъ болѣе удобнымъ, пользуются путешественники, ѣдущіе изъ Восточной Сибири въ Пекинъ.

Та часть Монголіи, черезъ которую проходятъ кяхтинскія караванныя дороги въ Китай, давно уже хорошо изслѣдована и описана. Путешественникъ, ѣдущій изъ Кяхты въ Пекинъ, пересѣкаетъ послѣдовательно нѣсколько полосъ, рѣзко отличающихся одна отъ другой своей природою и физическими особенностями. На всемъ протяженіи отъ Кяхты до Урги страна имѣетъ гористый характеръ, съ обильнымъ орошеніемъ и богатыми пастбищами, горы большею частью покрыты лѣсомъ.

За Ургою послѣ переправы черезъ рѣку *Толу*, путешественникъ оставляетъ за собою послѣднюю проточную воду. Далѣе къ югу простирается степь *Гоби* до окрайны собственнаго Китая. Это волнистая, или пересѣченная низменными скалистыми кряжами, возвышенная плоскость съ дресвяною по большей части почвою. На первыхъ 200 верстахъ этой степи еще встрѣчаются рѣдкія травы, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже довольно хорошія пастбища, но далѣе мѣстность принимаетъ характеръ безплодной пустыни, которую Монголы называютъ *Гоби*, Китайцы *Ша мо*. Въ ней нерѣдко встрѣчаются болѣе или менѣе широкія полосы земли, покрытыя сыпучими песками. Замѣчательно, что среди Гоби путешественникъ, по какой бы дорогѣ онъ ни ѣхалъ, приблизительно въ широтѣ 46°—47°, встрѣчаетъ какъ бы стѣнообразную черноватую каменную гряду, называемую Монголами

буссу чилонъ (каменный поясъ). А. Бунге, о путешествіи котораго въ 1830 г. мы еще будемъ говорить впослѣдствіи, первый упоминаетъ объ этой грядѣ. Онъ видѣлъ ее на югѣ отъ Олонъ-байшинъ. Монголы говорили ему, что этотъ каменный поясъ простирается далеко на западъ и востокъ. По изслѣдованіямъ Бунге онъ состоитъ изъ сіенита.

На югѣ эту пустыню монгольскаго нагорья окаймляетъ полоса, приблизительно верстъ на 200 ширины, безлѣсная, но обильная водою и травою, гдѣ кочуютъ Монголы *Чахары*, со своими многочисленными стадами, до самой Великой стѣны. Не въ дальнемъ разстояніи отъ Калгана дорога начинаетъ круто спускаться и вскорѣ вступаетъ въ густо населенную страну собственнаго Китая.

Какъ уже выше было замѣчено, кромѣ караванныхъ дорогъ существуетъ еще между Кяхтою и Пекиномъ казенный почтовый трактъ съ постоянными станціями, которыя содержатъ Монголы, для проѣзда китайскихъ чиновниковъ. Между Кяхтою и Ургою почтовый трактъ и караванные пути большею частью совпадаютъ, и дорога идетъ въ довольно прямомъ направленіи по горамъ и долинамъ, пересѣкая многочисленные притоки Орхона. Зимою караваны иногда предпочитаютъ спускаться изъ Кяхты въ долину Орхона и слѣдовать по ней. Въ собственномъ Китаѣ, между Калганомъ и Пекиномъ, почтовая дорога также почти вездѣ совпадаетъ съ караванною. (Городъ *Чанъ пинъ чжоу*, станцію почтоваго тракта, караванная дорога не проходитъ; она идетъ прямо изъ Нань коу въ Пекинъ). Но въ Гобійской степи пути значительно расходятся. Почтовый трактъ, хотя и самый дальній, но за то наиболѣе удобный, особенно для скорой ѣзды. На немъ въ извѣстныхъ разстояніяхъ выкопаны колодцы, при которыхъ поставлены юрты, и всегда имѣется достаточное количество лошадей. Этотъ трактъ, существовавшій еще въ прошломъ столѣтіи, значительно уклоняется къ западу, такъ какъ первоначально онъ служилъ сообщеніемъ для Пекина съ Улясутаемъ. Вѣтвь на Ургу отдѣляется у станціи *Саиръ-усу*. По этому пути считаютъ (приблизительно):

изъ Кяхты въ Ургу..... 290 верстъ (12 станцій),
» Урги въ Калганъ..... 1275 » (47 »),
» Калгана въ Пекинъ..... 200 » (9 »).

Это пространство, всего 1765 верстъ и 68 станцій, между Кяхтою и Пекиномъ можно проѣхать въ 14, даже 12 дней въ китайскихъ телѣгахъ, которыя обыкновенно везутся двумя верховыми всадниками Монголами, держащими оглобли на своихъ сѣдлахъ.

Дороги, по которымъ торговые караваны на верблюдахъ слѣдуютъ изъ Калгана въ Ургу, проходятъ въ значительномъ разстояніи восточнѣе почтовой дороги, съ которой онѣ сходятся только на конечныхъ пунктахъ. Изъ нихъ намъ хорошо извѣстны три, по которымъ въ прошломъ и нынѣшнемъ столѣтіяхъ ходили русскіе караваны и духовныя миссіи, и которыя неоднократно были подробно описаны. Онѣ извѣстны подъ названіями: *Дарханъ цзамъ*, *Чойринъ цзамъ* (часть ея называется *Аргалинской* дорогой) и *Гунчжіинъ цзамъ* (цзамъ = дорога). Первая и вторая дороги названы по именамъ горъ *Дарханъ* и *Аргали*, мимо которыхъ онѣ проходятъ; третье названіе означаетъ въ переводѣ: «Царевнина дорога». Разстоянія по нимъ отъ Урги до Калгана считаются отъ 920 до 970 верстъ.

Профессоръ А. М. Позднѣевъ, отличный знатокъ монгольскаго языка и Монголіи, въ прекрасномъ своемъ отзывѣ о результатахъ путешествія М. В. Пѣвцова по Монголіи, перечисляетъ, на основаніи лично имъ собранныхъ свѣдѣній, восемь караванныхъ дорогъ между Ургою и Калганомъ, со всѣми урочищами и станціями.

Въ началѣ 60-хъ годовъ правительство наше, пользуясь правомъ, предоставленнымъ статьей 12-й Пекинскаго договора, учредило на свой счетъ почту между Кяхтою и Тянь-цзин'емъ, черезъ Ургу, Калганъ и Пекинъ. Эта почта направляется обыкновенно по караваннымъ дорогамъ Гунчжіинъ цзамъ и Чойринъ цзамъ и возится монголами, съ которыми заключаются подряды. Легкая почта отправляется черезъ каждые 10 дней, или 3 раза

въ мѣсяцъ; лѣтомъ она ходитъ между Кяхтою и Пекиномъ около 15 дней, а зимою, когда по недостатку подножнаго корма приходится возить ее на верблюдахъ, она часто значительно опаздываетъ. Тяжелая почта, по одному разу въ мѣсяцъ, совершаетъ этотъ переѣздъ въ 30 дней. Почтовый транспортъ всегда конвоируется нашими казаками, и поэтому къ нему нерѣдко пристраиваются и путешественники, ѣдущіе въ Кяхту или въ Пекинъ. Русскіе чиновники, ѣдущіе по китайской почтовой дорогѣ, возятся безплатно, но несутъ довольно значительный расходъ на подарки провожатымъ и станціоннымъ смотрителямъ.

Первое русское описаніе кяхтинскаго пути черезъ Ургу и степь Гоби сохранилось въ запискахъ Спаѳарія. Онъ сообщаетъ подробности о поѣздкѣ, въ 1674 г., сына боярскаго Ивана Поршенникова съ торговыми людьми, въ числѣ 43 человѣкъ, въ Пекинъ. Поршенниковъ обстоятельно описываетъ дорогу до Урги, но о проѣздѣ черезъ Гоби упоминаетъ только немногими словами. (См. у Арсеньева стр. 129, 194).

Въ 1686 г. были отправлены съ царскою грамотою въ Пекинъ Н. Венюковъ и И. Ѳаворовъ. Описанія пути этихъ гонцовъ мы не имѣемъ. Извѣстно только, что, прибывъ въ Селенгинскъ 1-го августа, гонцы 16-го августа поѣхали «искать» кутухту и монгольскаго Очироя Саинъ-хана, а 31-го октября прибыли въ Пекинъ, откуда 14-го ноября выѣхали обратно. (См. у Бант.-Каменскаго стр. 40, 42, 48).

Въ 1715 году Петръ Великій отправилъ въ Китай капитана Лоренца Ланге, родомъ шведа, наблюдавшаго въ то время за постройкою Петергофскаго дворца. Ланге въ теченіе слѣдующихъ 22 лѣтъ шесть разъ совершалъ путешествія въ Пекинъ, въ качествѣ русскаго агента. Всѣ его путешествія въ Китай описаны имъ или его спутниками на нѣмецкомъ языкѣ. Эти путевыя замѣтки довольно интересны. Насколько намъ извѣстно, только записки одного путешествія его въ сокращенномъ видѣ были переведены на русскій языкъ (см. ниже).

Первая поѣздка Ланге въ китайскую столицу не имѣла поли-

тическаго характера, и Бантышъ-Каменскій не упоминаетъ о ней. Ланге было поручено пріобрѣсти въ Китаѣ разные предметы для украшенія Петергофскаго дворца. Ему сопутствовалъ англійскій медикъ Ѳома Гарвинъ, состоявшій хирургомъ при петербургской больницѣ. Краткая реляція этой экспедиціи помѣщена въ запискахъ Брауншвейгскаго резидента въ Россіи, Вебера, изданныхъ имъ подъ заглавіемъ: Das veränderte Russland, Frankfurt, 1721. Здѣсь мы читаемъ, что Ланге и Гарвинъ отправились изъ Селенгинска 7-го октября 1716 г. и 9-го октября переѣхали китайскую границу у *Сарачина* (см. ниже примѣчаніе на стр. 13). 15-го октября они уже находились на берегу рѣки Толы, потомъ, совершивъ переѣздъ черезъ монгольскую пустыню, путешественники 6-го ноября достигли Великой стѣны и Калгана, а 11-го ноября представились китайскому императору, который жилъ въ своемъ загородномъ дворцѣ «*Zchantuyenne*», отстоящемъ на $1^1/_2$ мили (10 верстъ) на западъ отъ Пекина [1]). Ланге и Гарвинъ были очень любезно приняты императоромъ Канъ-си. Узнавъ о данномъ имъ Петромъ Великимъ порученіи пріобрѣсти въ Китаѣ печь изъ фарфора, Канъ-си приказалъ немедленно отправить нарочнаго въ ту провинцію гдѣ производится лучшій фарфоръ, и заказать желаемую печь по образцу, сдѣланному изъ дерева. Ланге и Гарвинъ выѣхали изъ Пекина обратно въ февралѣ 1717 г. и прибыли въ Петербургъ вѣроятно въ началѣ 1718 года. Петръ Великій былъ очень обрадованъ великолѣпными китайскими рѣдкостями, привезенными Ланге, и, убѣдившись въ его способностяхъ, назначилъ его русскимъ агентомъ въ Пекинѣ. Ему приказано было сопровождать, въ качествѣ секретаря, чрезвычайнаго посланника къ китайскому двору, Л. Измайлова. Въ составѣ этого посольства, которое выѣхало изъ Петербурга въ іюнѣ 1719 г., находились между прочимъ: И. Глазуновъ, также въ качествѣ секретаря, медикъ англича-

1) Этотъ дворецъ, бывшій нѣкогда любимымъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ императора Канъ-си, называется *Чанъ-чунь-юань*; нынѣ онъ находится въ развалинахъ, лежащихъ между селеніемъ Хай-дянь и Юань-минъ-юан'емъ.

нинъ Бель и нѣкто Унферцагтъ. Это замѣчательное путешествіе обстоятельно описано Белемъ, Унферцагтомъ и Ланге [1]).

По Бант.-Каменскому (стр. 90, 91) посольство Измайлова прибыло въ Селенгинскъ 27 мая 1720 г., но только 20 сентября достигло китайской границы, въ *Сорочинахъ* (отъ Селенгинска въ 50 верстахъ. Бант.-Кам.). Бель называетъ этотъ пограничный пунктъ *Сарацинъ* и говоритъ, что онъ находится при небольшой рѣчкѣ, отъ Селенгинска въ 140 верстахъ. Онъ поясняетъ, что Сарацинъ значитъ «новая луна» [2]). Унферцагтъ называетъ эту пограничную рѣчку *Бурохара* и говоритъ, что она отстоитъ отъ Селенгинска на 180 верстъ. Это безъ сомнѣнія рѣчка *Бура*, притокъ Селенги, протекающій въ 10-ти верстахъ на югѣ отъ Кяхты (и 106 верстъ отъ Селенгинска) и образующій нѣсколько маленькихъ озеръ, извѣстныхъ подъ именемъ *Гиланъ-норъ* (бѣлыя озера). Здѣсь въ 1727 году былъ заключенъ извѣстный Буринскій трактатъ.

Бель довольно вѣрно описываетъ дорогу до рѣки *Толы*, перечисляя притоки Орхона, черезъ которые посольству пришлось

---

1) John Bell of Antermony. Travels from St.-Petersburg in Russia to diverse parts of Asia. Glasgow, 1763. 2 vol. (Бель путешествовалъ также въ Персіи). Эта книга была переведена на французскій языкъ, а также на русскій языкъ подъ заглавіемъ: Белевы путешествія черезъ Россію въ разныя Азіятскія земли, а именно въ Испагань, въ Пекинъ, въ Дербентъ и Константинополь; переводъ съ французскаго Михаила Попова. 3 части. СПб. 1776.

G. J. Unverzagt. Die Gesandtschaft I. K. Majestät von Gross-Russland an den Sinesischen Kayser, 1719, von Petersburg nach Peking. Lübeck, 1725, 2-ое изд. 1727.

Въ «Ritter's Asien», I, p. 105 упомянуто, что дневникъ Ланге, относящійся къ этому путешествію 1720 года, помѣщенъ въ книгѣ: Jetziger Staat von Russland, II, 21. Это нѣмецкій переводъ англійскаго сочиненія: The State of Russia and the present Czar. London, 1698, написаннаго, какъ извѣстно, англичаниномъ John Parry, хотя и изданнаго безъ обозначенія автора. Дневника Ланге мы не нашли въ нѣмецкомъ переводѣ этой книги; но часть этого дневника, обнимающая время пребыванія Ланге въ Пекинѣ послѣ отъѣзда посольства, 1721—1722 гг., помѣщена въ книгѣ Беля и переведена на русскій языкъ.

Дневникъ Ланге былъ изданъ отдѣльно на французскомъ языкѣ: Journal du sieur Lange, contenant les négociations à la cour de la Chine en 1721 et 1722. Leyde, 1726.

2) *Сара* по монгольски значитъ «луна»; *синъ* по китайски «новый».

переправиться (*Ира*, *Шара*, *Кара*, *Бурой*, *Боргулты*, *Койра*). У рѣки Толы посольство расположилось лагеремъ 2-го октября. Объ Ургѣ ни Бель, ни Унферцагтъ не упоминаютъ, но послѣдній говоритъ о знаменитой горѣ *Ханъ-ула*, которая, какъ извѣстно, находится вблизи Урги.

Далѣе по дорогѣ черезъ Гоби Бель записалъ названія всѣхъ урочищъ, на которыхъ посольство останавливалось, причемъ монгольскія имена у путешественника часто искажены, но по нимъ всё-таки можно убѣдиться, что посольство слѣдовало по караванной дорогѣ Гунчжіинъ-цзамъ. На пятой станціи отъ *Удэ* къ югу оно прибыло къ соленому озеру. Унферцагтъ называетъ это озеро *Табусяноръ* (дабусунъ норъ по монгольски = соленое озеро). Это очевидно озеро *Иренъ дабу сунъ норъ*, показанное на нашихъ картахъ Монголіи. Въ дневникѣ Ланге 1727 года это самое озеро и названо *Иренъ*. Переправившись черезъ рѣчку *Наринъ-карусу* [1]) 31-го октября, (придерживаясь повѣствованія Беля), путешественники на слѣдующій день дневали, а втораго ноября, около полудня, увидѣли Великую стѣну, проходившую по горамъ въ разстояніи приблизительно 40 англ. миль. Разрушенный городъ, о которомъ здѣсь упоминаетъ Унферцагтъ отождествляется съ развалинами Цаганъ-балгасу. 5-го ноября посольство (по Белю) прибыло въ *Калганъ* (3 ноября по Бант.-Кам.). Унферцагтъ говоритъ, что этотъ городъ по китайски называется «Tschantzschioko» (по настоящему *Чжанъ-цзя-коу*). По названіямъ, упоминаемымъ у Беля въ описаніи дороги изъ Калгана въ Пекинъ (Siang fu, Zulinguang, Zang pin jew (Tzang fing tschu у Унферцагта), Schach), легко можно узнать города и деревни существующія и понынѣ, какъ-то: *Сюань хуа фу*, *Юй линь*, *Чанъ пинъ чжоу*, *Ша хэ*. Въ Пекинъ посольство прибыло 18-го ноября и помѣстилось въ такъ называемомъ русскомъ подворьѣ, которое и теперь занимаетъ наша дипломатическая мис-

---

1) *Наринъ гол* или *Кара усу* притокъ озера Ангули норъ, не далеко отъ Цаганъ балгасу. Timkovsky, Voyage à Pékin, II, p. 379.

сія. Бель описываетъ домъ, въ которомъ были приготовлены покои для посланника. Это зданіе сохранилось до сихъ поръ и извѣстно подъ именемъ посольскаго дома; въ немъ, по всей вѣроятности, жили и прежніе русскіе посланники: Байковъ, Спаѳарій, Идесъ и пр.

Китайскій императоръ Канъ-си принялъ Измайлова и его свиту въ своемъ загородномъ дворцѣ *Чанъ чунь юань* [1]). Богдыхану были переданы царская грамота и подарки, между которыми находилось изображеніе Полтавской битвы, выточенное на слоновой кости собственноручно Петромъ Великимъ; кромѣ того были разные дорогіе часы, лошади и гончія собаки. Бель съ восторгомъ описываетъ ласковый пріемъ императора Канъ-си, который однажды пригласилъ Измайлова и его свиту на охоту, происходившую въ окрестностяхъ императорскаго дворца *Хайцза* (Chaiza), въ 6 миляхъ отъ Пекина [2]). Они охотились на оленей, козуль, зайцевъ, фазановъ и, между прочимъ, на тигровъ, выпущенныхъ изъ клѣтокъ, при чемъ Измайловъ убилъ одного тигра.

Измайлову были вручены шесть большихъ ящиковъ съ изразцами изъ синяго фарфора, для передачи Петру Великому. Это была та фарфоровая печь, которую Канъ-си заказалъ въ то время, когда Ланге первый разъ былъ въ Пекинѣ. Можетъ быть эта печь и теперь еще существуетъ въ Петергофѣ или въ Петербургѣ.

---

1) См. примѣч. на стр. 12. Бель пишетъ *Tzan shi yang*, Унферцагтъ: *Tzann tschu yenn.*

2) Обширный охотничій паркъ *Нанъ хай цзы* существуетъ до сихъ поръ и находится въ 5 верстахъ къ югу отъ Пекина. Онъ обнесенъ довольно высокою стѣною, имѣющей болѣе 60 верстъ въ окружности. Въ настоящее время въ немъ охоты уже не устраиваются, но тамъ бродятъ еще многочисленныя стада оленей, *Cervus axis* и *Elaphurus Davidianus*. Послѣдній, животное большихъ размѣровъ, нѣчто среднее между мараломъ и лосью. До сихъ поръ европейскіе путешественники не встрѣчали этого звѣря въ дикомъ состояніи ни въ собственномъ Китаѣ, ни въ Манчжуріи, ни въ средней Азіи. При этомъ не сохранилось даже преданія когда и откуда эти замѣчательные олени были привезены въ императорскій паркъ.

2-го марта 1721 г. посольство Измайлова отправилось въ обратный путь, не достигши, какъ извѣстно, особеннаго успѣха въ переговорахъ съ Китайцами. 9-го марта путешественники прибыли въ Калганъ. Для скорости движенія обозъ былъ оставленъ позади, и посольство пустилось въ путь верхами на лошадяхъ съ однимъ только проводникомъ. 12-го апрѣля оно достигло рѣки *Толы* и 6-го переступило русскую границу.

Ланге между тѣмъ былъ оставленъ въ качествѣ русскаго агента въ Пекинѣ; съ нимъ остался также Унферцагтъ, который 21 октября 1721 г. былъ отправленъ курьеромъ въ Россію съ дорогими обоями, заказанными нарочно императоромъ Канъ-си для русскаго царя. Въ августѣ мѣсяцѣ того же года Ланге, по приглашенію императора, отправился къ нему въ Jegchol (*Жехолъ* или *Жэхэ*), лежащій за Великой стѣной въ 220 верстахъ на С.-В. отъ Пекина. Онъ вернулся оттуда въ началѣ сентября, такъ какъ ожидалъ прибытія русскаго каравана. Послѣ того вслѣдствіе безпорядковъ, происходившихъ въ то время на русско-китайской границѣ, Китайцы стали относиться къ Ланге все болѣе и болѣе враждебно и причинили ему столько непріятностей, что онъ рѣшился наконецъ оставить Пекинъ и возвратиться въ Россію. 18 іюня 1722 г. онъ вмѣстѣ съ караваномъ отправился въ путь, а 26 августа прибылъ въ Селенгинскъ.

Послѣ этого Ланге, повидимому, оставался нѣсколько лѣтъ въ Иркутскѣ, а въ 1726 г. ему поручено было сопровождать русскаго посланника Савву Владиславича въ Пекинъ. Это посольство переѣхало китайскую границу 2-го сентября при рѣкѣ *Бурѣ*, 10-го октября оно прибыло въ Калганъ, а 21-го октября вступило въ Пекинъ.—23-го апрѣля 1727 г. посольство выступило обратно и 14 іюня достигло рѣки Буры, гдѣ спустя два мѣсяца былъ заключенъ такъ называемый Буринскій трактатъ. 14-го сентября Ланге снова былъ отправленъ съ караваномъ въ Пекинъ. (См. у Бант.-Каменскаго стр. 127—136, 501). Описаніе этого *четвертаго путешествія* Ланге въ Китай напечатано въ: Pallas, Neue nordische Beiträge, II, 1781, p. 83—159.

16-го сентября 1727 Ланге перешелъ съ караваномъ новую границу у рѣчки *Кяхты* (селеніе Кяхта было построено только въ слѣдующемъ году). 2-го октября караванъ расположился лагеремъ у подошвы святой горы *Ханъ ула*, на южномъ берегу рѣки Толы, гдѣ отдыхали пять дней, а потомъ пустились въ путь черезъ Гоби. Какъ видно изъ перечисленія урочищъ, на которыхъ караванъ останавливался для ночлеговъ, Ланге и въ этотъ разъ прошелъ по дорогѣ Гунчжіинъ цзамъ, черезъ *Удэ* (Ихы-удэ) и мимо озера *Иренъ дабасу*. Караванъ много потерпѣлъ отъ голода и холода. Изъ 1650 лошадей, съ которыми онъ выступилъ изъ Россіи, лишь 150 достигли *Цаганъ-балгасу*, куда прибыли 29-го ноября. Здѣсь Ланге видѣлъ развалины стараго города, который онъ подробно описываетъ. Отъ Цаганъ-балгасу караванъ шелъ до Калгана черезъ *Арунъ-Шуберта* и мѣстечко *Толой Сумай*. Это послѣднее мѣстечко, по словамъ Ланге, находится въ 6 верстахъ отъ Великой стѣны; на новыхъ картахъ оно не показано, но о немъ упоминаетъ также и Тимковскій, который между прочимъ говоритъ: (Timkovsky, Voyage etc. 1820. édit. par Klaproth, I, 273, II, 376) что двѣ дороги ведутъ изъ Цаганъ-балгасу въ Калгапъ: одна, восточная, черезъ *Шабартай* и деревню *Толай сумэ*; другая, западная, черезъ гору *Сенчжитъ* и деревню *Нордянъ*. Послѣдняя считается караванною дорогою [1]).

1) Обращаемъ особенное вниманіе будущихъ ученыхъ путешественниковъ на окрестности Цаганъ-балгасу, озеро Ангули-норъ съ впадающими въ него рѣками, и вообще на все пространство между этимъ озеромъ и Великой стѣною. Эти интересныя мѣстности были до сихъ поръ слишкомъ мало изслѣдованы. Тамъ отдѣляется почтовая дорога въ Улясутай и Кяхту отъ караванной дороги и находятся развалины стараго города, называемыя *Хара-балгасу*. Онѣ лежатъ на Ю.-В. отъ *Цаганъ-балгасу*. Послѣдняя мѣстность изобилуетъ богатыми пастбищами, и наши караваны, пройдя Гоби, всегда оставляли здѣсь своихъ измученныхъ вьючныхъ животныхъ, а также часть поклажи до обратнаго пути; въ Пекинъ же они обыкновенно отправлялись на наемныхъ лошадяхъ или верблюдахъ. На 13-мъ листѣ карты Рихтгофена (Richthofen, Atlas von China. Berlin, 1885) Хара-балгасу ошибочно показано на С.-З. отъ Цаганъ-балгасу. Объ этихъ городищахъ см. второй дневникъ о. Палладія. Озеро Ангулиноръ по картѣ Монголіи Пѣвцова далеко отстоитъ отъ почтовой Ургинской

По дорогѣ изъ Калгана въ Пекинъ Ланге довольно вѣрно называетъ китайскіе города и деревни. 26-го декабря 1727 г. онъ прибылъ въ Пекинъ, гдѣ его помѣстили, по прежнимъ примѣрамъ, въ русскомъ подворьѣ. Въ этотъ разъ Ланге оставался въ Пекинѣ до 13-го іюля 1728 г. Онъ разсказываетъ между прочимъ, что въ его бытность начали строить православную церковь, въ русскомъ подворьѣ. Это та самая церковь, которая и нынѣ существуетъ при нашемъ посольствѣ. На южной стѣнѣ ея до сихъ поръ видны слѣды сильнаго землетрясенія, бывшаго здѣсь въ началѣ тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія. — 4-го октября Ланге благополучно возвратился съ караваномъ въ Петропавловскую крѣпость (близъ Селенгинска). Черезъ нѣсколько времени онъ отправился въ Москву, куда прибылъ въ началѣ февраля 1730 г. Но не долго ему пришлось оставаться въ Россіи: уже въ слѣдующемъ году ему приказано было ѣхать въ *пятый разъ* въ Пекинъ и опять съ караваномъ.

Этотъ караванъ вышелъ изъ Кяхты 6-го ноября 1731 г. и направился по *Керуленской* дорогѣ, которую особенно рекомендовали Ланге, какъ наиболѣе удобную; однако онъ нашелъ ее не менѣе трудной чѣмъ другіе пути [1]). 22-го марта 1732 г. караванъ прибылъ въ Пекинъ, гдѣ оставался до 8-го сентября. Обратно въ Россію Ланге въ этотъ разъ направился по старой восточной дорогѣ черезъ Си-фынъ-коу, юго-восточную Монголію, Манчжурію и Цурухайту, куда онъ прибылъ 25-го августа 1733 г. (См. Бант.-Каменскій, стр. 173, 194, 196).

Послѣ того Ланге отправился въ Москву и Петербургъ, гдѣ въ 1735 г. былъ пожалованъ канцеляріи совѣтникомъ (См.

дороги, тогда какъ на маршрутной картѣ Шимковича эта дорога проходитъ у самаго озера Ангули-норъ. Совѣтуемъ также познакомиться съ картою Бушеля, приложенной къ его интересной статьѣ: Notes of a Journey outside the Great Wall of China, by S. W. Buschell, M. D. Journal of the Royal Geogr. Soc. London, XLIII. 1874. На этой картѣ, по близости Цаганъ-балгасу, на западъ, показано озеро Чаганъ норъ, котораго нѣтъ на русскихъ картахъ.

1) Подъ Керуленской дорогой слѣдуетъ, кажется, разумѣть дорогу Дарханъ цзамъ, пролегающую не далеко отъ рѣки Керулэна.

Бант. Камен. стр. 218) и затѣмъ съ новымъ караваномъ былъ отправленъ въ Пекинъ. Это *шестое* и послѣднее *путешествіе* въ Китай Ланге совершилъ въ 1736 и 1737 годахъ, прослѣдовавъ по выше упомянутой восточной дорогѣ, по которой прежде шли Спаѳарій и Исбрантъ Идесъ. Подробное описаніе пройденнаго пути сдѣлано однимъ изъ его спутниковъ [1]) и напечатано въ: Pallas, Neue nordische Beiträge, II, 1781, p. 160—207. См. также Бант.-Камен., стр. 173, 194, 196.

Изъ этого описанія видно, что караванъ выступилъ изъ Цурухайту и 17 іюля 1736 г. переправился черезъ рѣку Аргунь. Далѣе дорога шла черезъ рѣки *Мергель*, *Тыникенъ* къ рѣкѣ *Хайларъ*; здѣсь, вслѣдствіе сильныхъ дождей, караванъ принужденъ былъ стоять 18 дней и только 12-го августа могъ опять тронуться въ путь. Черезъ *Мендукей-тохой* путешественники поднялись на *Хинганскій хребетъ* и, спустившись по его восточному склону, слѣдовали сначала вдоль рѣки *Ялъ*, а потомъ по долинѣ рѣки *Янь*; обѣ названныя рѣки составляютъ притоки рѣки Нонни. 31-го августа они подошли къ широкой рѣкѣ *Наунь* (Нонни или Нунь на китайскихъ картахъ), гдѣ на противоположной сторонѣ стоялъ въ то время городъ *Наунь*, а недалеко отъ него деревня *Чичигаръ* (очевидно нынѣшній Цицикаръ). Ланге со своимъ караваномъ оставивъ рѣку влѣво, повернулъ на югозападъ, направившись черезъ *Хадаухань* и рѣку *Ялъ* въ Монгольскую степь. Далѣе онъ слѣдовалъ черезъ *Чолинъ-у-ль* и *Мохой* на рѣку *Торо*. 28-го сентября караванъ переправился черезъ рѣку *Шарамуренъ*, гдѣ имѣлъ дневку, и на слѣдующій день пришелъ къ рѣкѣ *Лохэ* (*Лао хэ*). Вблизи этой рѣки путешественники видѣли городище *Дай минъ чэнъ*, съ замѣчательными развалинами и высокою башнею; объ этомъ городищѣ упоминаетъ также Исбрантъ Идесъ, хотя послѣдній и ошибочно показываетъ его мѣстоположеніе, относя его къ сѣверу отъ Шара-

1) Вѣроятно состоявшимъ при Ланге, въ качествѣ секретаря, курляндскимъ уроженцемъ Граве.

мурена. По изслѣдованіямъ профессора В. П. Васильева это одна изъ древнихъ столицъ Ляо'скихъ императоровъ, *Дай динъ фу*, основанная въ срединѣ 10-го вѣка и переименованная впослѣдствіи въ *Дай нинъ чэнъ*. Теперь упомянутое городище извѣстно Монголамъ подъ именемъ *Чаханъ собарга хота* (городъ съ бѣлою башнею). (См. Риттера Землев. Азіи, русскій переводъ, I, стр. 323). На новѣйшемъ маршрутѣ капитана Ресина оно названо *Бай та цза*, что по китайски тоже значитъ бѣлая башня. На картѣ, изданной Китайцами, эти развалины показаны недалеко отъ уѣзднаго города Цзянь чанъ сянь [1]).

Городъ *Пагулъ*, упоминаемый далѣе въ описаніи пути Ланге, есть китайскій городъ Пинъ цюань чжоу, который у Ресина названъ Пагоу. Далѣе мѣстности *Quan tschin* и *Pin säu* въ названномъ описаніи показаны на маршрутѣ Ресина подъ названіями *Куанъ чэнъ* и *Пинъ дяо*. 29 октября Ланге прибылъ съ караваномъ въ *Dsi fen ku* (Си фынъ коу), у Великой стѣны, и направился въ Пекинъ черезъ города *Län jan* (Луань янъ), *San tain* (Сань тунь инъ), *Zun hua* (Цзунь хуа чжоу), оставивъ въ сторонѣ императорскія кладбища, гдѣ похороненъ императоръ Канъ си (умершій въ 1723 г.). Далѣе онъ слѣдовалъ на города и мѣстечки *Zin dschu* (Цзи чжоу, городъ), *Pän dsan* (Пань цзюнь), *San cho gowan* (Сань хэ гуань), гдѣ его встрѣтилъ русскій іеромонахъ Лаврентій изъ Пекина. 8-го ноября Ланге прибылъ въ *Tun schu* (Тунъ чжоу, городъ), а 10-го вступилъ въ *Пекинъ*, гдѣ остановился въ русскомъ подворьѣ. Здѣсь онъ оставался съ караваномъ до 10-го мая 1737 г. и по продажѣ товара отправился обратно въ Россію, послѣдовавъ по Кяхтинской дорогѣ. Оставленныя Ланге, въ передній путь, за Великой стѣною

---

1) Исбрантъ Идесъ на своемъ пути къ югу отъ Дай минъ чэн'а видѣлъ еще другія развалины, которыя онъ называетъ *Бурганъ хотонъ* или городъ идоловъ. Это, по отзыву профессора Васильева, есть новый *Дай нинъ чэнъ*, построенный въ XIV столѣтіи, послѣ того какъ старый городъ былъ оставленъ. Монголы называютъ эти развалины *Кара хото*. Подъ этимъ именемъ онѣ показаны и на маршрутѣ Ресина.

(близъ Си Фынъ коу) вьючныя животныя, были заранѣе доставлены на станцію *Шаберту* (къ С. отъ Калгана) [1]).

Послѣ Ланге казенные караваны еще три раза ходили съ товарами черезъ Кяхту въ Пекинъ, а именно въ 1741, 1745 и 1754 годахъ. Они слѣдовали обыкновенно по Гунчжіинъ цзам'-ской дорогѣ и употребляли отъ двухъ до трехъ мѣсяцевъ на переходъ отъ русской границы до Пекина. Только послѣдній караванъ 1754 года ходилъ въ оба пути по Керуленской дорогѣ, по примѣру Ланге въ 1731 г. (См. Бант.-Камен., стр. 253, 261, 262; также выше примѣч. 9).

Затѣмъ, казна, не находя болѣе для себя выгоднымъ производить торговыя операціи съ Китаемъ, прекратила посылку каравановъ въ Пекинъ.

Наши духовныя миссіи въ Пекинѣ, которыя по установившемуся правилу должны были смѣняться черезъ каждые десять лѣтъ, отправлялись обыкновенно съ караванами, но когда послѣдніе перестали ходить въ Пекинъ, тогда для сопровожденія миссій назначались особые пристава.

Съ 1743 по 1767 г. Бантышъ-Каменскій перечисляетъ семь русскихъ курьеровъ, которые были отправляемы съ правительственными грамотами изъ Кяхты въ китайскую столицу; на курьерскія поѣздки требовалось обыкновенно отъ однаго до двухъ мѣсяцевъ. Одинъ изъ такихъ курьеровъ, прапорщикъ И. Якоби, сынъ Селенгинскаго коменданта, отличился чрезвычайно быстрой поѣздкой; 7-го іюля 1753 г. онъ выѣхалъ изъ Кяхты и 27-го того же мѣсяца уже былъ въ Пекинѣ; получивъ тамъ отвѣтный листъ, онъ, 21-го августа выѣхалъ обратно и 24-го сентября достигъ Кяхты [2]) (См. Бант.-Кам. стр. 259).

---

1) Кстати замѣтимъ здѣсь, что Ланге закончилъ свою службу въ Иркутскѣ, гдѣ онъ въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія былъ губернаторомъ.

2) И. Якоби нѣсколько разъ ѣздилъ съ грамотами въ Пекинъ. Впослѣдствіи, именно въ 1781 г., онъ былъ назначенъ астраханскимъ губернаторомъ, а въ 1797 г. произведенъ въ генералы отъ инфантеріи, и умеръ въ 1803 г.

Въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ хранится рукописный путевой журналъ о слѣдованіи осенью 1794 г. духовной миссіи подъ начальствомъ архимандрита Софронія Грибовскаго въ столицу Китая. Нижепомѣщаемую выписку изъ этого дневника мы заимствуемъ изъ интереснаго и дѣльнаго (но еще не оконченнаго), труда отца іеромонаха (нынѣ преосвященнаго) Николая (Адоратскаго), издаваемаго подъ заглавіемъ: Православная Миссія въ Китаѣ за 200 лѣтъ ея существованія (Казань 1887, выпускъ II, стр. 321).

Путь слѣдованія миссіи по Монголіи былъ обычный: поднимались утромъ въ 6—8 часу, шли нѣсколько верстъ и останавливались въ 3—4 часа по полудни для отдыха и ночлега, а иногда для подковки скота и починокъ телѣгъ. «Съ Кяхты до Калгана въ степи вся свита и конвойные довольствованы (были) по вѣдомствамъ, китайскими и монгольскими приставами, дровами (аргаломъ); нигдѣ скудости не имѣли, не такъ какъ въ прежнія двукратныя, пристава Игуменова, походы происходило. Еще на каждомъ стану отъ Урги давано духовнымъ и ученикамъ для зимняго студенаго воздуха по двѣ юрты». Послѣ 13-дневнаго путешествія изъ Кяхты 15-го сентября миссія прибыла въ *Курень* (Ургу), откуда выѣхала 20-го числа. 2-го октября выпалъ снѣгъ, вслѣдствіе чего нужно было произвести подковку быковъ, подшивку верблюдовъ и пустить другимъ скотамъ кровь..... 7-го октября встрѣтились развалины древняго монгольскаго строенія у колодца *Ганца-суму* [1]). Съ 9-го октября началась безкормная дорога. 3-го ноября за чрезвычайною бурею со снѣгомъ была дневка въ *Урготу* [2]). 12-го ноября миссія прибыла въ *Калганъ*..... Въ Пекинъ миссія добралась 27 ноября, совершивъ свой путь почти въ три мѣсяца.—Тимковскій тоже неоднократно ссылается на этотъ журналъ (l. c. I, 188,

1) По словамъ Тимковскаго (Timkovsky, Voyage etc. I, 188) *Гакцусумэ* находится близъ Джилгетай по дорогѣ Дарханъ цзамъ и недалеко отъ развалинъ Олонъ байшинъ. См. нашу карту.

2) Такого урочища нѣтъ въ дорожникѣ Тимковскаго.

202, 254). Изъ этихъ данныхъ видно, что миссія 1794 года слѣдовала по Дарханской и Аргалинской караваннымъ дорогамъ, по которымъ прошелъ и Тимковскій. — Тѣми же путями проѣхала, какъ видно изъ показанія названнаго путешественника (l. c. I, 163, 202, 226, 251), девятая духовная миссія, съ архимандритомъ Іакинѳомъ Бичуриномъ во главѣ.

За исключеніемъ самого о. Іакинѳа, который въ то время уже находился въ Иркутскѣ, эта миссія выѣхала изъ Петербурга еще въ іюнѣ 1805 г., одновременно съ посольствомъ графа Юрія Головкина, но ей пришлось пробыть въ Иркутскѣ до 1807 года.

Графъ Головкинъ почти три мѣсяца ожидалъ въ Кяхтѣ разрѣшенія Китайцевъ ѣхать въ Пекинъ. При Головкинѣ находилась значительная свита состоявшая, кромѣ членовъ посольства (въ числѣ которыхъ находились князья Голицынъ и Васильчиковъ, графы Ламбертъ, Бенкендорфъ и др.), изъ ученой экспедиціи подъ руководствомъ графа Потоцкаго. Въ числѣ ученыхъ были: астрономъ Шубертъ, зоологъ Адамсъ, ботаникъ Редовскій, минералогъ Панснеръ, медикъ Реманъ, докторъ хирургъ Гари, аптекарь Гельмъ, и извѣстный оріенталистъ Клапротъ. Но почти всѣ эти ученые, и между ними Клапротъ, были оставлены Головкиномъ въ Кяхтѣ. Посольство со значительно уменьшенною свитою 20-го декабря 1805 г. могло наконецъ выступить въ *Ургу*. Прибывъ сюда 3 января 1806 г., оно оставалось здѣсь около мѣсяца въ ожиданіи разрѣшенія китайскаго правительства продолжать путь, но не получивъ его, должно было вернуться обратно въ Россію. Путешествіе посольства изъ Кяхты въ Ургу описано анонимнымъ авторомъ на нѣмецкомъ языкѣ въ: Bertuch, Allgem. Geogr. Ephemeriden, XX, XXI, 1806. Authentische Nachrichten von der Russischen Gesandtschaft nach China, 1805—1806. По словамъ Клапрота (Timkovsky, Voyage etc. I, p. 19) авторъ этого путеваго журнала, который не имѣетъ серіознаго значенія, былъ нѣкто Струве. Свѣдѣнія о посольствѣ Головкина на русскомъ языкѣ,

почерпнутыя изъ архивовъ Восточной Сибири, были напечатаны въ 1872 г. въ Извѣстіяхъ Сибирскаго Отдѣла Геогр. Общ. № 3 и 4.

Миссія архимандрита Іакинѳа выступила изъ Иркутска только въ 1807 году, а въ сентябрѣ того же года выѣхала изъ Кяхты. На пути (по Дарханской и Аргалинской дорогамъ) ей пришлось немало пострадать отъ непогоды и гибели каравннаго скота. 10-го января 1808 г. миссія достигла Пекина, гдѣ оставалась болѣе тринадцати лѣтъ. (См. трудъ іеромонаха (нынѣ преосвященнаго) Николая Адоратскаго): Отецъ Іакинѳъ Бичуринъ. Въ Православномъ Собесѣдникѣ за 1886 г.).

Въ 1819 г., на смѣну девятой духовной миссіи, была отправлена въ Пекинъ десятая, съ архимандритомъ Петромъ Каменскимъ во главѣ. Приставомъ при ней былъ назначенъ Е. Ѳ. Тимковскій († 1875), человѣкъ образованный и хорошо подготовленный для такого путешествія. По возвращеніи въ Россію онъ издалъ книгу: «Путешествіе въ Китай черезъ Монголію въ 1820 и 1821 годахъ». Сочиненіе это, обратившее на себя вниманіе европейскихъ ученыхъ, было издано въ 1827 г. на французскомъ языкѣ Клапротомъ (Timkovsky, Voyage à Pekin à travers la Mongolie, 1820, 1821). Клапротъ исправилъ и дополнилъ русское изданіе. Оно было переведено также на англійскій и нѣмецкій языки. Тимковскій первый обстоятельно описалъ караванныя дороги черезъ Монголію и нанесъ ихъ на карту, приложенную къ его сочиненію. Но въ карту вкрались нѣкоторыя ошибки. Такъ напримѣръ Великая стѣна показана въ 15 верстахъ на С. отъ Калгана, а въ дѣйствительности она примыкаетъ къ самому городу; китайскій городъ Чанъ пинъ чжоу на картѣ отмѣченъ на западъ отъ дороги, ведущей изъ Нань коу въ Пекинъ, тогда какъ въ описаніи Тимковскій правильно говоритъ, что городъ этотъ остался у нихъ на востокѣ отъ дороги. Тимковскій первый сообщилъ подробныя и достовѣрныя свѣдѣнія о Монголіи. Конечно, онъ могъ пользоваться при составленіи труда своего обширными свѣдѣніями о. Іакинѳа, который возвратился съ нимъ вмѣстѣ изъ Китая.

Путешествіе въ Пекинъ Тимковскій съ духовною миссіею совершилъ осенью 1820 г. Миссія выступила изъ Кяхты 1-го сентября, а 15-го прибыла въ *Ургу*, откуда, послѣ десятидневнаго отдыха, отправилась черезъ Гобійскую степь по Дарханской и Аргалинской караваннымъ дорогамъ. 15-го ноября она прибыла въ *Цаганъ балгасу*, 16-го ноября въ *Калганъ* и 1-го декабря въ Пекинъ, гдѣ Тимковскій провелъ всю зиму и весну. — 15-го мая 1821 г. Тимковскій съ возвращающеюся въ Россію девятою миссіею выѣхалъ изъ Пекина. Это путешествіе описалъ также и о. Іакинѳъ въ своихъ «Запискахъ о Монголіи. СПб. 1828», въ которыхъ помѣщенъ подробный и обстоятельный дневникъ пути. 21-го мая путешественники были въ Калганѣ, откуда, послѣ трехдневнаго отдыха, направились черезъ Гоби по дорогѣ Гунчжіинъ цзамъ, пролегающей западнѣе дороги, по которой Тимковскій шелъ въ передній путь. На проѣздъ изъ Калгана въ Ургу миссія употребила 52 дня, съ 24-го мая по 16-е іюля. Изъ Урги она выступила 19-го іюля и 1-го августа прибыла на русскую границу.

Слѣдующая (одинадцатая) духовная миссія была отправлена въ Китай въ 1830 г. подъ руководствомъ генеральнаго штаба полковника Михаила Васильевича Ладыженскаго. Съ этой экспедиціею командированы были, для научныхъ изслѣдованій въ Монголіи и Китаѣ, астрономъ Г. Фуссъ, ботаникъ докторъ А. Бунге [1]) и инженеръ Кованько. Въ качествѣ врача при миссіи состоялъ докторъ П. Кириловъ. Фуссъ и Бунге производили астрономическія опредѣленія и нивелировку Гобійской степи. Первый напечаталъ результаты своихъ изслѣдованій въ Запискахъ Академіи Наукъ: Mémoires de l'Académie des Sciences de St. Pétersbourg, VI série, sciences mathém. et phys., I, p. 59—128. G. von Fuss, Geographische, magnetische u. hypsometrische Bestimmungen, abgeleitet aus Beobachtungen auf einer Reise in

1) Впослѣдствіи былъ профессоромъ въ Дерптѣ, гдѣ и скончался 6 іюля 1890 г.

den Jahren 1830—1832 nach Sibirien u. dem Chinesischen Reiche. Фуссъ опредѣлилъ мѣстоположенія 35-ти пунктовъ между Кяхтою и Пекиномъ. См. тоже: Mém. de l'Académie des Sciences de St. Pétersbourg, VI série, sciences mathem., physiques et naturelles, tome II, Bulletin scientifique, № 3. Lettre de Mr. G. Fuss, datée de Kiakhta le 23 Sept. 1831;—и Recueil des Actes de la séance publique de l'Acad. d. sc. de St. Pétersbourg, 29 Déc. 1832, p. 65—75, Rapport de M. G. de Fuss.

Въ Berghaus, Annalen der Erd- u. Völkerkunde, IX, 1834, p. 452 помѣщена статья: Barometrisches Nivellement u. Naturgemälde der Chinesischen Mongolei, von A. von Bunge. Статья эта переведена съ русскаго. Нѣмецкій переводъ былъ сообщенъ А. фонъ Гумбольдту нашимъ государственнымъ секретаремъ Сперанскимъ, бывшимъ Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ. Русскій же подлинникъ вѣроятно и не былъ напечатанъ. Въ томъ же томѣ названнаго журнала напечатано письмо Бунге изъ Урги отъ 19-го сентября 1830 г. Кромѣ того отрывки изъ путеваго журнала Бунге были опубликованы въ: Dorpater Jahrbücher. IV, 1835, p. 251, 341 seqq. Изъ этого журнала и изъ отчетовъ Фусса видно, что экспедиція прослѣдовала тѣмъ же путемъ въ Пекинъ, по которому прошелъ Тимковскій, т. е. по Дарханской и Аргалинской дорогамъ. Она выступила изъ Кяхты въ концѣ августа и прибыла въ Пекинъ 17-го ноября 1830. Бунге очень живо описываетъ общій характеръ монгольскаго нагорья, его горныя породы и геологическую формацію, какъ равно и степную растительность. Между прочимъ онъ производилъ барометрическія наблюденія, при чемъ опредѣлилъ высоту горы *Ханъ ула*, близъ Урги, въ 5000 футовъ, а абсолютное положеніе Урги въ 3800 ф. По описанію Бунге поверхность Монголіи, начиная отъ Урги, постепенно возвышается и у урочища Дзиргаланту достигаетъ 4620 ф., отсюда начинается пониженіе почвы, которое особенно замѣтно въ урочищѣ Олонъ-байшинъ, а между Эрги и Цикилдаканъ не превышаетъ 2400 ф. Далѣе къ югу поверхность вновь возвышается и не доѣзжая Калгана достигаетъ

5000 ф. — Въ Пекинѣ Бунге съ миссіею прожилъ зиму. Въ мартѣ 1831 г. онъ совершилъ поѣздку въ Цаганъ балгасу и по возвращеніи въ столицу оставался тамъ до начала іюля; затѣмъ онъ, вмѣстѣ съ другими своими учеными спутниками и десятою миссіею, которая возвращалась въ Россію, выступилъ въ обратный путь. Въ началѣ сентября миссія прибыла въ Кяхту. Кромѣ ботанической и энтомологической коллекцій, составленныхъ Бунге въ Монголіи, онъ привезъ еще болѣе 400 видовъ растеній, собранныхъ въ окрестностяхъ Пекина и описанныхъ имъ въ Запискахъ Академіи Наукъ [1]).

Другой изъ ученыхъ спутниковъ Бунге, горный инженеръ Кованько, напечаталъ въ Горномъ Журналѣ 1838 года, № 4, интересныя статьи о своихъ поѣздкахъ по окрестностямъ Пекина, о геологіи пекинскихъ горъ, о каменномъ и древесномъ углѣ и т. п.

Приставомъ одинадцатой миссіи, полковникомъ Ладыженскимъ, была произведена съемка Пекина и ближайшихъ окрестностей, которая была издана Военно-топографическимъ Депо въ 1848 году, на двухъ листахъ, 1 верста въ дюймѣ. Въ 1860 г., во время англо французской военной экспедиціи въ Китаѣ, этотъ трудъ Ладыженскаго былъ опубликованъ въ Лондонѣ подъ заглавіемъ: Peking and its Environs, copied from the survey of Colonel Ladyjenski of the Russian army [2]).

---

1) Ботаническая коллекція, собранная Бунге въ Монголіи и въ сѣверномъ Китаѣ, долгое время считалась единственной въ Европѣ. Но въ 1882 г., въ Парижѣ въ Muséum d'histoire naturelle, открыли коллекцію 150 растеній пекинской флоры, присланную туда въ срединѣ прошлаго столѣтія іезуитскимъ миссіонеромъ d'Incarville. Эти растенія были по всей вѣроятности отправлены въ то время изъ Пекина съ русскимъ караваномъ и получены въ Парижѣ черезъ Петербургъ, такъ какъ извѣстно, что Инкарвиль былъ въ перепискѣ съ русскими академиками и неоднократно посылалъ этимъ путемъ письма и сѣмена въ Петербургъ и въ Парижъ. Въ Азіятскомъ Музеѣ Академіи Наукъ въ Петербургѣ сохранилась любопытная рукописная статья Инкарвиля о пекинскихъ растеніяхъ, животныхъ и минералахъ, которая уже въ 1812 г. была отпечатана въ: Mémoires des naturalistes de Moscou. Эти пекинскія растенія, собранныя почти 135 лѣтъ тому назадъ, описалъ въ 1882 г. французскій ботаникъ A. Franchet.

2) М. В. Ладыженскій въ 1838 г. былъ назначенъ правящимъ должность пограничнаго начальника сибирскихъ Киргизовъ, въ 1844 г. произве-

Память о докторѣ Кириловѣ, который остался при миссіи въ Пекинѣ до 1840 года, сохранилась въ гербаріяхъ нашего Ботаническаго Сада въ С.-Петербургѣ, гдѣ находятся растенія, собранныя имъ въ Монголіи и въ Сѣв. Китаѣ.

О путешествіи двѣнадцатой духовной миссіи въ Пекинъ, на сколько намъ извѣстно, ничего не было опубликовано. Мы знаемъ, что она была отправлена въ 1840 г. подъ начальствомъ Н. И. Любимова (впослѣдствіи директоръ Азіатскаго Департамента, † 1875). Въ числѣ членовъ этой миссіи, давшей намъ столько первостепенныхъ дѣятелей по части Китаявѣдѣнія, отправился въ первый разъ въ Китай о. Палладій. Вызванный оттуда въ 1847 г., онъ во время пути по Монголіи велъ журналъ, который нынѣ впервые появляется въ свѣтъ.

Врачемъ при двѣнадцатой духовной миссіи состоялъ докторъ А. А. Татариновъ. Онъ въ 1849 г. привезъ въ Петербургъ богатыя ботаническія коллекціи изъ Сѣвернаго Китая и изъ Монголіи, которыя теперь хранятся въ Ботаническомъ Музеѣ Академіи Наукъ. Татариновъ умеръ въ 1886 г.

О проѣздѣ тринадцатой духовной миссіи въ Пекинъ, съ архимандритомъ Палладіемъ во главѣ, мы имѣемъ свѣдѣнія, сообщенныя полковникомъ Е. Ковалевскимъ, подъ руководствомъ котораго эта миссія была отправлена въ Китай [1]). См. Путешествіе въ Китай Е. Ковалевскаго. СПб. 1853. 2 части.

Ковалевскій подробно описываетъ дорогу, по которой онъ прошелъ съ миссіею. Изъ Кяхты они выступили 19-го іюля 1849 г. и 2-го августа прибыли въ Ургу, гдѣ оставались до 8-го августа и затѣмъ отправились далѣе по Дарханской дорогѣ. Почти до урочища Олонъ байшинъ путь Ковалевскаго совпадаетъ съ дорогою, по которой шли Тимковскій и Бунге, а по-

---

денъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ предсѣдателемъ Оренбургской пограничной комиссіи; въ 1858 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты; въ 1865 г. уволенъ въ отставку.

1) Ковалевскій впослѣдствіи былъ назначенъ директоромъ Азіятскаго Департамента. Онъ умеръ въ 1868 г.

томъ Дарханская дорога идетъ западнѣе и на седьмой станціи, у прохода Удэ (Ихы удэ), соединяется съ дорогою Гунчжіинъ цзамъ. Ковалевскій слѣдовалъ черезъ Иренъ, Суджи, Цаганъ балгасу въ Калганъ. Въ Пекинъ миссія прибыла 27-го сентября. — Относительно своего обратнаго слѣдованія съ прежнею миссіею, Ковалевскій не даетъ никакихъ подробностей, и сообщаетъ только, что онъ прибылъ въ Кяхту 9-го іюня 1850 г. — Изъ донесеній Ковалевскаго, хранящихся въ Архивѣ Азіятскаго Департамента, мы знаемъ, что онъ первый успѣлъ настоять на томъ, чтобы караваны миссіи были пропускаемы по удобной дорогѣ въ Монголіи, по такъ называемому «купеческому тракту», вмѣсто непроходимыхъ почти Аргалинскихъ песковъ, по которымъ китайскіе чиновники до того времени, съ намѣреніемъ, водили нашихъ соотечественниковъ. Онъ оказалъ такимъ образомъ существенную услугу всѣмъ послѣдующимъ русскимъ путешественникамъ и караванамъ. Е. П. Ковалевскій вмѣстѣ съ тѣмъ и обогатилъ наши географическія познанія о Монголіи, сообщивъ подробное топографическое описаніе новаго пути (Путешествіе въ Китай, II, стр. 172).

Въ 1858 г. та же самая дорога, по которой прошелъ Ковалевскій (Дарханская въ Монголіи) отъ Кяхты до Пекина была снята глазомѣрно въ 5-ти верстномъ масштабѣ топографомъ Волковымъ. Англійскій переводъ этой съемки былъ изданъ въ Лондонѣ подъ заглавіемъ: Itinerary from Kiakhta to Peking. London 1862. Topogr. Department, War Office. Тотъ-же самый маршрутъ въ уменьшенномъ масштабѣ былъ изданъ Кипертомъ въ Zeitschrift für allgemeine Erdkunde von W. Koner. Berlin. Neue Folge XIV, 1863, p. 351—356; Taf. IV.

Въ слѣдующемъ, 1859 году, какъ уже выше было сказано, топографъ Шимковичъ сопровождавшій генерала Игнатьева отъ Кяхты до Пекина, по почтовому тракту, снялъ эту дорогу въ 3-хъ верстномъ масштабѣ. Маршрутъ этотъ тоже былъ переведенъ и изданъ на англійскомъ языкѣ въ Пекинѣ.

По той-же китайской почтовой дорогѣ проѣхалъ въ 1868 и

въ 1874 годахъ директоръ Пекинской магнитной обсерваторіи, докторъ Г. А. Фритше, который опредѣлилъ астрономически географическое положеніе *Урги* и *Калгана*, пяти пунктовъ между Кяхтою и Ургою и десяти пунктовъ въ Гоби. Въ 1877 году тотъ-же ученый опредѣлилъ астрономически еще 17 пунктовъ въ Гоби по Гунчжіинъ цзам'ской караванной дорогѣ. Кромѣ того онъ произвелъ рядъ магнитныхъ и гипсометрическихъ наблюденій въ Монголіи.

Наблюденія доктора Фритше были опубликованы въ разныя времена въ Запискахъ Академіи Наукъ и въ Извѣстіяхъ Имп. Русск. Геогр. Общества (XV, 1879, стр. 100—107). Все собрано вмѣстѣ въ его прекрасной статьѣ: Dr. H. Fritsche, Ein Beitrag zur Geographie und Lehre vom Erdmagnetismus Asiens und Europa's, 1885. Mit 5 Karten. Petermann's Geogr. Mittheilungen, Ergänzungsheft, № 78.

Въ концѣ 1870 года покойный Н. М. Пржевальскій отправился изъ Урги въ Калганъ по прямой дорогѣ, по которой обыкновенно возится русская почта (см. выше), т. е. черезъ *Хангай*, *Шилііинъ*, *Цицзынъ*, *Сенджи*, *Ихы удэ*, *Иренъ*, *Минганъ*, *Суджи* и пр. На пути онъ произвелъ рядъ астрономическихъ наблюденій и нивелировку, которыя были опубликованы докторомъ Фритше въ: Petermann's Geogr. Mittheilungen, 1874, p. 206, съ картою. — По той-же дорогѣ проѣхалъ въ 1879 г. М. В. Пѣвцовъ (нынѣ генералъ-маіоръ) изъ Калгана въ Ургу.

Въ изложенномъ выше очеркѣ мы коснулись лишь тѣхъ дорогъ черезъ Монголію, которыя соединяютъ границу Россіи, и въ частности Кяхту, съ Пекиномъ. Но въ теченіе послѣдняго двадцатилѣтія были изслѣдованы, особенно русскими путешественниками, и многіе другіе пути, такъ что новѣйшія карты Монголіи являются испещренными множествомъ маршрутовъ по разнымъ направленіямъ. При этомъ нельзя однако не замѣтить, что между этими маршрутами почти не встрѣчаются тѣ дороги, по которымъ нѣкогда проходили іезуитскіе миссіонеры и китайскіе полководцы, и которыя показывались на старыхъ картахъ

Риттера и Клапрота (C. Ritter und F. A. Oetzel, Karte von Asien zu Ritter's Erdkunde. 1833. — J. Klaproth, Carte de l'Asie centrale, 1835). Трудно предположить, чтобы эти старыя дороги нынѣ совсѣмъ уже не существовали. Поэтому было бы желательно, чтобы будущіе путешественники по Монголіи собрали о нихъ точныя свѣдѣнія. Это тѣмъ болѣе важно, что нѣкоторые изъ этихъ путей представляютъ большой интересъ, какъ напримѣръ дорога, по которой въ 1696 г. императоръ Канъ си провелъ многочисленную армію противъ Элютовъ. Въ свитѣ этого государя находился въ то время извѣстный патеръ Жербильонъ, который оставилъ подробное описаніе этого похода [1]). Часть дороги, по которой проходила армія, была описана, кромѣ Жербильона, еще однимъ китайскимъ чиновникомъ *Юй цай*, которому шестью годами ранѣе, именно въ 1690 г., поручено было доставить провіантъ въ опредѣленную мѣстность, лежавшую среди Гоби, гдѣ было устроено главное складочное мѣсто для продовольствія арміи. Эту мѣстность съ хорошей водою и богатыми пастбищами упомянутый Китаецъ называетъ *Сань ча коу*, т. е. «три развѣтвленія», потому что здѣсь соединяются дороги изъ Калгана, Души коу и Долонъ нор'а. По близости находилось озеро *Си ла норъ*. Надо предполагать, что эта военная дорога, по которой въ концѣ 17-го столѣтія двигались китайскія арміи черезъ Монголію и которая пролегала изъ Души коу черезъ рѣку Керулэнъ къ рѣкѣ Толѣ, представляла больше удобствъ, чѣмъ другіе пути, несмотря на затрудненія, встрѣчавшіяся здѣсь въ перевозкѣ казеннаго хлѣба въ телѣгахъ черезъ полосу сыпучихъ песковъ. Далѣе на С.-З. по той-же дорогѣ, Жербильонъ видѣлъ памятникъ съ надписью, сдѣланною китайскимъ императоромъ Юнъ лэ, въ началѣ 15-го столѣтія, въ память одержанной имъ побѣды надъ Монголами. Объ этомъ памятникѣ, стоявшемъ среди Гоби, упоминаетъ также и китайскій чиновникъ Юй цай, любопытный дневникъ котораго былъ пере-

1) См. Du Halde, Description etc. de l'Empire de la Chine, La Haye, 1836, tome IV p. 386.

веденъ на русскій языкъ покойнымъ членомъ Пекинской Духовной Миссіи, отцомъ Исаіемъ. См. Извѣстія Сибир. Отдѣла Имп. Р. Геогр. Общ. Томъ III, 1872, стр. 213.

На картѣ Клапрота вышеупомянутый китайскій памятникъ показанъ (какъ и на нашей картѣ), между 45 и 46 параллелями, по маршруту Жербильона близъ озера Хулусутай чаганъ норъ. По всей вѣроятности топографъ Ванинъ, который въ 1882 г. снялъ глазомѣрно дорогу изъ Долонъ нор'а въ Ургу, проходилъ мимо той мѣстности, гдѣ слѣдуетъ искать памятникъ Юнъ лэ.

Въ заключеніе замѣтимъ еще для будущихъ путешественниковъ, что большой интересъ представляютъ въ Монголіи двѣ мѣстности, издавна прославленныя въ исторіи.

По свѣдѣніямъ персидскихъ авторовъ, писавшихъ исторію Монголовъ, какъ равно и по китайскимъ источникамъ, Оготай ханъ, преемникъ Чингисъ хана, въ 1235 году построилъ на рѣкѣ Орхонѣ городъ *Каракорумъ*, въ которомъ онъ и его два преемника имѣли свое мѣстопребываніе. На этомъ мѣстѣ, представлявшемъ, вѣроятно, въ то время большія удобства для жизни, существовала еще въ VIII столѣтіи столица уйгурскихъ хановъ.

Абель Ремюза въ своихъ изслѣдованіяхъ о Каракорумѣ [1]) пришелъ къ заключенію, на основаніи древнихъ китайскихъ маршрутовъ, что развалины Каракорума тождественны съ городомъ (или развалинами) Талархэ Харабалгасунъ, показаннымъ на картѣ іезуитовъ на западъ отъ Орхона. Клапротъ же на своей картѣ поставилъ Каракорумъ южнѣе, въ верховьяхъ этой рѣки. Но послѣ іезуитовъ, съ начала XVIII столѣтія, никто изъ Европейцевъ въ теченіе почти 160 лѣтъ не былъ на Орхонѣ. Только въ 1873 г. И. В. Падеринъ, снабженный наставленіями архимандрита Палладія, отправился изъ Урги съ спеціальною цѣлью отискать мѣсто развалинъ знаменитаго города. Туземные жители указывали ему на развалины, называемыя Хара херимъ или Хара балгасунъ, лежащія въ 6 или 8 верстахъ на западъ отъ

1) Abel-Rémusat, Recherches sur la ville de Karakorum. Mém. de l'Acad. des inscript. etc. 1824, t. VII, p. 234—290.

Орхона. Эти развалины, представляющія четыреугольное пространство, обнесенное валомъ, онъ и принялъ за остатки древняго Каракорума. Но справедливость такого предположенія не безусловная, что̀ между прочимъ видно изъ монгольской лѣтописи «Эрдэнійнъ эрихэ», переведенной профессоромъ А. М. Позднѣевымъ на русскій языкъ и изданной имъ въ 1883 г. Въ этомъ переводѣ, на стр. 110, примѣч. 2, сказано, что монастырь Эрдэни-цзу былъ возведенъ на мѣстѣ развалинъ того города, который былъ построенъ Огедай ханомъ и служилъ его резиденціею. Этотъ громадный монастырь, основанный въ 1585 г., лежитъ въ двухъ верстахъ къ востоку отъ Орхона и показанъ на всѣхъ подробныхъ картахъ Монголіи. Профессоръ Позднѣевъ въ 1877 г. самъ былъ въ Эрдэни-цзу и послѣ того въ личномъ разговорѣ со мною выразилъ мнѣніе, что валъ, окружающій теперь этотъ монастырь, по всей вѣроятности и есть остатокъ древняго Каракорума. Вотъ почему было бы весьма желательно, чтобы долина Орхона и окрестныя горы были подробно изслѣдованы свѣдущими лицами, съ цѣлью провѣрки свѣдѣній древнихъ персидскихъ и китайскихъ писателей объ этой мѣстности, какъ равно и описанія Каракорума, сообщеннаго Рубруквисомъ въ 1254 г. Очень можетъ быть, что эту древнюю монгольскую столицу видѣли и наши русскіе великіе князья Ярославъ и Александръ Невскій, которые въ 1246 и 1249 годахъ вынуждены были ѣхать на поклоненіе въ стойбище всемогущаго въ то время монгольскаго хана.

Намъ извѣстно, что въ прошломъ году, лѣтомъ, Н. М. Ядринцевъ посѣтилъ эту мѣстность. Можетъ быть, что этому путешественнику удалось разрѣшить вопросы, которыхъ мы коснулись [1]).

1) Это было написано въ концѣ 1889 г. Съ тѣхъ поръ желаніе почтеннаго автора Введенія осуществилось. Экспедиція отправленная Императорскою Академіею Наукъ въ 1891 году въ долину Орхона подъ руководствомъ академика В. В. Радлова и при участіи Н. М. Ядринцева произвела въ тѣхъ мѣстностяхъ многостороннія археологическія изслѣдованія и достигла, по видимому, важныхъ результатовъ, опубликованія которыхъ ученый міръ будетъ ожидать съ нетерпѣніемъ. *Ред.*

БИБЛІОТЕКА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ

Вторая мѣстность, на которую желательно было бы обратить вниманіе будущихъ изслѣдователей Монголіи, находится по близости русской границы, въ сѣверо-восточной части страны. Это именно озера *Буиръ норъ* и *Кулунъ норъ* съ впадающею въ послѣднее рѣкою *Керулэнъ*. На этихъ озерахъ въ древности жило монгольское племя Татаръ. Буиръ норъ неоднократно упоминается въ исторіи Чингисъ хана. Въ 1698 г. патеръ Жербильонъ посѣтилъ эти озера, прослѣдовавъ изъ юго-восточной Монголіи къ рѣкѣ Керулэнъ. Въ 1724 г. Мессершмитъ проникъ изъ Дауріи до сѣвернаго берега Кулунъ нора, которое, по его словамъ, славилось въ то время изобиліемъ рыбы. Послѣ этихъ путешественниковъ, на сколько намъ извѣстно, упомянутыя озера, какъ равно и рѣка Керулэнъ, никѣмъ изъ Европейцевъ не посѣщались [1]) и они до сего времени наносятся на наши карты исключительно по старымъ миссіонерскимъ свѣдѣніямъ.

1) Въ 1870 г. братья Бутины и въ 1882 г. поручикъ Евтюгинъ переправились черезъ Керулэнъ на пути изъ Кулусутайскаго караула въ Долонъ норъ. См. ихъ Историческій очеркъ сношеній Русскихъ съ Китаемъ и Описаніе пути съ границы Нерчинскаго округа въ Тяньцзинь. Иркутскъ 1871 г. (Извлечено изъ № 4 и 5 Извѣстій Сибир. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. за 1871 г.).

Э. Бретшнейдеръ.

25 Декабря 1889 г.

Дневникъ О. Іеродіакона Палладія, веденный во время переѣзда по Монголіи въ 1847-мъ году.

Почтовыя станціи отъ Пекина до Кяхты.

Версты.	Станціи и мѣста въ Китаѣ.	Версты.	Станціи по Монголіи.
	Пекинъ.		
10	Цинъ-хэ (слобода).		1) *въ Чахарскихъ кочевьяхъ.*
10	Мань-цзинъ-цунь (деревня).		*Калганъ.*
5	Ша-хэ (городокъ).	15	Толо-мяо (слобода, не станція).
5	Ша-дунь (мѣстечко).	8	Ву-ши-цзя-цзы (дер. не станц.).
5	*Чанъ-пинъ-чжоу* (област. городъ).	7	Чаганъ-долгай (1-я монг. станц.)
10	Нань-коу (укрѣпленное мѣсто).	20	Бургасутай.
10	*Цзюй-юнъ-гуань* (крѣп. и застава).	30	Халютай.
12½	Па-да-линъ (подъемъ).	25	Оротай.
2½	Ча-дао (городокъ).	40	Куйсутай.
15	*Юй-линь* (городокъ).	25	Чжагасутай.
15	*Хуай-лай* (уѣздный городъ).	30	Мингай.
7½	Ланъ-шань (мѣстечко).		Зависятъ отъ Чахарскаго гусай-амбаня, подъ управленіемъ особаго *И-чжуань-дао*, пребывающаго въ Калганѣ.
7½	Ту-му (городокъ).		
10	Ша-чэнъ (городокъ).		2) *Станціи Харчиньскія, по Гоби.*
5	Дунъ-па-ли (деревня).	35	Чэчэрту.
5	Синь-бао-ань (городъ).	40	Циндай.
5	Си-па-ли (деревня).	50	Улань-хада.
5	*Цзи-минъ* (городокъ).	40	Бомбату.
10	Шанъ-хуа-юань (мѣстечко).	40	Шархада.
5	Сянъ-шуй-пу (мѣстечко).	30	Булутъ.
5	Ни-хэ (рѣчка и деревенька).	30	Олонъ-худукъ.
5	Янъ-дунь (мѣстечко).	25	Чаганъ-худукъ.
5	*Сюань-хуа-фу.*	30	Шара-морень.
15	Мао-юй-линь (слобода).	45	Олэ-худукъ.
15	*Чжанъ-цзя коу*, или Калганъ.	40	Цзисхунгоръ.
			Находятся подъ управленіемъ мѣстнаго *Чжаланя.*

Почтовыя станціи отъ Пекина до Кяхты.

Версты.		
40	Хира-мухоръ.	Находятся подъ управленіемъ мѣстнаго *Цзалиня*.
45	Болынъ.	
40	Суцзи-булакъ.	
40	Толи-булакъ.	
45	Тугурикъ.	
	3) *Станціи въ Халхѣ.*	
40	Мухуръ-Гашунъ.	Находятся подъ управленіемъ особаго *И-чжуань-дао*, пребывающаго въ Сайръ-усу.
60	Хониди.	
40	Нарымъ-Бельгэху.	
35	Хачжабци.	
30	Чжалату.	
35	Чжубури.	
30	Боро-обо.	
30	Хутулъ-долонъ.	
25	*Сайръ-усу.*	
30	Суцзи.	Зависятъ отъ Ургинскаго Амбань-Бэй-цзы подъ управленіемъ Тусулакчи.
40	Сологай.	
35	Баянь-Бильгэхъ.	
45	Баянь-хошо.	
40	Бурдаханъ.	
30	Хутулъ-Тóремъ.	
40	Модонъ.	
35	Наранъ-орто.	
45	Талабулакъ.	
40	Эндырдово.	
50	Цзиргаланту.	
30	Долонъ.	
35	Бухэкъ.	
40	Босэкъ.	
25	*Курень.*	
30	Куй.	

Версты.		
30	Борголтай.	Зависятъ отъ Ургинскаго Амбань-Бэй-цзы подъ управленіемъ Тусулукчи.
20	Хунцэлъ.	
35	Баянь-бирхай.	
25	Харà.	
25	Баинъ-голъ.	
25	Намто.	
35	Дэрэсъ-тоболонъ.	
35	Иро.	
30	Наринъ-могой.	
25	Гиланноръ.	
10	Кяхта.	

Итого:	Верст.
Отъ Пекина до Калгана.....	205
Отъ Калгана до Гоби.....	200
По Гоби до Халхи.....	615
По Халхѣ до Сайръ-усу.....	325
Отъ Сайръ-усу до Куреня....	560
Отъ Куреня до Кяхты.....	325
Всего отъ Пекина до Кяхты:	2.230
Направленіе дороги:	
По Китаю N—W.....	205
Отъ Калгана до Халхи W—N—W.....	815
По Халхѣ до Куреня N—W, N., O.....	885
Отъ Куреня до Кяхты N—W—N.....	325

Переѣздъ отъ Пекина до Кяхты по почтовому тракту, въ 1847 году.

27-го Апрѣля.

Мнѣ выданы были двѣ подорожныя, одна изъ Военной Палаты, въ вѣдѣніи которой состоятъ почтовыя дороги, другая изъ Трибунала, завѣдывающаго Русскою Духовною Миссіею. По этимъ подорожнымъ, называемымъ *Хопай*, я имѣлъ право на каждой станціи брать для себя по двѣ верховыхъ лошади и пользоваться казеннымъ столомъ. Для сопровожденія меня до русской границы, откомандированъ былъ одинъ изъ трибунальскихъ битхеши, по имени *Дэ*. Ему дана была *Каньхэ*, или *Улипяо*, т. е. курьерская подорожная, съ которой на каждой станціи по Китаю, кромѣ казеннаго стола, онъ имѣлъ право брать по одному чину серебра (80 коп. асс.), подъ названіемъ *Коуфынъ*, или съѣстныхъ денегъ. Наши вьюки на верблюдахъ еще вчера отправились изъ Пекина прямо въ Калганъ.—Въ 9 часовъ утра, послѣ молебствія въ путь шествующимъ, выѣхали мы цѣлымъ поѣздомъ и за *Ань-динъ мынь'скими* воротами остановились у русскаго кладбища. Здѣсь я поклонился свѣжей могилѣ друга, простился съ товарищами своей пекинской жизни, сѣлъ въ китайскую повозку,—и мулы наши забрянчали бубенчиками. Дулъ сильный сѣверо-западный вѣтеръ и задушалъ насъ облаками пыли и песку. Позади насъ длинныя стѣны Пекина едва виднѣлись въ пыльной атмосферѣ; надъ столицей Китая простирался желтоватый туманъ; западныя и сѣверныя горы покрыты были словно дымомъ, какъ обыкновенно бываетъ весной. Нашъ поѣздъ былъ нарадный; впереди насъ ѣхалъ одинъ изъ слугъ и везъ саблю *Дэ* въ красномъ чехлѣ, какъ требовало того чиновное обыкновеніе. Въ слободѣ *Цинъ-хэ* мы остановились на короткое время. Отсюда, переѣхавъ по огромному каменному мосту

черезъ высохшее ложе рѣчки *Цинъ-хэ*, мы пустились по полямъ, покрытымъ зеленѣющей пшеницей; по дорогѣ проѣхали черезъ городокъ *Шахэ*, обведенный стѣной и съ большимъ каменнымъ мостомъ черезъ рѣчку того же имени. Къ закату солнца вѣтеръ стихъ и мы въѣхали въ *Чанъ-пинъ чжоу*, городъ похожій на хорошую деревню. При минской династіи этотъ городъ былъ въ чести и пользовался многими льготами, потому что вблизи его находятся кладбища минскихъ государей; но съ воцаренія нынѣшней династіи онъ потерялъ свою значительность; положеніе его на дорогѣ за границу не приноситъ ему никакой пользы, потому что торговая дорога идетъ въ сторонѣ отъ него. Мы остановились на почтовомъ дворѣ, называемомъ *Гунъ-гуань*. Вотъ образецъ его: большой и чистый дворъ съ службами по сторонамъ; въ срединѣ главное зданіе въ три звена, оклеенное обоями и опрятное; къ вечеру подаютъ небольшую красную свѣчу и приносятъ столъ съ десятью блюдами на персону; разумѣется, всѣ эти блюда прошлогоднія. Вскорѣ по пріѣздѣ нашемъ начали являться къ намъ одинъ за другимъ станціонные чины; они извѣстны подъ почетнымъ именемъ *Сянь шенъ*, — такъ называютъ чаще всего учителей. Главный изъ нихъ *Бань-чай-ши*, въ родѣ нашего смотрителя; всѣ другіе низшіе называются *Тинъ-чай-ши*. Такъ какъ станціонные обязаны были дать намъ только верховыхъ лошадей, а намъ нужны были упряжные мулы, то дѣло не обошлось безъ жаркихъ преній и подарковъ. — Здѣсь температура значительно холоднѣе пекинской.

28-го Апрѣля.

Рано утромъ разослано было станціоннымъ по 1000 малыхъ чоховъ; все обошлось въ 5000 чоховъ (12 руб. асс.) тамъ, гдѣ, безъ умѣнья справиться съ дѣломъ, можно было истратить до 30,000 ч. *Дэ* раздалъ также нѣсколько ящиковъ съ сладкими хлѣбцами и закусками; здѣсь, какъ и во всемъ Китаѣ, подобныя посылки служатъ вмѣсто денежныхъ подарковъ. — Въ 6 часовъ

утра мы выѣхали изъ *Чанъ-пинъ чжоу* въ западныя ворота, которыя отъ ветхости грозятъ скорымъ паденіемъ вмѣстѣ со стѣнами. Утро было ясное и прохладное. Передъ нами на З.-С.-З. постоянно виднѣлась раздвоенная гора, образующая восточное полотно горнаго прохода *Гуань-гоу*. Дорога мѣстами покрыта щебнемъ, но вообще весьма хороша. Ближе къ ущелью мы спустились черезъ низкій увалъ въ широкую ложбину, усѣянную крупнымъ песчаникомъ и ясно увидѣли отверстіе *Гуань-гоу*, которое мы, бывало, тщетно отыскивали взорами съ западныхъ и сѣверныхъ горъ. Два полотна ущелья сходятся отвѣсными залавками; скатъ западнаго изчерченъ древней стѣной; на восточномъ уцѣлѣли только двѣ подзорныя башни, да развалины древнихъ укрѣпленій рисуются темной дугой. Дорога, по которой мы ѣхали, промочена ручьемъ, вытекающимъ изъ ущелья. Поселяне развели этотъ ручей на мелкіе каналы и завели среди камней плантаціи плодовитыхъ деревъ и огороды; оттого входъ въ *Гуань-гоу* какъ будто заросъ зеленой рощей. Направо у насъ остался высокій холмъ съ красивой кумиренкой на верху, господствующій надъ окрестными полянами. Отсюда налѣво, по трудному взъѣзду, устланному большими камнями, мы поднялись къ укрѣпленному мѣстечку *Нань-коу* (южное отверстіе). Нѣкогда оно было военнымъ постомъ, весьма важнымъ по своему положенію при входѣ въ ущелье; но теперь обратилось въ слободу, куда заѣзжаютъ купцы для ночевья. Мы остановились въ татарской гостиницѣ съ огромнымъ дворомъ и просторными зданіями. Отсель начинаешь встрѣчать татаръ, укоренившихся здѣсь съ давнихъ временъ; впрочемъ они забыли свой языкъ и почти вовсе потеряли отличительныя черты своей родовой физіономіи; въ китайскомъ народѣ они извѣстны подъ именемъ *Цзѣ-цзяожень*, т. е. людьми запретительнаго ученія, въ слѣдствіе магометанскаго закона не пить вина и не ѣсть свинины. Отъ *Нань-коу* на западъ, верстахъ въ 15-ти, въ мѣстечкѣ *Гуань-ши* есть мечеть. Намъ отыскали въ *Нань-коу Фань-тоур'а*, т. е. деревенскаго старосту, по прозванію *Фань*, который взялся перепести

насъ со всѣмъ багажемъ черезъ ущелье за 21,000 малыхъ чоховъ (50 р. асс.); по этому случаю мы размѣняли здѣсь самое плохое китайское серебро по 4,020 чоховъ за лану. Проѣздъ по ущелью простирается на 25 верстъ. И такъ *Фань-тоуръ* приготовилъ для насъ двое креселъ, каждое о четырехъ носильщикахъ; кузовы повозокъ сняты съ колесъ и каждый поднятъ былъ на плеча четырехъ человѣкъ; четыре колеса навьючены на двухъ муловъ, мелкая поклажа на верблюдовъ. Послѣ длинныхъ сборовъ мы спустились въ ущелье. Ничего не можетъ быть печальнѣе вида здѣшнихъ горъ весенней порой; ущелье начинается широкимъ проходомъ; горы далеко разступились, чтобы дать мѣсто ложу, сплошь усѣянному камнями; безцвѣтный видъ горныхъ скатовъ облекался въ прозрачный туманъ, или жаркій и удушливый паръ; протекающій по ущелью ручей изчезалъ во множествѣ прорытыхъ каналовъ; поселяне скрали этотъ единственный даръ здѣшней природы для орошенія своихъ огородовъ. Нужда и терпѣніе ихъ изрѣзали каменистую ложбину зелеными полосами разсадовъ, которые одни нѣсколько оживили мертвое однообразіе пустынныхъ горъ. Къ полудню мы прибыли въ *Цзюй-юнъ гуань* и остановились для отдыха въ станціонномъ домѣ, за южной стѣной этой крѣпости. Здѣшній *Гунъ-гуань* похожъ на кумиренку въ китайскомъ вкусѣ и убранъ такъ, какъ рѣдко можно встрѣчать въ китайскихъ казенныхъ зданіяхъ. *Цзюй-юнъ гуань*, крѣпость и застава, съ давнихъ временъ считалась первою твердынею въ пограничныхъ укрѣпленіяхъ Китая, о чемъ упоминаетъ философъ *Лъ-цзы*, жившій за 4 вѣка до Р. Х.; но теперешній видъ ея поздней постройки. Съ сѣверной и южной стороны по двое воротъ; среди крѣпости воздвигнуто нѣчто въ родѣ тріумфальной арки; сводъ ея пятигранный, горизонтальная крыша обставлена балюстрадой; внутри и снаружи по стѣнамъ, сложеннымъ изъ тесаныхъ камней, высѣчены фигуры буддъ и царей духовъ. Отъ *Цзюй-юнъ гуан'я* до воротъ Великой стѣны извивается тѣсное ущелье, постепенно возвышаясь, на протяженіи 12-ти верстъ. Отъ него начинаются и

продолжаются до Калгана пикеты, называемые *Тай;* они поставлены черезъ каждыя пять *ли* ($2^1/_2$ версты), и состоятъ изъ башни для сигналовъ и пяти коническихъ фигуръ на квадратныхъ пьедесталахъ для ставки солдатъ. Въ старинныя времена здѣсь были кромѣ того *Дунь*, или постоянныя казармы черезъ каждыя 5 верстъ. Проѣзжая ущелье, вездѣ видишь зубцы, башни, развалины и слѣды стѣнъ. Дождевые потоки прорыли по ущелью широкій и глубокій оврагъ, размывъ сплошныя стѣны и переходы, нѣкогда соединявшіе обѣ стороны ущелья. Лавируя межъ камней, мы то теряли изъ вида и слуха ручей, то снова слышали шумъ его паденія съ уступовъ. На встрѣчу намъ то и дѣло попадались длинныя вереницы муловъ иословъ со вьюками; изрѣдка бросался въ глаза пестрый и яркій нарядъ китаянокъ, путешествовавшихъ на ослахъ, представляя рѣзкій контрастъ съ простымъ и дикимъ величіемъ здѣшнихъ горъ. Меня пронесли подъ нависшей скалой, мимо знакомаго мнѣ огромнаго камня, на которомъ высѣчены тибетскія буквы, а потомъ мимо кумиренки, высѣченной въ скалѣ и всегда посѣщаемой проѣзжающими Русскими. Въ основаніи ея я снова увидѣлъ надпись санскритскими, тибетскими и маньчжурскими буквами. Носильщики наши были съ рѣдкимъ терпѣніемъ и невѣроятною способностію къ труду; они рѣдко отдыхали и то не иначе, какъ у деревенскихъ трактировъ и чайныхъ палатокъ. Къ концу ущелье дѣлается тѣснѣе и круто поднимается къ воротамъ Великой стѣны. Этотъ подъемъ извѣстенъ подъ именемъ *Падалинъ*. Великая стѣна, освѣщенная солнцемъ, издали представляется дѣйствительно древнѣйшимъ и какъ будто неразгаданнымъ памятникомъ минувшихъ временъ. Цвѣтъ ея античный, называемый китайцами *фа-хуанъ*, т. е. желтоватымъ; въ бастіонахъ чернѣются отверстія; въ стѣнѣ множество глубокихъ трещинъ. Проѣзжая воротами, я замѣтилъ, что стѣна не такъ широка и высока, какъ кажется издали. Стѣны и башни у воротъ обвалились; внутренность стѣны набита крупнымъ песчаникомъ и глиной. За воротами ущелье прекращается; обѣ стороны его расходятся и изчезаютъ въ отдален-

ныхъ возвышенностяхъ. Здѣсь мы оставили линію великой стѣны, проведенную по южнымъ грядамъ Тайханскаго хребта. Передъ нами на всѣхъ ближнихъ высотахъ показались сторожевыя башни цѣпью вдаль. — Огромный, извивающійся по горамъ и утесамъ плацдармъ *Цзюй-юнъ гуан'я*, развалины укрѣпленій, встрѣчающіяся на каждомъ шагу, уцѣлѣвшія сторожевыя башни, зданія для военныхъ карауловъ, — все здѣсь невольно напоминаетъ воинственныя времена Китая, его борьбу съ сѣверными варварами. Дѣло извѣстное, что Великая стѣна не удержала ихъ отъ вторженія въ Китай; но мысль оградиться стѣной отъ набѣговъ кочевыхъ народовъ остается замѣчательною по сообразительности осѣдлыхъ китайцевъ. Они полагали, что если варвары и перелѣзутъ черезъ Великую стѣну, то должны тащить за собой и коней своихъ, — безъ коней они плохіе воины, а перетащить коней черезъ стѣну не такъ-то легко. Въ настоящее время нѣтъ нужды въ такихъ преградахъ; Монголы уже не страшны. «Монголы, сказалъ *Цянь-лунъ*, упали и ослабѣли отъ ламскаго вліянія». — Вотъ какъ развиваетъ эту истину одинъ изъ новѣйшихъ писателей въ Китаѣ: «Безсиліе Монголовъ для Китая благо, а управленіе Монголіей посредствомъ буддизма есть одно изъ самыхъ важныхъ политическихъ соображеній Китая. Если сравнить Монголовъ съ Хуннами и древними Турками, которые перелѣзали горы, являлись неожиданно, оглашали всѣ границы стукомъ своего оружія и въ своихъ дикихъ степяхъ пили кровь и пожирали мозгъ, то представляется вопросъ: какъ это случилось? Теперь чувство милосердія истребило въ нихъ страсть къ убійству; вѣра въ воздаянія обуздала ихъ свирѣпость; это подвигъ *Цзунъ-хавы*, принесшій пользу и Китаю и другимъ народамъ. Оттого при минской династіи 50 лѣтъ сряду на границахъ Китая не зажигались вѣстовые маяки, а при настоящей династіи Монголы уже 200 лѣтъ живутъ въ глубокомъ мирѣ». Отъ воротъ Великой стѣны дорога идетъ по отлогому спуску до мѣстечка *Ча-дао*. Оно занимаетъ большое пространство и обнесено правильной и ровной стѣной; улица длинная и чистая и представляетъ рядъ гостинницъ.

Въ 5 часовъ пополудни мы остановились за сѣверной стѣной *Ча-дао* въ татарской гостинницѣ. *Чадао* значитъ распутье; здѣсь дороги расходятся: одна идетъ на сѣверо-западъ, въ Калганъ; другая на западъ, черезъ *Тай-тунъ-фу*, къ пограничной заставѣ *Ша-ху-коу*. Отъ Ча-дао на З. и С.-З. открывается широкая *Хуай-лай'ская* долина, на западѣ упирающаяся въ хребетъ горъ, среди которыхъ замѣтна *Цзи-минъ шань*, какъ шатеръ. — Изъ *Ча-дао* мы отправились на наемныхъ мулахъ, по долинѣ на С.З.— Дорога усѣяна пескомъ и песчаникомъ. Къ вечеру мы завидѣли *Юй-линь* (вязовая роща), обсаженную метлообразными вязами. Слобода обнесена глиняной стѣной. На ночевье мы помѣстились въ почтовомъ домѣ, зданіи довольно опрятномъ.

29-го Апрѣля.

Въ 8 часовъ утра мы отправились изъ *Юй-линя* сначала прямо на западъ, а потомъ нѣсколько на С.-З. Дорога лежала по долинѣ ровной и широкой, съ сѣвера и юга ограничиваемой цѣпями горъ. Небо было ясно и горы рисовались четко; на южной грядѣ ихъ бѣлѣлась полоса снѣга; сильный вѣтеръ дулъ намъ прямо въ лице, но безъ пыли. Черезъ 15 верстъ мы прибыли въ уѣздный городъ *Хуай-лай сянь*. Въ городъ ведутъ нѣсколько узкихъ воротъ. Проѣхавъ длинную улицу, мы остановились за сѣверной стѣной въ почтовомъ дворѣ, на которомъ былъ и щитъ, и чиновническій дворикъ. Перемѣнивъ здѣсь лошадей, мы отправились далѣе на западъ, по прежнему, подъ сильнымъ вѣтромъ; окрестности были покрыты туманомъ. Въ 2 часа пополудни мы прибыли въ *Ту-му*, небольшое мѣстечко, огороженное глиняной стѣной съ зубцами. Близь *Ту-му*, *Чжэнъ-тунъ*, одинъ изъ государей минской династіи, далъ монголамъ сраженіе, потерялъ его и взятъ былъ въ плѣнъ.

30-го Апрѣля.

Съ утренней зарей мы поднялись изъ *Ту-му*. Дорога сначала была камениста, но потомъ сдѣлалась ровной и гладкой. Съ раз-

свѣтомъ снова подулъ вѣтеръ. Приближаясь къ *Ша-чэн'у*, мы почувствовали винный запахъ съ винныхъ заводовъ, находящихся внѣ и внутри этой слободы. Около стѣнъ *Ша-чен'а* лежатъ огромныя кучи хлѣбныхъ выжимокъ. Вино выкуривается изъ проса, но чрезвычайно дурно на вкусъ, потому что, какъ замѣчаютъ, для куренія его жгутъ не дрова, хворостъ, или сухія растенія, а каменный уголь. Въ *Ша-чэн'ѣ* есть также фабрика грубой бумаги, называемой *Цао-чжи*, употребляемой въ лавкахъ на обертку покупныхъ вещей. Мы остановились въ богатой татарской гостинницѣ; стѣна залы, въ которой мы помѣстились, увѣшана была коллекціею картинъ, изображающихъ въ подробности разведеніе бумажнаго дерева и выдѣлку бумаги; на каждой картинѣ объясненіе; эта коллекція издана была по повелѣнію *Цянь-луна*. Отъ *Ша-чэн'а* хорошая дорога до *Синь-бао-ан'я*, т. е. новаго *Бао-ань*, это городъ, обнесенный большой стѣной; онъ зависитъ отъ *Бао-ань чжоу*, находящагося въ сторонѣ отъ дороги и составляющаго послѣднюю область на сѣверо-западѣ чжилійской губерніи. Областное управленіе въ *Синь-бао-ан'ѣ*. Мы въѣхали въ городъ черезъ трое воротъ. По улицѣ толпились молодые люди съ татарскими физіономіями и въ рубахахъ, похожихъ на татарскія. Надобно замѣтить, что населеніе *Хуай-лай'ской* долины болѣе татарское, чѣмъ китайское; оттого физіономія и китайское нарѣчіе здѣсь особенныя. За *Синь-бао-ан'емъ* начали попадаться на встрѣчу намъ толпы поселянъ, тащившихъ за плечами корзины съ каменнымъ углемъ, котораго въ окрестныхъ горахъ вдоволь. Мыприближались на право, къ сѣвернымъ горамъ. Вѣтеръ нагонялъ туманы, покрывавшіе гору *Цзи-минъ шань*. Рѣка *Янъ-хэ*, вытекающая изъ-за этой горы, раздѣлена здѣсь на множество канавокъ, изъ которыхъ надѣланы квадраты для посѣва риса и пшеницы. Тамъ, гдѣ эти водяныя поля приближаются къ горамъ, устроенъ широкій насыпной мостъ. Съ правой стороны его крутые скаты горы, съ лѣвой необозримая мокрая равнина. За мостомъ разрѣженная роща, сквозь которую виднѣлась кумиренка и нѣсколько домиковъ, раздѣленныхъ лу-

жайками. Отсюда къ *Цзи-минъ-и* дорога дѣлалась все хуже и хуже. *Цзи-минъ-и*, или *Цзи-минъ-пу*, городокъ, обнесенный стѣной и расположенный при южной подошвѣ горы *Цзи-минъ шанъ*.

Почтовый дворъ помѣщается въ даосской кумирнѣ. На стѣнѣ комнатки, въ которой мы помѣстились, повѣшано нѣсколько красныхъ бумажекъ съ именами жертвователей въ пользу кумирни; большая часть ихъ были чиновники изъ Улясутая и Кобдо; есть также имена тарбагатайскихъ посланцевъ, приводившихъ къ пекинскому двору киргизскихъ лошадей. *Цзи-минъ шанъ* возвышается въ сѣверо-западномъ углу *Хуай-лай'ской* долины; на юго-западъ отъ горы простирается другая гряда горъ, огибающая долину по направленію на юго-западъ; за этой гранью долины, отдѣленною отъ *Цзи-минъ шан'и* только рѣкой *Янъ-хэ*, находится губернскій городъ *Сюань-хуа фу;* чтобы добраться до него, надобно обогнуть западный хребетъ горъ черезъ проходъ, образуемый помянутой рѣкой. Это составляетъ одинъ изъ самыхъ трудныхъ переѣздовъ на всемъ пути отъ Пекина до Калгана. *Янъ-хэ*, рѣка мутная и чрезвычайно быстрая, хотя и мелкая, проложила себѣ ложе между горъ и такъ подмыла подошвы ихъ, что дорогу принуждены были высѣкать въ береговыхъ скалахъ и пролагать по каменнымъ уваламъ. Ложе ея въ нѣкоторыхъ мѣстахъ шириной въ полверсты, но при втеченіи ея въ *Хуай-лайскую* долину узко и тѣсно. Сначала мы ѣхали противъ теченія этой рѣки на востокъ, огибая сѣверную подошву *Цзи-минъ шан'и*, по каменистымъ ухабамъ; потомъ спустились на ложе рѣки, представлявшее широкую полосу мокраго песка. Вѣтеръ несъ облака сухаго песка и едва не опрокидывалъ нашихъ повозокъ. Миновавъ красивую усадьбу *Шанъ-хуа-юань*, мы достигли того мѣста, гдѣ по ложу начались пашни и показалась зелень пшеницы. Отсюда черезъ увалъ дорога снова спускается къ *Янъ-хэ*, которая течетъ здѣсь съ шумомъ и быстротой между двухъ скалъ. Отъ этой тѣснины надобно было переѣхать черезъ нѣсколько трудныхъ увaловъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ *Лао-лунъ бэй*, т. е. спины ста-

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУ

раго дракона. Дорога выбита по полосѣ сплошнаго камня зигзагами. Послѣ мучительной ѣзды по камнямъ и подъ порывами жестокаго вѣтра мы выбрались на туманную и скучную равнину и по ней доѣхали до *Сюань-хуа фу*. Издали городъ представляется огромнымъ; въ него ведутъ четверо воротъ; самыя предмѣстія его ограждены стѣнами. Эти укрѣпленія остались съ тѣхъ поръ, какъ *Сюань-хуа фу* былъ военнымъ пограничнымъ постомъ. По улицамъ много народа и лавокъ. Мы остановились въ *Лэнъ-дянъ*, т. е. холодной гостиницѣ (съ одними номерами безъ стола). *Сюань-хуа фу* извѣстенъ по выдѣлкѣ войлочныхъ шапокъ. Отъ него до *Тай-тунъ фу* (къ *Ша-ху-коу*) идутъ двѣ дороги: одна въ 125, другая въ 170 верстъ. — По разказамъ одного христіанина изъ китайцевъ, католическій храмъ въ *Сюань-хуа фу* есть зданіе большое и высокое; богослуженіе совершается публично и всѣ чины городскіе знаютъ о томъ; католическіе колокола звонятъ на весь городъ. Во время службы употребляется музыка, состоящая изъ органа и китайскихъ инструментовъ; есть даже мѣдные тазы. Въ торжественные дни пріѣзжаетъ сюда епископъ, по имени *Пао-ло* (изъ европейцевъ), который живетъ въ мѣстечкѣ *Си-ванъ-цзы*, въ 60 верстахъ отъ Калгана. Христіанскихъ семействъ въ *Сюань-хуа фу* насчитываютъ до 300. О здѣшнихъ татарахъ идутъ недобрые слухи: говорятъ, что они промышляютъ по большимъ дорогамъ и выходятъ для грабежей за границу Китая въ Монголію; католическіе христіане усиливаютъ эти слухи, какъ кажется, изъ опасенія, чтобы избавить отъ подозрѣнія христіанскія семейства, которыхъ весьма много за границей.

1-го Мая.

Въ 7-мь часовъ утра мы выѣхали изъ *Сюань-хуа фу*. Путь нашъ лежалъ на западъ по широкой песчаной равнинѣ. Былъ сильный вѣтеръ. Въ *Мао-юй-линъ* мы останавливались на нѣсколько времени. Отсюда до Калгана дорога также песчаная, но

сноснѣе прежней и приближается къ сѣверу. Калганское ущелье еще издали виднѣется среди низкихъ пикообразныхъ горъ.

Мы прибыли въ Калганъ въ 4 часа по полудни. Въѣзжаешь въ этотъ городъ словно въ Пекинъ, — столько же шума, народа и лавокъ на улицахъ. Повозки наши едва пробрались сквозь толпу народа, осаждавшаго открытый театръ. Мы въѣхали въ *Синъ-шенъ дянъ*, тѣсную и плохую гостинницу, хотя надпись на воротахъ ея гласила, что «здѣсь высокіе и благородные друзья наполняютъ залы и собираются цѣлыми толпами». — Главныя комнаты занималъ проѣзжій пекинскій чиновникъ, сосланный за какое-то преступленіе въ Монголію, на 18-ю станцію; онъ остановился въ Калганѣ для закупки провіанта и вещей, которыхъ не найти въ монгольскихъ степяхъ. Калганъ раздѣляется на двѣ слободы: верхнюю (*Шанъ-бу*) и нижнюю (*Ся-бу*); верхняя богаче; въ ней конторы китайскихъ купцовъ, торгующихъ въ Кяхтѣ и лавки съ русскими товарами. Слободы отдѣляются одна отъ другой широкой площадью, по которой постоянно встрѣчаются двухколесные омнибусы, унизанные сѣдоками. Въ верхней слободѣ нѣтъ гостинницъ. Она начинается тѣсными улицами; здѣсь богатыя лавки съ мелкими русскими вещами, но дороговизны чрезвычайной; фарфоровая посуда дороже пекинской; сахаръ три рубля асс. за фунтъ; мадера въ 2 р. сереб. бутылка; есть также шелковые платки, коленкоръ и проч. Только одни мѣха дешевле, чѣмъ въ Пекинѣ и Кяхтѣ. — Кто хочетъ познакомиться съ уличною жизнію китайцевъ, тому слѣдуетъ пройти по улицамъ верхней и нижней слободы въ Калганѣ. Главная улица въ верхней слободѣ, состоящая изъ конторъ кяхтинскихъ купцовъ, съ одной стороны оканчивается возвышенной, въ видѣ башни, даосской кумирней, съ великолѣпнымъ каменнымъ всходомъ; съ другой—открытымъ театромъ. Съ платформы этой кумирни можно обозрѣть однимъ взглядомъ и широкую улицу, какъ будто вставленную среди горъ, и огромную толпу народа при театрѣ, съ котораго виднѣются размахи богато-одѣтыхъ актеровъ, и двухъ-этажные дома купцовъ, вмѣсто крышъ съ откры-

тыми галлереями, на которыхъ хозяева, расположившись кучами, пьютъ чай изъ огромныхъ китайскихъ самоваровъ и созерцаютъ театральныя представленія. Въ нижней слободѣ тоже театръ; но здѣсь мелкіе торговцы запружаютъ улицу; изъ трактировъ безпрестанно раздаются голоса половыхъ, которые пересчитываютъ на всю улицу заказываемыя посѣтителями кушанья, и крики веселыхъ компаній, возглашающихъ хоромъ за каждой новой чашечкой вина.—Къ намъ приставили нѣсколько сторожей; но мы оставили только одного и отпустили другихъ. — *Дэ*, вскорѣ по пріѣздѣ, отправился къ гусай-амбаню съ докладомъ о нашемъ прибытіи и о томъ, что мы намѣрены отправиться изъ Калгана 4-го числа 4-й луны (5-го мая), день счастливый по календарю.

2-го Мая.

Весь день небо покрыто было дождливыми облаками. Нѣсколько здѣшнихъ чиновниковъ посѣтили *Дэ*. У нихъ только и было рѣчи, что о сослуживцахъ ихъ въ Пекинѣ и лицахъ важныхъ въ трибуналѣ. Одинъ изъ нихъ жаловался на монголовъ, ближайшихъ къ границѣ, говоря, что они нисколько не расположены къ здѣшнимъ властямъ, скрытны, не хотятъ, хотя и умѣютъ, говорить по китайски, и только подслушиваютъ, что говорятъ другіе. У здѣшняго *И-чжуань-дао*, или управителя станцій, нашлись съ *Дэ* общія воспоминанія; этотъ чиновникъ былъ въ Ургѣ, находился въ недавнемъ походѣ противъ возмутившихся дикарей за *Сининъ*,—за что и получилъ бѣлый шарикъ на шапку, съ повышеніемъ въ чинѣ, и былъ посланъ въ Хлассу *угощать чаемъ* при новомъ Далай-ламѣ. *Дэ* также былъ въ Хлассѣ, въ свитѣ *Бао-да-женя*, посланнаго Китайскимъ Правительствомъ для утвержденія новаго Далай-ламы въ этомъ званіи. — Приходилъ также одинъ изъ кяхтинскихъ купцовъ, по прозванью *Ли*, которому чайная контора подъ фирмою *Ши-дэ-цюань* доставляетъ лучшіе послѣ *Мэй-юй-гунъ* чаи. Онъ горько жаловался на притѣсненія кяхтинскаго заргучея и превозносилъ до небесъ умъ и спра-

ведливость *Дэ бэй-цзы*. По его разказамъ, ургинскій ванъ обо всемъ доноситъ немедленно пекинскому двору, что происходитъ на границѣ.—Вечеромъ *Дэ* получилъ отъ своего сына, кяхтинскаго бошко письмо, которымъ онъ извѣщаетъ своего отца о скоромъ прибытіи въ Кяхту новой русской миссіи и совѣтуетъ ему хлопотать о назначеніи его, *Дэ*, провожатымъ приставомъ.

3-го Мая.

Переѣздъ отъ Калгана до Пекина чрезвычайно труденъ въ двухъ мѣстахъ: отъ *Сюань-хуа фу* до *Цзи-минъ-и*, черезъ *Лаолунъ-бэй*, и отъ *Чадао* до *Нань-коу* по *Гуань-гоу*. Въ этихъ мѣстахъ телѣжная ѣзда почти вовсе невозможна, или по крайней мѣрѣ мучительна. Не менѣе затруднительна и верховая ѣзда на мулахъ; ибо, кромѣ того что надобно запастись своими сѣдлами, мулы въ ходу тряски и медленны, привыкли перевозить только вьюки и каменный уголь. Самая удобная здѣсь ѣзда въ крытыхъ носилкахъ (*то-цзяо-цзы*), налагаемыхъ на двухъ муловъ. Эти носилки двухъ родовъ: рогожныя и холщевыя. Рогожныя безъ оконъ, съ однѣми рогожными дверцами; онѣ утверждаются на шпенькахъ, или колышкахъ, прикрѣпленныхъ къ сѣдламъ муловъ; оттого носилки качаются вмѣстѣ съ походкой муловъ и причиняютъ сѣдоку легкое безпокойство. Въ носилкахъ холщевыхъ есть стеклянныя окна; кромѣ того онѣ не натыкаются, а навѣшиваются на сѣдла муловъ, оттого спокойнѣе рогожныхъ; въ рогожныхъ носилкахъ можно положить съ собой до $2^1/_2$, а въ холщевыхъ до 2-хъ пудовъ поклажи. Дорогая цѣна за рогожныя носилки отъ Калгана до Пекина 20,000 м. ч. (около 10 руб. сер.); за холщевыя 25,000 м. ч. (около 13 руб. сер.). — Перевозка тяжестей производится вьюками на мулахъ и верблюдахъ. Самый большой вьюкъ на мула въ 220 гиновъ (7 пудовъ); на верблюда въ 500 гиновъ (около 16 пудовъ). За одного мула отъ Калгана до Пекина платятъ 4000 м. ч. (2 руб. сер.). За верблюда неопредѣленно: отъ 10,000 до 5000 м. ч. и даже дешевле.

Китайскіе купцы имѣютъ свои станціи по дорогѣ отъ Калгана до Пекина; гостинницы, въ которыхъ они помѣщаются, самыя лучшія и удобныя по всей дорогѣ.

Татарскія.
1) Въ Калганѣ: *Тунъ-хай дянь*, въ нижней слободѣ.
2) Въ Сюань-хуа фу: *Юй-чэнъ гуанъ*, внѣ города (Нань-гуань-вай).
3) Въ Шачэнѣ: *Юй-чэнъ гуанъ*, что̀ у западныхъ воротъ (Си-мынь-нэй).
4) Въ Хуай-лай сянѣ: *Чжао фанъ-пу*.
5) Въ Чадао: *Юй фанъ-пу*.
6) Въ Нань-коу: *Хэ фанъ-пу*.

Китайскія.
7) Въ Шахэ: *Ванъ-цзя фанъ-пу*.
8) Въ Цинъ-хэ: *И-хэ фанъ-пу*.

4-го Мая.

Сегодня послано по монгольскимъ станціямъ *Чуанъ-данъ*, или передовое извѣстіе, по которому станціонные должны имѣть въ готовности для насъ юрты и скотъ. Намъ предстоитъ ѣхать по почтовой дорогѣ, главной во всей Монголіи и весьма важной для китайскаго правительства. Эта дорога ведетъ и въ Ургу, и въ Улясутай, и въ Кобдо, и даже въ Тарбагатай; дорога въ Или черезъ Хамиль дальше, чѣмъ черезъ Сайръ-усу. Сообщенія съ Урумци, складочнымъ мѣстомъ провіанта и военныхъ заготовленій для Западнаго края (такимъ мѣстомъ было прежде Гань-су, а потомъ Хамиль), могутъ быть гораздо скорѣе черезъ *Чжанъ-цзя коу* (Калганъ), чѣмъ черезъ *Цзя-юй гуанъ*. Почтовая дорога изъ Калгана соединяется съ дорогой изъ Хуху хотоня, или *Гуйхуа чэна*, въ которомъ производится торговля китайцевъ съ монголами и изъ котораго выходитъ въ Монголію много жизненныхъ припасовъ, сдѣлавшихся для монголовъ необходимостію. Вотъ что говоритъ о станціонной дорогѣ по Монголіи *Вэй-юанъ*, новѣйшій китайскій писатель: «Монгольскія степи не имѣютъ естест-

веннаго разграниченія; поэтому во внутреннихъ и внѣшнихъ чжасакахъ проведены межи и границы для кочевья ихъ и пастбищъ; въ мѣстахъ гористыхъ и на рѣкахъ воздвигнуты обо; а тамъ, гдѣ нѣтъ ни горъ, ни рѣкъ, поставлены караулы для охраненія рубежей. Въ *Шэнъ-цзинъ* и Гиринѣ рубежемъ служитъ тынъ, сплетеный изъ ивовыхъ прутьевъ; такіе тыны разставлены по внутреннему и внѣшнему Хингану. Какъ горы раздѣляютъ двѣ противоположныя страны, холодную и теплую, такое точно значеніе имѣетъ Великая стѣна для Китая. Но въ странѣ степной, пастбищной, станціи всего важнѣе. Во внутреннюю Монголію ведутъ пять путей для сообщенія со всѣми знаменами; именно: черезъ *Си-фынъ коу*, *Гу-бэй коу*, *Ду-ши коу*, *Чжанъ-цзя коу* и *Ша-ху коу*. Что касается до внѣшней Монголіи, то станціи начинаются съ алтайскихъ станицъ и проходятъ всѣ караулы. Дороги во внутреннюю Монголію удобны для торговыхъ сношеній и изобилуютъ травой и водой. Учрежденіе военныхъ станцій началось со времени похода *Канси* противъ Чжунгаровъ, продолжалось при *Цянь-лунѣ*, во время войны въ Или, а приведено къ концу съ учрежденіемъ пограничнаго помощника главнокомандующему, управляющаго лѣвымъ крыломъ. Эти станціи начинаются за Великой стѣной, въ Чахарахъ, идутъ сначала на сѣверъ, потомъ на сѣверо-западъ, наконецъ на западъ и оканчиваются въ Улясутаѣ; всего 48 станцій. Этимъ путемъ переписываются между собой пограничный помощникъ главнокомандующаго и чахарскій *Дутунъ* (Гусай-амбань). Бумаги отъ Чжэбцзунь-дамбы (ургинскаго хутухты) и отъ четырехъ халхаскихъ хановъ въ Палату Внѣшнихъ Сношеній и тѣ, которыя идутъ изъ Палаты къ хутухтѣ и ханамъ, отправляются съ станціонными чиновниками; по сему и отправляются въ Монголію на почтовую службу чиновники, за преступленія заслужившіе ссылку; но чиновники эти, страшась холода и путевыхъ лишеній, нанимаютъ вмѣсто себя монголовъ. Кромѣ того есть еще отдѣльные пути сообщеній въ четырехъ аймакахъ; но станціи содержатъ сами халхасцы; по этимъ станціямъ проѣзжаютъ посланцы

отъ Пекинскаго Двора съ дипломами на достоинства хана, князя и т. п., жалованьемъ и жертвенными вещами; въ такихъ случаяхъ мѣстные князья, бэйлы и др. приготовляютъ людей, рабочій скотъ и пищу и ждутъ посланца на станціи днемъ и ночью; по проѣздѣ же его станціи снимаются. Впрочемъ эти временные станки не включаются въ число казенныхъ. — Станціи такъ важны, что *Хубилай*, государь *Юаньской* династіи, ставилъ ихъ учрежденіе наравнѣ съ покореніемъ *Цзиньскаго* государства».

5-го Мая.

Рано утромъ къ намъ на дворъ ввезено было до десяти длинныхъ двухколесныхъ телѣгъ, для нагрузки на нихъ нашихъ тяжестей. Лошади наняты были на казенный счетъ. Для нашихъ повозокъ мы запаслись монгольской упряжью. Нашъ обозъ давно уже былъ въ дорогѣ, когда мы отправились изъ гостинницы на мулахъ, съ извощиками изъ лао-сировъ (жителей Шаньсійской губерніи). Доѣхавъ до верхней слободы, мы поворотили на лѣво къ калганской заставѣ (гдѣ и таможня); здѣсь мы остановились для прописанія нашихъ именъ. Отъ заставы къ Монголіи ведутъ два ущелья: одно на сѣверо-западъ, по которому проходитъ купеческая дорога и проѣзжаютъ русскія миссіи; другое восточнѣе, гдѣ пролегаетъ почтовая дорога; мы поѣхали по послѣднему, сначала около длиннаго гласиса, которымъ обведена Калганская стѣна и который устроенъ, какъ кажется, противъ напора горнаго потока, вытекающаго изъ ущелья. Ложе ущелья широкое, ровное и чистое какъ скатерть, усаженное по краямъ ивами и вязами. Подъемъ былъ почти вовсе незамѣтенъ; только горный ручей чѣмъ выше, тѣмъ глубже и быстрѣе. Нѣсколько разъ мы переѣзжали его въ бродъ. Ненастный, мелкій дождь облекалъ всѣ окрестности туманомъ. Верстахъ въ 8 отъ Калгана ущелье раздѣляется на два прохода; одинъ изъ нихъ и главный идетъ на сѣверо-востокъ, среди высокихъ горъ и отвѣсныхъ скалъ къ Долонъ-нору; другой, незначительный, на сѣверъ, по отлогому

подъему. Взобравшись на этотъ подъемъ, мы продолжали путь среди тѣхъ низкихъ грядъ, которыми обыкновенно оканчиваются хребты горъ. Вскорѣ мы прибыли къ *Толо мяо*, слободѣ, такъ названной по небольшой ламской кумирнѣ, и остановились для отдыха въ порядочной гостинницѣ. *Толо мяо* населена лаосирами, или шаньсійскими переселенцами, какъ почти вся часть Монголіи, прилегающая къ Китаю. Отъ *Толо мяо* мы ѣхали по каменистой дорогѣ. Здѣсь ущелье расходится на нѣсколько верстъ; горы кончились и по сторонамъ идутъ только цѣпи низкихъ холмовъ. Ненастье было въ полномъ раздольѣ. Мы сидѣли въ закрытыхъ китайскихъ одноколкахъ, какъ въ тюрьмѣ, слушая, какъ мелкій дождь дробилъ въ масляный холстъ, покрывавшій повозки; изрѣдка на встрѣчу намъ прозвенятъ бубенчики муловъ со вьюками, проскрипятъ телѣги съ каменнымъ углемъ, или въ сторонѣ раздастся лай собакъ изъ одинокихъ жилищъ, обнесенныхъ стѣнами. Дурная дорога и погода заставили насъ остановиться на половинѣ пути между *Толо мяо* и первой станціей, въ деревенской гостинницѣ, близъ лаосирскаго селенія *Ву-ши цзягизы* (50 домовъ). Въ сквозной комнатѣ, въ широкомъ кану вмазаны были два котла; въ нихъ варили обѣдъ, подкладывая на огонь каменный уголь и раздувая его выдвижными мѣхами; толпа извощиковъ, въ ожиданіи обѣда, разсѣлась на кану и, съ трубками въ зубахъ, завела рѣчь на своемъ странномъ и едва понятномъ нарѣчіи. Черезъ нѣсколько времени пріѣхалъ нашъ обозъ и трактиръ наполнился еще партіею извощиковъ. Вечеромъ наши свитскіе пріютились вмѣстѣ съ ними у котловъ и, по китайской привычкѣ, завели нескончаемый разговоръ. При яркомъ свѣтѣ очага расхаживало лаосирское племя въ короткихъ полосатыхъ плащахъ; подумаешь, будто перенесся во времена ихъ праотца *Фу-си*. Иные изъ нихъ были въ непромокаемыхъ войлочныхъ плащахъ изъ овечей и козьей шерсти; вода стекаетъ съ нихъ какъ съ клеенки. — Здѣшніе шаньсійскіе переселенцы народъ богатый; они обработываютъ поля, имѣютъ огороды, большею частію съ лукомъ; плодовитыхъ деревъ не разводятъ; главный

доходъ ихъ отъ перевоза товаровъ въ Курень и Кяхту. Селенія ихъ называются по числу домовъ 50-домнымъ, 40-домнымъ, и т. д. Ими завѣдываетъ особое казенное мѣсто въ Калганѣ, называемое *Ли-ши-фу*.

6-го Мая.

Раннимъ утромъ небо очистилось отъ ненастныхъ облаковъ; холодъ былъ столь рѣзкій, что мы едва согрѣвались въ зимнемъ платьѣ, тогда какъ въ Калганѣ намъ казалась слишкомъ теплой лѣтняя одежда. Съ восходомъ солнца мы были уже въ дорогѣ и ѣхали подъ холоднымъ сѣверо-западнымъ вѣтромъ и подъ шумъ отдаленнаго потока, поднимаясь на увалы легко и безъ труда. Сѣверъ застилался тучами дождя и снѣга, въ которыя не проникалъ ни одинъ лучь солнца. Часовъ въ 7 утра мы прибыли на первую монгольскую станцію, *Чаганъ-долгай* [1]). Она расположена среди зеленыхъ уваловъ, не вдалекѣ отъ подошвы уступа, который ведетъ на монгольскія высоты. Станціонное зданіе походитъ на китайскую кумиренку, обведено стѣной; комнаты и мебель опрятны и богаты; флигели съ низкими канами во всю длину комнатъ; дворъ выстланъ квадратами изъ песчаника. Вездѣ бросается въ глаза китайская живопись, китайская архитектура и китайскія надписи. На станціи, кромѣ прислужника изъ лаосировъ, не было никого изъ монголовъ; уже черезъ нѣсколько времени изъ ближняго кочевья пріѣхалъ битхеши. Съ сихъ поръ намъ приходилось имѣть дѣло съ станціонными монгольскими чинами; полный комплектъ ихъ состоитъ изъ четырехъ человѣкъ: *чжангинъ* [2]) (смотритель), *куньду* [3]) (помощникъ смотрителя, лице распоряжающееся), *битхеши* (станціонный писарь), и *бошко* (власть исполнительная). Почтари называются *улаци* [4]), прислужники *гальци* [5]) (огневщики). Всѣ они получаютъ казенное жалованье въ Калганѣ. Они обязаны содержать на станціи из-

1) Цага̄нъ тологой. *А. П.* — 2) цзангӣнъ. *А. П.* — 3) хӯндӯй. *А. П.* — 4) улā̆чи. *А. П.* — 5) галчӣ. *А. П.*

вѣстное число лошадей и верблюдовъ и доставлять проѣзжающимъ по казенной надобности, смотря по важности лица, барана, полбарана, или одну баранью ногу. Въ чахарскихъ кочевьяхъ тяжести перевозятся волами на одноколкахъ самой простой и грубой работы; колеса сплочены изъ нѣсколькихъ кусковъ дерева и вертятся вмѣстѣ съ осью. Оборванные улаци, для перевозки нашихъ тяжестей, навезли до 30 такихъ телѣгъ и запрягли въ нихъ воловъ. Наши китайскія повозки не были еще перестроены для дороги по Монголіи. Въ 10 часовъ утра мы поднялись со станціи и поѣхали къ горному уступу, который все еще былъ покрытъ глубокимъ туманомъ; на смежныхъ горахъ лежалъ снѣгъ. Подъемъ не высокъ, но крутъ; при подошвѣ подъема мы въ послѣдній разъ взглянули на зеленыя деревья; тутъ же построена кумирня, посвященная *Гуань-лао-ѣ*, въ которую проѣзжіе чиновники заходятъ поклониться прежде, чѣмъ вступятъ на монгольскія степи. Дорога на вершину горы каменистая и грязная; поднявшись на нее, какъ на берегъ, мы очутились на равнинѣ, покрытой снѣгомъ, какъ бѣлымъ полотномъ. Здѣсь устроено изъ камней столообразное обо̀, первый признакъ степной жизни, какъ будто въ противоположность китайской кумирнѣ внизу. Здѣсь оканчивается калганскій, или второй послѣ *Гуань-гоу*, подъемъ на монгольскія высоты. Далѣе на сѣверъ и сѣверо-западъ открывается безбрежная плоскость, изчерченная увалами. По снѣгу мы ѣхали версты три. Со снѣжной полосы мы переѣхали на длинныя лощины, покрытыя зеленѣющей травкой. Природа совершенно измѣнилась; мѣстность раздольнѣе, воздухъ чище и свѣжѣе; небо освободилось отъ ненастныхъ тумановъ и кучевыя облака, гонимыя сильнымъ сѣверо-западнымъ вѣтромъ, бѣжали намъ на встрѣчу; быстрыя тѣни ихъ представляли на зеленыхъ поляхъ странные миражи: города и пашни, раздѣленныя на равные участки. На лѣво, возвышеннѣйшіе увалы обнажали свои снѣжныя вершины; самые отдаленные отъ насъ казались лучезарными полукружіями. Мѣстами виднѣлись юрты, а изрѣдка и хижины; на ближнихъ холмахъ торчали обо̀; кругомъ

не было ни одного деревца, ни одного ручья; самая дорога теряла колеи, потому что насъ везли, гдѣ пришлось, или гдѣ казалось лучше и прямѣе. Съ послѣдняго увала мы незамѣтно спустились къ станціи *Бургасутай*. Время было къ полудню; однакожъ мы рѣшились переночевать здѣсь, потому что нашъ обозъ на волахъ, — перевозка самая медленная, — долженъ былъ придти поздно. Станція состоитъ изъ небольшаго двора и трехъ комнатъ, которыя лучше и опрятнѣе, чѣмъ въ большей части китайскихъ гостинницъ. Она расположена при подошвѣ одного изъ тѣхъ уваловъ, которыми поднимается монгольская степь; къ югу онъ спускается круто, къ сѣверу отлого, но такъ что сѣверное основаніе его выше подошвы южнаго спуска. На углубленіяхъ подобнаго рода замѣтно обиліе воды. На здѣшней станціи по этому мѣсту протекаетъ рѣчка съ С.-З. на Ю.-В. Съ вершины увала, на югѣ ясно видна цѣпь горъ, образующихъ естественную границу Китая и Монголіи; горы до половины ската покрыты были снѣгомъ. На востокъ и сѣверъ отсюда равнина; западъ застилается возвышеніями. Бургасутайскій увалъ можно замѣтить по часовнѣ на западной оконечности его, и по столообразному обо на восточной. Часовня издали представляется большимъ и красивымъ кіоскомъ, — такъ зрѣніе обманывается на плоской равнинѣ. На самомъ дѣлѣ это небольшое зданіе китайской архитектуры, на кирпичномъ цоколѣ; въ часовнѣ запертъ кумиръ дракона, владыки водъ, потому что подошва увала омывается рѣчкой. Столообразное обо состоитъ обыкновенно изъ трехъ ярусовъ, одинъ другаго меньше; кругомъ его множество мелкихъ кучеобразныхъ обо и шестовъ. На шестахъ навѣшаны номы (холщевыя лоскутья съ отпечатанными по тибетски заклинаніями), пуки конскихъ волосъ, деревянные ножи, и пр.; вблизи разбросаны бараньи лопатки съ надписью: *омъ!* Передъ обо положенъ большой камень съ выдолбленнымъ углубленіемъ для жертвъ и куреній. Такъ просты степные храмы. Подобныя обо встрѣчаются не такъ часто, какъ простыя, кучеобразныя; послѣдними усѣяны всѣ возвышенности Монголіи; по величинѣ

обо̀ можно узнавать относительную высоту холмовъ, на которыхъ они воздвигнуты, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ возвышенія идутъ сплошнымъ рядомъ.—Къ вечеру вѣтеръ началъ крѣпчать. По разказамъ здѣшнихъ монголовъ, объясняющихся по китайски довольно хорошо, Долонъ-норъ отстоитъ отсюда на востокъ въ двухъ дняхъ пути.—Взаимныя отношенія монголовъ и китайцевъ странны; первые ненавидятъ послѣднихъ, а послѣдніе глубоко презираютъ ихъ.

7-го Мая.

Утро холодное и вѣтряное. Востокъ и сѣверъ застланы неподвижными облаками. Наши повозки преобразованы на монгольскій ладъ. Ось и вся сбруя долой; кузова повозокъ утверждены на новыхъ осяхъ въ 8 футовъ длины для того, чтобы отъ скорой ѣзды повозки не опрокидывались; къ каждой оглоблѣ привязаны ремни, въ которые продѣто по длинной поперечной жерди. Двое улаци положили концы этой жерди къ себѣ на сѣдла, и крикнувъ: *пошо́!* (пошелъ!) [1]), поѣхали вскачь; дорогой лошади перемѣнялись нѣсколько разъ и всякій разъ оглобли падали на земь и улаци доставалось отъ жерди. Дорога сначала шла по каменистому подъему. Черезъ нѣсколько уваловъ передъ нами открылась широкая равнина, усѣянная въ разныхъ мѣстахъ озерками; влѣво виднѣлась двухъ-этажная кумирня со множествомъ принадлежащихъ ей строеній; въ ней, по разказамъ монголовъ, до 500 ламъ, и слава ея далеко распространяется по Монголіи. Въ полдень мы доѣхали по этой равнинѣ до станціи *Халютай* [2]). На станціонномъ дворѣ три небольшія и плохія комнаты. Отъ Халютая далѣе дорога ровная до послѣдняго увала, съ котораго мы увидѣли небольшую долину, свѣтившуюся въ разныхъ мѣстахъ отъ озеръ. При подошвѣ сѣвернаго увала расположена станція *Оротай* [3]). Въ ней три комнаты, сбитыя изъ глины и обнесенныя такой же стѣной. На станціи мы застали одного

1) бушӯлъ! (= поспѣшай! живо!) *А. П.* — 2) Халю̄тай. *А. П.* — 3) Оро̄тай. *А. П.*

лаосира, который развозилъ въ одноколкѣ русскій картофель и продавалъ его по 3 коп. асс. за гинъ.

8-го Мая.

Съ разсвѣтомъ вся станція была въ движеніи. Утро было холодное, небо облачно. Со станціи мы поднялись на увалъ, и съ него длинною равниной переѣхали на другой. Вездѣ однообразіе; съ высоты увала видишь, будто долина ограничивается вдали высокими горами, а при подошвѣ ихъ протекаетъ свѣтлая рѣка; но по мѣрѣ приближенія къ нимъ, горы понижаются и превращаются въ низкіе увалы; рѣками кажутся мѣста, освѣщенныя солнцемъ. Воздухъ чистъ и, не смотря на вѣтеръ, ни одна пылинка, ни песчинка не поднимается съ твердаго грунта; только подъѣзжая къ станціи, замѣчаешь въ воздухѣ легкое облачко дыма отъ курящагося аргала. Мы прибыли на станцію *Куйсутай* [1]). Комнаты въ ней лучше Оротайскихъ; стѣны выбѣлены, и на одной изъ нихъ видны слѣды китайской картины. Къ полудню разыгрался страшный вѣтеръ; отъ его порывовъ наше жилье, не защищенное ни откуда ни однимъ возвышеніемъ, готово было разрушиться. Небо покрылось туманами; нашъ обозъ застигнутъ былъ дождемъ; двѣ телѣги оставлены были на дорогѣ, потому что волы выбились изъ силъ; къ нимъ послали со станціи подмогу. Все это заставило насъ остановиться здѣсь на ночевье. До сихъ поръ вода была хороша; на здѣшней станціи она чрезвычайно дурна.

9-го Мая.

Солнце взошло при ясной погодѣ, безъ вѣтра, и освѣтило здѣшнюю долину, въ низменныхъ мѣстахъ усѣянную кочками дересу [2]), какъ щетиной. Между кочками перелѣтали пѣвчія

1) Хуйсутуй. *А. П.*—2) Дэрэсу. *А. П.*—Lasiogrostis splendens Kunth. Въ книгѣ Н. М. Пржевальскаго: Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, Спб. 1883, на стр. 37 находится рисунокъ и описаніе этой травы. Пржевальскій пишетъ *дырисунъ*, Потаннинъ — *дерысунъ*. *Б.*

птички и расхаживали журавли. Наши тяжести навьючены были на верблюдовъ. Отъ Куйсутая дорога ровная почти вплоть до слѣдующей станціи *Чжагасутай* [1]); станція расположена на половинѣ ската длиннаго холма, при лощинѣ, покрытой кочками дересу; кочки образуются на самыхъ низменныхъ мѣстахъ здѣшнихъ долинъ. Съ появленіемъ ихъ почва сдѣлалась безплоднѣе и песчанѣе. Станціонный домъ, по обыкновенію, и здѣсь состоитъ изъ трехъ комнатъ. Здѣшніе монголы тоже говорятъ по китайски, но уже съ монгольскимъ акцентомъ. Со станціи наши тяжести отправлены на волахъ, верблюдахъ и лошадяхъ. Взъѣхавъ на плоскій увалъ, мы замѣтили на низменныхъ мѣстахъ солончаки яркой бѣлизны; отсюда мы перекрестили нѣсколько дорогъ. За плоскимъ уваломъ слѣдовало еще переѣхать небольшой холмъ; съ этого холма открывается долина, на сѣверѣ ограничиваемая пустыннымъ хребтомъ Мингайскимъ; влѣво виднѣлась куча юртъ; кочевье монгольскаго *чжаланя*, по нашему, полковника. Станція называется *Мингай*, по имени ближняго хребта горъ. Комнаты въ ней отдѣланы весьма хорошо, чисты и уютны. Насъ посѣтилъ чжалань по своему званію смотрителя слѣдующихъ станцій. Онъ сказывалъ, что получено извѣстіе, что *Гуй да-женъ*, главнокомандующій въ Улясутаѣ, скоро отправится оттуда. На его мѣсто назначенъ *То да-женъ*. — Здѣсь граница Чахаріи. Мы проѣхали ея кочевья съ юго-востока на сѣверо-западъ. *Мингайола* отдѣляетъ болѣе или менѣе богатыя пастбища чахарскія отъ пустынной *Гоби*. Нѣкоторые писатели китайскіе разумѣютъ подъ этимъ названіемъ всю степь до границъ Урги и даже Россіи; но путешествовавшіе по Монголіи китайскіе чиновники называютъ *Гоби* одну полосу Монголіи и полагаютъ ея окружность въ 500 верстъ. Китайскія войска часто дѣлали походы во внутренность Монголіи; поэтому осталось много любопытныхъ сказаній, какъ о путяхъ, которыми они шли, такъ и о трудахъ и лишеніяхъ, испытанныхъ ими въ степяхъ. Со временемъ опытъ

1) Цзагасутàй. *А. П.*

научилъ китайское правительство, во время войнъ въ Монголіи, принимать всѣ мѣры предосторожности для сохраненія своихъ армій. — «Продовольствіе арміи въ походахъ за Великую стѣну есть предметъ самый важный, — такъ говоритъ *Вэй-юанъ. Юнъ-лэ*, государь минской династіи, два раза не могъ продолжать войны въ Монголіи за недостаткомъ провіанта и принужденъ былъ возвращаться назадъ. При *Канъ-си*, когда войска двинулись въ одно время съ трехъ пунктовъ, маньчжурская дивизія, отправившаяся изъ *Гуй-хуа чэна* и не щадившая своихъ верблюдовъ и лошадей, на половинѣ дороги пришла въ критическое положеніе; между тѣмъ, какъ войска, выступившія изъ *Нинъ-ся*, подъ предводительствомъ *Инь-хуа-сина*, запасшіяся всѣмъ нужнымъ, не потерпѣли никакой крайности». — *Инь-хуа-синъ* взялъ для своего отряда провіанта на 5 мѣсяцевъ; онъ положилъ въ мѣсяцъ на одного солдата по 25 фунтовъ крупы; одна корова назначена была для однодневнаго пропитанія 60 человѣкъ; одинъ баранъ въ день на 15 человѣкъ. Припасы навьючены были на верблюдовъ, муловъ и лошадей. Вьюкъ одного верблюда былъ не болѣе $4^1/_2$ пудовъ и равнялся тремъ вьюкамъ лошади и мула. Провіанта было много, но употребляли его съ бережливостью. Сверхъ того, *Инь-хуа-синъ* самъ наблюдалъ за травами и водой; посему, хотя онъ шелъ по странѣ опустошенной и выженной, однакожъ сохранилъ въ своемъ войскѣ здоровье и силу, и даже удѣлилъ голодавшимъ маньчжурамъ часть своего запаса, когда соединился съ ними. Арміей, шедшей среднею дорогой, предводительствовалъ самъ императоръ. На каждой станціи, гдѣ становились лагеремъ, государь самъ училъ, какъ близь самыхъ палатокъ находить водяныя жилы. Въ мѣстахъ, называемыхъ *шаньда*, гдѣ почва низменна и сыра, и въ мѣстахъ называемыхъ *сайръ*, или горныхъ логахъ, вода показывается на глубинѣ двухъ футовъ. Въ мѣстахъ *буриду*, гдѣ чрезвычайная густота травъ удерживаетъ влагу, вода большею частію не хороша. Въ мѣстахъ *куйбуръ* вода прикрыта топкимъ слоемъ, такъ что дикіе мулы достаютъ себѣ воду ударами

копытъ. Травъ въ степи много, но только *юрху* можетъ быть хорошей пищей для лошадей и верблюдовъ. Такъ какъ противный вѣтеръ причиняетъ лошадямъ одышку, то при каждой остановкѣ государь приказывалъ проминать лошадей по вѣтру отъ 5 до 10 верстъ для того, чтобы дыханіе лошадей было свободнѣе. Артиллерійскія повозки и телѣги съ багажемъ не могутъ скоро подвигаться впередъ, отъ песчанаго грунта; поэтому ихъ надобно замѣнять вьючными верблюдами. Въ степи нѣтъ ничего лучше верблюдовъ для перевозки тяжестей. Онъ несетъ на себѣ до $4^1/_2$ пудовъ, требуетъ для себя воды не много и неразборчивъ на траву».

Южный склонъ Мингайскаго хребта крутъ и идетъ сплошнымъ уступомъ съ запада на востокъ, а на сѣверѣ и сѣверо-западѣ онъ раздробляется на цѣпи отдѣльныхъ холмовъ, связывающихся между собой широкими и высокими лощинами. Чѣмъ далѣе на сѣверъ и сѣверо-западъ, тѣмъ возвышеннѣе лощины, такъ что Мингай ола образуетъ третій и ближайшій подъемъ на Гоби. За этимъ хребтомъ начинаются станціи *харчиньскія* и дорога принимаетъ направленіе на З.-С.-З. На эти станціи отряжаются и чередуются монголы и изъ другихъ племенъ: *Турботъ*, *Билэ*, *Халхасцы*. Кромѣ того, къ харчиньскимъ станціямъ для вспоможенія приписаны монголо-китайцы, извѣстные подъ именемъ *Хабсулга*, т. е. приписныхъ; это помѣсь китайцевъ съ монголками. Они живутъ близъ границъ Китая и раздѣляются на восточныхъ (*Дунъ-гунъ*) и западныхъ (*Си-гунъ*), послѣдніе при *Ула-хатуни*, занимаются хлѣбопашествомъ, сѣютъ просо и кунжутъ, разводятъ коровъ, но живутъ въ юртахъ; жилища ихъ отъ Хуху хотоня въ 5 дняхъ пути. Изъ Хабсулга отряжаются по жребію по восьми человѣкъ на каждую харчиньскую станцію; тотъ же жребій рѣшаетъ, сколько лѣтъ каждый изъ нихъ долженъ прожить на станціи. Они приводятъ съ собой скотъ, но жалованья не получаютъ.

10-го Мая.

Утро было довольно ясное. Бо́льшая часть нашихъ вьюковъ нагружена на верблюдовъ. Отъ станціи мы ѣхали прямо на сѣверъ, къ широкой лощинѣ, разсѣкающей Мингай олу поперегъ; на востокъ отъ лощины протяженіе хребта представляется выше. Подошва хребта ровная и усѣяна бѣлымъ, какъ снѣгъ, кварцомъ; самыя горы не высоки, каменисты и холмообразны. Углубившись въ ущелье и переѣзжая по лощинамъ, мы встрѣтили такой сильный напоръ вѣтра, что лошади не могли ступить впередъ и одна изъ нихъ упала на колѣна. Въ мрачномъ воздухѣ облака пыли неслись на насъ со свистомъ. Долго мы ѣхали по горнымъ логамъ, не покидая изъ вида Мингайскихъ холмовъ, пока не замѣтили вдали большую кучу, какъ будто стоговъ сѣна. То были юрты станціи *Чэчэрту* [1]). Для насъ приготовлена была особая юрта, устланная краснымъ войлокомъ; стѣнки юрты завѣшаны были краснымъ холстомъ. Гальци кипятилъ на аргалѣ, въ думбѣ кирпичный чай для насъ. Въ юртѣ былъ нестерпимый жаръ, усиливаемый компаніей любопытныхъ монголовъ; вѣтеръ пробирался подъ стѣнки юрты и обдавалъ насъ какой-то плевой и запахомъ молока и аргала. Съ этой станціи мы начали чисто монгольскую жизнь безъ телѣгъ, и безъ осѣдлыхъ жилищъ. Съ Чэчэрту намъ дали по три перемѣны лошадей для каждой повозки, потому что двухъ оказалось недостаточно. Послѣ полудня мы отправились далѣе, переѣзжать холмы Мингая. Такъ какъ дорога лежала болѣе на западъ, то намъ приходилось не скоро выбраться изъ сѣверныхъ отроговъ этого хребта. Мы ѣхали по высокимъ горнымъ лощинамъ. Вѣтеръ проносилъ надъ нами дождевыя облака, но такъ быстро, что только изрѣдка капли дождя брызгали на насъ, и кропили зеленѣющіе скаты холмовъ. И небо, и горная природа здѣсь обманчивы. Смотря на встрѣчныя тучи, ждешь сильнаго дождя, но порывъ вѣтра уноситъ ихъ далеко на юго-востокъ; иногда подумаешь, что горныя мѣ-

1) Чэчэ́рту. *А. П.*

ста кончились, впереди ничего не видно, но черезъ четверть часа снова на горахъ. Въ иныхъ мѣстахъ, горные лога принимаютъ видъ длиннаго ущелья съ зеленымъ ложемъ, гдѣ на чистомъ и ровномъ грунтѣ не видно ни одного камешка. По дорогѣ мы встрѣтили улясутайскаго галду (секретаря), возвращающагося въ Пекинъ. Мы прибыли на станцію *Циндай* [1]) среди глубокаго тумана, навѣяннаго вѣтромъ; вскорѣ однакожъ небо прояснилось, только вѣтеръ былъ холоденъ. Станція стоитъ на равнинѣ, нѣсколько склоненной на востокъ; кругомъ отдѣльные холмы; вдали на сѣверо-западѣ видна сплошная цѣпь возвышенностей. Вода здѣсь чрезвычайно дурна, такъ что нельзя употреблять ее ни на питье, ни на умыванье.

11-го Мая.

Утромъ, при тихой и ясной погодѣ мы оставили станцію и съ ней вмѣстѣ систему Мингайскихъ грядъ. Дорога сначала шла по ровному мѣсту; кругомъ была голая степь, безъ зелени. Затѣмъ мы проѣхали нѣсколько уваловъ; съ послѣдняго изъ нихъ мы уже не спускались; передъ нами открылась равнина и вдали, на горизонтѣ, гребнистый холмъ, единственная здѣсь точка опоры для глазъ. Мало по малу при подошвѣ его очертилась куча юртъ станціи и вскорѣ мы прибыли на нее. Станція называется *Уланьхада* [2]). Она расположена при подошвѣ холма, по вершинѣ котораго проходитъ каменный гребень. Камни навалены грудами отъ С.-В. къ Ю.-З. Пласты и трещины ихъ подъ 45°. Между камнями выказывались пятилепестковые бѣлые и желтые цвѣточки. Кругомъ почва песчаная, съ мелкими, какъ дробь, камешками. По песку блестятъ на солнцѣ безчисленными искрами золотистыя и слюдистыя частички, пяти и шестигранныя; онѣ легче своего объема и сдуваются вѣтромъ какъ плева; попадаются небольшіе аггломераты гранита и кварца, въ которыхъ онѣ какъ

---

1) Чантàй. *А. П.* — 2) Улāнъ-хадà. *А. П.*

будто вставлены. Въ три часа по полудни мы снялись со станціи, и, перевалившись за гребнистый холмъ, ѣхали по отлогимъ уваламъ; почва песчаная, усѣянная крупнымъ щебнемъ; кругомъ степь желтоватаго цвѣта; на юго-западѣ виднѣлись еще острые холмы Мингая; между частыми перевалами попадались небольшія кочки дересу. Вѣтеръ дулъ постоянно. Къ закату солнца мы выѣхали на ровное мѣсто, покрытое щебнемъ; по дорогѣ цвѣлъ ирисъ. Солнце давно уже сѣло, какъ по разведеннымъ огнямъ мы замѣтили станцію *Бомбату* [1]). Юрта поставлена на пескѣ. Монголы говорили, что здѣсь постоянно дуютъ вѣтры и только къ ночи утихаютъ; оттого весной дождевыя облака проносятся надъ степью безъ капли дождя; скотъ, не находя себѣ пищи на голой почвѣ, чахнетъ и падаетъ; но за то, какъ скоро выпалъ дождь, почва тотчасъ начинаетъ зеленѣть,—такъ сильна растительность на степи, повидимому, совершенно безплодной. — Вѣтеръ, въ замѣнъ того, придаетъ здѣшнимъ пустынямъ нѣкоторую жизнь; ночью степная природа приходитъ въ свое естественное состояніе мертваго покоя; равнины, озаренныя луннымъ свѣтомъ, остаются безцвѣтными и безжизненными. — Судя по потребностямъ монголовъ и восхищенію, съ какимъ они принимаютъ нѣкоторыя вещи, самый интересный для нихъ подарокъ: курительный листовой табакъ и вино; горстью табаку и стаканомъ вина можно услужить любому монгольскому чиновнику. Лекарства, какія бы ни были, они берутъ и берегутъ набожно. Другіе лестные для нихъ подарки: мелкій нюхательный табакъ, трубка съ приборомъ, красныя и голубыя ленты, позументы и кисти.

12-го Мая.

Утромъ былъ мелкій ненастный дождь; но подулъ вѣтеръ и небо стало проясняться. Отправившіеся съ нами улаци [2]) были большею частію ламы. Дорога шла по почвѣ песчаной и часто

1) Бомботу. *А. П.* — 2) улачи. *А. П.*

каменистой. Въ одномъ мѣстѣ мы переѣхали ручей, текущій на С.-В. по широкому ложу. Переѣхавъ еще два сухія песчаныя ложа, мы прибыли на станцію *Шархада* [1]). Сдѣлалось тихо и тепло. Станція расположена на ровномъ мѣстѣ, близь самой подошвы одного песчанаго холма. Точно такіе холмы видны на сѣверѣ и сѣверо-западѣ; на юго-западѣ выдается также песчаный холмъ, въ видѣ низкаго и длиннаго уступа. Впрочемъ грунтъ перемѣшанъ со щебнемъ и мелкими камешками; оттого почва тверда, какъ шоссе. Здѣшній холмъ огибается ложемъ, какъ будто высохшаго потока; оно состоитъ изъ двухъ полосъ сыпучаго песка. Если смотрѣть на окрестности съ вершины холма, глазамъ представляется гладкая и молчаливая степь желтаго цвѣта; безъ всякаго признака растительности. Горизонтъ обведенъ синей чертой. На песчаной равнинѣ разбросано 15 юртъ нашей станціи; онѣ раздѣлены одна отъ другой загородями изъ песчаника и правильными кучами аргала. При затишьи, небо успѣло покрыться дождевыми облаками; перепалъ дождь. Со станціи мы поднялись на высоты Шархады и ѣхали по холмамъ, раздѣлявшимся песчаными лощинами; индѣ пробирались среди кучъ песка, походившихъ на огромные муравейники; дорога, замѣтно, шла вверхъ, съ тѣмъ вмѣстѣ природа дѣлалась печальнѣе. Здѣсь холмы округлые, безъ всякой угловатости; самые камни въ скатахъ горъ образуютъ не угловыя, а круглыя линіи. Выбравшись изъ песчаныхъ холмовъ Шархады, мы очутились на безбрежной равнинѣ. На встрѣчу намъ попалось нѣсколько вершниковъ, — то были чиновники, возвращавшіеся изъ Улясутая, да двое ламъ-пилигримовъ, которые шли пѣшкомъ за своими вьючными верблюдами. Въ одномъ мѣстѣ нашу дорогу перебѣжало стадо сернъ на сѣверо-востокъ. Дорога была ровная и гладкая до самой станціи *Булуту* [2]). Станція расположена на открытомъ и ровномъ мѣстѣ, ничѣмъ не защищенномъ. Кругомъ станціи необозримая даль; только на югѣ виднѣется силуэтъ хол-

1) Шара-хада. *А. П.* — 2) Бӯлӯтӯ. *А. П.*

мовъ. Почва усыпана пескомъ и мелкимъ щебнемъ; на ней растетъ небольшая травка, состоящая изъ пучка головокъ, на видъ колючихъ, да дикій лукъ, котораго дудочки лежатъ по землѣ; вотъ единственная зелень и кормъ для скота; оттого онъ и тощъ. Юртъ на станціи всего пять и тѣ плохи, да и жители ихъ почти однѣ ламиссы. У насъ гальци [1]) также ламисса. Въ сторонѣ отсюда колодезь; такіе встрѣчаются на всѣхъ станціяхъ, на нѣкоторыхъ по два и по три. Въ глубину сажени полторы до мутной воды; вверху узкое отверстіе не болѣе двухъ четвертей въ поперечникѣ; оно обложено большими камнями; внутреннія стѣны колодца выложены толстымъ слоемъ сухаго растенія. Тонкая колода изъ хвойнаго дерева тщательно сохраняется, какъ издѣліе изъ такого матеріала, котораго нѣтъ въ степи. Кто хочетъ достать воды изъ колодца, тотъ долженъ имѣть свою бадью, шестъ и веревку.

13-го Мая.

Погода утромъ ясная и холодная. Со станціи мы ѣхали по гладкой равнинѣ, конца которой было не видно; всего былъ одинъ только перевалъ и то не значительный. Станція *Олонъ-худукъ* [2]), на которую мы прибыли, подобно прежней, расположена на ровномъ мѣстѣ; только отсюда къ сѣверу дорога идетъ возвышаясь. Поднявшись со станціи, мы ѣхали сначала небольшими неровностями; затѣмъ слѣдовали ровные и длинные подъемы безъ спусковъ, пока наконецъ мы не выѣхали на равнину. Вѣтеръ дулъ по прежнему; воздухъ былъ чистъ; по горизонту переливались свѣтлыя волны воздуха, подобно бурнымъ потокамъ, освѣщеннымъ солнцемъ. Дорогу нашу постоянно пересѣкали стада сернъ, въ одномъ направленіи на сѣверъ. Къ станціи *Чаганъ-худукъ* [3]) мы спустились по легкому склону, довольно зеленому для здѣшнихъ мѣстъ. Почва здѣсь песчаная и во многихъ мѣстахъ усѣяна ку-

1) Галчѣ. *А. П.* 2) Олонъ-худу̀къ. *А. П.* — 3) Цага́нъ-худу̀къ. *А. П.*

чами дересу. Мы хотѣли было ѣхать дальше, но въ это время поднялась сильная туча съ вихремъ; все однакожъ кончилось нѣсколькими каплями дождя. Къ вечеру вѣтеръ стихъ, но было холодно, какъ зимой. Туча пронеслась на юго-востокъ.

14-го Мая.

Утромъ дождевыя облака снова заволокли небо. Сѣверный вѣтеръ былъ жестоко холоденъ. Мы отправились со станціи, когда погода сдѣлалась ясною. Сначала мы непримѣтно поднимались на высоты; потомъ, переѣхавъ плоскій увалъ, долго слѣдили около враговъ; дорога была прекрасная до тѣхъ поръ, пока мы не спустились въ долину, покрытую непрерывными песчаными кучами дересу, которыя доходили до высоты холмовъ; дорога извивалась между ними по чистому и мягкому песку, безъ примѣси дресвы; это поле дересу пересѣкалось широкимъ ложемъ сыпучаго песка; долина идетъ отъ юго-запада, гдѣ, по видимому, она ограничивается холмами; къ сѣверо-востоку она разширяется на необъятное пространство. На сѣверномъ берегу песчанаго ложа расположена станція *Шарамурень* [1]). Отправляясь съ этой станціи, мы должны были прежде выбраться изъ кучъ дересу; затѣмъ путь нашъ лежалъ къ сѣверному берегу долины; верхніе пласты его бѣловаты, а ниже до подошвы краснаго цвѣта. Поднявшись на берегъ, мы верстъ 25 ѣхали по ровной мелкокремнистой почвѣ; на равнинѣ не замѣтно было ни пониженія, ни повышенія; она оканчивается котловиной; выбравшись изъ котловины, мы очутились на песчаной почвѣ; вдали на скатѣ плоскаго увала зачернѣлись юрты станціи, какъ точки. Мы добрались до нее опять черезъ поле дересу. Станція *Ола-худукъ* [2]) расположена на склонѣ холма, который отлого поднимается на сѣверо-западъ и оканчивается обо. Почва по скату холма твердая, усыпана мелкими камешками и разноцвѣтными голышами;

1) Шара̀ мӯрэ̀нь. *А. П.* — 2) Ӯла худӯкъ. *А. П.*

пучкообразное растеніе съ малиновыми цвѣточками и душистая травка *Акъ* расли здѣсь во множествѣ. Со всѣхъ другихъ сторонъ песчаная равнина. Пониже станціи три колодца.

15-го Мая.

Утромъ подулъ вѣтеръ тихій, но столь холодный, что нельзя было долго стоять на одномъ мѣстѣ. Со станціи мы поднялись на увалъ, и съ вершины его верстъ 20 ѣхали по гладкой и ровной дорогѣ, усыпанной мелкимъ щебнемъ. Равнина кончилась небольшой долиной съ дересу; отсюда черезъ увалъ мы попали на другую такую же долину, пересѣкаемую ложемъ сыпучаго песка. Далѣе шелъ легкій подъемъ на высокую равнину, съ которой открылся вдали одинокій холмъ, при которомъ расположена станція; вблизи ея надобно было еще переѣхать два ложа, одно съ сыпучимъ, другое съ земляностымъ пескомъ. Здѣсь песокъ съ щебнемъ преобладаетъ, а дересу растетъ только въ отдѣльныхъ плоскихъ углубленіяхъ. Станція называется *Цзисхунгоръ*[1]), по имени каменнаго холма, при южной подошвѣ котораго она расположена. Цзисхунгоръ выходитъ сюда восточнымъ концемъ своимъ; высота его незначительна, но единственная по отношенію къ окрестному мѣстоположенію. Онъ состоитъ изъ цѣльныхъ и мелкихъ камней, переложенныхъ ссѣвшимся пескомъ, въ видѣ запекшейся глины. Общее направленіе каменныхъ пластовъ его на 45° въ глубину. Холмы раздѣляются на нѣсколько сферовидныхъ вершинъ, которыя тянутся на З.-С.-З.; на нихъ по обѣ. Съ вершины Цзисхунгора открывается видъ на всѣ четыре стороны, видъ совершенной пустыни. Окружная плоскость до самаго горизонта желтаго цвѣта, потому что песокъ здѣсь повсемѣстная почва; на этомъ фонѣ, утомительномъ для зрѣнія, прорѣзываются въ разныхъ направленіяхъ полосы, указывающія на небольшія углубленія и плоскія насыпи песка; въ углубленіяхъ безчисленное множество мелкихъ кучъ дересу. На юго-востокъ, югъ, и

1) Дзэ̀съ-хонгòръ. *А. П.*

юго-западъ плоская покатая равнина; на восточномъ горизонтѣ длинное, столообразное возвышеніе. Вся сѣверная часть, начиная отъ горизонта, покрыта рядами песчаныхъ холмовъ, какъ волнами. Ближніе изъ нихъ соединяются съ Цзисхунгоромъ и вмѣстѣ идутъ на западъ и сѣверо-западъ. Все промежуточное пространство однообразно. Вѣтры и дожди образовали по равнинѣ круги и лощины; на ближнемъ ложѣ нѣтъ признаковъ давнихъ, или недавнихъ потоковъ, на пескѣ не замѣтно ни одной струйки, а только видны въ берегахъ впадины, промытыя водой; но надобно думать, что это сухое и песчаное ложе, какъ и всѣ тѣ, которыя мы проѣхали, служатъ естественными водохранилищами; дѣйствительно колодцы выкапываются преимущественно на этихъ ложахъ. — Вода здѣсь до крайности дурна на вкусъ и запахъ. — Къ полудню сдѣлалось такъ жарко, какъ мы еще не испытывали въ дорогѣ; воздухъ былъ тихъ и удушливъ. Поднявшись со станціи, мы начали объѣзжать восточный мысъ Цзисхунгора; дорога сначала была ровна и жаръ смѣнился прохладой; но вслѣдъ за тѣмъ мы вступили въ безконечное море песчанистыхъ холмовъ и бугровъ, пересѣкаемое долинами дересу; почва изрѣзана огромными пластами камней, кварцоваго образованія. Со ската на скатъ, съ бугра на бугоръ, мы поднимались все выше и выше, и чѣмъ дальше, тѣмъ глуше дѣлались пустынныя дебри; среди мертвыхъ высотъ не на чѣмъ было остановить взгляда; только приближаясь уже къ станціи, на главномъ изъ здѣшнихъ холмовъ показалось обо; эта простая груда камней радуетъ путника, показывая присутствіе живыхъ существъ. Здѣсь нагналъ насъ чжангинъ станціи верхомъ на верблюдѣ; онъ ѣздилъ въ сосѣднія кочевья, съ намѣреніемъ занять для насъ лошадей и верблюдовъ, но и тамъ, какъ на его станціи, почти весь скотъ палъ; потому что отъ бездождія и сухой погоды, продолжавшейся уже нѣсколько недѣль, на почвѣ не было ни былинки для скота. Отъ холма съ обо мы поворотили на лѣво и черезъ ложа сыпучаго песка доѣхали до станціи *Хирамухоръ* [1]).

1) Хирай-мухуръ. *А. П.*

Съ вершины ближняго холма кругомъ видны только песчаныя горы, холмы и бугры; на сѣверѣ изъ за холмовъ показывается песчаная полоса отъ востока на западъ, въ видѣ широчайшей рѣки; песчаныя лощины кажутся озерами чистой воды. Возвышеніе почвы къ сѣверу и сѣверо-западу все еще замѣтно продолжается. Станція расположена среди холмовъ, на берегу песчанаго ложа, которое прорѣзываетъ ихъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Почва повсюду песчаниста и мелко-камениста; не вдалекѣ отъ станціи, въ ложѣ, вырыты два колодца; вода въ нихъ хорошая. На юго-западъ отъ станціи, по берегу того же ложа, небольшая долина завалена такимъ множествомъ костей павшаго скота, какъ будто онѣ скинуты сюда съ цѣлаго аймака; тутъ лежали остовы коровъ съ уцѣлѣвшими головами, бараньи лопатки, огромныя кости верблюдовъ и остовы лошадей съ полусогнившими сѣдлами; хищныя птицы мало поживились падалью; имъ остались только головы, да копыта; все прочее съѣдено самими монголами.—Черезъ здѣшнюю станцію проѣхалъ китайскій купецъ изъ Хухухотоня съ товаромъ на четырехъ вьючныхъ верблюдахъ; онъ продаетъ и мѣняетъ его монголамъ. По его словамъ, этотъ городъ отстоитъ отсюда на югъ въ шести дняхъ пути, а вьючные верблюды доходятъ въ 8 и 9 дней.

16-го Мая.

Утромъ погода была тихая и ясная. Съ помощію заемныхъ лошадей и верблюдовъ, станціонные успѣли отправить половину нашихъ тяжестей на слѣдующую станцію. Вслѣдъ за ними поѣхали и мы. Сначала намъ нужно было перебраться черезъ Хирамухорскій [1]) хребетъ; послѣ нѣсколькихъ переваловъ, мы достигли верхней точки его, откуда мы усмотрѣли на сѣверо-западѣ безчисленныя гряды холмовъ; между ними бѣлѣлись полосы песчанаго грунта; мы ѣхали по каменистому кряжу оваль-

1) Хирàй-мухýрскій. *А. П.*

ными перевалами, которые казались обозженными, отъ чернаго камня, составляющаго основу здѣшнихъ горъ; издали они кажутся темнозелеными. Отъ подошвы спуска началась площадь, усѣянная купами *харганы*, *буддарганы* и *дэрэсу*. *Харгана* [1]) — корявое, древянистое растеніе; оно низко; круглые отростки его почти стелятся по землѣ; его можно назвать деревомъ-карликомъ; чѣмъ почва тверже и безплоднѣе, тѣмъ харгана шире, зеленѣе и могучѣе; на каменныхъ скатахъ здѣшнихъ горъ изъ нея образуются цѣлыя кущи здоровой зелени; но чѣмъ мѣсто ниже и ровнѣе, тѣмъ она блѣднѣе и меньше. Листья ея тонки, узки и продолговаты; стволъ и вѣтви толсты и изогнуты; цвѣты небольшіе, желтые. *Буддаргана* [2]) растетъ купами въ видѣ букетовъ; на блеклыхъ стволахъ ея поднимаются тонкіе стебли съ зернышками; она встрѣчается въ низменныхъ мѣстахъ и у солончаковъ, цвѣты ея желты. Что касается до *дэрэсу*, ея гибкіе, но не сокрушимыя стебли покрываютъ песчаныя кучи. Эти растенія какъ будто созданы для здѣшнихъ пустынь; природа озаботилась оградить ими твердость почвы и обуздать здѣшнюю стихію — песокъ; безъ нихъ, можетъ быть, послѣдніе скудные участки кормовой зелени занесены были бы пескомъ. — На половинѣ дороги, по равнинѣ проходитъ широкая полоса бѣлаго и твердаго песка на востокъ; на этомъ ложѣ выкопанъ колодецъ съ хорошей водой. Съ равнины мы замѣтно поднимались опять вверхъ. Холмы и долины служатъ уступами для сѣверо-западныхъ высотъ. Почва постоянно измѣнялась; она была то песчаная съ булыжникомъ, то ровная съ кремнистыми камешками, то покрыта чернокаменнымъ слоемъ, то свѣтло-желтая, безъ камешка и растенія; но вообще для ѣзды она превосходна. Между тѣмъ собралась туча, но вѣтеръ разнесъ ее и набросилъ на насъ облако песка, размоченнаго дождевыми каплями. Къ станціи мы своротили нѣсколько на юго-западъ и доѣхали до нея по широ-

1) Caragana sp. — 2) Kalidium gracile Fenzl. Бударгана любимый кормъ верблюдовъ. Н. М. Пржевальскій. Монголія и страна Тангутовъ. Спб. 1875, I, стр. 12.

кой песчаной полянѣ къ закату солнца. Станція *Болынъ* [1]) расположена при подошвѣ одного холма, при самомъ его началѣ; по равнинѣ съ юго-запада проходитъ ложе, огибаетъ холмъ съ сѣвера и потомъ идетъ на сѣверо-востокъ. Кругомъ вдали цѣпи холмовъ, да равнины, раздольно усѣянныя дересу; на сѣверѣ поднимались гребнистыя гряды.

17-го Мая.

Сегодня была у насъ здѣсь невольная дневка, потому что другая половина нашихъ тяжестей привезена сюда уже ночью. Утро было тихое и ясное; на небѣ ни одного облачка, кругомъ глубокая тишина. Къ полудню жаръ былъ несносный, больше всего отъ накалившейся песчаной почвы.—Котловина, въ которой расположена станція, лишена степныхъ растеній; она ровна, гладка и усыпана прозрачными голышами, болѣе всего бѣлаго цвѣта; холмы выложены каменными пластами; юго-восточный бѣлѣется, какъ снѣгъ; скаты его усыпаны разбитымъ кварцомъ; на вершинѣ высовываются огромные куски этого камня; они лежатъ пластами, круто углубляющимися на югъ; рядомъ другой холмъ, состоящій изъ кварцоваго конгломерата двухъ видовъ: сѣраго и красноватаго; эти камни лежатъ безъ всякаго направленія. Болынскій [2]) холмъ состоитъ изъ камней послѣдняго рода; широкіе пласты ихъ углубляются на востокъ. Долина испещрена разноцвѣтными камешками; между ними попадаются кремнистой породы *Цахіоръ* [3]). — Смотря на многочисленныя ложа, разсѣкающія основаніе каждаго увала въ Гоби, ложа широкія и въ иныхъ мѣстахъ по два и по три вмѣстѣ, спрашиваешь какъ они образовались? Неужели только отъ потоковъ дождевой воды? Всѣ эти ложа идутъ въ одномъ направленіи; сѣверные и сѣверо-западные берега ихъ вообще холмисты, а противуположные отлоги. Во многихъ мѣстахъ цѣпи холмовъ образуютъ полукружія

1) Бӯлӯнъ. *А. П.* — 2) Бӯлӯнскій. *А. П.* — 3) Цахӧръ. *А. П.*

съ крутымъ скатомъ, какъ будто яры большихъ рѣкъ, или идутъ параллельно съ глубокой полосой въ видѣ ложа, удобнаго вмѣстить огромную массу воды. Какъ бы то ни было, колодцы вырываются на ложахъ; дождевая ли то вода, хранящаяся въ песчаныхъ резервуарахъ; вытекаетъ ли она изъ внутреннихъ жилъ, или съ незапамятныхъ временъ хранится отъ рѣкъ и озеръ, изчезнувшихъ отъ неизвѣстной причины?—Колодцевъ на здѣшней станціи нѣсколько; вода въ нихъ хорошая.

18-го Мая.

Утромъ, при тихой погодѣ, въ воздухѣ распространился туманъ. Въ наши повозки, за неимѣніемъ лошадей, запрягли верблюдовъ. Дорога сначала шла по равнинѣ; потомъ черезъ увалъ мы спустились въ долину, имѣющую видъ широкаго и длиннаго ущелья и усѣянную дересу, и ѣхали по ней болѣе половины дороги. Подъ конецъ, долина широко расходится; правый берегъ ея оканчивается долгимъ холмомъ, изрытымъ черными каменными кучами; а лѣвый далеко углубляется на западъ; впереди открывается песчаная равнина, очерчиваемая вдали двумя темными линіями холмовъ. Къ этой равнинѣ мы приближались по скату лѣваго берега долины, среди дересу и могучихъ харганы и буддарганы. По равнинѣ мы ѣхали подъ теплымъ вѣтромъ и при пасмурной погодѣ. Не вдалекѣ отъ выхода изъ долины, среди кучъ дересу и сыпучаго песка, растетъ толстый и зеленый вязъ; на полфута отъ земли онъ раздѣляется на два ровные и многовѣтвистые ствола; вѣтви его широко раскидываются и образуютъ зеленый шатеръ среди глухой и мертвой пустыни. Средина равнины лишена всякой растительности. Мы приближались къ грядѣ холмовъ, усмотрѣнной нами еще изъ ущелья, и вскорѣ прибыли на станцію *Суцзибулакъ* [1]). Она расположена не вдалекѣ отъ подошвы черной скалы, крайняго и самаго высокаго изъ цѣпи

1) Сучжи булакъ. *А. П.*

здѣшнихъ холмовъ, и отдѣляется отъ нея длинной ложбиной съ мелкой зеленью, по которой протекаетъ небольшой ручей; сквозь зелень пробивается бѣлая пыль *гучжира*. Въ воздухѣ было жарко, туманно и вѣтренно. На черной скалѣ едва можно было стоять на ногахъ; страшный вѣтеръ съ юга бушевалъ здѣсь со всею силой и разбрасывалъ въ стороны воткнутыя въ обо деревянныя сабли, ножи и копья. Крутые обрывы скалы сплошь усыпаны каменьями желѣзнаго цвѣта, или правильнѣе, кусками каменныхъ пластовъ, разбитыхъ какою-то силою на мелкія части. Вершина скалы покрыта огромными пластами чернаго камня; здѣсь нѣтъ ни земли, ни песку; общее направленіе пластовъ трудно распознать; одни углубляются на западъ, другіе на югъ почти отвѣсно. Большая часть ихъ расколота на равные участки, только различныхъ формъ. На большихъ массахъ камня цвѣтъ чисто желѣзный, а на отломкахъ преимущественно ржавчинный. Такихъ скалъ здѣсь семь; въ соединеніи онѣ образуютъ полукружіе, какъ ограду песчаной полосы, простирающейся вдоль на неизмѣримое разстояніе въ видѣ бѣлой плоскости. Подобные же холмы тянутся грядами на сѣверъ, сѣверо-западъ и западъ. Цвѣтъ ихъ больше металлическо-зеленый. Всѣ они не имѣютъ горныхъ скатовъ и какъ будто явились на равнинѣ нечаянно; равнина совершенно другой почвы и у подошвы ихъ не возвышается; на ней нѣтъ и камней изъ рода тѣхъ, которые составляютъ массу этихъ горъ. — Не вдалекѣ отъ станціи на юго-западъ устроена кумирня, называемая *Раши-самбала;* она помѣщается въ четырехсторонней юртѣ, съ четырехстороннею же крышей; около нея четыре простыхъ юрты. По разсказамъ станціонныхъ, при кумирнѣ считается 72 ламы, съ однимъ даламой, или настоятелемъ, и двумя *гэгуями*, или благочинными. Со станціи насъ повезли ламы. Сначала мы ѣхали по почвѣ довольно ровной и твердой, пересѣкаемой полосами бѣлой дресвы и мелкой дересу; потомъ черезъ нѣсколько кочковатыхъ уваловъ поднялись на высокую долину, гдѣ снова начались холмы; переѣхавъ черезъ ложе, проходящее по полосѣ дересу, мы продол-

жали путь по здѣшнимъ возвышеннымъ лощинамъ. Солнце склонялось уже къ западу. Въ это время застигла насъ туча пыли; она поднялась на западѣ желтой полосой, закрыла солнце и медленно подвигалась впередъ, вбирая въ себя поднимавшіяся съ почвы новыя облака пыли; въ воздухѣ было тихо, какъ передъ грозой; наконецъ этотъ туманъ окружилъ насъ со всѣхъ сторонъ и въ то же время подулъ холодный вѣтеръ; сквозь сумерки и туманъ едва можно было видѣть окрестные холмы, между которыми мы пробирались; подъ конецъ мы замѣтили два холма, стоявшіе по обѣимъ сторонамъ дороги; то были ворота, которыми мы выѣхали изъ извилистой системы здѣшнихъ холмовъ; впереди открылась ровная даль; песчаная почва усѣяна кучами дересу и харганой; дорога шла по кочкамъ. Къ станціи *Толибулакъ* мы прибыли ночью.

19-го Мая.

Утро туманное; вчерашнее облако еще не совсѣмъ пронеслось. Станція расположена на ровномъ мѣстѣ, невдалекѣ на западъ отъ цѣпи низкихъ холмовъ; вблизи по зеленому ложу протекаетъ ручей на С.-С.-З.; далѣе множество могильныхъ насыпей и два кургана съ остатками на верху глиняныхъ стѣнокъ; въ курганахъ были печи для выдѣлки и высушки кирпича и кровельной черепицы, при постройкѣ ближней кумирни. Эта кумирня рядомъ со станціей и называется по китайски: *Цы инъ сы,* т. е. Покровъ Милосердія. Она обведена красной стѣной, звеньевъ въ 20 какъ длины, такъ и ширины. Въ оградѣ два двора, съ храмами, довольно богатыми; въ главномъ изъ нихъ сѣдалище для кутухты и множество украшеній, пожертвованныхъ проѣзжими чиновниками; кумиренныя зданія съ востока и запада отдѣлены желтой стѣной отъ двухъ длинныхъ флигелей, въ которыхъ живутъ ламы. Кумирня сложена изъ большаго и длиннаго кирпича; полъ и крыльца устланы квадратными кирпичами и длинными камнями; во всемъ китайская архитектура. Въ кумирнѣ есть тибетскій

Ганьчжуръ и Данчжуръ, да книги три, или четыре заклинаній на монгольскомъ и маньчжурскомъ языкахъ. Штатныхъ ламъ, получающихъ жалованье, до 20.—Отправившись со станціи, мы начали переѣзжать ряды холмовъ, составляющихъ здѣсь особую систему; промежуточныя лощины большею частію песчаны и каменисты; не смотря на то, растительность здѣсь лучше и зелени больше, чѣмъ въ прежнихъ гористыхъ мѣстахъ. Послѣдняя лощина наполнена тѣми камнями, обточенными самой природой, которые правильнымъ расположеніемъ своимъ обманываютъ глаза путника, представляясь ему развалинами древнихъ зданій. Отсюда дорога поднимается на небольшой хребетъ, уставленный множествомъ обо̀. Съ него мы спустились на необозримую равнину и простились, по крайней мѣрѣ, на неопредѣленное время, съ царствомъ пустынныхъ холмовъ; душа радовалась, когда впереди открылось ровное мѣсто, волнуемое только плоскими увалами; пустыня гораздо сноснѣе на ровной степи, чѣмъ въ неисходимомъ лабиринтѣ каменныхъ и песчаныхъ бугровъ. Къ станціи равнина нѣсколько склоняется, а потомъ опять поднимается, такъ что станція остается въ углубленіи. Мѣсто ея еще издалека замѣтно по полосѣ зелени. Она называется *Тугурикъ*. Близь нея солончакъ, который образуетъ среди окружающихъ его уваловъ круглое углубленіе. Озеро съ трехъ сторонъ окружено высокими песчаными буграми, покрытыми буддарганой. Входъ къ озеру открытъ только съ одной стороны; онъ покрытъ зеленой травой.—Здѣшней станціей, предположительно, оканчивается Гоби; дальнѣйшія станціи находятся въ Халхѣ, въ вѣдомствѣ *И-чжуань-дао*, пребывающаго въ *Сайръ-Усу*. Отсюда до слѣдующей станціи одинъ перевалъ въ видѣ горба, въ 40 верстъ переѣзда. Со станціи мы сдѣлали легкій подъемъ вплоть до горы *Богдо-хаирханъ*, или просто *Хаирханъ;* она проходитъ почти на половинѣ дороги, на самой высшей точкѣ перевала, по направленію съ юго-запада въ видѣ ровнаго стола, и у самой дороги оканчивается крутымъ обрывомъ въ видѣ мыса, или краснаго яра; почва каменистая и песчаная, но ровная и гладкая; индѣ

виднѣлись полосы краснаго песка; все прочее пространство покрыто было пучками растенія *орто;* широкіе и зеленые снопы его поддерживали букеты малиновыхъ цвѣточковъ; мѣстами пробивалась мелкая травка. Сколько можно было замѣтить, мы достигли, если не до самой возвышенной точки Монгольской степи, то по крайней мѣрѣ были на одной изъ самыхъ высокихъ. До сихъ поръ мы видимо поднимались на высоты сѣвера и сѣверозапада и постоянно видѣли передъ собой возвышенный горизонтъ; но теперь, смотря съ выпуклой подошвы Хаирхана, ни съ какой стороны не встрѣчаешь болѣе значительной возвышенности; здѣсь въ первый разъ сѣверо-западный горизонтъ отдалился отъ насъ и понизился. На Хаирханской высотѣ ни одинъ холмъ отдѣльно не поднимается; все ровно и плоско. Отъ Хаирханскаго мыса мы спустились по склону увала до станціи *Мухуръ-Гашунъ.* Она расположена на равнинѣ; на сѣверо-западъ отсюда начинается длинный увалъ. Мухуръ-гашунъ есть первая станція въ Халхѣ. Дорога, которая до предшествующей станціи лежала на С.-З. и болѣе на З.-С.-З., здѣсь поворачиваетъ нѣсколько на сѣверъ.

20-го Мая.

Утро прохладное; небо заволоклось облаками; въ воздухѣ распространилась сырость, какъ будто послѣ дождя. Дорога со станціи сначала шла по сыпучимъ пескамъ. Здѣсь буддаргана достигала гигантскаго размѣра. Потомъ мы переѣхали черезъ четыре увала, изъ коихъ на каждомъ было по цѣпи холмовъ; почва вообще красная, мѣстоположеніе возвышенно; общая покатость съ востока на западъ. Съ послѣдняго увала, на сѣверозападѣ, мы замѣтили купу жилищъ яркой бѣлизны, какъ будто стадо лебедей; подумаешь, что это ставки, или палатки; то были каменныя зданія кумирни *Хони цзи сумо* [1]). Стѣны и субурги, окружающія ее, окрашены мѣломъ, котораго здѣсь много, и

1) Хоничй сўмэ. *А. П.*

бѣлы, какъ снѣгъ. Станція *Хоничи* [1]) расположена на востокъ отъ кумирни. По китайски кумирня называется *Боэньсы*, т. е. кумирня великой милости; внутреннее и внѣшнее устройство ея изящной архитектуры; храмы свѣтлы и убраны со вкусомъ; въ одномъ изъ нихъ столбы обтянуты синиискими коврами, съ яркими китайскими рисунками. Кумирня приведена въ теперешнее состояніе при *Цзя цинъ*. Увѣряютъ, что кромѣ тибетскаго Ганьчжура и Данчжура въ ней есть монгольскій Ганьчжуръ и даже печатныя доски. — Въ здѣшнихъ степяхъ растительность усилилась сравнительно съ прежними; всѣ растенія въ цвѣту. Со станціи мы пробирались сначала между холмами, потомъ спустились въ долину съ солончакомъ и свѣжею зеленью; отсюда черезъ увалъ переѣхали на такую же точно долину; здѣсь есть колодецъ и здѣсь же впервые появились бабочки. Далѣе слѣдовала еще цѣпь холмовъ; за ними открылась еще широкая равнина, на которой расло множество вязовыхъ деревъ; почва до самой станціи песчаная; мѣстами есть сыпучій песокъ. Мы прибыли на станцію къ закату солнца. Она называется *Нарымъ-Билыэху* [2]), и расположена на необозримой равнинѣ, только съ востока ограничиваемой грядою холмовъ. Здѣшнее мѣстоположеніе плоско, но возвышенно; общій скатъ съ С.-В. на Ю.-З. — На станціи, вмѣсто аргала, употребляютъ вязовыя тонкія полѣнья. Увѣряютъ, что въ окрестностяхъ вязоваго лѣса весьма много.

21-го Мая.

Солнце взошло на туманномъ горизонтѣ, при тихой погодѣ. Отъ станціи мы ѣхали на сѣверо-востокъ верстъ 30, потомъ углубились въ цѣпь песчаныхъ холмовъ, представляющую рядъ отдѣльныхъ низкихъ сопокъ; округлые верхи ихъ покрыты слоемъ темнаго камня, какъ будто черепками разбитыхъ горшковъ. При одномъ изъ такихъ холмовъ расположена станція *Хачжабци* [3]).

1) Хоничй. *А. П.* — 2) Нарйнъ-бильгйхъ. *А. П.* — 3) Хачжабчй и Хацзабчй. *А. П.*

Дорога была большею частію песчаная, съ ложами сыпучаго песка. Воздухъ нагрѣлся сильно. Къ полдню песчаная почва станціи накалилась; съ холмовъ, одѣтыхъ въ туманъ, несло удушливой теплотой; вѣтеръ нѣсколько охлаждалъ воздухъ, но по временамъ наносилъ струи жара. Кругомъ холмы, похожіе на кучи золы; почва покрыта пескомъ, смѣшаннымъ съ черными камешками. Впереди видны были ряды такихъ же холмовъ, съ ровными въ промежуткѣ долинами. Послѣ полудня налетѣлъ на станцію ураганъ и сорвалъ одну юрту; вслѣдъ за тѣмъ поднялся жестокій вѣтеръ. Небо застлалось тучевыми облаками. — На здѣшней станціи, какъ и на предшествовавшихъ, вода была хороша. Со станціи дорога шла далѣе между песчаными холмами, по ложамъ съ сыпучимъ пескомъ; потомъ, черезъ равнину, снова углубилась въ рядъ такихъ же холмовъ; это былъ самый трудный переѣздъ во всемъ нашемъ пути; намъ предстояло перевалиться черезъ горный кряжъ *Хачжабци;* долго поднимались мы на него, слѣдуя по ложу съ сыпучимъ пескомъ; колеса и ноги лошадей и верблюдовъ глубоко вязли въ пескѣ; берегомъ этому ложу служили груды черныхъ камней, среди которыхъ мѣстами росли вязы; въ разсѣлинахъ камней проглядывала зелень. По дорогѣ мы замѣтили два колодца съ хорошей водой. Вершина Хачжабци красноватой почвы, съ черными камешками; она имѣетъ видъ опрокинутаго котла, такъ что спуски съ нея довольно круты; съ хребта мы переѣхали черезъ долину на одинъ отрогъ его, идущій съ нимъ параллельно, въ видѣ увала; здѣсь снова мы наѣхали на пласты чернаго камня, которые представляются остатками зданій; между этими пластами тянулись лощины съ богатой зеленью. Со ската увала мы съѣхали на полосу песка, съ кучевыми растеніями; затѣмъ ровное мѣсто и прекрасная дорога до самой станціи *Чжалату* [1]). Станція расположена на равнинѣ, нѣсколько склоненной на югъ.

1) Цзалāту. *А. П.*

22-го Мая.

Утро было мрачное; все небо обложилось ненастными облаками. Со станціи мы перебирались черезъ увалы, увѣнчанные буграми, переѣхали нѣсколько котловинъ и много песчаныхъ ложъ; впрочемъ, послѣдняя половина дороги состояла изъ легкихъ уваловъ и твердой почвы, испещренной малиновыми цвѣточками *орто* и желтыми *буддарганы*. Къ станціи мы съѣхали по ровному скату. Она называется *Чжубури*[1]) и расположена на полосѣ сыпучаго песка. Почва красновата; по ней разсѣяны черные камешки и встрѣчаются новые противъ прежнихъ роды растеній. Около станціи холмы, въ видѣ неправильныхъ волнъ; по лощинамъ пріятная зелень. Во время нашего пребыванія на станціи, со всѣхъ сторонъ поднялась мелкая пыль и подулъ сильный вѣтеръ, едва не сносившій нашихъ юртъ. Вода на станціи дурна. Мы отправились со станціи подъ мелкимъ, но рѣзкимъ дождемъ; дорога шла сначала по уваламъ съ зелеными скатами; мы проѣхали по красной полосѣ, твердо убитой и безъ камешка; около нея росла зеленая травка; по лѣвую сторону тянулся низкій валъ, покрытый зеленью; другая половина дороги была ровная, мѣстами красно-песчаной почвы; по дорогѣ выбитъ вершниками рядъ тропинокъ, опушенныхъ травой и цвѣтами. Во всю дорогу шелъ мелкій дождь до самой станціи *Бороообо*[2]). Станція расположена на равнинѣ; кругомъ ни одного возвышенія. Вода здѣсь хороша. Со станціи мы переѣхали нѣсколько уваловъ, съ ложами краснаго песка; почва вездѣ красноватаго цвѣта; дорога прекрасная, какъ гладкій помостъ. За увалами ровное мѣсто. Здѣсь настигла насъ гроза: туча съ громомъ и молніею окатила насъ проливнымъ дождемъ, а бурный вѣтеръ гнулъ наши повозки на бокъ. На станцію *Хутулъ-долонъ*[3]) мы прибыли уже ночью.

---

1) Цзо̄бо̄ри. *А. П.* — 2) Боро̀ обо̄. *А. П.* — 3) Хутӯль долбнъ. *А. П.*

23-го Мая.

Всю ночь дулъ сильный вѣтеръ, такъ что наша юрта покачивалась изъ стороны въ сторону. Утро было чисто и свѣжо; холодный вѣтеръ рѣзалъ и морозилъ лице. Станція расположена на ровномъ мѣстѣ; на сѣверѣ отсюда тянется низкій песчаный уступъ желтаго цвѣта; только верхняя часть его покрыта черными камнями. На сѣверо-востокѣ, при подошвѣ сопки съ обо̀, построена кумирня; всѣ другія стороны равнины ничѣмъ не ограждены. Благодаря вчерашнему дождю, въ воздухѣ ни тумана, ни атома пыли; лица монголовъ просвѣтлѣли радостію; для почвы монгольской степи дождь — небесная манна; песчаный грунтъ тотчасъ всасываетъ благодатную влагу и не даетъ солнечному жару и вѣтрамъ испарять ее; впитанная влага скоро произраститъ сочную траву, не роскошную и разнообразную, а простую и низкую, но тѣмъ болѣе питательную для скота, что исключительно для произращенія ея работаетъ вся сила почвы. Этой питательностію степныхъ растеній, надобно объяснять крѣпость монгольскихъ лошадей, питающихся только подножнымъ кормомъ. — Мы двинулись со станціи подъ страшнымъ шумомъ и завываніемъ вѣтра, по почвѣ твердопесчаной сѣраго цвѣта. Проѣхавъ песчаный уступъ, мы продолжали путь по однообразной дорогѣ, мѣстами переѣзжая черезъ ложа сыпучаго песка; кругомъ виды были печальны: растеніе рѣдкое и пожелтѣвшее; уступы, въ видѣ залавковъ и всѣ возвышенія покрыты были или черноватымъ слоемъ, или желтыми полосами песка. Такъ ѣхали мы до самаго *Саиръ-усу*. Ничего не можетъ быть печальнѣе подъѣзда къ этой станціи: сначала идутъ бугры песка, покрытые грубой зеленью; ближе, въ разныхъ мѣстахъ тянутся тоже песчаные залавки; исключая юго-западной цѣпи песчаныхъ холмовъ, равнина ни откуда не защищена и представляется безплодной и пустынной. На право, къ сѣверо-востоку, показалось много юртъ, раскинутыхъ на значительномъ пространствѣ; отъ нихъ на западъ, жилища трибунальскихъ чиновниковъ; на югъ

отъ послѣднихъ, такое же зданіе, — кумирня *Гуанъ лао ъ*. Мы направились къ юртамъ и встрѣчены были здѣшними чинами. Саиръусу есть мѣсто довольно важное тѣмъ, что черезъ этотъ пунктъ проходятъ сообщенія съ Ургой, Улясутайемъ, Кобдо и Тарбагатаемъ; депеши отъ главнокомандующаго въ Или ко двору пересылаются по этому же тракту. Изъ трибунала командируются сюда на три года два чиновника: одинъ *и-чжуанъ-дао*, или главный смотритель почтовыхъ станцій, и одинъ *битхеши*, въ качествѣ секретаря. Палаты и жилища для этихъ чиновъ построены съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ китайской архитектуры, сбиты изъ глины и такой же стѣной огорожены; переднее зданіе для битхеши, заднее для *и-чжуанъ-дао*. Эти чиновники считаютъ себя здѣсь заживо погребенными: особенно невыносимо для нихъ лишеніе удобствъ китайской кухни и отсутствіе всякаго общества, гдѣ можно было бы убить скучное время. Доставать провіантъ можно не иначе, какъ изъ Калгана, болѣе чѣмъ за 1000 верстъ; а въ Ургѣ нечего купить. По этому они довольствуются одной монгольской бараниной; въ годъ на человѣка выходитъ 60 барановъ; за барана платятъ только по 2 кирпича чая. Теперешній *и-чжуанъ-дао* старикъ, съ синимъ непрозрачнымъ шарикомъ. Онъ былъ нѣкогда приставомъ, провожавшимъ русскую миссію до Кяхты въ 1821 году. Между прочимъ онъ сказалъ намъ, что вчера проѣхалъ здѣсь *Фынъ да-женъ*, бывшій въ Или, а теперь перемѣщенный въ Ургу на мѣсто маньчжурскаго амбаня. Кумирня *Гуанъ лао ъ*, съ рисованнымъ его изображеніемъ, также сбита изъ глины и также въ китайскомъ вкусѣ.—Вѣтеръ продолжалъ дуть съ невѣроятною силой, поднимая облака крупнаго песка; по равнинѣ съ трудомъ можно было итти; дюжій *гальци* (истопникъ) едва удерживалъ нашу юрту. Подъ этимъ вѣтромъ мы отправились на С.-С.-В. переѣзжать скучную и пустынную равнину Саиръ-усу, неправильно исчерченную и покрытую сѣрымъ цвѣтомъ. Высокій и гребнистый увалъ отдѣляетъ ее отъ долины Суцзи; эта долина покрыта бѣдною зеленью; съ востока она ограничивается длинной, какъ

будто песчаной полосой, посеребрившейся отъ солнечныхъ лучей; на сѣверѣ и сѣверо-западѣ тянутся гряды холмовъ. Пріѣхавъ на станцію *Суцзи* [1]), мы вступили на почтовый трактъ, зависящій отъ Дэ бэйцзы; отселѣ всѣ станціи до Урги, и отъ Урги до Кяхты, не казенныя, а содержатся самимъ Ваномъ. Станція Суцзи расположена на покатости, съ которою сходится на востокѣ бѣлая полоса, — это песчаная почва, усыпанная бѣлымъ мелкимъ щебнемъ. — Вода здѣсь порядочная.

24-го Мая.

Утромъ небо покрыто было осенними туманами; сѣверо-западный вѣтеръ былъ не силенъ, но холоденъ. Отъ станціи дорога идетъ черезъ цѣпь песчаныхъ холмовъ, которые отдѣляютъ долину Суцзи отъ Сологайскихъ переваловъ; эти перевалы состоятъ изъ одного общаго и высокаго увала, раздѣленнаго на нѣсколько другихъ, хотя не столь значительныхъ подъемовъ и спусковъ. Наклоненіе почвы неопредѣленно, то на востокъ, то на западъ. Своротивъ съ дороги нѣсколько на сѣверо-востокъ, мы прибыли на станцію *Сологай*. Она расположена между двумя увалами; изъ нихъ предстоящій оканчивается холмами; начало его песчаное, покрытое бѣловатымъ камнемъ. Къ полудню вѣтеръ стихъ и сдѣлалось тепло. За этой станціей началась прежняя и вѣчная исторія песчаныхъ холмовъ; бока ихъ покрыты были черными камнями; затѣмъ слѣдовало песчаное ложе, усѣянное булыжникомъ и имѣвшее видъ ущелья; съ ложа мы переѣхали на цѣпь уваловъ; большая часть которыхъ также покрыта булыжникомъ; потомъ почва вдругъ измѣняется, сначала она краснаго цвѣта и безъ камней, далѣе усыпана мелкимъ щебнемъ. Послѣдній увалъ, какъ и передъ прежней станціей, есть высокая площадь, со всѣхъ сторонъ покатая; съ нея мы спустились къ станціи *Баянь-Билыгхъ* [2]). Мѣстоположеніе ея весьма

1) Сучжи. *А. П.* — 2) Байнъ-бильгйхъ. *А. П.*

пріятно; она стоитъ на долинѣ, огражденной съ юга и юго-запада увалами, а съ запада и сѣверо-запада цѣпью отдаленныхъ холмовъ, въ видѣ кучъ, и столовой горой; съ востока тянется рядъ отдѣльныхъ холмовъ; съ сѣвера также цѣпь небольшихъ возвышенностей, за которыми въ легкомъ туманѣ виднѣется столовая гора. По всему видно, что мы вступили въ отроги горъ. Красноватая почва вездѣ покрыта щебнемъ и легкою зеленью. Верхи холмовъ одѣты пластами камней темномалиноваго и зеленаго цвѣтовъ, одинакаго образованія, такъ что въ кучѣ камней средина зеленаго, а окружность малиноваго цвѣта; цвѣтъ на нихъ лежитъ пятнами и полосами. Пласты камня углубляются на югъ. По долинѣ пасутся стада лошадей и коровъ. Мы помѣщались въ юртахъ, въ которыхъ ночевалъ амбань, поэтому онѣ убраны были съ монгольскимъ великолѣпіемъ; цѣлыхъ пять юртъ было соединено вмѣстѣ для помѣщенія амбаня и его семейства; въ главной, т. е. самой дальней, полъ устланъ былъ холстомъ; у стѣнки устроенъ низкій наръ; на жаровнѣ кипятился огромный мѣдный чайникъ, съ кирпичнымъ чаемъ, варенымъ на молокѣ; передъ нами на столикѣ поставлены молочныя пѣнки и длинные куски кислой творожной постилы на мѣдномъ блюдѣ, которое покрыто было слоемъ грязнаго сала. Не смотря на степное великолѣпіе нашей ставки, мы терпѣли важныя неудобства; чтобы добраться до вельможнаго жилища, надобно было пролѣзть черезъ трое дверей, поднимая у каждой тяжелую войлочную дверь и нагибаясь чуть не до земли. Къ закату солнца вѣтеръ стихъ, сдѣлалось тепло. Не смотря на позднее время, мы двинулись со станціи. Переѣхавъ хребетъ сѣверныхъ холмовъ, мы при свѣтѣ вечерней зари спустились въ Бурынъ-хаирханскую долину и объѣхали съ запада величественную гору *Бурынъ-хаирханъ*; она идетъ съ востока на западъ въ видѣ стола, и, достигнувъ крайняго возвышенія, вдругъ оканчивается отвѣснымъ обрывомъ. Эта гора господствуетъ надъ долиной и окружными высотами; подошва ея, усыпанная крупнымъ щебнемъ, отлого расходится во всѣ стороны. Отъ подошвы Бурынъ-хаирхана мы направи-

лись къ цѣпи холмовъ, ограждающихъ съ сѣвера здѣшнюю долину. Выбравшись изъ долины, мы ѣхали остальной путь глубокой ночью, подъ туманнымъ небомъ; дорога была прекрасная, только мѣстами были склоны и кочки. Черезъ нѣсколько времени показались огни станціи *Баянъ хошо*[1]). Небо заволоклось облаками.

25-го Мая.

Ночью выпалъ дождь. Утро было влажное и холодное, какъ осенью; небо покрыто дождливыми облаками. Станція расположена при подошвѣ крутаго спуска съ увала, черезъ который мы вчера переѣхали; съ востока и запада тоже высокіе увалы; въ другія стороны, особенно на С.-В. и С.-З., мѣстоположеніе болѣе открытое. Почва песчаная и дресвянистая; есть и зелень. Небо начинало проясниваться, когда мы поднялись со станціи. Сначала мы ѣхали по равнинѣ; затѣмъ, между двумя увалами, по ложбинѣ съ дересу выѣхали въ долину, окруженную со всѣхъ сторонъ ровною цѣпью возвышеній; по вершинѣ ихъ проходитъ каменный гребень; можно подумать, что здѣсь была огромная изгородь, или царское кладбище въ китайскомъ вкусѣ. Съ вершины сѣвернаго подъема идетъ на сѣверъ чрезмѣрно длинный спускъ, и съ послѣдняго увала открывается прекрасная Бурдахская долина; среди ея возвышаются двѣ черныя скалы, называемыя однимъ именемъ *Бурынъ-хаирхана*; кругомъ отдаленныя горы; въ воздухѣ было тихо, но изрѣдка наносились струи холода; дождливый туманъ застилалъ небо и скрадывалъ формы окрестныхъ возвышенностей. Спустившись къ Бурынъ-хаирхану на сѣверъ, мы поворотили отсюда на сѣверо-востокъ и по долинѣ доѣхали до станціи *Бурдаханъ*[2]). Она расположена на ровномъ мѣстѣ, вдали горъ; изъ нихъ болѣе другихъ замѣтны, на юго-западѣ Бурынъ-Хаирханъ, на востокѣ Баинь дагъ, на сѣверѣ Борокчонъ. Со станціи мы отправились далѣе по на-

1) Байнъ-хошӯ. *А. П.* — 2) Борδ-дāганъ. *А. П.*

правленію къ Баиньдагской долинѣ; эта долина повсюду усѣяна дересу. Съ нея мы переѣхали на увалы, напоминавшіе намъ чахарскія поляны; впереди и по сторонамъ разстилались широкія полосы зелени; нигдѣ не видно было острыхъ возвышенностей; увалы были круглы и плоски, съ различными склонами и направленіями; дорога шла то черезъ вершины уваловъ, то по западному, или восточному скату ихъ, то по ровнымъ лужайкамъ; съ каждаго увала, она разстилалась передъ нами впередъ до самаго горизонта, какъ лента. Почва вездѣ твердая, песчаная, съ мелкой, какъ дробь, дресвой. Только къ станціи почва блѣднѣетъ; наконецъ мы наѣхали на кочки дересу, близь которыхъ расположена станція *Хутулъ-Торемъ* [1]). Станція расположена между увалами; на югъ идутъ возвышенія, съ которыхъ мы съѣхали; невдалекѣ отъ станціи, около дороги, небольшая квадратная кумирня, сбитая изъ сосновыхъ досокъ далѣе озеро, берега котораго покрыты бѣлымъ слоемъ *гучжира*; вода въ озерѣ, какъ будто разведена известкой; такая же вода въ ближнемъ колодцѣ. Растительное царство съ каждой станціей прирашается новыми травками и цвѣточками; между ними показались незабудки. Почва изрыта норами сусликовъ (оготоновъ). Солнце склонялось къ закату по туманному небосклону, когда мы поднялись со станціи. Намъ предлежало переѣхать два холма, казавшіеся отрогами какого нибудь хребта. Оба они имѣли форму опрокинутаго котла: высоки, выпуклы и покрыты зеленью. Переѣздъ черезъ нихъ составляетъ половину всей дороги до слѣдующей станціи; съ вершины ихъ мы видѣли внизу другіе холмы, уже погружавшіеся въ вечерній туманъ. На спускѣ, вмѣстѣ съ прохладой, на насъ вѣяло ароматомъ душистыхъ растеній. Остальной путь мы продолжали въ ночной темнотѣ, мѣстами по камнямъ, но большею частію лавируя между ними, благодаря необыкновенной зоркости улаци и лошадей. Такъ мы прибыли на станцію *Модонъ*.

---

1) Хутӯль-тӧйримъ. *А. П.*

26-го Мая.

Станція расположена между низкими увалами, среди большихъ полосъ зелени. Ночью выпала сильная роса, такъ что песокъ промокъ, какъ отъ дождя. Утромъ воздухъ былъ свѣжъ и влаженъ, какъ въ пекинскихъ горахъ осенней порой. Отправившись со станціи, мы ѣхали по восточнымъ и западнымъ скатамъ увaловъ на С. и С.-С.-В. Дорога часто песчано-камениста, но вообще весьма хороша; послѣдняя долина была засѣяна дересу, отсюда по ровному мѣсту мы доѣхали до станціи *Наранъ-орто*. Станція расположена на огромной плоскости, наклоненной къ востоку и югу; на югѣ она упирается въ подошву трехзубцеваго кряжа холмовъ, за которыми поднимается рядъ сплошныхъ возвышенностей; на сѣверѣ виднѣются пологіе увалы, нѣкоторые бѣлаго цвѣта. Время было тихое и теплое; къ полудню собралась туча, но дождь былъ небольшой и рѣдкій; вскорѣ засіяло солнце, подулъ вѣтеръ и мы отправились далѣе перекрещивать увалы. По дорогѣ попадались солончаки и вездѣ, гдѣ есть они, на почвѣ мы замѣчали зелень; съ сѣвера на насъ нашла еще туча, но съ небольшимъ дождемъ; послѣ дождя распространился легкій и влажный туманъ; воздухъ пропитался запахомъ травъ; почва едва выказывала свой песчаный грунтъ; мѣстами дорога проходила по ложамъ зелени, усѣяннымъ лазоревыми и желтыми цвѣточками, надъ которыми вились бѣлыя и желтыя бабочки. Затѣмъ мы переѣхали высокую плоскость, огражденную съ двухъ сторонъ каменистымъ гребнемъ; возвышенности дѣлались значительнѣе, спуски круче. Своротивъ съ зеленой дороги на лѣво, мы прибыли на станцію *Талабулакъ*. Станція расположена на огромномъ кругломъ ложѣ высохшаго озера; это ложе замѣтно еще издалека, представляясь полосой песка среди зелени; кругомъ, на далекое пространство, идутъ плоскія возвышенности, среди которыхъ здѣшнее мѣсто составляетъ углубленіе; оно обведено кругомъ полосой дересу; почва ложа твердо-песчаная, съ высохшей травой; по берегамъ его просвѣчиваютъ бѣлыя пятна

гучжира. Солнце склонялось къ западу по пламенному горизонту и съ юга подулъ холодный вѣтеръ, когда мы отправились со станціи. За этой станціей дорога была прекрасная; при свѣтѣ вечерней зари можно было замѣтить кругомъ безбрежную равнину, а на западѣ цѣпь холмовъ; наклоненіе почвы было съ востока на западъ. Никогда еще дорога и лошади не были такъ хороши. При вечерней звѣздѣ горизонтъ сократился и покрылся туманомъ. Небо было не ясно; свѣжій и влажный воздухъ проникалъ до костей. Въ одно время замѣтно было, что мы ѣхали по покатости; потомъ нѣсколько кочекъ дересу; но затѣмъ дорога снова сдѣлалась ровной и гладкой, какъ стекло. Уже передъ станціей дорога изъ прекрасной вдругъ сдѣлалась дурной; мы наѣхали на солончакъ, заросшій дересу, и во всю прыть помчались по кочкамъ, не смотря на то, что заводные монголы, при каждой большой кучѣ, кричали нашимъ улаци, чтобъ они огибали. Въ темнотѣ безлунной ночи, между черными кучами дересу, ярко серебрились подъ нами зигзаги и площадки солончака; мѣстами попадались цѣлыя полосы его, какъ будто освѣщенныя луной; но то была мертвая бѣлизна, на которой не скользили тѣни нашихъ лощадей и повозокъ. Версты черезъ двѣ такого пути, мы прибыли на станцію *Эндырдово*[1]). По разказамъ здѣшнихъ монголовъ, острія древнихъ стрѣлъ находятъ въ большомъ количествѣ на западѣ, близь рѣки *Сайханъ-ула*; они же сказывали, что не вдалекѣ отсюда, на Ю.-З. протекаетъ рѣка *Эндэръ-ола*, а на С.-В. есть кумирня.

27-го Мая.

Утромъ была ясная и тихая погода. Станція расположена на широкой долинѣ; близь нея на западѣ, съ юга на сѣверъ, проходитъ широкое ложе солончака на необозримое протяженіе; далѣе на западъ, гдѣ по описанію должна быть Эндыръ-ула, идетъ цѣпь

1) Ӯндӯръ-добо̄. *А. П.*

сплошныхъ холмовъ, за которой высится другая съ пиками, въ видѣ горъ. На сѣверо-востокѣ горы. Со станціи мы отправились по прежнему направленію на С.-С.-В., по ровной долинѣ; чѣмъ далѣе мы ѣхали, тѣмъ болѣе сближались между собой гористые берега долины; наконецъ долина упирается въ поперечную цѣпь холмовъ, за которой начинаются меньшія долины, раздѣленныя правильными цѣпями горъ отъ В. къ З. и отъ Ю. къ С. Тутъ расположена станція *Цзиргаланту* [1]). Она стоитъ почти среди долины; кругомъ горы, особенно на В. и Ю.-В., гдѣ онѣ тянутся на западъ правильными хребтами. Горы рѣзко обрисовываютъ долину и покрыты, какъ и долина, зеленью. Онѣ холмообразны, въ видѣ сопокъ; почва твердопесчаная, красноватаго цвѣта; на ней появляются новыя растенія. Вѣтеръ началъ разгонять туманы, когда мы отправились со станціи; по долинѣ мы ѣхали до самаго перевала, за которымъ простирается Долонская лощина. Лощина имѣетъ видъ длиннаго ущелья, между двумя увалами, покрытыми зеленью; всѣ низменныя мѣста ея заросли мелкимъ дересу. По дорогѣ расли разнообразныя травы и цвѣты; почва мѣстами красная, но щебня уже не было видно. Лощина занимаетъ бо́льшую часть дороги; съ нея, черезъ крутые и зеленые увалы, мы прибыли на станцію *Долонъ* [2]). Въ росписаніи она названа *Бутэхъ*. Станція расположена на долинѣ, окруженной горами, не вдалекѣ отъ подошвы *Долонъ-олы* [3]). Скаты этой горы усѣяны красивыми букетами незабудокъ и душистой травкой. Къ закату солнца, мы поднялись со станціи. Дорога шла по долинѣ на С.-В. Мы потеряли изъ виду восточный берегъ ея, но западный рисовался еще синими гребнями; вдали на сѣверѣ виднѣлись горы, въ видѣ зеленыхъ сопокъ. Казалось, что мы прямо упремся въ подножіе хребта. Еще засвѣтло мы доѣхали до станціи *Бухэкъ* [4]). Она расположена въ началѣ ущелья, которое поднимается и углубляется внутрь горъ. Скаты обоихъ береговъ его круты; по ущелью, среди зелени, съ шумомъ протекаетъ

1) Чжиргалантў. *А. П.* — 2) Долбнъ. *А. П.* — 3) Долбнъ ўла. — 4) Бўхэкъ. *А. П.*

ручей чистой и холодной воды. На югѣ, откуда мы пріѣхали, виднѣлись черныя и бѣлыя полосы, какъ будто страшныя пустыни; на западѣ простирается въ безграничную даль рядъ высокихъ гребней. На сѣверѣ поднимаются надъ нами высокія холмистыя горы.

28-го Мая.

Раннимъ утромъ, при ясной погодѣ, мы начали подниматься по ущелью; выше оно дѣлается широкимъ оврагомъ съ овальными боками; мы взъѣзжали по западному берегу ущелья, то спускаясь, то снова поднимаясь по извилистой дорогѣ, пока наконецъ не достигли вершины хребта; здѣсь сложено обо̀; отсюда передъ нами открылась перспектива громадныхъ горъ; многоглавыя вершины ихъ покоились въ утреннемъ туманѣ, чуть не подъ нашими ногами; это Ургинскій Нордянь. Какое сравненіе между дикою природою скалообразныхъ и пустынныхъ Калганскихъ горъ съ раздольными лощинами и зелеными скатами горъ Ургинскихъ! Мы прощались съ унылой природой монгольскихъ степей и съ наслажденіемъ вдыхали въ себя свѣжія и чистыя струи воздуха, несшіяся къ намъ съ сѣвера, съ неприступныхъ высотъ. Спускъ былъ крутой, длинный и живописный; нѣсколько человѣкъ держали сзади наши повозки, потому что дорога лежала по опаснымъ стремнинамъ; почва была гладкая и зеленая. Спустившись съ Бухэкскаго хребта, мы очутились на долинѣ, которая идетъ съ востока на западъ. По обѣимъ сторонамъ ея возвышаются величественныя горы. По долинѣ густая зелень, среди которой извивается и бѣжитъ по мелкимъ камнямъ глубокій ручей *Торгэнъ-голъ*. Мѣстами виднѣлись юрты и множество скота паслось на здѣшнихъ привольныхъ пажитяхъ. Нашъ путь, лежавшій на С.-В., преграждался западнымъ протяженіемъ горы *Богдо-олы;* по этому дорога склонилась черезъ долину на С.-З., къ тому мѣсту, гдѣ хребетъ понижается и образуетъ легкій перевалъ на сѣверъ, въ видѣ сѣдла. Перебравшись черезъ этотъ

перевалъ, мы спустились, по наклоненію сѣвернаго ската, на равнину, гдѣ расположена станція *Босэкъ*. Въ росписаніи слѣдующая послѣ Бухэкъ станція наименована *Тола-бира* (т. е. рѣка *Тола*). Кругомъ далекія горы; на востокъ, не вдалекѣ отъ станціи, низкій увалъ, отдѣляющій насъ отъ ургинской долины. На сѣверѣ, вблизи подошвы громадныхъ горъ видна густая роща, или плантація вязовыхъ деревъ. Она растягивается съ востока на западъ, по берегу Толы, и вмѣстѣ съ этой рѣкой углубляется на С.-З., въ узкое ущелье, съ отвѣсными сторонами. Со станціи мы поѣхали нѣсколько на Ю.-В. и версты черезъ три были на вершинѣ увала; передъ нами открылась ургинская долина и въ глубинѣ В.-С.-В. раскинулся желтой полосой Курень. Сначала мы ѣхали на Ю.-В., около хребта высокихъ горъ, сверху покрытыхъ дремучимъ сосновымъ боромъ. Многовѣтвистая Тола прорѣзываетъ долину съ Ю.-В. на С.-З. Мы переѣхали въ бродъ три широкія и глубокія русла и три протока ея; они наполнены мелкимъ песчаникомъ. Кажется, что Тола часто мѣняла и мѣняетъ свое ложе. На право отъ насъ шло протяженіе Богдо олы; Тола подходитъ къ хребту близко; берега ея и подошва горы заросли зеленой рощей; гора стоитъ отвѣсно и вершиной своей, покрытой лѣсомъ, смотрится въ рѣку. Весь хребетъ заросъ темнымъ сосновымъ боромъ. Отъ переѣзда черезъ Толу мы ѣхали на сѣверовостокъ и мало по малу приближались къ Куреню; онъ былъ у насъ по лѣвую руку; на Ю.-В. отъ него, на берегу Толы, видны бѣлыя стѣны и зеленая черепица на крышѣ кумирни, вновь построенной для будущаго Кутухты. Курень расположенъ по южному скату увала тремя кучами, раздѣленными одна отъ другой широкими улицами; почва по улицамъ желто-песчаная; по нимъ бродило множество ламъ и монголовъ. Жилища представляютъ сплошную массу низкихъ зданій, съ крышами, красными воротами, безчисленнымъ множествомъ шестовъ и развѣвающихся хадаковъ. Проѣхавъ мимо одного высокаго храма, мы углубились въ восточное предмѣстіе Куреня, потомъ въ лабиринтъ отдѣльныхъ квадратныхъ *юань цзы* (жилыхъ домовъ), обнесенныхъ ча-

стоколомъ; внутри ихъ хижины и шесты съ хадаками; у красныхъ воротъ появлялись оборванные ламы. Въ ближнихъ *юань цзахъ* живутъ ламы; далѣе на востокъ есть такіе же *юань цзы*, гдѣ живутъ огородники и даже чиновники. Проѣхавъ частоколы и оставивъ на правой сторонѣ жилища и присутственныя мѣста амбаней, мы замѣтили, наконецъ, влѣво, одинокое зданіе съ красными воротами и деревяннымъ щитомъ, обнесенное частоколомъ. Это было *Гунъ гуань*, или подворье, гдѣ обыкновенно останавливаются русскія миссіи. Въ немъ помѣстились и мы. Въ Гунъ гуанѣ, какъ въ казенномъ мѣстѣ, живутъ по три года трибунальскіе бошко. Кромѣ тайцзи, исправлявшаго при насъ должность служителя, къ намъ приставили тусулакчи (начальника станцій, лежащихъ отъ Урги до Кяхты).

Мы прожили въ Ургѣ съ 28-го мая по 1-е іюня. 30-го мая, по принятому обыкновенію, я являлся къ амбанямъ за тѣмъ, чтобы посидѣть въ присутственномъ мѣстѣ, отвѣтить на вопросы о дорогѣ и принять угощеніе, состоявшее изъ разнаго рода сластей. 31-го мая Дэ бэйцзы (ургинскій правитель) уѣхалъ на поклоненіе горамъ: Богдо ола и Кэнтэй.

1-го Іюня.

Въ провожатые намъ отъ Урги до Кяхты со стороны Дэ бэйцзы даны были: одинъ тусулакчи, одинъ куньду и гунъ-гуаньскій тайцзи. Около полудня, когда надъ Богдо олой нависло тучевое облако, мы отправились изъ подворья на западъ къ Куреню. Проѣхавъ между базаромъ и войлочными лавками, устроенными въ предмѣстіи Куреня, мы своротили на сѣверъ, на куреньскій перевалъ; дорога здѣсь широкая и гладкая; почва желтая до красна. Перевалъ не крутъ, но довольно длиненъ; по косогору мы спустились въ долину, имѣющую видъ широкаго ущелья, и направились на сѣверо-востокъ; почва здѣсь кажется черноземомъ; по ущелью протекаетъ ручей, на берегахъ котораго растутъ вязы и березы и множество цвѣтовъ-колоколь-

чиковъ; по лугамъ паслись буйволы. На лѣво поднимался хребетъ, покрытый густымъ сосновымъ и березовымъ лѣсомъ. Въ углу долины, заросшемъ чащей деревъ, мы очутились у подножія *Толготскаго* перевала,—живописнаго, но высокаго и труднаго. Дремучій лѣсъ съ обѣихъ сторонъ примыкалъ къ нашей дорогѣ; почва покрыта была оранжевой *сараной* и васильковой *коко*. На вершинѣ хребта, между двумя холмами, какъ стѣнами, мы принуждены были дать лошадямъ отдыхъ. Далѣе на сѣверъ и сѣверозападъ, передъ нами открылся длинный рядъ безлѣсныхъ горъ,—протяженіе и отроги здѣшняго хребта, который, понижаясь холмообразно, наконецъ вовсе лишается лѣсной оболочки. Крутымъ и длиннымъ спускомъ, мы съѣхали съ хребта на ровную и зеленую поляну, по которой извивался мелкій ручей *Куйголъ*. По этой полянѣ мы въ направленіи на С.-З. прибыли на станцію *Куй;* однакожъ она расположена не на ручьѣ этого имени. Съ Ю.-В. и С.-В. облегаютъ ее горы. Вдали виднѣется лѣсистый Толготъ. Почва здѣшней долины звонкая, такъ что топотъ лошадей слышенъ еще издалека, какъ удары въ бубны. Весь день былъ облачный, вѣроятно, отъ множества лѣсовъ, растущихъ по хребтамъ горъ. Трава по долинѣ мелкая и безъ цвѣтовъ.

2-го Іюня.

Утромъ небо покрыто было дождливыми облаками; вѣяло влажностію, но почва была суха. Мы отправились со станціи сначала на сѣверъ, потомъ уклонились на западъ, къ *Олинъ-даба*; при подошвѣ этого перевала протекаетъ ручей *Наринь*; подъемъ былъ не труденъ; на вершинѣ его треглавое обо; отсюда мы замѣтили высокій хребетъ, ограничивающій Борголтайскую долину; спускъ на нее сначала крутъ, но потомъ дѣлается пологимъ и чрезвычайно живописенъ. Мы ѣхали на С.-С.-З. Почва по дорогѣ, особенно по косогорамъ, красноватаго цвѣта. Къ станціи *Борголтай* — мы уклонились отъ дороги влѣво. На западъ отъ станціи, ручей Борголтай, протекающій на югъ, омы-

ваетъ подошву лѣсистаго хребта. Кругомъ горы, понижающіяся на востокъ; изъ-за ближнихъ горъ выдаются лѣсистыя. Со станціи мы отправились на сѣверъ и переѣхали два увала, соединяющіе здѣшнія горы; далѣе, по длинному и ровному скату на С.-В., покрытому зеленью на бѣловатой почвѣ, мы доѣхали до станціи *Хунцалъ*. Эта станція есть небольшое подобіе харчиньскихъ мѣстоположеній: на ней бѣловатая гучжирная почва, мелкій дересу, кругомъ холмы пустынные, и вблизи озерко или болото съ водой, похожей на щелокъ; кругомъ озерка болотныя кочки; трава мелкая, съ миріадами прыгающихъ насѣкомыхъ. Часа въ два по полудни поднявшись со станціи, мы переѣхали нѣсколько *даба*, или переваловъ; изъ нихъ первый крутъ и съ длиннымъ спускомъ. Первые четыре даба огибаютъ величественную гору *Ного модо даба*, по китайски *Хуа му ба*, а по русски «березовый хребетъ»; онъ состоитъ изъ огромныхъ каменныхъ массъ и до самой вершины покрытъ березовымъ лѣсомъ. Скалистая вершина его, усаженная прямыми березами, высится надъ окружными горами и издали представляется подъ облачнымъ жилищемъ горнаго духа. Съ даба мы спустились въ небольшую долину, кругомъ обведенную высокими горами. Остальными перевалами мы приближались къ западнымъ грядамъ горъ, мало по малу оставляя восточныя. Путь нашъ лежалъ на С.-З.; дорога была широкая и гладкая. Во все время переѣзда погода стояла прекрасная. Поворотивъ на право съ дороги и пересѣкши нѣсколько тропинокъ, прибыли на станцію *Баянъ-бирхай*. На востокъ отъ станціи тянется хребетъ *Ногинъ-ола*, составляющій, по видимому, протяженіе Ного модо даба и покрытый густымъ лѣсомъ; на половинѣ ската, по лѣсу простирается красная полоса, какъ будто бы лѣсъ былъ обожженъ. Баянь-бирхайская долина со всѣхъ сторонъ опоясана живописными горами и покрыта густой травой; на ней замѣтно множество слѣдовъ изчезнувшихъ зданій; прямые и круглые рвы образуютъ правильныя фигуры, какъ будто основанія. На востокъ отъ станціи, при подошвѣ длиннаго холма, который заслоняетъ ее отъ долины

Ноинь-олу, остается цѣлый рядъ такихъ слѣдовъ, расположенныхъ симметрически. Глубокій оврагъ, вырытый дождевыми потоками, изуродовалъ часть этихъ основаній. На западъ отсюда есть слѣды гораздо бо́льшаго размѣра и разныхъ очертаній. Какія зданія существовали здѣсь? Можетъ быть то были ставки ургинскихъ князей, пріѣзжавшихъ сюда на облаву, или шатры, въ которыхъ пировалъ куреньскій хутухта. На это могутъ возразить только тѣмъ, что ставки, шатры и юрты монголовъ обращены бываютъ лицемъ, т. е. дверьми, на югъ; а всѣ входы на оставшихся слѣдахъ обращены на востокъ, къ Ноинь-олѣ. Преданіе гласитъ также, что нѣкогда Русскіе жили здѣсь хозяевами. Въ подтвержденіе того, что здѣсь прежде жилъ народъ осѣдлый, можно указать на множество слѣдовъ оставленныхъ пашень и водопроводовъ для орошенія полей; а монголы здѣшнихъ долинъ еще недавно начали приниматься за хлѣбопашество. — Рядъ уцѣлѣвшихъ слѣдовъ показываетъ основаніе семи зданій, расположенныхъ полукругомъ.

3-го Іюня.

Утро было тихое и прохладное; въ воздухѣ ощущалась свѣжесть и благовоніе. Поднявшись со станціи, мы ѣхали по Баянь-бирхайской долинѣ, потомъ, черезъ холмистый перевалъ, переѣхали на другую долину, которая на западѣ, кажется, соединяется съ бирхайской. Здѣсь много пашень и древнихъ слѣдовъ зданій. Оставляя назади Ноинь-олу, образующую сѣверную гряду куреньскихъ горъ, мы приближались къ другой системѣ, или къ другой горной грядѣ, къ которой съ юга ведутъ Мангатайскія ущелья. Долина оканчивается возвышеніемъ, на которое мы непримѣтно поднялись, по направленію къ С.-С.-В. Отсюда мы усмотрѣли свѣтлую полосу *Хараюла;* возвышеніе на сѣверѣ круто обрывается и образуетъ каменистый берегъ, какъ будто стесанный руками человѣка; близь берега протекаетъ рѣчка Хараюлъ съ востока на западъ; она здѣсь шириной не болѣе 20 шаговъ; переѣхавъ черезъ нее въ бродъ, мы добрались до

станціи *Хара* по большимъ болотнымъ кочкамъ, покрытымъ зеленью. Торговая дорога находится отсюда на западѣ. Погода была тихая и теплая; горы облеклись туманомъ, предвѣщавшимъ жаръ. Отсюда мы отправились на С.-З. по долинѣ покрытой дересу и потомъ черезъ легкій перевалъ спустились въ Мангатайскія тѣснины; горы стояли отдѣльными купами безъ увалов, голыя и красныя; онѣ покрыты были сѣдыми камнями, на которыхъ цѣплялся мохъ—грубой зелени. Почва представляла гладкій помостъ, безъ травы. Этими ущельями мы приближались на С.-С.-В. къ Мангатаю, страшному для обозовъ, по живописному подъему. Подошва его заросла березовымъ лѣсомъ; изъ глубокаго ущелья вытекалъ ручей и падалъ по каменистому подъему каскадами; мы поднимались по крутизнамъ и окраинамъ, заросшимъ деревами; множество березъ поломано, или высохло; мирiады насѣкомыхъ, болѣе всего бабочекъ, поднимались изъ влажной травы, испуганныя нашимъ поѣздомъ; подъ сѣнью березъ цвѣло безчисленное множество цвѣтовъ, среди которыхъ болѣе другихъ красовались астры, похожія на розы; стукъ отъ нашихъ повозокъ громко раздавался въ окрестныхъ дебряхъ; лошади, подъ неудобной упряжью, съ неимовѣрными усиліями тащили наши экипажи по скользкимъ подъемамъ, смоченнымъ ручьемъ и усѣяннымъ большими камнями. Вершина хребта представляла ровную плоскость, съ березовой рощей; почва устлана была ковромъ сараны; на западѣ поднимается высокій холмистый пикъ; въ рощѣ развѣшаны номы, или лоскутья съ тибетскими молитвами; два березовыхъ обо увѣшаны, между прочимъ, дощечками съ именами китайскихъ фамилій, торгующихъ купцовъ въ Кяхтѣ. Спускъ съ Мангатая былъ не такъ крутъ и труденъ, какъ подъемъ. На право, по ущелью, растущія березы цѣлыми рядами были поломаны, какъ будто отъ урагана. Почва вездѣ красноватаго цвѣта. При концѣ спуска лѣсъ прекращается. Отсюда мы обогнули дугу на С.-В., С. и С.-З., по скучнымъ увалам и при томъ подъ сильнымъ жаромъ; кругомъ холмообразныя горы представляются пустынными. Къ станціи *Баинъ-голъ* мы подъ-

ѣхали по равнинѣ. Станція расположена на ровномъ мѣстѣ, по сѣверную сторону тихой и тинистой рѣчки *Баинъ-голъ* и не вдалекѣ отъ южнаго перевала; вдали холмистыя горы; на западѣ виднѣется высокій хребетъ,—протяженіе южныхъ грядъ. — Со станціи мы отправились по долинѣ до ближняго перевала, за которымъ открылась другая, въ видѣ длиннаго подноса, заросшая дересу. Уклонившись отъ долины направо, чтобъ обогнуть крутые холмы, мы ѣхали съ увала на увалъ и наконецъ, по западному скату восточныхъ холмовъ, прибыли на станцію *Намто;* не задолго передъ тѣмъ мы переѣхали черезъ рѣчку *Сараинъ-голъ*. Станція расположена на скатѣ холма, поднимающагося на востокъ; ниже на западъ, по болотистому ложу, протекаетъ рѣчка Сараинъ-голъ, кажущаяся стоячею. Кругомъ цѣпи пустынныхъ холмовъ; на сѣверѣ поднимается гряда высокихъ горъ. Воздухъ сыръ и наполненъ болотными испареніями.

4-го Іюня.

Утромъ погода была ясная и холодная. Мы отправились по горному руслу рѣчки, которое тянется на сѣверъ, въ видѣ длиннаго ущелья и заросло дересу. Путь нашъ лежалъ по восточной сторонѣ ущелья, около тальника, который растетъ по берегу рѣчки. Ущелье оканчивается холмомъ; объѣхавъ его съ востока, мы замѣтили влѣво, у подошвы горы, красивую кумирню; отсюда мы спустились на равнину и, переѣхавъ рѣчку *Куйтунъ-голъ*, прибыли на станцію *Дерэсъ-тоболонъ*. Станція расположена при подошвѣ самаго главнаго изъ возвышеній; долина здѣсь идетъ съ востока на западъ. Жаръ былъ нестерпимый и мы не безъ сожалѣнія воспоминали о прохладныхъ степяхъ монгольскихъ. Отсюда мы отправились по горамъ; вся наша дорога состояла изъ подъемовъ и спусковъ. Первый подъемъ былъ такъ крутъ, что, казалось, не возможно было на него взъѣхать. За нимъ слѣдовалъ высокій, крутой и опасный косогоръ; затѣмъ начались спуски и встрѣтился еще одинъ значительный подъемъ. Виды

кругомъ были пустынны; длинные и однообразные холмы безъ пиковъ и извивающіеся увалы представляли скучную и утомительную картину. Нашъ путь лежалъ на сѣверъ. Съ послѣдняго холма, по сыпучему песку, мы спустились на Ирогольскую долину. Она испещрена была зелеными полосами болотныхъ кочекъ. Съ сѣвера долина опоясывается грядой дикихъ, гребнистыхъ горъ, рѣзко отличающихся отъ однообразныхъ возвышенностей юга. По долинѣ мѣстами росъ тальникъ. Станція *Иро-голъ* расположена далеко отъ южнаго берега рѣки Иро. Жаръ былъ сильный. Со станціи верблюды со вьюками и наши повозки переправлены были въ бродъ черезъ рѣку, западнѣе станціи, а насъ перевезли черезъ рѣку на ладьѣ, или правильнѣе, на двухъ связанныхъ бревнахъ. Здѣсь Иро въ ширину не болѣе 40 шаговъ. Съ Ирогольской долины мы углубились въ широкое ущелье, а изъ него на лѣво, по крутому и длинному взъѣзду, поднялись на вершину *Намадаба*. Отсюда мы съѣзжали, какъ будто въ огромный котелъ, по длинному и глубокому спуску, который приводитъ къ темной тѣснинѣ, съ обѣихъ сторонъ огражденной высочайшими горами. Далѣе тѣснина разширяется и выводитъ на широкую долину, огражденную горами и покрытую зеленью. На сѣверѣ долина открывается горными воротами. Мы доѣхали къ станціи *Наринъ-могой* по болотнымъ кочкамъ. Близь станціи протекаетъ мутная рѣчка; на востокѣ и западѣ видны горы, покрытыя лѣсомъ.

5-го Іюня.

Утромъ мы поднялись со станціи, при ясной и тихой погодѣ. На сѣверо-востокѣ показались Русскія пограничныя горы, облеченныя въ туманъ. Оставивъ долину, мы проѣхали два сосновые бора; за ними съ послѣднею возвышенностію кончилась система Ирогольскихъ горъ. Передъ нами на сѣверѣ, за неровною плоскостію, открылась гористая пограничная линія; западное протяженіе горъ отлогое и покрыто лѣсомъ, а восточное выше и пустыннѣе. Отъ насъ на сѣверъ на половинѣ горнаго склона, забѣлѣлись

церковь и колокольня въ Кяхтѣ и рядомъ съ ними стѣны чайнаго пакгауза. Къ станціи *Гиланъ-норъ* мы спустились по легкому склону. Отсюда, по неровной дорогѣ, среди болотныхъ кочекъ, насъ скоро повезли къ Кяхтѣ; за болотными кочками слѣдовала довольно ровная дорога; не вдалекѣ отъ границы, справа мы миновали холмъ съ обо, — послѣднее напоминаніе Монголіи. — Въ Маймаченѣ дожидался насъ Заргучей. По заведенному порядку, онъ угостилъ насъ обѣдомъ. Вскорѣ прибылъ къ намъ г. пограничный начальникъ и ввелъ меня въ предѣлы отечества. — Путь отъ Пекина до Кяхты, по разчетамъ, въ 2,230 верстъ, я совершилъ въ теченіе сорока дней.

Примѣчаніе. Разстоянія по дорогѣ отъ Пекина до Калгана заимствованы мною изъ купеческаго дорожника; по дорогѣ отъ Калгана до Урги — изъ росписанія монгольскихъ станцій, доставленнаго изъ Калганскаго Почтоваго Управленія; а отъ Урги до Кяхты опредѣляемы были примѣрно.

Іеродіаконъ Палладій Кафаровъ.

Дорожныя замѣтки отца архимандрита Палладія во время переѣзда его по Монголіи въ 1859 году.

25-го Мая 1859 г. Отъѣздъ изъ *Пекина*.

Цинъ хэ, станція прощанія въ 20 ли отъ столицы. *Чжэ лю*. Обработанныя поля.

26-го. *Шахэ*, съ огромнымъ каменнымъ мостомъ.

27-го. Миновали *Чанъ пинь чжоу*, остановились въ *Нанъ коу*. Отъ Пекина разстояніе по почтовому тракту 115 ли, нашихъ 60 верстъ. Это южное устье ущелья; не вдалекѣ отъ мѣстечка *Лао ѣ шанъ*, остроконечная (гора); отъ подошвы ея на югъ высокая равнина, отдѣльная, оканчивающаяся деревней *Лунъ ху тай*, въ 8 ли отъ Нань коу; историческое мѣсто. Магометанскія гостинницы и извозъ до Калгана. Магометане имѣютъ сильныя торговыя сообщенія по этому тракту.

Восходя широкимъ отверстіемъ на югъ, ущелье *Гуанъ гоу* идетъ на сѣверъ съужаясь и поднимаясь. Разрушенные слѣды древнихъ каменныхъ строеній. 15 ли до крѣпости *Цзюй юнъ гуань*, съ надписью «*Тянь ся ди и гуань*», первая во вселенной крѣпость. Далѣе по трудной дорогѣ 25 ли до *Ба да лин*'а, верхней точки перевала, гдѣ сходится Великая Стѣна, устроенная въ видѣ обыкновенной съ бойницами и амбразурами. Она возстановлена, кажется, Минами (при Минской династіи); до нихъ давно была оставлена въ разрушеніи. Эта стѣна внутренняя, примыкающая въ двухъ пунктахъ ко внѣшней, другой постройки. Отсюда 5 ли до *Ча дао* (раздорожица).

Далѣе путь—долина на западъ между хребтами двухъ кряжей горъ; повидимому они образуютъ двѣ отдѣльныя системы: *тайхан*'скую и *инь-шань*'скую. Площадь побоищъ. Всѣ города и мѣстечки суть крѣпости; по дорогѣ военныя станціи и маячныя

башни. Дорога большею частью ровная до станціи *Цзи минъ и*, на разстояніи 150 ли. Отъ этого пункта трудные переѣзды черезъ два каменныя возвышенія, называемыя «драконовыми хребтами» (старымъ и новымъ).

Отъ Цзи минъ и до *Сюань хуа фу* 60 ли. Путь, какъ и прежде, идетъ вблизи сѣвернаго хребта горъ, по которому тянется древняя стѣна съ маяками.

Отъ города Сюань хуа фу до *Калгана* 60 ли. Онъ расположенъ при устьѣ ущелья, которое ведетъ на монгольскую площадь и составляетъ не маловажную твердыню для Китая. Въ Калганъ проѣзжаютъ черезъ ворота внѣшней великой стѣны, укрѣпленныя при династіи Минъ. Путь идетъ далѣе вверхъ по ущелью въ виду, на лѣво, Великой Стѣны, вьющейся по хребту.

1-го Іюня. *Бань ба.* Великая Стѣна сложена изъ дикаго угловатаго камня, тамъ гдѣ бастіоны; послѣдніе поздней постройки. На одномъ надпись: *Цзинь му тай.* Далѣе идетъ валъ безъ камней; вмѣсто бастіоновъ курганы на базисѣ; разстояніе между ними на столько, что слышенъ голосъ человѣка отъ одного до другаго. Гряды горъ землянисты и кажутся низки потому, что не имѣютъ высотъ.

Перемѣна природы. Остановились кочевьемъ близъ *Цаганъ балгасун*'а. Здѣсь я, проживъ до 25-го Іюня, отправился въ дальнѣйшій путь. Вдали видна горная линія по границѣ собственнаго Китая. Цаганъ балгасунъ значитъ «бѣлое городище». Оно обнесено высокимъ валомъ, внутри котораго много развалинъ; это несомнѣнно было военное укрѣпленіе въ старину. Есть каменный памятникъ, отъ времени почти весь углубившійся въ землю.

8-го Іюня. Долина послѣ дождя. Великая Стѣна подъ облаками; сверху видны ея курганы. Древность, когда сѣверъ представлялся въ туманѣ. Раздольныя степи и пастбища до инь шань'ской равнины; это мѣсто вѣчной осады. Свычка съ природою.

11-го Іюня. Посѣщеніе *Хара-балгасун*'а, чернаго городища. По развалинамъ его видно, что это былъ городъ укрѣпленный, по

китайски, со рвомъ, стѣною и бойницами. На сѣверо-западномъ углу его есть протяженіе шаговъ на 80, оканчивающееся высокимъ обо; съ вершины его можно озирать степь кругомъ на далекое пространство; вѣроятно здѣсь была дозорная башня. Внутри вала, на сѣверо-востокѣ, есть особый валъ; тутъ же стоятъ остатки жертвеннаго стола; въ ровъ проведена вода изъ близь текущей рѣчки. Пустынное городище представляетъ груды развалинъ, и все поросло травою. При династіи Гинь (въ 12-омъ и 13-омъ столѣтіяхъ) этотъ городъ назывался *Фу чжоу;* при монгольской династіи онъ носилъ названіе *Синъ хэ чэнъ*, когда былъ возстановленъ, и сохранилъ его и при династіи Минъ. Назывался онъ тоже маленькимъ Пекиномъ. При постоянныхъ набѣгахъ монголовъ Мины подъ конецъ потеряли его. Выступъ на С.-З. вѣроятно была та дозорная башня, которая упоминается у одного писателя времени монгольскаго владычества въ Китаѣ. Монголы передаютъ преданіе, что Хара-балгасунъ занимали *Бурни* и *Галданъ*, защитники монгольской независимости въ борьбѣ съ Манджурами.

Харабалгасунъ отстоитъ отъ Цаганъ балгасун'а верстахъ въ 12 на Ю.-Ю.-З. Несправедливо искали городъ Фу чжоу въ Цаганъ балгасунѣ. Но этотъ послѣдній былъ не болѣе какъ передовой постъ Фу чжоу, между тѣмъ какъ Фу чжоу былъ населенный городокъ [1]). Смотри планы Хара-балгасун'а и Цаганъ-балгасун'а, снятые подъ руководствомъ г. Турбина.

25-го Іюня. Отправились въ путь; длинные увалы и перевалы; ѣхали 25 верстъ до станка *Тулга.*

26-го Іюня. *Цзамынъ худукъ*, 41 верста. Предлинные увалы; вдали цѣпи холмовъ, издали кажущихся большими горами. Верстъ за семь до станціи, при въѣздѣ въ горную долину, мы замѣтили

1) Цаганъ балгасунъ при династіи Гинь назывался *Чанъ-чжоу.* О Фучжоу и Чанъ чжоу смотри статьи о. Палладія: «Си-ю-цзи, путешествіе китайца Чанъ чун'я, 1221, на западъ», въ Трудахъ членовъ духовной миссіи въ Пекинѣ, томъ IV (1866), стр. 284, 397, — и: «Путевыя записки китайца Чжанъ дэ хой во время путешествія его въ Монголію въ 1247 году», въ Запискахъ Сибирскаго Отдѣла Геогр. Общ. 1867, стр. 582—591. *Э. Б.*

древній валъ, который тянется съ востока на западъ; сопровождавшіе насъ монголы называли этотъ валъ *мо-хэрмъ*, т. е. дурною стѣною, въ противоположность *цаганъ хэрмъ* т., е. Бѣлой и Великой Стѣнѣ. Они увѣряли, что онъ тянется на востокъ до моря. Все пространство около вала изрыто широкими впадинами. Вѣроятно, что этотъ валъ составлялъ такъ называемую минчанскую границу, по имени Гиньскаго государя *Минъ чанъ* (1190—1195 по Р. Х.), который провелъ здѣсь сторожевую линію противъ вторженій монгольскихъ ордъ.

27-го Іюня. 47 верстъ до станка *Шабарту*. Бо́льшая половина дороги была хороша; но послѣдняя часть скучная, окружена голыми горами краснаго цвѣта; отсюда на З. казенная станція *Минганъ*.

28-го Іюня. 28 верстъ до *Хашату*. Переѣхали минганскій хребетъ тремя перевалами и выѣхали на степь съ дресвой. Отроги горъ справа и слѣва далеко тянутся красноватыми цѣпями. За треть переѣзда до станціи, при выѣздѣ изъ этихъ горъ, проходитъ еще съ востока на западъ невысокій валъ. Не извѣстно принадлежитъ ли эта линія къ военной границѣ Минъ-чанъ. Иначе надобно предположить, что этотъ валъ есть уцѣлѣвшая часть той межи, которой Огодай огородилъ свое удѣльное владѣніе.—Здѣсь дневали.

30-го Іюня. Отселѣ до станціи *Сучжи*, 28 верстъ. Суниты. Верстахъ въ 8 или 10 отъ Хашату проѣхали ущельемъ версты полторы послѣдній отрогъ горъ. Далѣе открывается безбрежная степь, слегка взволнованная увалами. Мелкіе кремнистые камни усыпаютъ твердый грунтъ; дорога гладкая.

1-го Іюля. Болѣе 30 верстъ до станціи *Кобура*: тѣ же равнины, слегка покатистыя, но безплоднѣе и мягче; мѣстами песчаные завалы, или уступы. Видъ кругомъ пустынный.

2-го Іюля. До слѣдующей станціи *Саинъ усу* 28 верстъ. Версты полторы отъ Кобура, говорятъ монголы, проходитъ валъ, но по рыхлости почвы сгладился; поэтому мы не замѣтили его. Верстахъ въ 6 спустились въ пространную ложбину соле-

наго озера и ѣхали по западной и сѣверо-западной окраинѣ его, посреди высокихъ кочекъ или бугровъ, заросшихъ *дересу* вышиной въ ростъ человѣка. Далѣе дорога шла среди уваловъ сыпучаго песка. Грунтъ дороги большею частью твердый, но изрытый дождями. Кажется, эта дорога древняя. Издавна проѣзжаемая, она не имѣетъ на себѣ кочекъ *дересу*, которыя задерживаютъ песокъ. Песчаная полоса, повидимому, наносная; грунтъ каменистый изъ вертикальныхъ слоевъ.

3-го Іюля. Верстъ 30 до станціи *Минганъ*. Перевалили черезъ песчаную полосу по дурной, изрытой дорогѣ; песчаные увалы и длинные холмы, волнообразные; на горизонтѣ голыя, обозженыя покатости; видъ пустынный и печальный. Выѣхавъ изъ песчанистыхъ уваловъ, мы вступили въ ровную степь мелкозернистой твердой почвы. Индѣ бѣлые камни, которые попадались и въ песчаной полосѣ. Поднялись на ровную возвышенность. Дневали.

5-го Іюля. 35 верстъ до *Бороллжи*. Дорога ровная, гладкая, безтравная; мѣстахъ въ двухъ, или трехъ небольшіе пески; два, или три низменныхъ увала. Кругомъ станціи пространная степь. По дорогѣ часто попадаются по вершинамъ уваловъ разсыпанные бѣлые и синіе камни.

Перемѣны въ *Ша-мо*[1]) двухъ родовъ: вѣковыя и случайныя; первыя дѣлаютъ ее, повидимому, болѣе и болѣе твердою; послѣднія то удобною, то неудобною для проѣзда. Эта часть Ша-мо составляетъ восточную оконечность; на западъ она дѣлается еще ужаснѣе; примыкаетъ къ Лобнору. Кажется, надобно предположить, что она развѣтвляется на западъ; одна полоса ея идетъ къ Хамилу, другая по направленію къ Чжунгаріи на сѣверо-западъ. Замѣчательно, что въ древности китайцы знали только такъ называемые сыпучіе пески на сѣверо-западъ отъ Желтой рѣки. Нынѣшняя Монголія была гиперборейскою страною, краемъ холода, снѣговъ и тумановъ. Не въ послѣдующія ли времена Ша-мо подвинулась мало по малу на востокъ?

---

1) Песчаная пустыня. *Э. Б.*

Вечеромъ туча пыли съ юго-запада.

6-го Іюля. Ѣхали 48 верстъ до *Иренъ-нора*, по песчаной степи; на первой четверти дороги увалъ, на верху котораго песчаные залавки и отдѣльные песчаные курганы; потомъ слѣдовали низменностью среди кочекъ и бугровъ; почва вездѣ бѣловато-песчаная; такъ продолжается до бассейна озера *Иренъ норъ*, которое представляетъ безжизненную пустыню. По дорогѣ часто попадались остовы павшихъ быковъ. Къ вечеру, послѣ дневнаго невыносимаго жара разыгралась буря, продолжавшаяся до глубокой ночи; сыпучій песокъ цѣлыми потоками несся съ юга на сѣверъ, желтыми полосами; мелкіе камешки силою вѣтра поднимались вмѣстѣ съ пескомъ и рѣзали лице. Наши юрты, привязанныя къ экипажамъ, едва держались. Къ утру пошелъ мелкій дождь.

7-го Іюля. Съ удовольствіемъ оставили бѣлую плоскость соленаго озера и ѣхали 21 версту до станціи *Кутулъ*. Выбравшись изъ печальной иренской долины, мы ѣхали подъ мелкимъ дождемъ, черезъ частые увалы, покрытые на верху черными камнями. Къ станціи увалы сдѣлались почти холмами; въ падяхъ и по скатамъ холмовъ начала показываться зелень и вмѣстѣ съ этимъ виды стали разнообразнѣе. Дневали.

9-го Іюля. 36 верстъ до станціи *Хайласу*, гдѣ попадаются вязы, или ильмы. Сначала верстъ 12 переѣзжали черезъ холмистые увалы, по каменистой, весьма дурной дорогѣ. Повсюду или торчатъ, или разсыпаны черные камни; въ низменностяхъ сыпучій песокъ. Далѣе затѣмъ дорога чрезвычайно гладкая, хотя и увалистая. Кругомъ пустыня безплодная и оголенная; степь покрыта слоемъ черныхъ камешковъ, что придаетъ ей мертвенный видъ. Со станціи видны въ сторонѣ деревья, которыя явленіемъ своимъ въ такой дикой странѣ производятъ необыкновенное впечатлѣніе.

10-го Іюля. 21 верста до *Гэцзыгэнъ-гашунъ*. Дорога пролегаетъ черезъ цѣпь холмистыхъ и тяжелыхъ для ѣзды уваловъ; она пустынна, скучна и дурна. Станція расположена внѣ цѣпи холмовъ. Далѣе, повидимому, другая природа. Черные камни исчезаютъ. Вдали видны густые вязы.

11-го Іюля. 25 верстъ до *Удэ*. Халха. Дорога идетъ черезъ кряжъ низменныхъ горъ, голыхъ и дикихъ. Удэ (ворота) состоитъ изъ короткаго, открытаго на сѣверъ прохода; по сторонамъ низкія горы, покрытыя пескомъ сѣраго цвѣта, какъ будто пепломъ. Выходъ изъ ущелья такой же скучный и пустынный. Не останавливаясь здѣсь, мы тронулись далѣе. Сначала былъ очень скучный подъемъ; но потомъ вдругъ начались легкіе увалы, покрытые зеленью. Дорога ровная и гладкая; индѣ камни. Пошелъ порывистый дождь. Проѣхали 33 версты, не доѣхавъ 12 верстъ до слѣдующей станціи. Когда мы поднялись на послѣдній увалъ, вдали сквозь дождь и заходящее солнце блеснуло въ низменности озеро. Видъ этотъ послѣ безотрадныхъ картинъ дикой природы наполнилъ наши души отрадою.

12-го Іюля. 12 верстъ до *Цаганъ-тугурикъ*. Дорога по легкимъ уваламъ. Степь открытая. Дневали.

14-го Іюля. 32 версты до *Мубулунъ*. Скоро оставили зеленыя покатости Тугурика и снова увидѣли голые, песчанистые увалы; былъ увалъ съ сыпучимъ пескомъ; потомъ полоса красноватой глины. Кругомъ станціи кочки сыпучаго песка.

15-го Іюля. 38 верстъ до *Саинъ-кутулъ*. Первая половина ровная и гладкая; напоминаетъ Богдо хаирханскій переѣздъ на почтовой дорогѣ; на второй половинѣ цѣпь холмистыхъ и каменистыхъ уваловъ, по вершинамъ коихъ идутъ каменные гребни правильными линіями. Почва кряжа сначала красновата и какъ будто обожжена. Не останавливаясь на станціи, проѣхали еще 15 верстъ большею частью по прекрасной дорогѣ, по откосамъ уваловъ и остановились у озера.

16-го Іюля. 23 версты до *Хабцала*. Ѣхали сначала зелеными увалами, потомъ длинною равниною спустились съ цѣпи холмовъ, покрытыхъ черными камнями; мы выѣхали изъ нихъ ущельемъ на ровное мѣсто. Впереди виднѣются два холма, составляющіе часть кряжа *Бусынъ чоло*.

17-го Іюля. 35 верстъ до *Бусынъ чоло*. Доѣхавъ по волнистой дорогѣ до виднѣвшихся холмовъ, мы вступили въ цѣпь воз-

вышенностей, которыя скоро переѣхали; при концѣ проѣхали черезъ каменный поясъ, идущій В.-З. и остановились близь него на равнинѣ. Этотъ поясъ окаймляетъ проѣханныя нами возвышенности; шириною онъ не болѣе полуверсты. Онъ далеко идетъ на востокъ и западъ. Громадные цѣльные камни, обточенные дождями и вѣтрами, стоятъ отдѣльно одинъ отъ другаго и даютъ промежъ себя то широкіе, то узкіе проходы, съ грунтомъ сыпучаго песка. Необыкновенное строеніе и расположеніе каменныхъ глыбъ и самая линія этого пояса составляютъ замѣчательность въ Гоби. Если не считать цѣпь холмовъ въ Удэ сѣверною окраиною песчаной полосы въ Гоби, то во всякомъ случаѣ Бусынъ чоло служитъ послѣднею межею южныхъ пустынь. Далѣе природа уже не такъ дика и страшна. Пріѣхали довольно рано и остановились дневать.

Въ 11 часовъ утра мы отправились со станціи Бусынъ чоло верхомъ на востокъ, верстъ за 8 отъ станціи, осмотрѣть развалины *Олонъ байшинъ*, расположенныя противъ каменнаго пояса, на сѣверъ отъ него, на скатѣ увала. Мы переѣхали одинъ увалъ; на другомъ, возвышающемся надъ всею окрестною долиною, на южномъ скатѣ, близь болотистыхъ признаковъ существовавшаго здѣсь озера, лежитъ Олонъ байшинъ; урочище усѣяно кучами въ видѣ кургановъ, покрытыхъ огромными кирпичами, или тесанными каменными плитами, которыя употреблены были въ дѣло вмѣстѣ съ кирпичами; кирпичи пережжены до черна. Кое-гдѣ разбросаны обломки зеленыхъ черепицъ и разные кирпичи. Во всемъ замѣтна китайская архитектура. Главное зданіе должно быть то, у котораго по обѣ стороны были пристройки, называемыя по китайски *эръ фанъ* (ушными комнатами); назади его стоятъ остатки зданія, обведеннаго галлереей. Впереди этого зданія возвышается подъемъ, подъ которымъ виднѣется сводъ, идущій въ глубину подъ помостъ залы. Рядомъ съ этимъ зданіемъ на востокъ есть другое подобное, но безъ пристроекъ; на западѣ также есть зала, передъ ней проходная, называемая у китайцевъ *чуанъ танъ*. Далѣе на югъ поднимается огромная куча развалинъ,

вѣроятно башни, вышиною въ нѣсколько саженей. На востокъ и западъ есть еще по зданію болѣе простому, въ одну линію съ главнымъ; кромѣ того разсѣяно множество мелкихъ развалинъ и кое-какъ уцѣлѣвшихъ башенокъ со сводами, иныя съ фоканами, или кивотами для кумировъ. Замѣчательно, что не видно и слѣдовъ обводной стѣны. Внѣ этой группы руинъ, на востокъ, есть другія и одна изъ нихъ значительная. На западъ спускъ идетъ еще черезъ небольшой увалъ, на вершинѣ котораго есть тоже развалины. Впередъ на югѣ, не вдалекѣ, окраина Бусынъ-чоло, коегдѣ усаженная ильмами. Говорятъ, что здѣсь обиталъ зять китайскаго царя, разумѣя его подъ именемъ *Хунъ-тай-цзы*. Съ неохотою оставили мы молчаливые памятники осѣдлой жизни, остатки тѣхъ временъ, когда здѣшнія степи не были такъ безлюдны и безплодны.

Къ вечеру, послѣ бури съ пылью, мы поднялись на вершину кряжа Бусынъ чоло; оттуда открывается передъ глазами вся долина, окаймленная низменными холмами; слѣды озеръ блестятъ по мѣстамъ; небольшія песчаныя возвышенія по зеленой равнинѣ замѣчаются по кучкамъ *дересу*, скрѣпляющаго почву. Скатъ къ долинѣ со всѣхъ сторонъ отлогій. Долина огромная.

18-го Іюля. Посѣщеніе *Кэсынъ байшин*'а, верстъ за семь назадъ на югъ. Тамъ есть памятникъ съ надписью по монгольски новымъ шрифтомъ въ честь какаго-то ламы Хубилгана. Это былъ пріятель отца Іакинѳа (см. Тимковскаго путешествіе, II, стр. 236). Зданіе названо золотымъ дворцомъ. Мѣсто обведено стѣною, сложенною изъ мелкихъ плитъ; внутри возвышеніе со слѣдами кумирни или четвероугольной субурги, кругомъ которой была галлерея. Оттуда въ верстѣ на сѣверо-западъ, на ровномъ песчаномъ возвышеніи, виденъ круглый слѣдъ, поросшій *дересу;* по срединѣ открытая могила; подлѣ двѣ три человѣческія кости. Золотой дворецъ постройки, очевидно, не давней. Вечеромъ съ ближняго камня, при заходящемъ солнцѣ, мы бросили послѣдній взглядъ на Олонъ байшинъ; видъ огромныхъ развалинъ башни былъ чрезвычайно живописенъ. На верху увала виднѣлись развалины, можетъ быть обо.

19-го Іюля. 37 верстъ до станціи *Шибету*. Переѣхавъ долину Бусынъ чоло поперегъ, гдѣ попадались и возвышенія, и озера, мы вступили въ цѣпь холмовъ, которые индѣ даютъ мѣсто долинамъ и кажутся горами; до станціи доѣхали по прекрасной дорогѣ. Къ вечеру была гроза съ проливнымъ дождемъ.

20-го Іюля. 23 версты до станціи *Боро хучжирту*. По дорогѣ скоро въѣхали въ систему горъ, коихъ главный узелъ есть *Дарханъ*. Часовъ въ 11 утра отправились на гору Дарханъ; оставивъ коней на одномъ увалѣ, мы поднялись пѣшкомъ. Подъемъ нигдѣ не былъ труденъ или крутъ, только разсѣянные камни и густая трава мѣшали намъ. На вершинѣ передняго хребта поднимаются скалы въ видѣ каменныхъ кучъ. Камни по мѣстамъ черны и покрыты желтымъ мхомъ, какъ ржавчиной; передній хребетъ извивается на сѣверо-востокъ, гдѣ онъ дѣлается выше. Скалы, о которыхъ я говорилъ, стоятъ отдѣльно и отвѣсно; между двумя изъ нихъ проходъ, или разсѣлина, въ которую вѣтеръ дуетъ съ силою и производитъ шумъ, похожій на гулъ отдаленнаго грома; между скалами есть площадь ровная, гладкая и зеленая, съ одной стороны покатая; на ней въ разныхъ мѣстахъ каменныя цѣльныя глыбы въ видѣ наковаленъ. Все это вѣроятно подало поводъ назвать эту гору «Чингисхановой кузницей»; можетъ быть, впрочемъ, что тутъ были нѣкогда разработки желѣзной руды. На верхъ скалъ легко подниматься по наносной землѣ; цвѣтъ ихъ красноватый; онѣ изрыты пещерами и индѣ нависши; травы между камнями много, есть и крапива; въ одномъ мѣстѣ между скалами растетъ деревцо вязъ. За этимъ хребтомъ есть другой, отдѣленный отъ перваго глубокою падью, или ущельемъ. Окружающая степь покрыта была туманомъ. Видъ съ этихъ угрюмыхъ горъ, возвышающихся среди дикихъ пустынь, производитъ величественное впечатлѣніе, особенно когда стоишь на вершинѣ скалъ и смотришь на безграничную, безплодную и молчаливую даль. Монголамъ было не любо наше путешествіе на Дарханъ; они пугали насъ горными духами. Внизу подъ горой есть обо, гдѣ, говорятъ, приносится жертва горѣ. На вершинѣ

передней скалы положены двѣ *ца-ца*, обложенныя камнями. Мы вернулись на станцію въ 2 часа.

21-го Іюля. 27 верстъ до *Бомбату*. Первая половина дороги прошла въ переѣздѣ возвышенностей, входящихъ въ группу Дархана. Мы оставили ее, переѣхавъ величественный увалъ. Дарханъ одѣтъ былъ серебристыми парами. Пади его были туманны и облачны; видъ его былъ волшебный. Наконецъ мы выѣхали на ровное мѣсто и прибыли на станцію. Повсюду была высокая трава. Кругомъ станціи необозримая равнина.

22-го Іюля. 15 верстъ до *Мукоту*. Дорога ровная и гладкая. Посреди увалъ, съ котораго кэрэлунскія горы должны быть видны; но вся окрестность застилалась туманомъ. Въ 11 часовъ утра я отправился въ китайскомъ экипажѣ, съ двумя спутниками верхомъ, въ сопровожденіи пяти монголовъ къ *Кэрэлуну*. Влѣво виднѣлась гора, которой оканчивается линія низменныхъ горъ, окаймляющихъ кэрэлунскій бассейнъ съ правой стороны. Мы проѣхали мимо трехъ озеръ и направлялись къ красной горѣ стоящей за рѣкою. Рѣка блеснула синевой, когда мы были только въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нея. Здѣсь лѣвый берегъ ея песчаный и щебнистый, а правый ровный, понижающійся уступами, и покрытъ густою зеленью вплоть до воды. Рѣка бѣжитъ быстро, образуя струи и круги; она раздѣляется на нѣсколько протоковъ, образующихъ островки, иные съ землею, иные покрытые щебнемъ; ширина главнаго русла отъ 20 до 30 саженей; глубина до мышекъ человѣка; вода чистая, но не холодная; противъ мѣста, гдѣ мы остановились, за рѣкою, верстахъ въ двухъ выдавались песчаныя сверху до низу горы, раздѣленныя зелеными лощинами (*Долонъ ола*). Крайняя называется *Баянъ улцзэ*. Главный кряжъ ихъ извивался въ туманѣ, отступая далеко отъ береговъ. По правому берегу рѣки пролегаетъ торная дорога изъ Урги по направленію къ Долонъ нор'у; она отдѣляется отъ нашей дороги на станціи Чжиргаланту; по дорогѣ тянутся китайскіе обозы на быкахъ. По берегу рѣки раскинуты были юрты супруги Бейлэ Далая; главная изъ нихъ обшита была

синимъ холстомъ съ красными полостами; къ ней примыкалъ спереди четвероугольній шатеръ тоже изъ синяго холста; на зади стояли китайская карета и осѣдланный быкъ. Въ палаткѣ сидѣло множество женщинъ и дѣтей, которыя смотрѣли на насъ съ любопытствомъ. Монгольская барыня пріѣхала сюда издалека лечиться купаньемъ въ Кэрэлунѣ, воды котораго считаются у монголовъ священными и цѣлебными. Ванна ея устроена была на берегу подъ остроконечною синею палаткою. Кромѣ того по берегу было раскинуто еще нѣсколько палатокъ больныхъ; они ходили по близости тощіе и блѣдные, съ повязанными головами и въ длинныхъ балахонахъ. По берегамъ спокойно расхаживали журавли, а на островкахъ дикіе гуси и множество сѣрыхъ чаекъ. По берегамъ видны слѣды разливовъ рѣки на довольно значительную высоту. Рѣка течетъ съ сѣвера широкой долиною на юго-востокъ. Виднѣлась раздвоенная гора *Тоно*, гдѣ Кэрэлунъ вѣроятно поворачиваетъ на востокъ. Видъ живой воды послѣ мертвыхъ степей вѣялъ на насъ отрадою и спокойствіемъ. Нагулявшись вдоволь по зеленымъ берегамъ рѣки, мы вернулись на станцію; разстояніе было около 15 верстъ. Вдали на югъ темный Дарханъ, лежащій, повидимому, прямо на западъ отъ горы Тоно.

23-го Іюля. 25 верстъ до *Гилгентай*. Дорога идетъ по высокимъ увалamъ и весьма живописна. Справа долго виднѣлась большая гора на Кэрэлунѣ, кажется, *Баянъ улцзэ*. Станція расположена на равнинѣ довольно скучной. Дневали.

25-го Іюля. 30 верстъ до станціи *Чжиргаланту*. Сначала долго ѣхали по равнинѣ; потомъ черезъ увалъ спустились въ ущелье; холмы сходятся довольно близко; на нихъ выдаются камни, расположенные какъ будто искусственно. Ущелье нѣсколько времени вилось и кончилось отлогими, покрытыми зеленью скатами; внизу почва болотиста; озерки и канавки тянутся однѣ за другими; кругомъ зеленыя возвышенности. Съ послѣдняго увала на равнинѣ виднѣлись свѣтлыя линіи озеръ и кое-гдѣ небольшія кочевья. Здѣшнія горы называются *Харанюду* (черные

глаза). Съ высоты видно, что крутые увалы впереди еще продолжаются. Гора исчерчена линіями бѣлыхъ камней, прямыми и квадратными, рѣдко круглыми. На противуположномъ скатѣ виднѣлись камни, похожіе на ульи, или могильные памятники. Все это было принято нѣкоторыми за слѣды обиталищъ. Со станціи идетъ на востокъ дорога къ Кэрэлуну.

26-го Іюля. 40 верстъ до *Гакца худукъ*. Сначала верстъ 8 ѣхали крутыми увалами; кругомъ горы покрыты были холоднымъ туманомъ, уже нѣсколько дней продолжающимся. Потомъ спустились въ необозримую равнину безъ малѣйшихъ неправильностей почвы. Горизонтъ кругомъ въ туманѣ. На землѣ много большихъ норъ сурковъ, обитающихъ только въ сѣверной части Монголіи; за то здѣсь нѣтъ сусликовъ; такъ увѣряли меня. Мы ѣхали по равнинѣ большую часть дороги, пока впереди не показался силуетъ горъ, образующихъ широкій входъ, или ущелье. Горы высоки; онѣ вѣроятно суть отрогъ хангайскаго хребта. Ущелье скорѣе можно назвать долиною; по ней мы ѣхали болѣе часа и остановились тамъ, гдѣ она широко расходится. Впереди, въ туманѣ еще замѣтны горы. На сѣверо-западъ виднѣлся скалистый кряжъ, увѣнчанный гребнемъ; по гребню какъ будто разставлены громадныя обо, или лучше маяки и башни; этотъ видъ живо напомнилъ мнѣ поразительную картину Великой Стѣны съ ея маяками, разставленными не вдалекѣ одинъ отъ другаго. На юго-западъ за увалами виднѣлась желтая полоса; вѣрно или озеро, или дорога, или солончакъ. Впереди насъ поднималась гора *Ундуръ хуху* (высокая синяя) съ подобіемъ башни на вершинѣ. За гребнистымъ хребтомъ виднѣлся другой хребетъ, на вершинѣ котораго рисовались сосны какъ тонкіе столбы.

27-го Іюля, до станціи *Налайха* верстъ 35. Большую часть дороги ѣхали прежней долиною до подъема *Бурулэнъ*, оканчивающаго систему проѣханныхъ горъ. Подъемъ отлогій, но спускъ крутой и глубокій; экипажи тормазились. Съ вершины перевала, на лѣво, по ущельямъ и падямъ виднѣлись сосновыя рощи; на право огромныя и угрюмыя горы; онѣ идутъ грядами на сѣверъ;

впереди обозначается силуэтъ ургинскихъ горъ. Отъ перевала до станціи верстъ 14. При юртахъ начали попадаться изгороди изъ сосновыхъ жердей. Кругомъ станціи горы; главный узелъ ихъ должно быть *Гэнтей*, древняя *Бурханъ ола*.

Въ тотъ же день мы поднялись со станціи и проѣхали еще 35 верстъ, чтобы поскорѣе прибыть въ Ургу. Сначала проѣхали два увала съ крутыми спусками; потомъ вступили въ широкое ущелье или долину, по которой и ѣхали на сѣверъ большую часть дороги. Съ лѣвой стороны поднималась громадная масса *Ханъ-олы*, по сѣвернымъ падямъ и скатамъ которой росъ густой лѣсъ; справа пустынныя горы, кое-гдѣ поросшія лѣсомъ. Когда долина повернула на западъ, передъ нами блеснула въ разныхъ мѣстахъ *Тола*, индѣ осѣненная густыми деревьями. Справа открылось узкое ущелье, или горное жерло, изъ котораго Тола вытекаетъ на ургинскую долину; мы проѣхали два русла и одинъ протокъ рѣки. Тола быстрѣе Кэрэлуна; ложе ея жесткое, усыпанное довольно крупными камнями. Слѣдуя на западъ, мы проѣхали китайскій торговый городокъ *Маймачэнъ* и затѣмъ прибыли въ *Гунъ-гуанъ* или казенное подворье. Дневали.

28-го Іюля. Вечеромъ совершили прогулку мимо жилищъ амбаней; жилища эти скудны и пустынны, огорожены частоколомъ. Есть небольшой садъ, не вдалекѣ обнесенный изгородью; по среди стоитъ павильонъ съ китайскою надписью: *Тянь шэнь юнъ ю*,—«вѣчная помощь отъ духовъ». Лѣсъ по Ханъ-олѣ поднимается до полугорья. По сопкамъ горы есть обо со значками; въ одномъ мѣстѣ, среди лѣса, груды какихъ-то развалинъ, среди которыхъ уцѣлѣла одна стѣна. Дворецъ хутухты издали очень красивъ; расположеніемъ онъ походитъ на Олонъ байшинъ. Ночью по всей долинѣ разносился лай собакъ; гулъ былъ страшный и дикій.

Архимандритъ Палладій Кавваровъ.

Письмо Профессора А. М. Позднѣева къ Барону О. Р. Остенъ-Сакену съ замѣчаніями на „Дневникъ О. Палладія по Монголіи, веденный въ 1847 году".

Съ отмѣннымъ интересомъ прочиталъ я разысканный Вами дневникъ покойнаго о. Архимандрита Палладія, веденный имъ во время переѣзда его по Монголіи въ 1847 г., равно какъ и составленное Э. В. Бретшнейдеромъ предисловіе къ этому дневнику. Если первый является истинною драгоцѣнностью для современной географической науки, открывая почти каждымъ своимъ словомъ вполнѣ новый и достовѣрный фактъ; то и второе достаточно занимательно, напоминая читателю длинный рядъ записокъ нашихъ изслѣдователей Монголіи. По поводу поставленнаго Вами вопроса: «слѣдуетъ ли удержать внесенныя о. Аввакумомъ и другими поправки въ дневникъ о. Палладія, или напечатать его въ томъ видѣ, въ какомъ вышелъ онъ изъ подъ пера нашего незабвеннаго синолога», — я думаю, что рѣчь о. Палладія должна остаться его рѣчью. Лучшее создать трудно по точности и лаконичности его фразы, которая иногда въ одномъ своемъ словѣ рисуетъ представленію знающаго цѣлую картину. О. Палладій потому и великъ, что его нужно читать знаючи; для яснаго же пониманія его описаній, а тѣмъ болѣе для исправленія ихъ нужно быть глубоко посвященнымъ въ бытъ монголовъ. Конечно, исправлять такія выраженія, какъ: «горѣли тонкія полѣнья», вм. «горѣли тонкія полѣна»; или: «кажется полосой, серебрящейся отъ солнечныхъ лучей», вм. «кажется полосой, посеребреной отъ солнечныхъ лучей», — исправлять такія выраженія вполнѣ возможно; но стоитъ ли это и не оскорбительны ли такія поправки и для памяти поправляемаго и для самихъ поправляющихъ? Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ поправки о. Аввакума и др. измѣ-

няютъ самую мысль о. Палладія, принять ихъ рѣшительно невозможно. Для образца я представлю Вамъ нѣсколько примѣровъ. На другой день по выѣздѣ изъ Пекина о. Палладій начинаетъ свой дневникъ такъ: «Рано утромъ разослано было станціоннымъ по 1000 малыхъ чоховъ». — Нѣкто поправляетъ слово «разослано» словомъ: «роздано»; но вѣдь это совершенно мѣняетъ картину. «Раздать» можно тѣмъ, которые пришли сами, а «разослать» только тѣмъ, которые не соизволили пожаловать. Здѣсь, по моему, въ одномъ словѣ о. Палладія цѣлая характеристика нашихъ тогдашнихъ отношеній къ Китаю! Припомните, что блаженной памяти Тимковскій иначе не писалъ какъ «*почелъ долгомъ* угостить ужиномъ битхэшія, бошка и тусалакція»; у меня же, бродившаго по Монголіи кандидата, эти чины съ наслажденіемъ глодали бараньи кости, остававшіяся отъ моего убогаго ужина. И не разъ, проживая въ монгольской степи, представлялъ я, какъ перемѣнились наши роли. О. Іакинфъ сидѣлъ у порога и съ подобострастіемъ искалъ слова у изображавшаго собою особу «тусалакція»; а я преспокойно выгонялъ этихъ «тусалакціевъ» изъ своей юрты, если приходили они не во-время и мѣшали занятіямъ. Дневникъ о. Палладія относится еще къ той старой порѣ, оттого-то и должно быть сохранено въ немъ каждое слово, рисующее отношенія и служащее выраженіемъ дѣйствительнаго факта. Въ другихъ случаяхъ поправки о. Аввакума и другихъ прямо искажаютъ дѣло. Подъ 10-мъ Мая, напримѣръ, о. Палладій разказываетъ, что, по прибытіи ихъ на станцію Чэчэ́рту, они нашли здѣсь приготовленную для нихъ хорошую юрту и «галци кипятилъ на аргалѣ, въ думбѣ, кирпичный чай» для нихъ. О. Аввакумъ поправляетъ слово «въ думбѣ» словомъ: «въ котлѣ». Но «думба», или правильнѣе «донбо» не есть котелъ. «Донбо» слово тибетское и обозначаетъ въ Монголіи узкій, высокій сосудъ (родъ кувшина), въ который сливается чай, послѣ того какъ онъ сваренъ въ котлѣ. Донбо по большей части дѣлаются деревянныя, но въ гостинницахъ, на станціяхъ, въ присутственныхъ мѣстахъ и у важныхъ должностныхъ лицъ, словомъ повсюду, гдѣ бываетъ

много пришлаго народа, постоянно употребляются донбо, сдѣланныя изъ красной мѣди, и это именно на тотъ конецъ, чтобы приготовленный заранѣе чай, по нуждѣ, подкипятить въ томъ же сосудѣ и подать посѣтителю совершенно горячимъ. — Таковы почти всѣ исправленія, внесенныя посторонними лицами въ дневникъ о. Палладія; я надѣюсь поэтому, что Вы согласитесь со мною относительно не возможности принять ихъ, а отсюда въ необходимости издавать рукопись въ томъ видѣ, въ какомъ была она представлена самимъ о. Палладіемъ.

Почитаю долгомъ сказать еще нѣсколько словъ въ объясненіе важности дневника о. Палладія. Въ настоящемъ году исполнится 45 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ былъ составленъ и сданъ въ архивъ на храненіе этотъ дневникъ; но значеніе его нимало не утратилось отъ такого лежанія подъ спудомъ. Правда, что мѣста, по которымъ проѣзжалъ о. Палладій, теперь положены уже у насъ на карту по съемкѣ, сдѣланной Шимковичемъ, что на пространствѣ этой дороги, которую нужно исчислять въ 1700 слишкомъ верстъ, Фритше астрономически опредѣлилъ пять, шесть отдѣльныхъ точекъ; но развѣ все это можетъ сравняться съ образнымъ описаніемъ каждой долины, залегающей отъ одного пригорка до другаго, съ аккуратно веденными шагъ за шагомъ и отчетливыми замѣтками о характерѣ всѣхъ залегающихъ здѣсь пространствъ? Извѣстно, что ни одна изъ нашихъ миссій не проѣзжала по казенному калганско-ургинскому тракту, да и изъ прочихъ путешественниковъ по ней двигалась лишь экспедиція Сосновскаго, описаніе слѣдованія которой мы имѣемъ у Пясецкаго. Но замѣтки Пясецкаго, живо и художественно изображающія намъ отдѣльные пункты, далеко не описаніе всего пути, которое отнынѣ мы будемъ находить у о. Палладія и которое для научныхъ выводовъ имѣетъ, конечно, гораздо большее значеніе, чѣмъ картинки отдѣльныхъ мѣстностей. Въ періодъ своего пребыванія въ Монголіи я также точно проѣхалъ изъ Урги въ Пекинъ по описываемому о. Палладіемъ тракту, также точно велъ дневникъ съ замѣтками обо всемъ пути отъ столицы

Халхи до столицы Китая; но дневникъ этотъ я не успѣлъ еще издать до сихъ поръ, а отнынѣ онъ уже совершенно теряетъ свое значеніе, ибо, отличаясь тою же сухостью изложенія, онъ не прибавляетъ почти ничего новаго для описанія мѣстностей, за исключеніемъ развѣ пяти, шести десятковъ названій отдѣльныхъ пунктовъ. Было бы чрезвычайно важно и вполнѣ возможно описать эту дорогу съ бо̀льшею подробностью, но мнѣ не удалось сдѣлать этого. Свой путь отъ Урги до Ка̀лгана, — пространство, приблизительно въ 1300 верстъ, — я совершилъ верхомъ, состоя въ свитѣ, т. е. въ ряду казаковъ, нашего консула Я. П. Шишмарева, въ 9 дней (17—26 Сентября 1877 г.) и слѣдовательно, дѣлая ежедневно отъ 140 до 150 верстъ въ сутки. Пожалуй, не многіе изъ нашихъ кавалеристовъ выдержатъ такой переѣздъ; но дневникъ мой, при такой быстротѣ движенія, естественно, не могъ заключать въ себѣ никакихъ изслѣдованій. Выѣзжали мы ежедневно въ 3 и не позже 4-хъ часовъ утра. По дорогѣ приходилось только усиленно слѣдить за мѣстностью и на скаку разговаривать съ проводниками, разузнавая отъ нихъ названія урочищъ и кое-какія особенности того или другаго пункта. Пріѣзжая на каждую станцію, я, пока пересѣдлывали лошадь, записывалъ эти названія мѣстностей и полусловами отмѣчалъ сообщенія монголовъ и личныя наблюденія. Часовъ въ 10, 11 дня, во время привала для обѣда, я приводилъ эти полуслова въ порядокъ и наконецъ совершенно устанавливалъ текстъ дневника вечеромъ, когда, часовъ въ $6^1/_2$, 7, мы останавливались для ночлега. Для образца я приведу изъ своего дневника описаніе пути, хотя бы одной станціи, положимъ, второй отъ Урги. Вотъ, что у меня записано:

«Дорога ко второй станціи идетъ сначала въ гору и версты черезъ 3 достигаетъ перевала Бурхата́й даба̄. Горы, черезъ которыя ведетъ этотъ перевалъ, почитаются отрогами Ха̄нъ-ӯлы. Спускъ съ этого перевала приводитъ непосредственно къ другому перевалу Аюдси́нъ даба̄. Послѣдній чрезвычайно неудобенъ для колесной ѣзды, такъ какъ дорога по нему идетъ косогоромъ

и вся изрыта потоками ручьевъ, стекающихъ съ прилежащихъ вершинъ. Консульскій тарантасъ, казанской подѣлки, могъ двигаться здѣсь только шагомъ. Вышепомянутые потоки стремятся внизъ, въ долину ручья, который получилъ у монголовъ, за свою величину и быстроту, названіе Тӱргэ́нъ гӧл'а, т. е. «быстрой рѣчки». Тӱргэ́нъ гӧлъ беретъ свое начало отъ Ха̄нъ-ӯлы, но не имѣетъ постояннаго источника текущей воды, почему и правильнѣе называть его ручьемъ. Какъ и ручьи, стекающіе съ Аюдсі́инъ-даба̄, Тӱргэ́нъ гӧлъ питается исключительно дождевою водою; но въ періодъ таянія снѣговъ и весеннихъ дождей бываетъ такъ обиленъ, что доноситъ свои воды до Толы. Въ долину Тӱргэ́нъ гӧла спускается съ Аюдсі́инъ даба̄ и почтовая дорога, ѣдущимъ по которой Тӱргэ́нъ гӧлъ представляетъ такимъ образомъ много неудобствъ въ весеннее время. По пути повстрѣчали въ разныхъ мѣстахъ до 40 юртъ шабина̀ровъ ургинскаго хутухты; населеніе это крайне бѣдное и скотоводства почти не имѣетъ; это обстоятельство даетъ ему возможность жить при дорогѣ, гдѣ травы почти вовсе нѣтъ: она истреблена караванами. Питаются эти люди главнѣйше отъ услугъ, доставляемыхъ путникамъ. Долина Тӱргэ́нъ гӧла составляетъ южную границу кочевьевъ шабина̀ровъ въ хошӯнѣ На-бэ́йсэ; далѣе, къ югу отсюда, кочуютъ уже непосредственные данники князя и слѣдовательно латники «центральнаго знамени» тушѣтӱ-ха̄новскаго а́ймака. Вторая станція стоитъ при рѣкѣ Бӱхэгі́йнъ гӧлъ, которая, по словамъ проводниковъ, представляетъ послѣднюю проточную воду до Калгана; далѣе вода на всѣхъ станціяхъ будетъ-де изъ колодцевъ. Станція называется Бухэ́къ.—Ѣхали 3 ч. 28 минутъ».

Если сравнить эти замѣтки съ тѣмъ, что записано у о. Палладія подъ 28-мъ Мая, — разницы получится очень не много. Мои записи, по мѣстамъ, еще суше дневника о. Палладія и это, вмѣстѣ съ недостаткомъ времени, было одною изъ главныхъ причинъ, по которымъ не приступалъ я къ ихъ обнародованію, хотя и чувствовалъ необходимость напечатать этотъ дневникъ, полагая, что мои замѣтки составляютъ единственное достаточно пол-

ное описаніе калганско-ургинскаго почтоваго тракта. Теперь Ваше изданіе дневника о. Палладія доставляетъ подробныя свѣдѣнія объ этомъ пути, я же постараюсь прибавить только кое-какія общія замѣчанія объ этихъ мѣстностяхъ изъ своихъ наблюденій, останавливаясь на нѣкоторыхъ частныхъ пунктахъ лишь для того, чтобы обратить на нихъ вниманіе будущихъ изслѣдователей. Еще очень и очень многое не обслѣдовано на этой интересной дорогѣ и даже вовсе ускользало отъ наблюденія нашихъ путешественниковъ частію по недостаточности у нихъ времени для подробныхъ осмотровъ, частію по неподготовленности ихъ къ работамъ, частію, наконецъ, по невѣдѣнію, на что именно слѣдуетъ обратить вниманіе въ той, или другой мѣстности.

По внѣшнему виду дорога отъ Пекина къ Калгану можетъ быть раздѣлена на три, рѣзко различающихся между собою части: первая тянется отъ Пекина до Нань-коу; вторую составляетъ Гуань-гоу'скій перевалъ, а третья залегаетъ отъ Ча-дао до Сюань-хуа-фу и, пожалуй, еще далѣе до Калгана. Первая изъ этихъ частей должна быть поразительною для каждаго, въѣхавшаго въ Китай изъ Монголіи европейца по густотѣ ея населенія и необычайной массѣ движенія. Отъ самаго Пекина до Нань-коу приходится почти сплошь ѣхать по засѣяннымъ участкамъ полей, на каждомъ изъ которыхъ стоятъ домики поселянъ, и въ то же время видно, что чуть ни между каждымъ распаханнымъ участкомъ тянется узкая колея колеснаго пути, а по всѣмъ этимъ дорогамъ едва ни гужемъ движутся телѣги, завьюченныя животныя, разносчики то съ тачками, то съ карамыслами на плечахъ. И все это движется въ разныя стороны, представляя собою какъ бы одинъ общій базаръ, раскинувшійся по разнымъ переулкамъ. Объясняя эту массу движенія, было бы ошибочно поставить причиною его только общую всему Китаю густоту населенія, или близость столицы и несомнѣнно даже, что причина

сего коренится въ общихъ топографическихъ условіяхъ этой мѣстности. Дѣло въ томъ, что нань-коу'скій проходъ представляетъ собою одинъ изъ важнѣйшихъ путей для торговли Пекина въ сѣверо-западномъ направленіи и обратно для провоза продуктовъ съ монгольскаго плато и изъ сѣверной Шань-си въ равнину Пекина. Множество колесныхъ дорогъ, которыя соединяютъ между собою города и поселки по р.р. Янъ-хэ и Санъганъ-хэ, группируются въ одну у нань-коу'скаго прохода и отсюда расходятся снова въ разныхъ направленіяхъ.

Къ сѣверу отъ Нань-коу, во второй части пути, залегаютъ высокія вѣтви горъ, черезъ которыя переваливаютъ по гуань-гоу'скому ущелью. Мѣстами эти горы представляются въ отношеніи къ ущелью почти прямой, какъ бы вертикальной стѣной и природа такихъ пространствъ поражаетъ своею дикостью и грандіозностью. Дорога здѣсь даже не можетъ быть названа колесной, такъ какъ по ней могутъ проѣзжать только пустыя телѣги и то съ большими трудностями. Товары перевозятся исключительно во вьюкахъ; путники ѣдутъ или верхомъ, или въ носилкахъ. Для ученаго изслѣдователя исторіи и быта этой мѣстности интереснѣйшій въ научномъ отношеніи пунктъ представляетъ собою крѣпость Цзюй-юнъ-гуань, или точнѣе сказать, — тріумфальная арка, воздвигнутая среди этой крѣпости. Всѣ русскіе путешественники, проѣзжавшіе черезъ Гуань-гоу и Цзюй-юнъ-гуань, описывали эту крѣпость какъ древнюю твердыню, которую не могъ преодолѣть даже всеразрушительный Чингисъ-ханъ [1]); они дѣлали также свои замѣчанія и о цзюй-юнъ-гуаньской аркѣ и однако никто изъ нихъ не обратилъ на эту послѣднюю болѣе близко своего вниманія. О. Палладій равнымъ образомъ внесъ въ свой дневникъ нѣсколько словъ, относящихся до описанія вышепомянутой арки, отмѣтилъ, что на сложенныхъ изъ тесанныхъ камней стѣнахъ ея высѣчены фигуры буддъ и

1) Іакинфъ, Зап. о Монголіи, ч. I, стр. 10; Тимковскій, Путешествіе въ Китай ч. I, стр. 376; Ковалевскій, — Путешествіе въ Китай, стр. 132; Пясецкій, Путешествіе въ Китай, т. I, стр. 135.

царей духовъ; но онъ ни слова не сказалъ о самомъ замѣчательномъ въ этой аркѣ, т. е. о сохранившихся здѣсь надписяхъ. Только въ 1860 г. о цзюй-юнъ-гуань'ской аркѣ и ея надписяхъ появилась краткая замѣтка Wylie въ Journ. of the R. As. S. XVII, p. 346, составленная на основаніи одного китайскаго сборника надписей, подъ заглавіемъ: «Янъ-танъ-цзинь-ши-вэнь-чо-вэйсюй». Въ 1863 г., на пути изъ Англіи въ Китай черезъ Сибирь, m-r Wylie во очію познакомился съ памятникомъ и помѣстилъ краткое описаніе его въ Journ. of the North China Branch of the R. As. S., New Ser. № 1, p. 133—136. По его описанію, надпись изсѣчена шестью различными письменами и покрываетъ большую часть внутренней поверхности арки, съ основанія ея до вершины. Выше другихъ помѣщаются санскритскіе и тибетскіе тексты горизонтальными строками, въ 20 футовъ длиною; подъ ними, въ вертикальномъ положеніи, въ 4-хъ отдѣленіяхъ, надписи монгольскимъ (квадратнымъ), уйгурскимъ, чжурчженьскимъ и китайскимъ письмомъ. Весною 1867 г. Wylie удалось снять полную копію съ послѣднихъ четырехъ текстовъ; снимокъ санскритскаго и тибетскаго доставилъ ему г. Edkins. Памятникъ очень пострадалъ отъ разрушительнаго вліянія времени и въ немъ образовалось не мало значительныхъ пробѣловъ, затрудняющихъ чтеніе надписи. При разборѣ отдѣльныхъ текстовъ, впрочемъ, оказалось, что всѣ они содержатъ въ себѣ транскрипцію санскритскаго оригинала, причемъ на восточной сторонѣ арки надписи соотвѣтствуютъ одна другой довольно близко, но, кажется, этого нѣтъ на сторонѣ западной. Статья Wylie (Journ. of the R. As. S. New S., t. V) спеціально занимается надписями восточной стороны арки. Она даетъ обстоятельный разборъ собственно санскритскихъ текстовъ съ прибавкою основательныхъ свѣдѣній относительно малоизвѣстнаго письма чжурчженьскаго.

Отдѣльно отъ этой древней надписи, на правой сторонѣ ея, находится замѣтка на китайскомъ языкѣ, свидѣтельствующая, что арка была исправлена на средства заслуженнаго чиновника Линь-пу-сяня 15-го числа 5-й луны 1445 г. Это какъ разъ

черезъ столѣтіе послѣ даты древней надписи, относящейся къ 1345 году. Послѣдняя дата случайнымъ образомъ сохранилась на строкѣ, въ которой трудно разобрать что нибудь другое.

Возстановленіе памятника удалось Wylie при помощи китайскаго сочиненія «Чань-мынь-жи-сунъ (т. е. ежедневныя молитвы секты Чань), въ которомъ находится переложеніе того же санскритскаго текста, и при содѣйствіи извѣстныхъ санскритологовъ Benfey'я и Dr. Haas'a. Каждое изъ шести отдѣленій надписи, за исключеніемъ санскритскаго, состоитъ изъ двухъ частей. Анализъ Wylie касается исключительно первыхъ частей надписи, одинаково содержащихъ въ себѣ переложеніе санскритскаго текста; но за симъ въ каждомъ отдѣленіи надписи слѣдуетъ еще вторая часть, начертанная письменами меньшаго размѣра сравнительно съ первою. Такая вторая часть китайскаго отдѣленія надписи, какъ убѣдился Wylie, написана на китайскомъ языкѣ; вторая часть тибетскаго текста хотя не вполнѣ соотвѣтствуетъ по своему содержанію китайскому, но имѣетъ, по мнѣнію Foucaux, подобное же содержаніе; при поверхностномъ разборѣ монгольскаго отдѣленія, а главнымъ образомъ по аналогіи, Wylie пришелъ къ заключенію, что и монгольское отдѣленіе составлено на монгольскомъ языкѣ; онъ предполагаетъ далѣе, что уйгурскій отдѣлъ изложенъ на уйгурскомъ языкѣ и чжурчженьскій — на чжурчженьскомъ.

Я позволилъ себѣ болѣе подробно говорить о цзюй-юнъ-гуань'скихъ надписяхъ по той причинѣ, что эти надписи и для меня самаго составляютъ больное мѣсто. Дѣло въ томъ, что въ пору моего обученія въ университетѣ, на факультетѣ восточныхъ языковъ еще не читалась исторія монгольской литературы и, благодаря этому, наши студенты имѣли крайне смутныя понятія о памятникахъ письменности монголовъ; при нераспространенности же въ нашихъ библіотекахъ ученыхъ періодическихъ изданій, особливо англійскихъ, негдѣ было даже и прочитать объ европейскихъ открытіяхъ по части востоковѣдѣнія. Такимъ образомъ со времени обоснованія въ Пекинѣ нашей дипломатической

миссіи, до пятидесяти человѣкъ лучшихъ изъ нашихъ кандидатовъ проѣхало черезъ цзюй-юнъ-гуань'скую крѣпость и ни одинъ изъ нихъ не остановился осмотрѣть эти надписи, безсомнѣнія, по незнанію объ ихъ существованіи. Къ числу таковыхъ мнѣ приходится причислить и себя, почему и сказалъ я, что цзюй-юнъ-гуань'скія надписи составляютъ мое больное мѣсто. Теперь я почитаю долгомъ обратить вниманіе хотя своихъ преемниковъ на чрезвычайную важность этого памятника. Разборъ и описанія Wylie, въ сущности, не предвосхитили здѣсь лавровъ будущаго изслѣдователя, ибо, оставивъ безъ разсмотрѣнія вторую часть въ каждой изъ надписей, Wylie не сдѣлалъ собственно почти ничего, такъ какъ важность-то представляютъ именно эти послѣднія части текстовъ памятника. Возстановленіе и разборъ этихъ частей, безъ сомнѣнія, сопряжены съ бо́льшей трудностью, чѣмъ работы Wylie, но они дадутъ неоцѣненныя данныя для исторіи Востока: до сихъ поръ только изученіемъ этого памятника и представляется возможность разъяснить составляющій постоянный предметъ ученыхъ пререканій вопросъ, что такое чжурчженьскій языкъ, не говоря уже о вопросахъ касательно его письменности.

Мѣстность отъ Гуань-гоу'скаго перевала черезъ Тай-хань'-скій хребетъ вплоть до Великой стѣны у Калгана образуетъ округъ Сюань-хуа-фу. Здѣсь уже преобладаютъ долины съ почвою, которую, со временъ Рихтгофена, мы привыкли называть лёссовой. Окаймляющія эти долины горы кажутся имѣющими желтые склоны и черныя пирамидальныя вершины. Рѣки, если только вода не поднялась въ нихъ вслѣдствіе дождей, мелки и бѣгутъ быстро въ своихъ песчаныхъ и широкихъ руслахъ. Судоходныхъ въ числѣ ихъ нѣтъ ни одной. Климатъ здѣсь сравнительно холоденъ зимой: 10 Января 1878 г. термометръ показывалъ мнѣ — 14° R.; лѣтомъ, наоборотъ, здѣсь, говорятъ, необычайно жарко. Почва отмѣнно плодородна и мѣстные поселяне въ большихъ размѣрахъ снабжаютъ Пекинъ своими земледѣльческими произведеніями, особливо пшеницей, зеленью и плодами.

Слѣдующими за пшеницею родами хлѣбныхъ растеній будутъ: гао-лянъ, овесъ, просо, маисъ, стручковые овощи и картофель. Послѣдній разводится китайцами во всемъ си-ань-фу'скомъ кругѣ въ большомъ количествѣ, равно какъ и за Великой стѣной тѣми изъ нихъ, которые переселились въ предѣлы Монголіи. Достоинство здѣшняго картофеля европейскіе ученые ставятъ очень высоко и увѣряютъ, что си-ань-фу'скій картофель превосходитъ по своимъ качествамъ всѣ виды этого продукта, разводимые гдѣ либо въ Европѣ. Плоды растутъ также замѣчательно хорошо; главные между ними суть: виноградъ, груши, яблоки, сливы, абрикосы, персики, ши-цза, дыни и арбузы. Всѣ они разводятся въ большомъ количествѣ, но качествомъ уступаютъ европейскимъ, за исключеніемъ развѣ абрикосовъ. Виноградnаго вина, не смотря на обиліе винограда, китайцы не производятъ.

Пекинъ, вѣроятно, служитъ главнымъ потребителемъ этихъ произведеній. Большое количество ихъ идетъ также къ Чахарамъ, въ обмѣнъ на барановъ, быковъ, лошадей, кожи и мѣха. Другимъ источникомъ доходовъ для жителей этой мѣстности служитъ производимая черезъ нее обширная торговля между Пекиномъ, Шань-си и Калганомъ. Мѣстечко Ча-дао, напримѣръ, сплошь состоитъ изъ гостинницъ и постоялыхъ дворовъ, ибо здѣсь движеніе еще болѣе сильно, чѣмъ въ другихъ селеніяхъ. Дневникъ о. Палладія вполнѣ объясняетъ сказанное явленіе, сообщая, что Ча-дао представляетъ средоточіе дорогъ изъ сѣверной Шань-си и Калгана. Къ сѣверу отъ Ча-дао торговое движеніе кажется уже значительно меньшимъ, тѣмъ не менѣе оно занимаетъ много рукъ и даетъ возможность жителямъ употреблять нѣкоторыя изъ своихъ произведеній для прокормленія сравнительно все же очень большаго числа путниковъ и вьючныхъ животныхъ. Во всѣхъ деревушкахъ замѣтно здѣсь, что поселяне съ избыткомъ удовлетворяютъ своимъ неприхотливымъ потребностямъ; повсюду видны зажиточность и довольство. Города имѣютъ широкія улицы, но въ другихъ отношеніяхъ не представляются благоустроенными.

Единственное минеральное произведеніе въ этихъ мѣстахъ—каменный уголь. О. Палладій отмѣчаетъ мѣстонахожденіе его у города Синъ-бао-ан'я (29 Апр.). Дѣйствительно, въ горахъ, окружающихъ Синъ-бао-ань, разработывается очень много угольныхъ копей; но доставляемый отсюда уголь, говорятъ, очень смолистый и не одобряется для домашняго употребленія. Отъ Синъ-бао-ан'я каменноугольныя залежи, съ таковымъ же качествомъ угля, протягиваются съ одной стороны къ западу, переходя на правый берегъ р. Янъ-хэ и здѣсь особливо значительны копи близь города Бао-ань-чжоу, о которомъ также упоминаетъ о. Палладій; съ другой стороны эти горы простираются и на сѣверъ, къ Цзи-минъ-и (30 Апр.). Каменный уголь лучшаго качества получается изъ Юй-чжоу и особливо изъ Си-нинъ-сян'я (верстахъ въ 75 къ Ю.-З. отъ Бао-ань-чжоу). Добываемый изъ копей обѣихъ этихъ мѣстностей каменный уголь при горѣніи не даетъ ни пламени, ни дыма, ни смолистаго запаха. По внѣшнему виду онъ имѣетъ коричневато-черный и восковой блескъ. Когда его зажигаютъ, онъ сгараетъ медленно и при этомъ не требуется даже никакой тяги воздуха; остатокъ его составляетъ бѣлый и чрезвычайно легкій пепелъ. Всѣ русскія торговыя фирмы, имѣющія свои конторы въ Калганѣ, въ пору моего посѣщенія этого города, потребляли именно си-нинъ-сянь'скій уголь. Китайцы равнымъ образомъ высоко цѣнятъ его и говорятъ, что онъ употребляется въ открытыхъ жаровняхъ въ императорскомъ дворцѣ въ Пекинѣ. Цѣны на си-нинъ-сянь'скій уголь въ Калганѣ зимою 1877 г. стояли приблизительно 12—15 коп. сер. за русскій пудъ. Помимо сего каменный уголь добывается въ горахъ, окружающихъ Сюань-хуа-фу, а равно въ урочищахъ Тумулу, Сяотунъ-го, Си-ванъ-цзы (знаменитый станъ католическихъ миссіонеровъ), Санъ-бао-го и др.; всѣ эти мѣстности лежатъ уже за Великой стѣной, къ западу отъ Калгана.

Калганъ представляетъ собою наиболѣе важный пунктъ во всей этой мѣстности. «Въѣзжаешь въ этотъ городъ точно въ Пекинъ», говоритъ о. Палладій. Дѣйствительно, два раза при-

шлось мнѣ быть въ Калганѣ и я всегда поражался громаднымъ наплывомъ сюда народа. Улицы буквально запружены разношерстною толпою, телѣгами, верблюдами, лошадьми, мулами и осликами. Неимовѣрное количество мелкой мѣновой торговли, множество размѣнныхъ лавокъ, магазиновъ съ готовымъ платьемъ, провизіей, мелочною домашнею утварью, и все это постоянно находится въ дѣятельности, благодаря массѣ ежедневно мѣняющагося населенія. О Калганѣ можно сказать, что этотъ городъ вовсе неимѣетъ постоянныхъ жителей; даже купцы, содержащіе здѣсь свои лавки и ведущіе торговлю, являются сюда какъ посѣтители, — дома и семьи ихъ обыкновенно находятся гдѣ либо въ другихъ городахъ, или мѣстечкахъ Китая.

Впрочемъ собственная и поразительная по объему мелочная торговля Калгана не составляетъ еще для него такого значенія какъ транзитъ. Вообще можно сказать, что для торговли внутренняго Китая съ Монголіей имѣется два направленія: одно — моремъ, другое — сухимъ путемъ. Тѣ товары, которые перевозятся моремъ, перегружаются въ Тянь-цзинѣ и вступаютъ въ Монголію почти всѣ безъ исключенія черезъ Калганъ; этимъ же путемъ идутъ въ Монголію, конечно, и всѣ европейскіе продукты. Сухопутная торговля сходится въ сѣверную Шань-си и затѣмъ раздѣляется на двѣ дороги, изъ которыхъ одна проходитъ черезъ Калганъ, а другая направляется на Кўкў-хотò. Понятно отсюда и значеніе Калгана: онъ почитается въ нѣкоторомъ родѣ конечнымъ пунктомъ для перевозки товаровъ, слѣдующихъ съ сѣвера на югъ, и обратно — съ юга на сѣверъ. Вьючныя животныя и другія средства передвиженія здѣсь необходимо мѣняются и значительныя коммиссіонерскія дѣла совершаются въ Калганѣ вслѣдствіе измѣненія контрактовъ. Первое мѣсто по важности, конечно, принадлежитъ транзитной торговлѣ съ Монголіей; но за симъ черезъ Калганъ же проходитъ и большая часть русской торговли съ Китаемъ. По направленію китайская торговля распространяется отъ Калгана въ три главные пункта: Кўкў-хотò, Кяхту и Долōнъ-нōръ.

Калганъ,—хāлга, т. е. «ворота»—Собственнаго Китая; но путешественникъ, выѣхавъ за эти ворота, все еще, вплоть до древней великой стѣны, проходящей по вершинѣ Калганскаго хребта, чувствуетъ себя какъ-бы въ предѣлахъ сыновъ Срединной Имперіи. Дорога отъ Калгана къ Монголіи — сплошной подъемъ на Калганскій хребетъ. Существуетъ два перевала черезъ этотъ хребетъ: первый изъ нихъ называется Цагāнъ-тологòй, —черезъ него проходитъ почтовый, собственно казенный, чиновничій трактъ; второй перевалъ, извѣстный у монголовъ подъ именемъ Барӯнъ-дабā (западный проходъ) и еще иначе называемый Сэнчжíйнъ-дабā, лежитъ на торговой, караванной дорогѣ. Мнѣ пришлось проѣхать по обѣимъ означеннымъ дорогамъ; но внѣшній видъ этихъ путей очень сходствуетъ между собою, за тѣмъ только исключеніемъ, что падь Сэнчжíйнъ дабā гораздо у́же пади Цагāнъ-тологòй'я и притомъ торговый путь менѣе каменистъ, чѣмъ почтовый. И тамъ, и здѣсь дорога проходитъ по глубокому ущелью, окаймляемому высокими горами. Горы эти образуютъ острые гребни, раздѣленные глубокими и узкими оврагами, въ которыхъ китайское населеніе съ успѣхомъ воздѣлываетъ маленькіе клочки лёсса. Отсюда по дорогѣ встрѣчается не мало деревушекъ, самыя значительныя изъ которыхъ заключаютъ въ себѣ однако не свыше 10, 15 домовъ. Кое-гдѣ горные гребни пересѣкаютъ дорогу, оттого при общемъ подъемѣ на ней встрѣчается еще нѣсколько небольшихъ частныхъ переваловъ. Взобравшись на вершину послѣдняго изъ такихъ гребней, путешественникъ невольно поражается, видя передъ собою обширную зеленую равнину, мѣстами имѣющую волнистую поверхность, но въ общемъ кажущуюся необъятною и уходящею далеко за горизонтъ степью. Это уже Монголія и здѣсь начинаются земли, составлявшія прежде кочевья чахарскаго желтаго съ каймою знамени, а нынѣ подаренныя въ собственность командиру этого знамени А-гуну, и, какъ увидимъ ниже, почти промотанныя имъ. По этой то причинѣ китайскій элементъ въ настоящую пору сполна завладѣлъ по крайней мѣрѣ южными окраинами этихъ кочевьевъ и мѣст-

ности, залегающія вплоть до развалинъ городовъ Харà-балгасỳ и Цагāнъ-балгасỳ, сплошь представляютъ собою полосы распаханной земли. Правда китайскихъ поселковъ, даже и незначительныхъ, здѣсь не встрѣчается вовсе, но то и дѣло попадаются отдѣльныя китайскія фанзы: они слѣдуютъ одна за другою не болѣе какъ на разстояніи 150, много 200 саженей.

Интереснѣйшими пунктами на первыхъ шагахъ движенія по Монголіи являются развалины древнихъ городовъ Харà-балгасỳна и Цагāнъ-балгасỳна. Представляется довольно страннымъ, почему это о. Палладій, проѣзжая въ 1847 году неподалеку отъ этихъ замѣчательнѣйшихъ мѣстностей, не только не посѣтилъ ихъ, но даже и не говоритъ о нихъ ни слова? Правда, онъ вознаградилъ насъ впослѣдствіи, описавъ оба помянутыя урочища въ дорожныхъ замѣткахъ 1859 г.; но теперь, когда мнѣ кажется, что эти остатки старины съ каждымъ десятилѣтіемъ все болѣе и болѣе ускользаютъ отъ нашихъ изслѣдованій, невольно является сожалѣніе, что нашъ наблюдательный синологъ не описалъ состоянія ихъ за 12 лѣтъ раньше. Мнѣ лично удалось посѣтить эти мѣста въ Январѣ 1878 г. и вотъ что я могу теперь сказать о нихъ по своимъ замѣткамъ.

Развалины города, называемаго по монгольски Харà-балгасỳ (черный городъ), а по китайски Синъ-хо-чэнъ, находятся къ С.-З.-З. отъ перевала Цагāнъ-тологòй, въ разстояніи около 30 ли. Онѣ лежатъ при р. Борò-цэ̄чжи, протекающей по южной сторонѣ ихъ и отстоятъ на 3 ли отъ кумирни одного изъ чахарскихъ владѣтельныхъ князей — А-гýна и называемой по китайски А-гýнъ-мяо, у Монголовъ же болѣе извѣстной подъ именемъ Борò цэ̄чжіинъ сýмэ̀. Остатки древняго города представляютъ со внѣ только одинъ четырехугольный валъ, каждая сторона котораго имѣетъ протяженія нѣсколько болѣе полуверсты, а въ окружности онъ, даже со всѣми своими выдающимися изъ общаго правильнаго очертанія стѣнъ кривизнами, вѣроятно, менѣе трехъ верстъ. По наружной сторонѣ вала сохранились остатки рва, по которому прежде текла вода, проведенная изъ Борò-цэ̄чжи двумя

канавами, одною на восточной сторонѣ города, а другою на сѣверо-западной. Въ городъ вело четверо воротъ, почти правильно расположенныхъ по четыремъ странамъ свѣта (С. и Ю. подъ 10°, В. и З. подъ 80°). Ворота города, какъ и всякой китайской крѣпости, были двойныя и имѣли щиты; тамъ же гдѣ проходитъ ровъ, по которому протекала вода, передъ восточными и западными воротами, какъ бы для въѣзда въ городъ, была сдѣлана насыпь; но у южныхъ и сѣверныхъ воротъ такой насыпи нѣтъ и, слѣдовательно, можно предположить, что въ старое время передъ ними были устроены мосты. Кромѣ крѣпостныхъ воротъ и щитовъ передъ ними, сооруженія коихъ выступаютъ изъ общей правильной линіи городской стѣны, представляется выдающимся возвышеніемъ сѣверо-западный уголъ города. Можетъ быть прежде здѣсь было что нибудь въ родѣ башни, въ данное же время это простой курганъ, на которомъ воздвигнуто монголами обо. Въ сѣверо-восточномъ углу города находится въ свою очередь окруженное особымъ валомъ и рвомъ отдѣленіе. Въ немъ видны остатки построекъ и разрушившихся зданій, имѣющихъ теперь форму или продолговатыхъ валовъ, или круглыхъ и четырехугольныхъ кургановъ. Китайцы постоянно дѣлаютъ здѣсь раскопки, частію нарочно для разысканія кладовъ, а частію для добыванія камней на свои постройки. Въ первое время, говорятъ, здѣсь было находимо много старинныхъ монетъ и вещей; теперь же не попадается почти ничего, кромѣ черепицы (варъ) съ зеленою и желтою глазировкой.

Монголы разказываютъ теперь только о позднѣйшихъ событіяхъ съ Харà балгасýномъ и вовсе не знаютъ его древней исторіи, почитая этотъ городъ резиденціею «какого-то» монгольскаго хана. О. Іакинфъ, на основаніи китайскихъ источниковъ, свидѣтельствуетъ, что «Синъ-хо-чэнъ» былъ основанъ еще при Киданяхъ и въ то время назывался Фу-чжеу. Китайскій путешественникъ Чжанъ-дэ-хой, проѣжавшій изъ Пекина въ 1248 г. въ столицу Хубилая въ сѣверной Монголіи, упоминаетъ о Фучжеу какъ о городѣ, лежащемъ въ развалинахъ. Судя по мѣст-

ности, это долженъ быть тотъ же Харà балгасỳ; ergo еще въ 1248 г. онъ былъ извѣстенъ подъ этимъ именемъ. По дальнѣйшему свидѣтельству о. Іакинѳа, Харà балгасỳнъ въ 1263 г. былъ переименованъ въ Лу-синъ и въ немъ былъ построенъ дворецъ, а о. Палладій говоритъ, что при Монгольской династіи этотъ городъ получилъ названіе Синь-хо-чэн'а и имя это носилъ при Минахъ. Лѣтописная исторія Минской династіи, на сколько мнѣ удалось прослѣдить это по Минъ-ши, излагаетъ обстоятельства, по которымъ можно заключать, что Синъ-хо-чэнъ, по паденіи Юаней, считался довольно важнымъ постомъ какъ у китайцевъ, такъ и у монголовъ. Въ сказаніяхъ ея, Синъ-хо-чэнъ упоминается впервые подъ 1370 годомъ, когда, по изгнаніи монголовъ изъ Китая, Мины распространили свои завоеванія за предѣлы великой стѣны, и именно говорится, что въ 1370 году «минскій полководецъ Вэнь-чжунъ дошелъ до Синъ-хо и взялъ въ плѣнъ Пинъ-чжан'а и Чжу-чжэн'я». И такъ монгольскіе воеводы, послѣ бѣгства Тогōнъ-тэмỳра на сѣверъ, въ Бáрсъ-хотò, оставались въ Синъ-хо-чэнѣ для предотвращенія дальнѣйшихъ движеній Миновъ, но это не удалось имъ и они попались въ плѣнъ. За всѣмъ тѣмъ Синъ-хо-чэнъ, какъ видно изъ послѣдующаго разказа, даже и послѣ этого обстоятельства, оставался нѣкоторое время у монголовъ. Извѣстіе объ его паденіи встрѣчается уже въ 1374 году. «Лѣтомъ 1374 г.», говоритъ Минъ-ши, «командиръ Лань-юй взялъ Синъ-хо». Послѣ сего Синъ-хо-чэнъ оставался во власти китайцевъ и, вѣроятно, служилъ однимъ изъ тѣхъ наблюдательныхъ пунктовъ, съ которыхъ китайцы смотрѣли за движеніями кочевниковъ на сѣверѣ. Далѣе о немъ упоминается еще подъ 1422 годомъ по поводу того обстоятельства, что весною этого года Монголы, подъ предводительствомъ Аруктая (Алутай, Элютэй), не задолго передъ симъ перекочевавшаго съ разрѣшенія Миновъ на юго-востокъ Монголіи, къ границамъ Китая, сдѣлали большое вторженіе въ Синъ-хо-чэнъ. По всей вѣроятности они хотѣли завладѣть этими землями, но, заслышавъ, что императоръ самъ предпринимаетъ походъ, Аруктай бѣжалъ

на сѣверъ. Съ этого времени извѣстія о Синъ-хо-чэнѣ прекращаются, такъ какъ набѣги монголовъ на Китай съ этихъ поръ касаются главнымъ образомъ провинцій, лежащихъ въ болѣе западной части Срединной Имперіи. О. Палладій въ своихъ дорожныхъ замѣткахъ 1859 г., изъ неизвѣстнаго мнѣ источника, впрочемъ, сообщаетъ, что при постоянныхъ набѣгахъ монголовъ Мины, наконецъ, потеряли Синъ-хо-чэнъ и что монголы передаютъ преданіе, якобы Харà балгасýнъ занимали Бурни́ и Галдàнъ. Мнѣ не удалось слышать этого преданія, но во всякомъ случаѣ трудно предположить, чтобы Бурни́ и Галдàну приходилось заниматься серіозно возобновленіемъ этого города, а потому мы едва-ли ошибемся въ заключеніи, что Синъ-хо-чэнъ именно со времени перенесенія монгольскихъ войнъ на западъ потерялъ свое значеніе и постепенно дошелъ до настоящаго состоянія, въ которомъ онъ не представляетъ даже и развалинъ, а только свидѣтельствующіе о бывшихъ развалинахъ земляные валы.

Въ этомъ состояніи, разказываютъ современные монголы, Синъ-хо-чэнъ, вмѣстѣ съ окружающими его на пространствѣ около 20 кв. верстъ землями, былъ подаренъ китайскимъ императоромъ изъ маньчжуровъ Сянь-фын'омъ (1851—1862) въ награду за какую-то услугу въ собственное и потомственное владѣніе А-гýну, одному изъ князей восьми чахарскихъ хошýновъ. Но Синъ-хо-чэн'у, разрушившемуся въ рукахъ правительства, не посчастливилось и въ частныхъ. Новый владѣтель его А-гýнъ, мотовство и безпутная жизнь котораго, въ пору моего посѣщенія, вошли уже въ пословицу въ средѣ Чахаровъ, сначала обобралъ всѣхъ своихъ хошýнныхъ данниковъ, а потомъ, когда эти средства истощились, началъ закладывать и продавать свое имущество и въ числѣ первыхъ утраченныхъ имъ такимъ образомъ вещей были земли Синъ-хо-чэн'а. Хошýнные данники А-гýна, въ объясненіе факта продажи ихъ господиномъ жалованныхъ ему императоромъ земель, разказываютъ, что онъ доведенъ былъ до этого крайностію, зависѣвшею не отъ его недостатковъ, а отъ самой судьбы. Лишь только земля эта, говорятъ они, перешла къ

А-гу́ну, какъ духъ, покровитель этого мѣста, вознегодовалъ и началъ наводить всевозможныя несчастія на землю: засуха, недостатокъ травъ и падежъ скота были первыми враждебными дѣйствіями духа противъ А-гу́на. За симъ духъ превратился въ лисицу, которая поселилась въ сѣверо-западномъ углу города и окончательно не давала покоя кочевавшимъ здѣсь А-гу́новцамъ. Призванные по сему случаю ламы объявили, что духъ земли можетъ быть подавленъ поставленнымъ здѣсь обо̄, которое находится нынѣ въ сѣверо-западномъ углу города. Послѣ сооруженія обо̄, лисица, дѣйствительно, прекратила свои враждебныя отношенія къ людямъ, кочевавшимъ въ этихъ мѣстахъ и перестала показываться; но А-гу́нъ считалъ все-таки это мѣсто для себя несчастнымъ, а потому былъ весьма радъ, когда нашелся у него покупатель. Такимъ образомъ Синъ-хо-чэнъ перешелъ къ новому владѣльцу,— нѣкоему пекинскому банкиру изъ фамиліи Ли. Послѣдній съ 1870 г. раздѣлилъ земли, окружающія Синъ-хо-чэнъ, на участки и въ этомъ видѣ раздалъ ихъ въ аренду переселившимся сюда изъ за Великой стѣны китайскимъ поселянамъ. Такимъ образомъ Синъ-хо-чэнъ въ настоящее время окруженъ мелкими участками поселянъ, на которыхъ возращаютъ они свои нивы и остался самъ въ рукахъ богатаго пекинскаго банкира, вѣроятно, единственно потому, что пространство, занимаемое имъ, представляетъ трудную къ обработкѣ плоскость, вслѣдствіе возвышающихся на ней грудъ мусора.

Верстахъ въ 10 къ сѣверу отъ Синъ-хо-чэна находятся земляные валы, составляющіе остатки другаго китайско-монгольскаго города, Чага̄нъ-балгасу̀, или, по сѣверному произношенію «Цага̄нъ-балгасу̀» (бѣлый городъ), китайское имя котораго Шачэнъ. Онъ лежитъ въ разстояніи не большемъ версты отъ границъ земель, принадлежащихъ А-гуну, въ мѣстности, опредѣленной китайскимъ правительствомъ на пастбища императорскихъ стадъ и именно въ аймакѣ ӱхэрчи́н'овъ, т. е. пастуховъ коровъ. О. Іакинѳъ въ своемъ «Статистическомъ описаніи Китайской Имперіи» полагаетъ разстояніе между Синъ-хо-чэн'омъ и Чага̄нъ

балгасу̀номъ въ 10 китайскихъ ли; но мнѣ кажется, что пространство между ними не менѣе 10 верстъ, или даже нѣсколько болѣе, потому что, при довольно быстрой ѣздѣ на мулѣ, я проѣхалъ его въ 1 ч. и 50 мин. Ковалевскій опредѣляетъ то же разстояніе даже еще длиннѣе: онъ считаетъ около $21^1/_2$ версты, но это, кажется, уже черезъ чуръ много.

Чага̀нъ балгасу̀ не представляетъ въ настоящее время даже развалинъ города: отъ него не осталось почти ничего кромѣ трехъ, обрамливающихъ одинъ другаго валовъ, составлявшихъ прежде стѣны, которыми былъ окруженъ городъ. Всѣ валы имѣютъ четырехугольную форму и самый высокій изъ нихъ есть самый срединный. Стѣны этого срединнаго вала вышиною около 4,5 аршинъ, а въ длину имѣютъ каждая около 1950 шаговъ; онѣ расположены параллельно странамъ свѣта и каждая изъ нихъ снабжена воротами. Ворота каждой стѣны противустоятъ воротамъ стѣны ей противуположной; что же касается отношенія ихъ къ самымъ стѣнамъ, то ворота западные и восточные лежатъ въ самой срединѣ своихъ стѣнъ, а южные и сѣверные находятся нѣсколько ближе къ стѣнѣ западной, чѣмъ къ восточной. Внутри этой ограды площадь совершенно ровная, только на небольшомъ разстояніи отъ западной стѣны сохранился продолговатый, значительно низшій стѣнъ и преставляющій, вѣроятно, остатки зданій курганъ. Нынѣ разобрать въ немъ ничего не возможно, ибо курганъ этотъ поросъ травою, и только кое-гдѣ валяются по нему различной величины камни, можетъ быть, даже принесенные послѣ, ибо монголы на сѣверо-западномъ и юго-восточномъ углахъ этого холма поставили свои необходимые обо̀. Такой же курганъ сохранился и у восточной стѣны и въ томъ же разстояніи отъ нея, въ какомъ находится курганъ, прилегающій къ западной стѣнѣ. Этотъ второй курганъ длиннѣе перваго, но за то онъ гораздо ниже его. Кромѣ этихъ двухъ холмовъ внутри первой ограды ничего не имѣется и она, какъ сказано, представляетъ совершенно ровную площадь. Вторая городская стѣна окружаетъ первую на разстояніи 300 шаговъ отъ нея. Пространство между ними со-

вершенно ровное и теперь по нему пробитъ съ юга на сѣверъ одинъ изъ множества боковыхъ колесныхъ путей, проходящей на разстояніи не бо̀льшемъ полуверсты отселѣ, большой купеческой дороги изъ Калгана въ Ургу. Эта вторая стѣна гораздо ниже первой и по мѣстамъ значительно выбита колесными дорогами. Послѣднее обстоятельство совершенно лишаетъ въ настоящее время изслѣдователя возможности опредѣлить точно мѣстонахожденіе и количество ея воротъ. Наконецъ третій и самый внѣшній валъ, окружающій городъ, идетъ на разстояніи не меньшемъ версты отъ второй стѣны. Онъ почти не замѣтенъ и только указанія мѣстныхъ монголовъ заставили меня обратить на него вниманіе.

Какъ и о Харà-балгасу̀нѣ, монголы ничего не могли сообщить мнѣ относительно исторіи этихъ развалинъ; не говорили даже и того, чтобы встарину жилъ здѣсь «какой-нибудь» монгольскій хāнъ и отзывались прямо незнаніемъ. Хотя правда, что монголовъ не скоро можно вызвать на подробные разказы ихъ преданій, однако молчаніе ихъ въ данномъ случаѣ является замѣчательнымъ фактомъ въ виду того спорнаго вопроса, который представляется въ отношеніи къ исторіи Чагāнъ балгасу̀на. О. Іакинфъ говоритъ, что «сей городъ, по назначенію, долженъ былъ составлять столицу дома Юань, подъ названіемъ Чжӯнъдӯ», что значитъ — средняя столица. Спрашивается, если городъ предназначался быть столицею, то какимъ образомъ онъ могъ имѣть только семь ли въ окружности, какъ говорятъ объ этомъ китайскіе источники? Очевидно, китайцы, при описаніи городища, имѣли въ виду только то, что больше всего бросается въ глаза, именно первую, самую внутреннюю и самую высокую изъ всѣхъ трехъ стѣнъ, окружающихъ городъ. Но такое ограниченіе Чагāнъ-балгасу̀на, какъ мы видѣли, рѣшительно не возможно: городъ имѣетъ не одну, а три стѣны. Это извѣстно всѣмъ живущимъ здѣсь, какъ монголамъ, такъ и китайцамъ, хотя, пожалуй, я и согласенъ съ тѣмъ, что особливо остатки третьей стѣны, безъ особыхъ указаній, могутъ быть совершенно незамѣчены

даже самымъ внимательнымъ изслѣдователемъ. Относительно второй я не могу сказать этого, также точно какъ не могу сказать и того, почему не говорится о ней въ извѣстныхъ намъ описаніяхъ Чагāнъ-балгасýна. Но несомнѣнно, что, принимая за величину города лишь пространство, заключающееся въ трехъ стѣнахъ, можно согласиться съ тѣмъ, что онъ предназначался въ столицы Юаньскаго дома. Замѣчательно еще, что какъ количество стѣнъ, такъ и величина города будетъ въ такомъ случаѣ совершенно соотвѣтствовать Шан-ду, о которомъ мы изъ исторіи и изъ сказаній европейскихъ путешественниковъ достовѣрно знаемъ, что онъ былъ столицею Хубилàя. Когда я осматривалъ Шан-ду, мнѣ живо припомнилась и невѣрно измѣряемая у насъ окружность стѣнъ Чагāнъ-балгасýна. А между тѣмъ эта невѣрность измѣренія величины города была едва-ли ни одною изъ первостепенныхъ причинъ, по которымъ нашъ ученый истолкователь Риттеровой Азіи основалъ свое убѣжденіе въ томъ, что Чагāнъ-балгасý былъ даже не городомъ, а только замкомъ, или увеселительнымъ дворцомъ Хубилàя, и пріурочилъ его къ Ciang-nor, описываемому Марко-Поло. Не малымъ поводомъ къ сказанному заключенію было также для нашего ученаго и описаніе Чагāнъ-балгасýна у Ковалевскаго, который нашелъ, что этотъ городъ имѣетъ только $1\frac{1}{2}$ версты въ окружности и что онъ «представляетъ видъ одного огромнаго зданія съ принадлежащими къ нему пристройками; на бѣлыхъ мраморныхъ колоннахъ его видны и нынѣ изображенія драконовъ, — эмблемы китайской власти» (?). Представленное описаніе свидѣтельствуетъ, сколько находится въ Чагāнъ балгасýнѣ колоннъ и какъ хорошо видны на нихъ изображенія эмблемъ китайской власти. Конечно, довольно трудно заподозривать правдивость описаній предмета, осматривая его черезъ четверть столѣтія; но при такихъ противорѣчіяхъ, невольно, еще болѣе чувствуется сожалѣніе, что наши путешественники вели свои описанія черезъ чуръ кратко, а обо многомъ и вовсе умалчиваютъ.

Къ сѣверу отъ Чагāнъ-балгасý до станціи Мингàй тянутся

уже сплошь кочевья Чахаровъ. О. Палладій прекрасно описываетъ частности пути по этимъ, необычайно однообразнымъ пространствамъ, на которыхъ глазъ ничего не видитъ кромѣ земли, покрытой травою съ разбросанными тутъ и тамъ отдѣльными монгольскими юртами и безчисленными стадами рогатаго скота, барановъ, верблюдовъ, лошадей и козъ, пасущихся около небольшихъ озеръ и другаго рода мелкихъ бассейновъ. Я не буду ничего прибавлять къ этому описанію пути, но не могу не сообщить, хотя кратко, собранныя мною кое-какія этнографическія свѣдѣнія о Чахарахъ тѣмъ болѣе, что описаній быта этихъ монгольскихъ поколѣній до сего времени не находится ни у одного ни изъ русскихъ, ни изъ европейскихъ путешественниковъ. Какъ это ни странно, но и въ китайскихъ сочиненіяхъ хранится почти то же молчаніе о чахарахъ, такъ что свѣдѣнія, которыя имѣемъ мы о происхожденіи населенія чахарскихъ пространствъ и объ образованіи восьми чахарскихъ знаменъ, суть самыя неопредѣленныя. Китайскія сочиненія, какъ «Мэнъ-гу-ю-му-цзи», подробно разсматривающія въ географическомъ и историческомъ отношеніяхъ монгольскіе а́ймаки, совершенно умалчиваютъ о чахарскихъ мѣстностяхъ; въ «Чэнъ-дэ-фу-чжи» по исторіи и этнографіи чахаровъ сказаній также не много. Въ приложеніяхъ къ 3-му тому путешествій Потанина проф. Васильевъ помѣстилъ краткое сказаніе о чахарахъ, заимствованное имъ изъ сочиненія «Шэнъ-ву-цзи», и это едва-ли ни единственная у насъ замѣтка, по которой можемъ мы что либо заключать о населеніи пространствъ Чахаріи. Замѣтка эта увѣдомляетъ насъ, что Дайци́ны, подчинивъ своей власти земли Чахаріи, переселили обитавшихъ здѣсь монголовъ въ другія мѣста, въ замѣнъ же ихъ здѣсь были помѣщены хотя тоже монгольскія, но уже совершенно иныя поколѣнія, имена которыхъ въ китайскихъ сочиненіяхъ не находятся. Я также не могу пересчитать всѣ поколѣнія и роды, населяющіе нынѣ пространства Чахаріи; но между ними чрезвычайно распространены: а) *Солонгу́ты*, — по южной границѣ Чахаріи, въ мѣстности къ востоку отъ извѣстнаго перевала Ца-

гāнъ-тологòй; б) *Меркѝты* — въ Гуāнъ-дунѣ, въ томъ числѣ и самъ ванъ Гуāнъ-дуна принадлежитъ къ поколѣнію Меркѝтовъ; в) *Баргѝуты*, которыхъ считается по два сумѝуна въ каждомъ изъ восьми чахарскихъ хошӯновъ; кромѣ того здѣсь есть г) *Ӧлӧты*, бывшіе данники Амурсанѝ, перемѣщенные въ Чахарію послѣ пораженія этого князя и нынѣ въ количествѣ двухъ сумѝновъ кочующіе въ мѣстности къ западу отъ станцій Халӣтай и Орòй (см. дневникъ 7-го мая), д) *Сунѝты* и многіе другіе. Всѣ эти различныя поколѣнія въ настоящую пору называютъ себя однако и сами Чахарами, такъ что теперь трудно и узнать истинное происхожденіе той или другой частной личности. Стремившаяся къ разъединенію цѣльныхъ племенъ политика маньчжуровъ такъ перемѣшала всѣ эти поколѣнія, а сами монголы на столько равнодушны къ своему прошлому, что теперь, если только исключить такіе, выдѣляющіеся изъ всѣхъ своими особенностями роды, какъ Баргѝуты, то развѣ въ старинномъ княжескомъ домѣ, или отъ какого нибудь завзятаго книжника можно узнать, какому принадлежитъ онъ происхожденію и гдѣ жили первоначально его предки.

Близость Китая съ одной стороны, а съ другой самыя условія быта Чахаровъ дѣлаютъ ихъ во многомъ не похожими на остальныхъ монголовъ. Чахары всѣ состоятъ на службѣ у китайскаго правительства и потому до нѣкоторой степени обезпечены со стороны его въ своемъ содержаніи. Одни изъ нихъ причислены къ рядамъ восьми знаменъ, т. е. обязаны нести строевую военную службу и получаютъ за это жалованье; другіе считаются при управленіяхъ, завѣдующихъ громадными императорскими стадами, для которыхъ маньчжуры съ перваго же времени покоренія Чахаровъ учредили пастбища на земляхъ Чахаріи; третьи, наконецъ, отправляютъ повинности на почтовыхъ станціяхъ, за что въ свою очередь пользуются содержаніемъ отъ казны. Эта служба Китаю отразилась двояко на Чахарахъ: съ одной стороны она повліяла на нихъ благодѣтельно, распространивъ въ ихъ средѣ сравнительно бо́льшую грамотность, чѣмъ,

напримѣръ, у внутреннихъ монголовъ или у халхасовъ; съ другой — обезпеченность содержаніемъ потворствуетъ у нихъ лѣни, безъ того уже въѣвшейся въ плоть и кровь каждаго монгола.

Раздѣливъ Чахаровъ на три части по ихъ вѣдомствамъ, обращаемся къ первому изъ нихъ, именно Чахарамъ знаменнымъ. Кочевья ихъ расположены главнымъ образомъ по сѣвернымъ границамъ чахарскихъ земель въ слѣдующемъ порядкѣ, начиная съ востока: принадлежащіе къ знамени 1) хӱбō цага̀нъ (бѣлому съ каймою); 2) гу́ли цага̀нъ (чистое бѣлое); 3) гу́ли улāнъ (чистое красное); 4) хӱбō шара̀ (желтое съ каймою); 5) гу́ли шара̀ (чистое желтое); 6) хӱбō хӱхӱ̀ (синее съ каймою); 7) хӱбō улāнъ (красное съ каймою); 8) гу́ли хӱхӱ́ (чистое синее). При этомъ знамена гу́ли хухӯ, хубō цага̀нъ, гу́ли цагāнъ, и хубō шара̀ составляютъ собою лѣвое крыло, а гу́ли шара̀, гу́ли улāнъ, хубō улāнъ и хубō хӱхӱ̀ — правое крыло. Военное управленіе всѣхъ этихъ хошӯновъ ввѣряется одному ду-ту́ну, который имѣетъ свое мѣстопребываніе въ Калганѣ, каждый же хошӯнъ въ отдѣльности управляется особымъ засако̀мъ, получающимъ эту должность по назначенію пекинскаго правительства. Для рѣшенія мелкихъ гражданскихъ дѣлъ въ каждомъ хошӯнѣ существуетъ свое, такъ называемое хошӯнное за́рго, въ которомъ, смѣняясь ежемѣсячно, засѣдаютъ одинъ суму́нный зангѝнъ, одинъ хӱндӱ̀й и семь писцовъ. Такимъ образомъ управленіе это съ внѣшней стороны довольно похоже на общемонгольское; но главнѣйшее отличіе его состоитъ въ томъ, что Чахары не имѣютъ у себя родовыхъ начальниковъ, какъ это существуетъ во всей прочей Монголіи. Всѣ чахарскіе нойо̀ны и чиновники получаютъ свои мѣста по засвидѣтельствованіи заслугъ, знанія и способностей подлежащимъ начальствомъ и хотя трудно предположить, чтобы всѣ они дѣйствительно были соотвѣтствующими своему назначенію, хотя протекція, состоятельность и родовое происхожденіе имѣютъ у Чахаровъ весьма важное значеніе для человѣка въ дѣлѣ полученія имъ той или другой должности, однако уже одно то, что всякому данъ доступъ къ занятію высшаго служебнаго положенія

въ обществѣ, составляетъ великій шагъ для народнаго блага и чахарскому управленію въ этомъ случаѣ нельзя не отдать предпочтенія передъ родовымъ монгольскимъ, гдѣ зачастую хошӯны вѣдаются полуидіотами только потому, что эти полуидіоты имѣли счастье родиться потомками Чингисъ-хана. Съ другой стороны возможность полученія высшихъ должностей служитъ у Чахаровъ не малымъ стимуломъ къ полученію образованія. Въ каждомъ хошӯнномъ управленіи и при нѣкоторыхъ изъ чахарскихъ почтовыхъ станцій существуютъ вполнѣ упорядоченныя училища, въ каждомъ изъ которыхъ въ теченіе цѣлаго года учатся мальчики, въ количествѣ отъ 10 до 35 человѣкъ.

Осматривая такую школу на станціи Бургасутàй (вторая монгольская станція отъ Калгана; въ дневникѣ о. Палладія подъ 6-мъ Мая), я нашелъ слѣдующее: школа помѣщается въ двухъ зданіяхъ, изъ которыхъ одно служитъ собственно квартирою для учителя, но здѣсь же, въ своей квартирѣ, онъ даетъ и уроки; во второмъ — живутъ ученики, которыхъ въ разное время бываетъ отъ 20, до 35 человѣкъ. Послѣднее зданіе есть обыкновенный китайскій бáйшинъ съ тремя комнатами, въ двѣ цзяни каждая. Такимъ образомъ на каждую комнату приходится въ разное время то отъ 10 до 12, то отъ 5 до 7 человѣкъ. Можно представить себѣ тѣсноту этого помѣщенія, а о грязи, какая существуетъ въ этомъ интернатѣ, нечего и говорить: на всѣ уходы за нимъ полагается одинъ слуга, который притомъ обязуется и варить дѣтямъ кушанье. Содержаніе учениковъ доставляется ихъ родителями. На содержаніе учителя полагается казенное жалованье въ количествѣ 50 ланъ серебра въ годъ. Такъ какъ прямое назначеніе этой школы состоитъ въ приготовленіи людей для гражданской и военной службы, то главное вниманіе обращается въ школѣ на успѣхи въ маньчжурскомъ языкѣ, на которомъ исключительно ведется дѣловая переписка у Чахаровъ. Мальчики, поступая въ училище, начинаютъ прежде всего изучать маньчжурскую азбуку; монгольское письмо, какъ говорятъ учители, приходитъ къ нимъ потомъ само собою. За азбукою

слѣдуютъ упражненія въ чтеніи, по книгѣ «Эньдýрингэ тáцихянь», которая бываетъ по большей части въ рукописи, писанной въ свободное время самимъ же учителемъ. Эта первая книга послѣ азбуки пишется обыкновенно уже на двухъ языкахъ, т. е. маньчжурскій текстъ ея имѣетъ подстрочный переводъ монгольскій. Здѣсь мальчикъ впервые встрѣчаетъ въ письменности монгольскую рѣчь, и такъ какъ различіе между маньчжурскимъ и монгольскимъ алфавитами въ сущности весьма незначительное (особливо въ настоящей письменности Чахаровъ), то ученикъ начинаетъ, безъ особеннаго труда, читать и монгольскую рѣчь. Методъ преподаванія одинъ и тотъ же во все время обученія: учитель прочитываетъ ученику два, три раза задаваемый урокъ, а ученикъ повторяетъ за нимъ каждое слово. Далѣе, когда ученикъ утвердится въ чтеніи на столько, что будетъ и самъ свободно разбирать и произносить слова, начинаютъ изученіе лексикона: ученикъ механически заучиваетъ отдѣльныя слова. Еще далѣе начинаютъ дѣлать подстрочные переводы съ маньчжурскаго на монгольскій, а потомъ обратно; этимъ обученіе и заканчивается. То преимущество, которое отдается у Чахаровъ изученію маньчжурскаго языка передъ монгольскимъ, имѣло своимъ ближайшимъ результатомъ прежде всего то, что въ письменность, собственно чахаро-монгольскую, вошло теперь много маньчжурскихъ буквенныхъ знаковъ и такимъ образомъ маньчжуризмъ повліялъ на упадокъ монгольскаго алфавита, или монгольской письменности со стороны внѣшней; за то монгольская литература у Чахаровъ, подъ вліяніемъ помянутаго преимущества, значительно расширилась, особливо по части беллетристики. Чахары имѣютъ у себя массу романовъ, повѣстей и разказовъ въ переводѣ съ маньчжурскаго и, что особенно замѣчательно, — въ послѣднее время они уже избавляются отъ переводовъ дословныхъ, а занимаются такъ сказать переложеніемъ, приспособленіемъ китайско-маньчжурскихъ романовъ къ своей жизни. У китайцевъ и маньчжуровъ они берутъ теперь только сюжеты, обстановку же дѣйствующихъ лицъ, образъ ихъ мыслей и поступковъ

вы видите совершенно монгольскіе. Въ монастыряхъ Чахаровъ много типографій, но знаменитѣйшею изъ нихъ почиталась типографія Гэбши́-лама́йнъ сӯмэ̀. Она сгорѣла въ 1873 году, при чемъ, какъ говорятъ, погибло деревянныхъ досокъ съ рѣзными типографскими формами на 230 сочиненій.

При хошӯнныхъ управленіяхъ дѣтей, помимо грамотности, обучаютъ еще стрѣльбѣ изъ лука и разнымъ воинскимъ упражненіямъ.

Прежде въ чахарскихъ училищахъ существовало преподаваніе китайскаго языка, но маньчжурское правительство уже двоекратно запрещало это изученіе чахарамъ и въ послѣдній разъ въ концѣ 1876 г., т. е. менѣе чѣмъ за годъ до того времени, когда осматривалъ я Бургасута́йскую школу. Такъ какъ запрещеніе было получено черезъ чуръ не давно, то въ мою пору преподаваніе китайскаго языка было дѣйствительно въ упадкѣ. Прежде въ Бургасута́йской школѣ существовалъ даже учитель изъ китайцевъ; послѣ запрещенія, его устранили отъ должности, хотя самое преподаваніе китайскаго языка и не было оставлено вовсе: его продолжалъ тотъ же чахаръ, учитель маньчжурскаго и монгольскаго языковъ. Изученіе китайскаго языка въ чахарскихъ школахъ далеко не доводитъ учениковъ до знанія этого языка и, по собственному признанію учителей, ученики ихъ никогда не выходятъ изъ школы способными легко и съ полнымъ пониманіемъ прочитать китайскую дѣловую бумагу, или даже простое письмо; но это обученіе все-таки подготовляетъ учениковъ и значительно облегчаетъ трудъ ихъ дальнѣйшаго усовершенствованія. Методъ обученія состоитъ въ томъ, что ученикъ сначала чертитъ іероглифы, потомъ заучиваетъ ихъ названіе, далѣе учитъ ихъ значеніе и наконецъ переходитъ къ чтенію и переводамъ или одной изъ книгъ четверокнижія (обыкновенно Лунь-юй'я), или же твореній Мэнъ-цзы.

При нѣкоторыхъ изъ почтовыхъ станцій у Чахаровъ постоянныхъ училищъ и спеціальныхъ должностей учителя не имѣется; тѣмъ не менѣе однако нѣтъ ни одной такой станціи, гдѣ не жили

бы мальчики изъ улусовъ для обученія письму и грамотѣ. Такъ, напримѣръ, въ мою пору, не имѣлось училища на станціяхъ Цагāнъ-тологòй (1-я монгольская отъ Калгана) и Чжагасутàй (7-я отъ Калгана); тѣмъ не менѣе при этихъ станціяхъ все же существовало помѣщеніе для мальчиковъ-учениковъ и количество этихъ послѣднихъ въ разное время было различно: въ сентябрѣ 1877-го года на Чжагасутàѣ было 5 учениковъ, а на Цагāнъ-тологòѣ 3; засимъ въ февралѣ 1878 года на Чжагасутáѣ 10, а на Цагāнъ-тологòѣ — 7. Ученики на такихъ станціяхъ обучаются или у станціоннаго цзангйна, или у хўндўя, вообще у кого либо изъ чиновниковъ. Спòсобъ обученія и предметы преподаванія одни и тѣ же; различіе существуетъ только въ томъ, что учители не получаютъ уже здѣсь жалованья отъ правительства, а только плату отъ учениковъ. Платятъ учителю отъ одного до пяти ланъ серебра въ годъ и кромѣ того представляютъ дэ̄чжи, или подарки въ день новолѣтія; это — или матерія на шубу, или — теленокъ, или еще бѣднѣе — овца. Лѣтомъ учителю приносятъ самые различные виды «цагāнъ идэ̄ — бѣлой пищи, т. е. кушаній, приготовляемыхъ изъ молока.

Такой способъ обученія у частныхъ и должностныхъ лицъ практикуется Чахарами не при однихъ только казенныхъ учрежденіяхъ, гдѣ всегда проживаютъ должностныя и грамотныя лица, но почти вездѣ, гдѣ только имѣется извѣстный своею начитанностью человѣкъ и по дорогѣ отъ Калгана къ Долōнъ нōру я неоднократно встрѣчалъ мальчиковъ живущими ради обученія чтенію и письму у отставныхъ чиновниковъ, или даже просто грамотниковъ; — это были, такъ сказать, частныя школы грамотности. Однако отдача ребенка какъ въ казенныя школы, такъ и къ кому либо изъ частныхъ лицъ для обученія грамотѣ составляетъ дѣло исключительно людей, принадлежащихъ по состоянію къ среднему и бѣдному классамъ. Богатые обыкновенно имѣютъ отдѣльныхъ учителей для своихъ сыновей. Для обученія китайскому языку они приглашаютъ китайцевъ, которые во время преподаванія пользуются полнымъ содержаніемъ и жалованьемъ отъ 50

до 75 ланъ; что касается преподаванія языковъ маньчжурскаго и монгольскаго, то оно у богатыхъ и заслуженныхъ амбаней ввѣряется обыкновенно кому нибудь изъ своихъ же чиновниковъ, которые всегда находятся для этой цѣли и исполняютъ свое дѣло почти безъ всякаго возмездія, въ чаяніи только грядущихъ благъ отъ сильнаго міра сего.

Таково развитіе грамотности у Чахаровъ. Полагая, что при каждой изъ 16 чахарскихъ главныхъ управъ среднимъ числомъ обучается грамотѣ по 20 человѣкъ, мы получимъ 320 учениковъ и если предположимъ такое же число изучающихъ грамоту въ станціонныхъ школахъ, у частныхъ лицъ и дома, то у насъ получится 640 молодыхъ чахаровъ, въ каждое данное время изучающихъ письменность. И это, несомнѣнно, самое минимальное число. Всѣ прочіе не получаютъ образованія, и, согласно постановленіямъ, по достиженіи 17-ти лѣтняго возраста, зачисляются на службу, гдѣ и отправляютъ самыя низшія должности до 60 лѣтъ, если только не покончатъ ранѣе своей жизни. Въ хошӯнахъ — это рядовые латники; въ управленіяхъ казенными и императорскими пастбищами — это пастухи; на почтовыхъ станціяхъ — это курьеры, подводчики и конюхи.

Обращаемся снова къ тѣмъ, которые проходятъ хотя какой либо курсъ наукъ. По окончаніи курса молодые Чахары немедленно вступаютъ на службу. Никакихъ экзаменовъ при этомъ, какъ практикуется то въ собственномъ Китаѣ, у Чахаровъ не полагается и въ занятіи должностей, особливо низшаго ранга, соблюдается только строгая постепенность. Въ силу такихъ порядковъ, знатное чиновничество зачисляетъ своихъ дѣтей на службу лѣтъ съ 14-ти и молодой человѣкъ лѣтъ въ двадцать совершенно законно получаетъ такимъ образомъ высшее мѣсто сравнительно съ своими сверстниками, просиживающими на школьной скамьѣ иногда лѣтъ до 18-ти. Такимъ образомъ знатность происхожденія и обезпеченность въ средствахъ жизни, на ряду съ образованіемъ, съ самаго начала вступленія молодыхъ людей въ жизнь общественную, полагаютъ уже между ними различіе какъ въ

служебномъ положеніи, такъ и неразрывно соединяемомъ съ нимъ образѣ жизни; съ теченіемъ же времени это различіе усиливается до того, что въ бытѣ чахарскаго аристократа не остается почти ни одной черты жувущаго о-бокъ съ нимъ простолюдина.

Вышеуказанный курсъ преподаванія въ чахарскихъ школахъ показываетъ намъ, что образованіе чахарской молодежи въ настоящее время по преимуществу китайское. Изученіе китайскихъ философовъ на маньчжурскомъ и китайскомъ языкахъ является основнымъ предметомъ, развивающимъ мышленіе молодыхъ Чахаровъ. И тѣмъ не менѣе понятія ихъ формируются почти самостоятельно, подъ вліяніемъ какой-то странной смѣси китаизма съ монголизмомъ. Это будетъ намъ вполнѣ понятно изъ нижеслѣдующаго разказа, хотя здѣсь слѣдуетъ замѣтить еще, что Китай воздѣйствуетъ не только на внутреннюю, духовную жизнь Чахаровъ, но и на ихъ бытъ матеріальный, такъ какъ внѣшняя обстановка высшаго чахарскаго чиновничества, которое и составляетъ собственно чахарскую аристократію, — положительно китайская. Чахарскіе аристократы всѣ безъ исключенія имѣютъ у себя ба́йшины, или постоянные домы, которые строятся у нихъ, обыкновенно, китайскими рабочими изъ сырцеваго кирпича, по всѣмъ правиламъ китайской архитектуры и со всѣми тѣми украшеніями, которыя составляютъ необходимую принадлежность жилища китайца. Внутреннее убранство этихъ ба́йшиновъ также ничѣмъ не разнится отъ китайскаго и можно сказать даже больше, т. е. что изъ ба́йшиновъ чахарскихъ аристократовъ не только изгнаны всѣ предметы обстановки монгольскаго быта, но и изъ среды китайскихъ избираются только тѣ, которые болѣе согласуются съ утонченными понятіями китайцевъ, чѣмъ съ интересующими закаленнаго въ предразсудкахъ и дѣтски-наивнаго монголо-халхаса. Халхаскіе дза́йсаны и нойо̀ны въ Курѣни живутъ также въ китайскихъ зданіяхъ, но въ обстановкѣ этихъ жилищъ вы видите и понятія ихъ обитателей. Въ одномъ углу стоятъ бурха̀ны, въ другомъ — на стѣнѣ красуется уродливое изображеніе какого

нибудь бāтура Дугàра, а рядомъ съ нимъ красненькая бумажка отъ русской карамели. Спросите, для чего приклеены эта картина и эта бумажка, и вамъ отвѣтятъ, что пребываніе первой приноситъ въ домъ счастіе, а вторая — просто потому, что она красненькая. Ничего подобнаго нѣтъ въ домахъ чахарскихъ аристократовъ. Здѣсь какъ рѣдкость можно повстрѣчать даже лучшіе рисунки китайской акварели, — вмѣсто нихъ по стѣнамъ развѣшаны дуйцзы, — мудрыя изреченія Конфуція, начертанныя размашистою кистью на длинныхъ полосахъ глянцевитой бѣлой бумаги; конфектную бумажку развѣ могутъ замѣнить карикатурныя изображенія китайцевъ. Одежда и пища у чахарскихъ аристократовъ совершенно китайскія: повара — китайцы; костюмы пріобрѣтаются по большей части готовыми въ китайскихъ магазинахъ, а нѣкоторыя большія семьи имѣютъ у себя даже спеціальныхъ портныхъ изъ китайцевъ; прислуга, по крайней мѣрѣ непосредственно прислуживающая хозяину дома, также китайская. Только зиму проводятъ Чахары въ юртахъ, но и здѣсь сдѣлано ими нѣсколько удобствъ и приспособленій, при которыхъ монгольская юрта не только становится болѣе чистою и опрятною, но представляетъ даже лучшее и, несомнѣнно, болѣе благопріятное для здоровья помѣщеніе, чѣмъ китайскій бáйшинъ съ его горячимъ каномъ и неизбѣжнымъ, даже при самой лучшей постройкѣ, сквознымъ вѣтромъ между громадными окнами и дверями, еле прикрытыми тонкой занавѣской. Къ числу этихъ удобствъ въ юртахъ нужно отнести во 1-хъ сѣни, устроиваемыя изъ дерева передъ входомъ въ юрту, что значительно защищаетъ юрту отъ вѣтра; въ 2-хъ—деревянный полъ, вмѣсто обыкновеннаго землянаго грунта, какъ это въ юртахъ халхасовъ, или половъ каменныхъ, какъ въ китайскихъ бáйшинахъ; въ 3-хъ — подполье посреди юрты, куда скатывается пепелъ очага, что способствуетъ чистотѣ въ юртѣ; наконецъ въ 4-хъ — завалины вокругъ юрты, не устроиваемыя халхасами, но служащія прекраснымъ средствомъ для удаленія сквознаго вѣтра внизу юрты, и др. Въ этой строго изящной обстановкѣ китайскихъ бáйшиновъ

и приспособленіяхъ монгольской юрты вполнѣ сказывается характеръ Чахаровъ. Выросшіе въ китайской обстановкѣ, постоянно слыша китайскій языкъ и получая образованіе подъ руководствомъ учителя китайца, чахарскіе аристократы, конечно, усвояютъ себѣ много китайскаго; но большинство изъ нихъ не преклоняется передъ китаизмомъ слѣпо и избираетъ изъ него только дѣйствительно лучшее. Направленіе молодаго чахарскаго барича опредѣляется очень рано. По вступленіи на дѣйствительную службу и по полученіи перваго чина, всякій чахаръ-аристократъ считаетъ долгомъ отправиться въ Пекинъ. Здѣсь, при протекціи своихъ родственниковъ и покровителей, онъ представляется высшимъ китайскаго міра, даритъ имъ подарки и за это, конечно, получаетъ лишній чинъ, или повышеніе въ должности. Въ это же время чахаръ знакомится со всѣми удовольствіями китайской жизни и почти впервые встрѣчаетъ европейцевъ, или по крайней мѣрѣ впервые видитъ обстановку ихъ жизни, а въ разговорахъ знакомится съ ихъ воззрѣніями на все окружающее. То впечатлѣніе, которое уноситъ съ собою чахаръ послѣ перваго пребыванія въ Пекинѣ, тѣ склонности, которыя проявились тамъ въ его жизни, можно сказать, рѣшаютъ его будущность. Съ этой поры онъ ѣздитъ за Великую стѣну почти ежегодно на мѣсяцъ, или полтора, и это небольшое время пребыванія въ Китаѣ проводитъ, конечно, въ томъ кругу, который больше подходитъ къ его вкусамъ. Такимъ образомъ одни всецѣло поглощаются здѣсь праздною жизнью, мотаютъ громадныя суммы денегъ на удовольствія, главнѣйшими изъ которыхъ, конечно, являются вино, женщины и игры; затѣмъ, по китайскому обычаю, нѣкоторые пристращаются даже къ куренію опіума и все это весьма скоро приводитъ ихъ или къ тяжелымъ болѣзнямъ и смерти, или же доводитъ до окончательнаго разстройства ихъ средства. Недостатокъ личнаго состоянія князя отзывается и на управляемомъ имъ хошӯнѣ: начинаются изнурительные налоги и вымогательства, продажа скота и имущества данниковъ, жалованныхъ земель, а засимъ нерѣдко съ аукціона и всего движи-

маго и недвижимаго имущества самого князя. Такой примѣръ представляетъ собою вышепоименованный А-гу́нъ, увлекшійся удовольствіями китайской жизни. Сначала имъ промотано было все отцовское состояніе, затѣмъ продана была китайцамъ земля, жалованная ему богдоханомъ (мѣстность Харà-балгасу́на), за симъ послѣдовали страшные налоги на хошу́нныхъ данниковъ, продажа ихъ скота и въ результатѣ разореніе всего хошу́на до такой степени, что населеніе его, не имѣя достаточныхъ средствъ къ жизни, должно было сдать свои земли подъ пашни въ аренду китайцамъ, а само жить на чужихъ земляхъ, конечно, на условіяхъ самой ничтожной за это платы. Самъ А-гу́нъ долженъ былъ удалиться изъ хошу́на и окончательно поселиться въ Пекинѣ, содержаніе же его ограничилось въ концѣ концовъ единственно жалованьемъ, выдаваемымъ отъ китайскаго правительства.

Но далеко не всѣ таковы чахарскіе аристократы и можно сказать, что большинство ихъ, въ совершенную противуположность только что представленному примѣру, при своемъ первомъ знакомствѣ съ Пекиномъ, получаетъ совершенно другое направленіе, а за симъ если не въ жизни и дѣятельности, то въ образѣ мыслей является во многомъ непохожимъ ни на монголовъ, ни на китайцевъ. Не трудно угадать, что я хочу говорить о вліяніи на чахаръ европейцевъ, которое удалось мнѣ прослѣдить на очень многихъ личностяхъ. Кажется, что главнѣйшая причина силы этого вліянія лежитъ именно въ томъ воспитаніи, которое получаютъ нынѣ дѣти чахарской знати. Выростая въ китайскихъ кругу и обстановкѣ столько же, сколько и въ монгольскихъ, прислушиваясь съ дѣтства къ совершенно различнымъ воззрѣніямъ на окружающее китайца и монгола, чахарскіе юноши, собственно говоря, не усвоиваютъ себѣ ни того, ни другаго: молодой чахаръ стоитъ на какомъ-то распутіи и, не зная чему отдать предпочтеніе, не стѣсняется только при случаѣ слѣдовать тому и другому. Китаецъ и халхасъ имѣютъ свои опредѣленные взгляды на вещи, свои жизненные обычаи и порядки, къ которымъ всецѣло привыкаютъ они въ своей семьѣ и которые съ

возрастомъ, такъ сказать, впиваются въ ихъ плоть и кровь, поэтому-то и все чужое для каждаго изъ нихъ по меньшей мѣрѣ кажется смѣшнымъ и страннымъ; чахаръ, воспитываемый въ какомъ-то индиферентизмѣ, привыкаетъ одинаково смотрѣть не только на свой монгольскій, но и собственно на чуждый ему китайскій обычай и, при равнодушіи къ тому и другому, можетъ легко относиться къ обоимъ имъ критически, едва только будетъ наведена на это его мысль и самъ онъ начнетъ жить мало мальски сознательно. Указанная причина силы европейскаго вліянія на чахаровъ такъ ярко проглядываетъ даже и при незначительномъ наблюденіи, что ее нельзя не замѣтить. Всѣ знатные чахары имѣютъ у себя знакомыхъ европейцевъ и многіе входятъ съ ними въ довольно дружественныя отношенія. Отъ природы пытливый, наблюдательный и одаренный блестящей памятью чахаръ при первой же встрѣчѣ поражается тѣми удобствами, приспособленіями и изяществомъ, которыя находитъ онъ въ жизни европейца: все его занимаетъ, обо всемъ онъ распрашиваетъ и, благодаря своей памяти, скоро усвояетъ себѣ очень многое. Такимъ образомъ въ разговорахъ съ чахарами мнѣ не разъ приходилось удивляться ихъ познаніямъ въ физикѣ и умѣнью обращаться съ инструментами. Эти познанія пріобрѣтаютъ они отчасти въ разговорахъ съ европейцами, а отчасти черезъ чтеніе переводныхъ на китайскій языкъ европейскихъ сочиненій; инструменты они покупаютъ также у европейцевъ и для этого нерѣдко предпринимаютъ даже спеціальныя поѣздки въ Пекинъ и Тяньцзинъ. Бесѣды съ европейцами въ Пекинѣ, Калганѣ и Тяньцзинѣ открываютъ другой міръ для чахара, у него являются другія воззрѣнія на природу, онъ дѣлается способнымъ разумно разсуждать о человѣческихъ обществахъ и, съ запасомъ этихъ свѣдѣній возвратившись въ родныя кочевья, ведетъ здѣсь обо всемъ этомъ долгіе разговоры съ своими соотечественниками. Такимъ образомъ въ высшемъ чахарскомъ обществѣ мало по малу распространяются свѣдѣнія объ Европѣ и въ настоящую пору почти всѣ чахары имѣютъ хотя и сбивчивыя, но все-таки

довольно вѣрныя представленія объ отдѣльныхъ европейскихъ государствахъ и ихъ жизни, объ европейскихъ способахъ книгопечатанія, телеграфахъ, желѣзныхъ дорогахъ, пароходахъ, разнообразныхъ приспособленіяхъ свѣта, газа, электричества и проч.

Выдѣливъ изъ общей среды чахарской общины семьи родовой и чиновничьей чахарской знати, мы не встрѣтимъ уже рѣзкой разницы при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи быта чахарскихъ семей, хотя бы эти семьи принадлежали къ самымъ различнымъ классамъ и званіямъ, начиная отъ ротнаго командира (сумунàй занги́) до простаго пастуха. Излишне говорить, что въ средѣ отдѣльныхъ членовъ чахарской общины помимо ранговаго различія одни являются богаче, другіе бѣднѣе; но въ домашнемъ быту, равно какъ и по образу своихъ занятій, тѣ и другіе проводятъ жизнь болѣе или менѣе одинаковую. Въ служебномъ отношеніи у чахаровъ наиболѣе почетною считается служба военная, т. е. зачисленіе въ ряды того или другаго знамени; далѣе будутъ слѣдовать должностныя лица, отправляющія службу при табунахъ императорскихъ лошадей, засимъ состоящія по вѣдомствамъ управленія стадами верблюдовъ, коровъ и овецъ и, наконецъ, служащіе по почтовому вѣдомству. Весьма вѣроятно, что чахары отдаютъ предпочтеніе военной службѣ потому, что она менѣе хлопотлива и отвѣтственна чѣмъ всякая другая, да притомъ же отнимаетъ у нихъ и очень мало времени, хотя и вообще-то должно сказать, что при какомъ бы управленіи ни состоялъ чахаръ, онъ никогда не бываетъ особенно занятъ службой. Чахарскія войска представляютъ собою исключительно конницу и вооружены луками, стрѣлами, пиками, саблями и ружьями. Склады послѣднихъ, равно какъ и казенные запасы пороха хранятся при ставкахъ хошӯнныхъ цзасакòвъ, здѣсь же въ пакхаузахъ хранятся и казенныя пушки, изъ которыхъ чахарскіе солдаты учатся стрѣлять впрочемъ только одинъ разъ въ годъ, на ученьи. Это ученье, равно какъ и смотры производятся у нихъ или весною, приблизительно въ теченіе всего Мая и въ началѣ Іюня мѣсяцевъ, или

же осенью, съ конца Августа въ теченіе Сентября. Мнѣ лично болѣе извѣстны были знамена хӯбō шарà, гӯли цагāнъ, гӯли улāнъ и хубō цагāнъ. Мѣсто ихъ ученья и смотровъ находится въ долинѣ Сāдакту, на рѣкѣ Шанду-голъ, по дорогѣ отъ Калгана къ Долōнъ-нōру, не доѣзжая верстъ 50 до этого города. Въ періодъ смотровъ сюда пріѣзжаетъ дней на 15-ть, со свитою чиновниковъ и китайскихъ солдатъ, калганскій гӯсай амбàнь, причемъ отличившихся нижнихъ чиновъ онъ награждаетъ серебромъ, а офицеровъ повышаетъ чинами, или должностью. Содержанія чахарскій солдатъ въ обыкновенное время получаетъ по 24 ланы въ годъ, т. е. приблизительно около 55 нашихъ рублей и сверхъ сего около 15 пудовъ пшена и рису. За это жалованье чахаръ обязанъ имѣть всегда въ готовности двѣ служебныя лошади, лукъ и 140 стрѣлъ; что касается ружей, саблей и пикъ, то вооруженіе этого рода полагается уже казенное, хотя каждый солдатъ, помимо казеннаго, почти всегда имѣетъ еще и свое ружье. Не безполезно будетъ отмѣтить далѣе, что собственное вооруженіе чахаровъ гораздо лучше казеннаго. Въ самомъ дѣлѣ, въ правительственныхъ складахъ, при ставкахъ хошӯнныхъ цзасакòвъ и управленій, хранятся ружья почти исключительно фитильныя, тогда какъ дома солдаты имѣютъ у себя и пистонныя ружья, пріобрѣтаемыя главнымъ образомъ отъ китайцевъ и русскихъ, и наконецъ скорострѣлки системъ Ремингтона, Маузера, Спенсера, Бердана и др., которыми снабжаютъ чахаровъ главнымъ образомъ англичане. Помимо вышеуказаннаго времени ученья и смотровъ чахарскій солдатъ въ теченіе всего года проживаетъ дома, практикуясь въ военныхъ упражненіяхъ только по собственному желанію. Не знаю, происходитъ ли это отъ недостатка другихъ занятій, или по любви къ стрѣльбѣ, но чахарскіе солдаты занимаются этимъ дѣломъ очень часто и чуть ни каждый день стрѣляютъ изъ лука то стоя, то верхомъ съ лошади. Не менѣе ловко владѣютъ они и огнестрѣльнымъ оружіемъ, научаясь обращаться съ нимъ главнымъ образомъ на охотѣ за цзэ̄рэнами и волками. Служащіе при табунахъ лошадей и стадахъ рогатаго скота также

точно проживаютъ большую часть года дома. Табунъ, или стадо обыкновенно разбиваются на косяки въ 25, 30 головъ крупнаго скота и въ 100, 125 мелкаго, причемъ каждый такой косякъ ввѣряется одному казенному пастуху-солдату. Этотъ послѣдній содержитъ казенный скотъ на ряду съ собственнымъ, вблизи своей юрты, прилагая къ нему совершенно то же попеченіе, что и къ своему стаду. Только служащіе на почтовыхъ станціяхъ, повидимому, должны были бы вести жизнь болѣе подвижную; однако и они избавляютъ себя отъ хлопотъ, нанимая для отправленія низшихъ должностей или бѣдныхъ китайцевъ, или халхасовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что такого рода покойная жизнь создается у чахаровъ прежде всего въ силу ихъ зажиточности. Источники благосостоянія ихъ самые различные, но, конечно, главный предметъ достатка составляетъ скотъ. Домохозяева, имѣющіе у себя по полтораста, двѣсти головъ барановъ, головъ по тридцати рогатаго скота и по десятку лошадей, составляютъ большинство чахарскаго населенія, — таковъ достатокъ почти всѣхъ солдатъ, пастуховъ и подводчиковъ почтовыхъ станцій, чиновные же люди являются обычно въ пять и въ десять разъ богаче. Отъ скота чахары прежде всего получаютъ себѣ пропитаніе, засимъ шерсть и кожи, наконецъ скотомъ они ведутъ свою торговлю и при посредствѣ его занимаются извозомъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи лучшимъ животнымъ у чахаровъ почитаются верблюды, хотя ихъ вообще не особенно много въ Чахаріи, такъ что владѣлецъ верблюдовъ уже всегда считается человѣкомъ богатымъ. На верблюдахъ перевозится большая часть китайскихъ товаровъ, идущихъ изъ за Великой стѣны въ степи, а равно каменный уголь, доставляемый изъ Дай-туна, черезъ Я-мынь-коу, на всю Чахарію. Впрочемъ, за перевозку каменнаго угля на верблюдахъ чахары берутся съ большой неохотой по той причинѣ, что при этой перевозкѣ страшно портится шерсть верблюда, являясь потомъ избитою и загрязненною. Гораздо болѣе каменный уголь перевозится на быкахъ, равно какъ тѣ же животныя употребляются и для пе-

ревозки въ Китай соли, добываемой изъ соляныхъ озеръ Чахаріи и южной Монголіи. О томъ, какъ велико число вывоза этого послѣдняго продукта, можно заключать изъ того, что, по разказамъ, напримѣръ, изъ одного озера Дабасуту̀-нӧръ (находящагося на границахъ хошӯновъ Учжумуцѝнъ и Чжӯнъ-Хӯчитъ), черезъ чахарскую степь, на урочище Шабартàй, проходитъ болѣе 100 тысячъ телѣгъ; изъ озера Гучжиртӯ-нӧръ, находящагося въ Чахарскомъ хошӯнѣ «хоничѝ», т. е. пастуховъ императорскихъ овецъ, по дорогѣ на Калганъ и Куку-хото проходитъ до 30 тысячъ телѣгъ, и пр. Конечно, при такой массѣ товара, работы хватитъ и на быковъ, и на верблюдовъ, хотя послѣдними, какъ сказано, чахары очень дорожатъ. Въ извозъ ихъ посылаютъ главнѣйше владѣльцы 150, 200 головъ, тѣ же, у которыхъ имѣется головъ 50, 60, пользуются ими только для собственныхъ надобностей и лишь по временамъ, въ случаяхъ крайней необходимости, продаютъ, или вымѣниваютъ ихъ китайцамъ. Лошади, помимо перевозки тяжестей, идутъ также на продажу китайцамъ, кромѣ же ихъ въ чахарскую степь ежегодно являются еще англичане и американцы для покупки какъ возовыхъ, такъ и скаковыхъ лошадей. Такія поѣздки не мало знакомятъ чахаровъ съ европейцами и европейскими товарами, ибо и англичане, и американцы пріобрѣтаютъ лошадей главнымъ образомъ мѣною, особливо на огнестрѣльное оружіе. Трудность добыванія европейскихъ ружей дѣлаетъ изъ англичанъ и американцевъ всегда самыхъ желанныхъ гостей для чахаровъ. Быки приносятъ чахарамъ наиглавнѣйшую пользу какъ скотъ для перевозки тяжестей, помимо же сего ихъ продаютъ на мясо китайцамъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ сослуживаетъ свою службу не только живая скотина, но и падаль. Въ Январѣ и Февралѣ мѣсяцахъ 1878 г., когда проѣзжалъ я по степямъ Чахаріи, тамъ случился падежъ скота, и вотъ по дорогѣ отъ Калгана мнѣ пришлось по встрѣчать чуть не тысячи тушъ павшихъ животныхъ, которыя китайцы перевозили за Великую стѣну для потребленія. Отъ овецъ пріобрѣтается главнымъ образомъ шерсть. Должно сказать однако,

что чахары пользуются своими богатствами крайне неразсчетливо и это именно въ силу своей зажиточности и лѣни. Для примѣра укажемъ хоть на то, что, исключительно по лѣни, чахары даже никогда не стригутъ сами своихъ овецъ, а сдаютъ шерсть прямо на животныхъ пріѣзжающимъ изъ разныхъ мѣстъ китайцамъ. Условія при этомъ бываютъ самыя различныя. Прежде всего китайцы берутъ, напримѣръ, шерсть для выдѣлки изъ нея войлоковъ, которые потомъ идутъ на потребленіе самихъ же чахаровъ. Въ этомъ случаѣ китаецъ, по условію, беретъ съ чахара на каждый войлокъ по 18 гиновъ шерсти; выдѣланный же войлокъ возвращается чахару вѣсомъ не больше 8, 9 гиновъ и слѣдовательно половина шерсти, если не больше, идетъ въ уплату за выдѣлку. При уплатѣ деньгами сдѣлки оказываются еще невыгоднѣе: обыкновенно за каждую овцу, смотря по ея возрасту, платится отъ 20 до 40 чоховъ, то есть отъ $1\frac{1}{2}$ до 3 копѣекъ, тогда какъ количество шерсти, получаемой съ каждой овцы, не можетъ быть цѣнимо ниже 7, 10 коп. Стригутъ овецъ чахары обычно по два раза въ годъ: въ 4-мъ мѣсяцѣ, т. е. въ началѣ Мая и въ 8-й лунѣ, или, по нашему, въ Сентябрѣ. Хорошая овца даетъ въ весеннюю стрижку около 1 гина шерсти, а въ осеннюю нѣсколько менѣе. Покупка китайцами самыхъ овецъ совершается также по особымъ пріемамъ, очевидно, не клонящимся къ пользѣ чахаровъ. Китаецъ-прасолъ никогда не покупаетъ скотъ поштучно и не предоставляетъ хозяину ни выбора продаваемаго скота, ни права назначенія цѣны за то, или другое животное. Отправившись въ Чахарію спеціально за покупкою скота, прасолъ пріѣзжаетъ къ богатому скотоводу, или въ хотонъ гдѣ живетъ нѣсколько среднихъ скотоводовъ, и предлагаетъ изъ общаго числа, положимъ, 1000 или 1500 принадлежащихъ имъ овецъ, продать на выборъ 250, 300 штукъ, назначая при этомъ общую цѣну за каждое животное. При мнѣ совершалась однажды такого рода покупка: въ ту пору изъ 700 овецъ китайцы выбрали 200 самыхъ лучшихъ животныхъ (самцовъ), по цѣнѣ за каждое 1 л. 3 цина, съ уплатою денегъ черезъ восемь мѣсяцевъ безъ наро-

щенія на этотъ капиталъ процентовъ; между тѣмъ каждый изъ выбранныхъ барановъ стоилъ не менѣе $2^1/_4$ ланъ, а при продажѣ мясомъ въ розницу, далъ бы чистой выручки не менѣе $3^1/_2$ ланъ. Та же дешевизна является и при продажѣ кожъ. Въ 1878 г. высшая цѣна на кожи стояла: за коровью отъ 8 цинъ до 1 лана; за лошадиную 7 и 8 цинъ, за овечью и козловую 2 и 3 цина. Такого рода потери на цѣнѣ товаровъ происходятъ именно отъ нежеланія чахаровъ взяться за дѣло какъ слѣдуетъ. Они, безъ сомнѣнія, могли бы сами прогонять свой скотъ за Великую стѣну и въ этомъ случаѣ получали бы за него minimum полуторную цѣну; но не дѣлаютъ этого по непривычкѣ и лѣни, поддерживаемой съ одной стороны достаткомъ, а съ другой иными, болѣе легкими способами наживы. Къ числу этихъ способовъ, помимо скотоводства (не требующаго почти никакой заботы), принадлежитъ еще сдача китайцамъ въ арендное содержаніе земель и помѣщеній. Должно сказать, что тучная своими пастбищами и прилежащая къ Собственному Китаю Чахарія привлекаетъ къ себѣ очень много китайскихъ торговцевъ по самымъ разнообразнымъ предметамъ торга. Мы указывали уже на обширную торговлю солью и добавимъ теперь, что вообще соляныхъ рынковъ здѣсь очень много. Весною въ 4-й лунѣ на каждый изъ такихъ рынковъ пріѣзжаютъ китайскіе соляные торговцы для закупки соли и проживаютъ на оныхъ приблизительно до 9-й луны. Въ эту же пору къ означеннымъ рынкамъ свозится монголами соль изъ самыхъ различныхъ соляныхъ озеръ Монголіи и во всѣ эти четыре, пять мѣсяцевъ на рынкахъ ведется самая оживленная торговая дѣятельность. Пріѣзжая на каждый изъ такихъ рынковъ, китайцы нанимаютъ себѣ квартиры въ чахарскихъ байшинахъ съ платою за сезонъ, смотря по помѣщенію, отъ 5 до 8 ланъ. Цѣна эта, конечно, не особенно высокая, но для чахара сдача дома подъ квартиру китайцу-солепромышленнику представляетъ ту выгоду, что китаецъ потомъ всегда уже исправляетъ этотъ домъ, строитъ въ немъ потребныя для себя угодья и все это, конечно, остается потомъ въ пользу

хозяина. Съ другой стороны, — разъ извѣстный домъ сданъ подъ квартиру китайцамъ, это уже вѣрный доходъ хозяина и на будущее время, такъ какъ китайскіе купцы дорожатъ насиженнымъ мѣстомъ и сохранностью для себя тѣхъ угодій, которыя каждый изъ нихъ устраиваетъ примѣнительно именно къ своему личному дѣлу. Вотъ почему въ урочищахъ, служащихъ соляными рынками, чахарскіе бáйшины всѣ разобраны китайцами и аренда ихъ идетъ изъ одного поколѣнія въ другое. Ради удержанія за собою извѣстнаго бáйшина, китаецъ, помимо условленной платы, ежегодно, по своемъ пріѣздѣ, даритъ хозяину и хозяйкѣ по халату, и сверхъ того хозяину штаны и шапку, бурхáнамъ ихъ приноситъ хýчжи, а дѣтямъ — какія либо лакомства. Всѣмъ этимъ дорожатъ чахары и уже крѣпко держатся однажды заключенныхъ условій. Подобно соляным торговцамъ, постоянно снимаютъ у чахаровъ бáйшины подъ квартиры и китайцы скотопромышленники, ведущіе свое дѣло далеко на сѣверѣ Монголіи. Перегонъ гурта изъ Халхи въ Китай, на пространствѣ 800, а иногда и 1000 верстъ, особливо по мѣстамъ пустынной Гоби, всегда отзывается дурно на скотѣ. Вотъ почему, догнавши гурты до богатой пастбищами Чахаріи, китайцы почти всегда останавливаются здѣсь съ цѣлью дать возможность отдохнуть и поправиться скоту. Сообразно этой незначительной остановкѣ скотопромышленники никогда не нанимаютъ квартиръ на долгій срокъ, — самое большое на мѣсяцъ, — платятъ же за свое помѣщеніе обыкновенно не свыше 2 ланъ. Но самое большое число зданій, сдаваемыхъ чахарами подъ помѣщеніе китайцевъ, занимается, конечно, тѣми торговцами, которые постоянно ведутъ свое дѣло въ Чахаріи. Торговцы эти въ большинствѣ случаевъ суть мелкіе купцы изъ Пекина и другихъ какихъ либо пограничныхъ городовъ Китая. Являясь въ Чахарію, они нанимаютъ себѣ подъ квартиру бáйшинъ у какого либо чахара, обосновываютъ въ немъ складъ своихъ товаровъ и засимъ разсылаютъ своихъ приказчиковъ въ разные концы степи для производства мелочной торговли, главнымъ образомъ въ обмѣнъ на животныхъ,

шерсть, конскіе хвосты, кожи и проч. Расторговавшись, эти приказчики возвращаются къ складу съ цѣлыми возами шерсти и кожъ, гоня сверхъ того то пятьдесятъ, то сотню барановъ. Все это собирается въ складѣ и хранится здѣсь до времени отправки въ Китай. Мнѣ много разъ приходилось наблюдать такого рода жизнь и условія, которыя заключаются при такихъ обстоятельствахъ между чахарами и китайцами, въ большинствѣ случаевъ таковы, что чахаръ отдаетъ китайцамъ ба́йшинъ, обязуется доставлять имъ топливо и сверхъ того стеречь еще скупаемый ими скотъ, въ количествѣ не свыше 500 головъ. За все это обычная плата китайцевъ 100 ланъ серебра въ годъ. Богатыя торговыя фирмы китайскихъ купцовъ, ведущихъ свое дѣло въ Чахаріи, не имѣютъ обычая нанимать квартиръ у чахаровъ, но предпочитаютъ арендовать земли въ хошӯнныхъ и монастырскихъ управленіяхъ и потомъ уже строятъ на этихъ земляхъ свои собственные жилые дома и товарные склады. Плата за арендуемую землю, смотря по количеству и положенію ея, устанавливается въ размѣрѣ отъ 20 до 50 ланъ серебра въ годъ, которыя и поступаютъ въ казначейство хошӯна, или монастыря. Отъ такого рода фирмъ частныя лица чахарской общины, по видимому, должны были бы имѣть меньше доходовъ; но въ дѣйствительности фирмы, о которыхъ идетъ рѣчь, приносятъ, — и особливо бѣдному люду, — еще бо́льшую пользу. Дѣло въ томъ, что эти фирмы почти всегда содержатъ у себя большое количество скота, собираемаго въ обмѣнъ за продаваемые товары; скотъ же этотъ, чтобы не держать отдѣльныхъ пастуховъ, они раздаютъ подъ присмотръ менѣе зажиточнымъ чахарамъ. Плата при этомъ за храненіе одной овцы въ теченіе года полагается 1 цинъ серебра (около 30 коп.), за годовое же храненіе коровы чахаръ обязуется представить хозяину-китайцу только 5 фунтовъ масла, пользуясь самъ всѣмъ прочимъ, что можетъ быть отъ нея получено, не исключая и теленка. Понятно, какую выгоду для чахаровъ представляютъ такого рода условія. Но всѣ помянутыя формы чахарскихъ доходовъ, можно сказать, ничтожны сравни-

тельно съ тѣмъ, что вообще получается чахарами отъ пребыванія въ ихъ странѣ китайцевъ. Стоитъ только подумать, что вся эта масса проживающихъ въ чахарской степи, то періодически, то въ теченіе цѣлаго года китайскихъ солепромышленниковъ, прасоловъ и торговцевъ должна ѣсть и пить; стоитъ подумать, что сотни тысячъ телѣгъ, перевозящихъ продукты со всей Монголіи, Чжунгаріи и отчасти даже Маньчжуріи, по нѣскольку разъ останавливаются въ чахарской степи, пользуются услугами мѣстныхъ жителей, иной разъ купятъ масла, другой разъ барана, и тогда только можно понять, какое значеніе для чахаровъ имѣетъ ихъ страна, прилежащая къ Великой стѣнѣ Китая.

Благодаря такимъ разнообразнымъ и легкимъ средствамъ заработка, населеніе Чахаріи считается у монголовъ вообще очень богатымъ и оно дѣйствительно такъ, ибо достовѣрно, что помимо обилія скота и ярко бросающейся въ глаза домовитости, многіе изъ чахаровъ имѣютъ еще у себя и деньги. Запасшись капиталомъ, чахаръ принимаетъ иногда мѣры къ увеличенію его и для сего практикуются главнымъ образомъ два средства: или пріобрѣтеніе домовъ въ предѣлахъ собственнаго Китая, или отдача денегъ въ ростъ, подъ проценты. Домовъ чахары имѣютъ очень много по дорогѣ отъ калганскаго хребта до Калгана и еще далѣе вплоть до Ча-дао; но самыя выгодныя постройки считаются въ Калганѣ. Мой знакомый цзангинъ цаганъ-тологойской станціи имѣлъ у себя одинъ такой домъ. Постройка зданія въ 25 цзяней стоила ему около 2000 ланъ, домъ же этотъ онъ сдавалъ въ наймы китайцамъ за 200 ланъ, причемъ арендаторъ принималъ на себя всѣ расходы по уплатѣ повинностей, а равно и по мелочнымъ поправкамъ зданія и только капитальный ремонтъ лежалъ на домохозяинѣ. Такая аренда была самою обычною по своимъ условіямъ и не являлась ни особенно дорогою, ни особенно дешевою. Имѣя въ виду относительную непрочность зданій изъ сырцеваго кирпича, затраченный подъ домъ капиталъ приноситъ въ общемъ не свыше 6, $6^1/_2$ %; но чахары предпочитаютъ лучше обращать свои капиталы на домовыя постройки, чѣмъ отдавать

ихъ подъ проценты по той причинѣ, что въ послѣднемъ случаѣ капиталъ подвергается бо́льшему риску, да и условія, обычно предлагаемыя китайцами, довольно тягостны. Прежде всего китайцы никогда и ничѣмъ не обезпечиваютъ чахару сохранности его капитала помимо простой росписки; деньги иначе не берутъ какъ на срокъ трехъ лѣтъ, а то и больше; заемъ дѣлается не менѣе 1000 ланъ, съ которыхъ уплачивается процентовъ не свыше 72 ланъ и деньги эти невозможно получить въ каждое данное время, а только въ четыре срока: 4-й луны, за симъ 7, 10 и 12 луны. Что касается самихъ китайцевъ, то они ссужаютъ чахаровъ деньгами уже на совершенно иныхъ условіяхъ. Они отдаютъ въ долгъ деньги лишь людямъ, извѣстнымъ своимъ богатствомъ, да и то подъ залогъ имущества. Процентъ взимается мѣсячный,—съ каждаго лана по три фына, — т. е. въ годъ съ одного лана 3 цина, 6 фынъ, или на наши деньги съ 3 рублей 1 р. 8 к. процентовъ. По истеченіи 27 мѣсяцевъ всѣ уговоры считаются покончеными: заемщикъ не имѣетъ права уплачивать денегъ, заимодавецъ присвоиваетъ себѣ взятую въ залогъ вещь. Впрочемъ чахарамъ рѣдко приходится занимать деньги у китайцевъ. По особенностямъ своего характера они прежде всего никогда не начинаютъ дѣла, не имѣя достаточнаго количества матеріальныхъ средствъ, чтобы вести его; а съ другой стороны они настолько горды, что имъ кажется труднымъ обращаться за содѣйствіемъ. Эта черта ярко бросается въ глаза при взглядѣ на каждаго чахара: свой трудъ онъ цѣнитъ всегда очень дорого, и предложите ему низшую цѣну, онъ отвернется съ презрѣніемъ. Въ этомъ отношеніи даже чахарскіе нищіе кажутся высокомѣрны и дерзки: когда китаецъ ѣдетъ съ товарами по степи, онъ непремѣнно обязанъ подать просящему не менѣе пяти чашекъ муки, или крупы, иначе его поколотятъ, и мнѣ самому пришлось быть свидѣтелемъ, какъ нищій-чахаръ бросилъ въ лицо русскому купцу маленькій свертокъ, въ который тотъ завернулъ ему чаю не больше какъ на одну заварку.

Такова характеристика большей части чахарскихъ поколѣній,

и изъ среды всѣхъ ихъ рѣзко отличаются только Баргу̀ты, которые, какъ было сказано выше, находятся въ количествѣ двухъ суму̀новъ въ каждомъ изъ чахарскихъ хошӯновъ. Всѣ эти Баргу̀ты, отъ главы и до послѣдняго простолюдина, стоятъ въ сторонѣ отъ другихъ чахаровъ, находятся на степени развитія даже низшей халха̀совъ и кажутся до того грубыми и невѣжественными, что пользуются презрѣніемъ даже у окружающихъ ихъ монголовъ. Для европейскаго изслѣдователя Баргу̀ты представляютъ особенный интересъ какъ двоевѣры: они признаютъ буддизмъ и въ то же время являются шаманистами, ибо имѣютъ и шамановъ. Эта основная особенность кладетъ свой отпечатокъ на весь бытъ Баргу̀та. Вошедши въ баргу̀тскую юрту (въ ба́йшинахъ Баргу̀ты никогда не живутъ), вы увидите, что здѣсь, какъ и въ юртѣ каждаго монгола, въ передней сторонѣ стоятъ бурха̀ны; но кромѣ того на правомъ боку юрты, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ бурха̀новъ, привѣшивается еще къ стѣнѣ «толи́»,— шаманскій сакӯсунъ (хранительный талисманъ). У нѣкоторыхъ «толи́» отдѣляется отъ бурха̀на дощечкой, или какой либо холщевой занавѣсочкой по той причинѣ, что бурха̀нъ и сакӯсунъ враждуютъ между собою (бурха̀н сакӯсу хои́р хӧронда̀н дайсунта̀й). Баргу̀тскій «толи́» представляетъ собою бронзовый кружокъ, величиною не болѣе одного вершка въ діаметрѣ и, по обычаю, всегда бываетъ увѣшанъ хадака̀ми. Пріобрѣтаютъ толи́ Баргу̀ты отъ шамановъ, которые ниспускаютъ ихъ при громѣ и молніи съ неба. При полученіи толи́ отъ шамана послѣднему обычно приносятъ въ подарокъ хада̀къ и лошадь. Помимо «толи́» другихъ шаманскихъ сакӯсуновъ Баргу̀ты не имѣютъ.

По разказамъ Баргу̀товъ, ихъ шаманы пришли въ Чахарію вмѣстѣ съ Баргу̀тскимъ народомъ отъ границъ Сэцэ́нъ-ха̄новскаго а́ймака и Маньчжуріи и въ настоящую пору въ нѣкоторыхъ суму̀нахъ шамановъ по два, а въ нѣкоторыхъ по одному. Искусство шаманства они передаютъ по наслѣдству своимъ дѣтямъ и теперь въ Чахаріи идетъ уже седьмое поколѣніе шамановъ. Когда у шамана нѣтъ сына, онъ передаетъ силу и искусство шаманства

своей дочери и такимъ образомъ у Баргу̀товъ произошли шаманки (утугу́нъ). Какъ шаманъ, такъ и шаманка имѣютъ, собственно, одинаковую силу; но за всѣмъ тѣмъ шаманъ пользуется бо́льшимъ уваженіемъ въ народѣ и шаманокъ призываютъ въ домъ только тогда, когда нѣтъ возможности пригласить шамана.

Буддизмъ проникъ къ Баргу̀тамъ уже послѣ перекочевки ихъ въ Чахарію и теперь является уже въ такой силѣ, что и сами ихъ шаманы поклоняются буддѣ. Разказываютъ, что впервые приняли буддизмъ прадѣды настоящихъ шамановъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Одинъ изъ учениковъ Ноѝнъ гэгэ́на проходилъ по кочевьямъ чахарскихъ Баргу̀товъ, съ намѣреніемъ распространить среди Баргу̀товъ вѣру будды. Пришедши въ аиль главнаго шамана, онъ остановиися у него ночевать. Шаманъ, гордый своею силою, произвелъ громъ и навелъ молніеносную стрѣлу на юрту, въ которой остановился лама; но провозвѣстникъ будды принялъ эту стрѣлу въ свою оркимжѝ и показалъ ее шаману. Шаманъ долженъ былъ сознать свое безсиліе и вступилъ въ буддійскую вѣру вмѣстѣ со всѣми своими товарищами по профессіи. Впрочемъ это принятіе буддизма не заставило шамановъ покинуть шаманство: они продолжали свое дѣло какъ вели его и прежде, только должны были завести у себя по двѣ юрты, изъ которыхъ въ одной стоятъ у нихъ бурха̀ны, а въ другой — шаманскіе сакӯсуны. Послѣдователи ихъ исполняютъ тоже самое еще проще, отдѣляя бурха̀на отъ сакӯсуна только перегородочкой. Шаманы пользуются большимъ уваженіемъ у Баргу̀товъ и страшны для народа. Говорятъ, единственно благодаря шаманамъ, воровство за послѣднее полустолѣтіе является неслыханнымъ дѣломъ у Баргу̀товъ и до сихъ поръ еще памятно обстоятельство, какъ одинъ баргу̀тъ укралъ лошадь, за что шаманъ, по просьбѣ хозяина, у котораго случилось воровство, поразилъ вора смертью и раздулъ его брюхо.

Шаманскій сакӯсунъ Баргу̀ты чествуютъ однажды въ годъ, въ 8-й лунѣ и для этого существуютъ числа 3, 9, 13, 19, 23 и 29. Въ этотъ день приглашаютъ шамана и приносятъ въ жертву

барана. Передъ сакӯсуномъ ставятъ хвостъ, почки и три заднихъ ребра; остальное дѣлится между присутствующими. Шаманъ читаетъ молитвы и дѣлаетъ девять кропленій по девяти разъ, всего 81 кропленіе. Въ составъ для кропленія входитъ водка, чай и кумысъ. За отправленіе молебствія шаманъ получаетъ кожу, да переднюю и заднюю ноги жертвоприносимаго барана. Празднество это называется «онгòтъ дӯдахӯ», т. е. призываніе онгòновъ. Передъ началомъ жертвоприношенія въ юртѣ открываютъ «тутагà», т. е. приподнимаютъ войлочную крышу (дэ̄бӯръ) надъ притолокою двери; черезъ это отверстіе проходятъ онгòны. Всѣхъ онгòновъ Баргӯты считаютъ 360, но имѣютъ о нихъ понятіе самое смутное: это души умершихъ, обладающія какимъ-то воздушнымъ тѣломъ. Кромѣ призыванія онгòновъ баргӯтскіе шаманы чествуютъ еще «битӯнъ», т. е. послѣдній день каждаго года, поставляя передъ сакӯсуномъ хвостъ, почки и три заднихъ ребра барана. Жертва эта стоитъ передъ сакӯсуномъ до 3-го числа новаго года, когда ее сжигаютъ на вершинѣ какой либо высокой горы. Этими празднествами ограничиваются всѣ общественные шаманскіе обряды Баргӯтовъ. При рожденіи дѣтей и смерти религіозные обряды у Баргӯтовъ въ настоящую пору совершаютъ уже ламы, шамановъ же Баргӯты не приглашаютъ и, мало того, по ихъ обычаю, шаманъ въ теченіе трехъ дней не имѣетъ даже права входить въ юрту родильницы, или покойника. Молитвословія, совершаемыя при бракахъ, отправляются также ламами, шаманы же присутствуютъ на свадьбахъ какъ обыкновенные гости; ихъ призываютъ еще развѣ въ случаѣ болѣзни. Тѣло умершаго шамана погребается нагимъ, на вершинѣ горъ, между сложенныхъ въ видѣ гроба камней. На погребеніе къ шаману стекается всегда много народа, причемъ трупу его приносятъ жертвы. Послѣ смерти душа шамана чествуется и въ день праздника «онгòтъ дӯдахӯ» призывается наравнѣ съ другими онгòнами.

Но обратимся къ дальнѣйшему описанію пути по почтовому калганско-улясутайскому и калганско-ургинскому тракту, который на оффиціальномъ языкѣ китайцевъ и мѣстныхъ монго-

ловъ называется «алтайскимъ трактомъ». Вершина Калганскаго хребта является естественною границею, раздѣляющею сплошныя поселенія китайцевъ на югѣ и чахаровъ на сѣверѣ. На этой вершинѣ стоитъ первая монгольская станція алтайскаго тракта, называемая Цага̄нъ-тологѝй и къ сѣверу отъ нея почтовая дорога проходитъ уже по кочевьямъ чахаровъ. Всего въ предѣлахъ означенныхъ кочевьевъ располагается 8 станцій, которыя однако не всѣ одинаковы по своему значенію. Собственно настоящими почтовыми станціями считаются здѣсь: Цага̄нъ-тологѝй, Халю̄тай, Хуйсутѝ и Минга̀й; остальные четыре состоятъ въ разрядѣ промежуточныхъ станковъ, или, какъ говорятъ Чахары, «чжӯрма ӧрто̄». Съ внѣшней стороны однако такое различіе ничѣмъ не выражается, такъ какъ количество лицъ, служащихъ на станціи, а равно лошадей и другихъ перевозочныхъ средствъ одно и то же. Мы имѣли уже случай замѣтить, что земли къ сѣверу отъ Цага̄нъ-тологѝя вплоть до развалинъ Цага̄нъ-балгасѝна заняты теперь китайцами; при дальнѣйшемъ же движеніи отъ Цага̄нъ-балгасѝна и станціи Бургасута̀й населеніе чахарской степи по алтайскому тракту чрезвычайно разнообразно, если не по національнымъ своимъ особенностямъ, то по образу своихъ занятій и принадлежности различнымъ вѣдомствамъ. Правда, по лѣвую руку, къ западу отъ дороги, почти на всемъ протяженіи вплоть до станціи Минга̀й здѣсь залегаютъ кочевья чахаровъ, латниковъ желтаго съ каймою знамени; но за то по правую, восточную сторону пути на томъ же пространствѣ можно повстрѣчать почти всѣ учрежденія, существующія въ кочевьяхъ чахаровъ. Такимъ образомъ къ востоку отъ пространствъ между станціями Халю̄тай и Орѝй (дневникъ, 7-е мая), особливо по восточнымъ и сѣверо-восточнымъ берегамъ Цага̄нъ-но̄ра, о которомъ, хотя оно и видно съ дороги, почему-то не упоминаетъ о. Палладій, находятся пастбища императорскихъ табуновъ, состоящихъ въ вѣдѣніи Та́й-пу-сы̀, или, какъ говорятъ монголы, «Тайбѝсъ», т. е. коннаго, конюшеннаго и табуннаго управленія, находящагося въ Пекинѣ. Въ кочевьяхъ чахаровъ подлежащее

вѣдѣнію Тай-пу-сы управленіе казенными табунами раздѣляется на два крыла: правое и лѣвое, которыя заключаютъ въ себѣ пять отдѣльныхъ хошӯновъ, или знаменъ: чистое бѣлое (гӯли цагāнъ), чистое голубое (гӯли хӧхӧ̄), желтое съ каймою (хӯбӧ̄ шарà), бѣлое съ каймою (хӯбӧ̄ цагāнъ) и чистое желтое (гӯли шарà). Въ четырехъ изъ этихъ хошӯновъ содержатся жеребцы и кобылы, а въ пятомъ—мерины. Каждый такой хошӯнъ заключаетъ въ себѣ по 15 сурӯк'овъ, или отдѣльныхъ табуновъ, а въ каждомъ сурӯкѣ должно считаться по 300 головъ совершеннолѣтнихъ лошадей, совершеннолѣтіе же опредѣляется четырехлѣтнимъ возрастомъ. Сурӯкъ въ свою очередь раздѣляется на косяки, въ которыхъ на одного жеребца полагается отъ 20 до 24-хъ кобылъ. Ежегодно въ хошӯнъ мериновъ прибываетъ по 84 мерина отъ каждаго сурӯка; выбывающихъ же изъ каждаго сурӯка въ годъ полагается на сто лошадей десять. Мѣстное управленіе вѣдомства Тай-пу-сы сосредоточивается здѣсь, въ степи, въ рукахъ одного чиновника изъ чахарскихъ князей, носящаго званіе гáлай-дà; далѣе каждый сурӯкъ находится въ вѣдѣніи одного даргѝ и двухъ его помощниковъ (мэ́йрэнь). Кромѣ того при каждомъ сурӯкѣ полагаются казенные пастухи, изъ коихъ 6 (бая̀ра) состоятъ на высшемъ окладѣ жалованья, получая содержанія по 24 ланы въ годъ; а остальные (хуя̀къ), въ количествѣ не меньшемъ десяти, но почти всегда бо̀льшемъ противъ этого числа, получаютъ по 18 ланъ. Въ адӯчины, т. е. пастухи лошадей, выбираются всегда лучшіе люди изъ хошӯновъ и за проступки ихъ лишаютъ службы въ табунахъ. Пашень на всемъ этомъ пространствѣ чахары не имѣютъ и причиною для сего выставляютъ съ одной стороны то, что это страна императорскихъ стадъ и земли ея необходимы именно для пастбищъ, а съ другой—указываютъ и на непригодность для земледѣлія залегающаго здѣсь грунта, который, по ихъ словамъ, является очень твердымъ. Не имѣя такимъ образомъ своего хлѣба, чахары-пастухи императорскихъ табуновъ, равно какъ и проживающіе о-бокъ съ ними пастухи быковъ (ӱхэрчӣнъ) и овецъ (хоничӣнъ).

принуждены покупать хлѣбъ у китайцевъ, которые нерѣдко вымогаютъ у нихъ страшныя цѣны за этотъ, уже успѣвшій сдѣлаться у чахаровъ необходимѣйшимъ продуктъ пропитанія. Чтобы обезпечить себя отъ этой эксплуатаціи, чахары нерѣдко дѣлаютъ запасы, покупая хлѣбъ въ болѣе удобное время и по болѣе выгоднымъ цѣнамъ. Такого рода запасы они хранятъ въ особаго рода хлѣбныхъ магазинахъ, одинъ изъ которыхъ мнѣ пришлось видѣть, но, за быстротою движенія, не удалось осмотрѣть, на слѣдующей за Орой'скою станціи Хуйсуту́ (дневникъ, 8-е мая). Эти запасы являются какъ бы новымъ свидѣтельствомъ заботливой домовитости чахаровъ и дѣйствительно они представляются здѣсь весьма зажиточными. Служба не только не представляетъ у нихъ собою единственнаго средства къ жизни, а принимается скорѣе или въ силу ея обязательности, или ради честолюбія и тщеславія. Какъ доказательство сего можно указать, что на той же станціи Хуйсуту́ даже подводчики не исправляютъ своихъ обязанностей сами, а нанимаютъ съ этою цѣлью китайцевъ. Очевидно,— не будь эта служба для нихъ обязательной, они никогда не жили бы на станціи. Съ другой стороны нерѣдко можно встрѣтить престарѣлыхъ цзангѝновъ и бошкó, которыхъ опять таки ровно ничего не привлекаетъ къ службѣ, кромѣ сопряженнаго съ нею права и отличія носить на шляпѣ шарикъ и считаться лицомъ чиновнымъ. Отъ этой послѣдней станціи Хуйсуту́ по восточной сторонѣ дороги залегаютъ земли, отведенныя для пастбищъ императорскихъ быковъ и состоящія въ вѣдѣніи Нэй-ву-фу. Эти пастбища заходятъ за слѣдующую станцію Чжагасута̀й (дневникъ 9-го мая), не подалеку же отъ нея начинаются пастбища императорскихъ барановъ, доходящія до станціи Минга̀й и протягивающіяся еще далѣе къ сѣверу, вплоть до границъ чахарскихъ кочевьевъ. Стада быковъ и барановъ въ свою очередь раздѣляются на суру́ки, только положеніе суру́ковъ здѣсь нѣсколько иное. По обычаю здѣшнихъ жителей, бараны императорскихъ стадъ не пасутся вмѣстѣ съ овцами и соединяются стада не ранѣе конца Октября, или даже начала

Ноября, когда производится случка животныхъ. Эту послѣднюю управленіе стадъ старается производить, по возможности, позднѣе, чтобы новые ягнята не терпѣли отъ холода. На каждаго самца-барана (хуцà) полагается обыкновенно отъ 15 до 20 самокъ. Пастухи рогатаго скота и барановъ набираются также изъ чахарскихъ воиновъ, но, въ отличіе отъ своихъ прочихъ иноплеменниковъ, они носятъ почему-то соломенныя плетеныя шляпы съ широчайшими полями, чего мнѣ не приходилось видѣть ни въ одной другой части монгольской степи. Къ сожалѣнію, мнѣ неизвѣстно, да и не пришло въ голову спросить, общій ли это обычай хоничи́н'овъ, или только той части ихъ, которую мнѣ пришлось видѣть по дорогѣ. Между тѣмъ здѣсь все интересно и важно, ибо обычай у чахаровъ, какъ и вообще въ Монголіи, играетъ большую роль и во многомъ обусловливаетъ собою какъ взаимныя симпатіи отдѣльныхъ общинъ, такъ и самую жизнь ихъ. Китайцы, напримѣръ, считаютъ самыми преданными себѣ людьми—адӯчиновъ, и когда въ разговорѣ мнѣ пришлось спросить однажды почему это, китаецъ прямо отвѣчалъ мнѣ: «потому что адӯчины ближе всѣхъ стоятъ къ Китаю и даже воспитываютъ своихъ дѣтей по китайски!»—«Да въ чемъ же воспитаніе дѣтей адӯчиновъ похоже на китайское?» спросилъ я въ недоумѣніи. «А развѣ они не одинаково съ нами стригутъ своихъ дѣтей?!» возразилъ мнѣ китаецъ. Дѣйствительно, адучины, подобно китайцамъ, по достиженіи ребенкомъ годовалаго возраста, въ первый разъ брѣютъ ему голову, оставляя лишь на макушкѣ маленькій пучекъ волосъ, а въ пять лѣтъ сбриваютъ этотъ пучекъ и отращаютъ двѣ косички надъ ушами. И на этомъ пустѣйшемъ фактѣ зиждется убѣжденіе о преданности адӯчиновъ Китаю, убѣжденіе на столько сильное, что имъ руководствуются и въ важнѣйшихъ дѣлахъ! По ассоціаціи представленій мнѣ невольно припоминается при этомъ взглядъ монголо-халхасовъ на причину подданства ихъ Китаю. Біографія Чжэбцзунъ-дамба-хутухты разказываетъ, что, когда халхасы были разбиты Галданомъ и, собравши сеймъ, разсуждали на ономъ, кому слѣдуетъ поддаться,—китайцамъ,

или русскимъ,—то хутухта, которому предоставлено было право рѣшающаго голоса, сказалъ, что «конечно, русскія земли лучше и народъ ихъ добрѣе; но русскіе», продолжалъ онъ, «не сходствуютъ съ нами обычаями: они запахиваютъ правою полою лѣвую, а по нашему обычаю, нужно, наоборотъ, запахивать лѣвою полою правую, и какъ въ этомъ совершенно сходятся съ нами китайцы, то имъ и выгоднѣе поддаться». И замѣтьте, это разсужденіе чуть ни оффиціальнаго, литературнаго произведенія, на чтеніи котораго воспитываются сотни тысячъ монголовъ. Сказать ли послѣ этого, что обычай не руководитъ жизнью монголовъ? А о томъ, что имъ обусловливаются удобства жизни, не можетъ быть и рѣчи. Чахары, напримѣръ, такіе же кочевники какъ и халхасы; но различіе у нихъ въ томъ, что чахаръ для каждаго времени года имѣетъ у себя одну опредѣленную кочевку и всегда сидитъ на одномъ, извѣстномъ мѣстѣ. Въ каждомъ такомъ кочевьи у него не рѣдко имѣется ба́йшинъ, т. е. домъ, сложенный изъ сырцеваго кирпича; почти всегда есть и глинобитный загонъ для скота, пожалуй даже хранится запасъ топлива и проч. Особенное значеніе этотъ обычай опредѣленныхъ кочевокъ имѣетъ въ отношеніи качества воды и устройства колодцевъ. По дорогѣ отъ Калгана къ Ургѣ путешественникъ на станціи Бургасута̀й (2-я отъ Калгана) имѣетъ послѣднюю проточную воду и далѣе вплоть до То̀лы ему приходится получать воду изъ колодцевъ. Но колодцы у чахаръ повсюду устроены прекрасно и это именно благодаря опредѣленности ихъ кочевокъ. Глубина чахарскихъ колодцевъ, обычно, пять и шесть саженъ; внутри они облицованы камнемъ, или же обдѣланы деревянными срубами; а все это имѣетъ своимъ результатомъ то, что получаемая изъ нихъ вода чужда соленаго вкуса, чиста и не насыщается аміакомъ, а потому и не имѣетъ навознаго запаха.

Станція Минга̀й — послѣдняя въ странѣ чахаровъ; еще 7, 8 верстъ движенія на сѣверо-западъ и дорога входитъ въ кочевья такъ называемыхъ Внутреннихъ Монго́ловъ, — собственно въ хошӯнъ Дӯрбэ̀нъ хӯхэтъ, или по китайски: «Сы-цзы-бу-ло». На

нашей картѣ Главнаго штаба (100 верстнаго масштаба), редактированный Большевымъ, на картѣ Матусовскаго, да, кажется, и на вновь издаваемой картѣ 40-верстнаго маштаба здѣсь отмѣчается хошӯнъ Дурботовъ, вѣроятно, со словъ Пржевальскаго, который, проѣхавъ эти пространства, первый началъ утверждать, что «чахарскія кочевья тянутся отъ Кэшиктэн'а на западѣ, до аймака Дурбутовъ» [1]). Но, очевидно, проѣхавъ эти земли, Пржевальскій не узналъ, кому принадлежатъ онѣ. Въ дѣйствительности кочевья Дурботовъ располагаются далеко, далеко на сѣверо-востокъ отсюда, прилегая своими восточными границами къ Хэй-лунъ-цзян'ской провинціи въ Маньчжуріи, а на западѣ отдѣляясь отъ Чжарӯг'скаго хошӯна теченіемъ Нӧнни-цзяна. И такъ, въ слѣдующемъ за чахарскими кочевьями хошӯнѣ Дӯрбэ̀нъ-хӯхэтъ по алтайскому тракту располагаются послѣдовательно 12-ть станцій, начиная отъ станціи Чэчэ̀рту, иначе называемой Чакчага̀й (дневникъ, 10-е мая), до станціи Шара̀-мухӯръ включительно. Изъ числа ихъ станціи Чэчэ̀рту, Бомботӯ, Бӯлӯтӯ и Цага̀нъ-худӯкъ состоятъ въ разрядѣ добавочныхъ станковъ, хотя, подобно чахарскимъ, они ничѣмъ не отличаются отъ настоящихъ, такъ сказать, штатныхъ станцій. Общее названіе этихъ станцій харачи́нскими происходитъ, по разказамъ монголовъ, оттого, что въ первое время по основаніи этого почтоваго тракта въ сказанномъ участкѣ отбывали подводную повинность монголы изъ поколѣнія харачи́новъ. Теперь здѣсь не осталось ихъ, кажется, уже ни одной юрты и подводчиками въ разсматриваемомъ участкѣ являются монголы изъ самыхъ разнообразныхъ частей «ӱбӯръ хошӯновъ». На каждой почтовой станціи имѣется одинъ смотритель въ званіи цзанги́на, т. е. оберъ-офицера, съ подвѣдомственными ему унтеръ-офицеромъ, рядовыми и подводчиками. Всѣ они приходятъ на станціи для отбыванія подводной повинности съ своими лошадьми и баранами, за что получаютъ вознагражденіе отъ правительства, хотя самое ничтожное: смотри-

1) Монголія и страна Тангутовъ,—стр. 82.

тель станціи получаетъ, обыкновенно, въ годъ содержанія не свыше 60 ланъ серебра, т. е. около 120 серебряныхъ рублей, а проводники не больше 18 ланъ, т. е. 36 руб. Должно замѣтить при этомъ, что помянутыя суммы являются какъ бы жалованьемъ служащимъ на станціяхъ, за животныхъ же правительство ничего не платитъ, сколько бы ихъ ни потребовалось и какой бы ни былъ ихъ разгонъ. Впрочемъ, какъ бы въ нѣкую помощь отбывающимъ военную повинность, имъ дозволяется ежегодно представлять, что изъ числа каждыхъ десяти штатныхъ лошадей у нихъ пала третья часть и за этихъ палыхъ лошадей правительство выдаетъ почтосодержателямъ по 6 ланъ и 3 цина, т. е. по 12 р. 60 коп. за лошадь. Помимо сего каждая станція ежегодно получаетъ по два верблюда изъ казенныхъ табуновъ, очевидно, въ подкрѣпленіе перевозочныхъ средствъ станцій. Въ помощь монголамъ внутреннихъ хошӯновъ, для содержанія станцій разсматриваемаго участка, приданы еще *хабсулгà*, о которыхъ теперь о. Палладій сообщаетъ первое слово въ европейской литературѣ. Эти хабсулгà, находящіеся въ своихъ родовыхъ кочевьяхъ подъ значительнымъ вліяніемъ Китая, приносятъ свои привычки и въ Монголію и пребываніе ихъ на харачи́нскихъ станціяхъ кладетъ особый отпечатокъ на всю жизненную обстановку этихъ станцій,—отпечатокъ, особливо ярко бросающійся въ глаза ѣдущему съ сѣвера, изъ пустынь Халхи́. Хабсулгà живутъ также въ юртахъ, какъ и всѣ другіе монголы, такъ что, оставивъ почтовый домъ на послѣдней чахарской станціи Мингà̀й, путешественникъ, при дальнѣйшемъ направленіи къ сѣверу, не встрѣтитъ уже ни однаго осѣдлаго жилища; но хабсулгà почти всегда окружаютъ свои юрты глинобитными оградами и это придаетъ харачи́нскимъ станціямъ характеръ полуосѣдлыхъ поселковъ. Нѣкоторымъ оттѣнкомъ большей, сравнительно съ халхаской, культуры является и то, что на всѣхъ станціяхъ, содержимыхъ хабсулгà, багажъ путниковъ перевозятъ не во вьюкахъ, а на телѣгахъ. Наконецъ хабсулгà, сохраняя свои привычки, занимаются еще и земледѣліемъ, хотя въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ: за ка-

менными оградами нѣкоторыхъ станцій, содержимыхъ хабсулгà, можно встрѣтить миніатюрные огороды, на которыхъ жены почтарей съ успѣхомъ выращаютъ картофель, бобы и горохъ. Впрочемъ 1877 годъ не былъ особенно урожайнымъ, вслѣдствіе предшествовавшей ему безснѣжной зимы, лишившей, по словамъ огородницъ, ихъ огороды обычнаго орошенія. Это орошеніе устроивается ими чрезвычайно своеобразнымъ способомъ. У стѣны огорода онѣ, въ теченіе зимы, наваливаютъ громаднѣйшую кучу снѣга, утрамбовывая ее, по возможности, плотнѣе и покрывая засимъ сверху толстымъ слоемъ травы и тростниковой соломы. Съ наступленіемъ лѣтняго времени этотъ искусственный ледникъ начинаетъ таять, но таетъ онъ очень медленно, причемъ ручейки этой снѣговой воды направляются опытными хозяйками между грядами огорода и иногда мѣсяца на $1^1/_2$, а то и на два, поддерживаютъ на этихъ грядахъ живительную влагу. Понятно, что при такихъ средствахъ орошенія урожай бываетъ тѣмъ лучше, чѣмъ больше будетъ снѣга зимою и менѣе жарко лѣтомъ; но въ 1877-мъ году все это совершилось какъ разъ наоборотъ и хабсулгà горько жаловались на погибель своихъ огородовъ. Станціи хабсулгà считаются самыми бѣдными въ Монголіи вообще, а потому являются и самыми тяжелыми для переѣзда путниковъ на всемъ протяженіи алтайскаго тракта. Зависитъ это оттого, что хабсулгà, не особенно-то богатые скотомъ и на своей родинѣ, приводятъ на станціи очень мало лошадей; будучи же пришельцами въ Монголіи и чуждыми для здѣшнихъ обитателей, они не могутъ брать у нихъ животныхъ даже въ займы, что бываетъ иногда положительно необходимо, особливо при проѣздахъ важныхъ чиновниковъ. Впрочемъ на этихъ станціяхъ, даже и по положенію, число лошадей постоянно уменьшается по мѣрѣ удаленія на сѣверъ. На чахарскихъ почтовыхъ станціяхъ установленъ штатъ въ 25 лошадей для каждаго станка, у хабсулгà же, къ сѣверу отъ станціи Шарà-хадà, число ихъ опредѣляется 23-мя, а отъ Цзэ́съ-хонго́ръ даже 22-мя. Правда, сѣвернѣе станцій хабсулгà, собственно въ харачинскомъ участкѣ, число

лошадей остается то же; но это будутъ уже лошади монгольскія, гораздо болѣе крѣпкія и бодрыя, чѣмъ у хабсулгà; притомъ же монголы, какъ усердные скотоводы, всегда имѣютъ у себя на одну штатную лошадь по крайней мѣрѣ десятокъ добавочныхъ, чего уже никогда нельзя встрѣтить у хабсулгà. Вотъ почему, миновавъ станціи хабсулгà, путешественникъ можетъ считать себя уже покойнымъ относительно удобствъ и безпрепятственности дальнѣйшаго переѣзда въ ту, или другую сторону.

Общій видъ природы пространствъ, залегающихъ по дорогѣ въ южной части хошӯна Дӯрбэ̀нъ хӯхэтъ, болѣе замѣтно измѣняется, начиная со второй харачѝнской станціи Чантàй. Вмѣсто богатыхъ луговыхъ растеній со множествомъ цвѣтовъ, составляющихъ отличительную особенность чахарскихъ долинъ, здѣсь начинаютъ появляться степныя травы, придающія окрестностямъ болѣе однообразный видъ, — по дорогѣ преобладающимъ цвѣткомъ является только мелкая сибирская астра. Замѣчательно, что о. Палладій, бывшій на станціи Чантàй 11-го Мая, рисуетъ слѣдующія за нею пространства, какъ «голую степь безъ зелени». Между тѣмъ въ эту пору, пору первой половины весны, здѣсь повсюду много воды: гранитъ не всасываетъ ея, а лѣтніе жары не успѣваютъ еще ее выпарить; короче сказать, въ это время всѣ углубленія бываютъ залиты водою и такое присутствіе влаги, по словамъ монголовъ, всегда живо сказывается здѣсь на растительности. Впрочемъ этотъ, довольно сносный еще видъ мѣстности продолжается не далеко и чѣмъ больше на сѣверъ, тѣмъ природа дѣлается бѣднѣе. Монголы почитаютъ начало Гобѝ съ находящейся черезъ три переѣзда отъ Чантàя станціи Шарàхадà (дневникъ 12-го Мая); но мнѣ лично казалось, что такая граница не особенно правильна. Печальная пустота и сухость пустыни начинается только за станціею Олòнъ худӯкъ (дневникъ 13-го Мая), замѣчательной тѣмъ, что на ней имѣетъ свое мѣстопребываніе чжалàнь, завѣдующій всѣми двѣнадцатью помянутыми станціями. На половинѣ дороги отъ этого станка Олòнъ худӯкъ къ станціи Цагāнъ худӯкъ (дневникъ 13-го Мая) дорогу

пересѣкаетъ небольшой горный хребтикъ, но онъ именно какъ бы полагаетъ границу между степью и песчано-каменистою Гоби: къ сѣверу отсюда мѣстность становится ровнѣе, а растительность уже несравненно бѣднѣе. Не вдалекѣ за вышепомянутой станціей Цаганъ худукъ начинаютъ попадаться кочевья шабинаровъ Ширэтуй гэгэна, сплошная масса которыхъ заселяетъ мѣста у слѣдующей станціи Шара мурэнь. Объ этомъ Ширэтуй гэгэнѣ монголы разказывали мнѣ, что онъ проживаетъ въ кочевьяхъ Дурбэнъ хуухэтъ, и имѣетъ нѣсколько монастырей; впрочемъ, кто именно этотъ Ширэтуй гэгэнъ и въ какомъ изъ своихъ монастырей онъ живетъ, мнѣ, за скоростью нашей ѣзды, не пришлось узнать въ точности, равно какъ и того, сколько шабинаровъ у этого гэгэна, всѣ ли они принадлежатъ по происхожденію къ хошуну Дурбэнъ хуухэтъ, или община ихъ составилась изъ различныхъ переселенцевъ, наконецъ, на какихъ условіяхъ занимаютъ они хошунныя земли. Все это вопросы, оставшіеся для будущихъ, болѣе счастливыхъ меня путешественниковъ. — Отъ станціи Шара мурэнь (дневникъ 14-го Мая) водяныхъ скопленій по сторонамъ дороги не видно вовсе, а колодцы чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ дѣлаются хуже и хуже. Черезъ одинъ переѣздъ отъ Шара мурэн'и на станціи Ула-худукъ (дневникъ 14-го Мая) [1]) я рѣшительно не могъ пить воды отъ присущаго ей сильнаго запаха сѣры, но это было частное явленіе; вообще же въ Гоби, равно какъ и при дальнѣйшемъ слѣдованіи по Халхѣ, колодцы являются невозможными. Глубина ихъ не свыше полутора, двухъ саженей; копани не имѣютъ никакой облицовки и ничѣмъ не огорожены. Нечего и говорить, что люди и животныя пьютъ изъ одного колодца; но при этомъ остатки воды изо рта послѣднихъ попадаютъ въ колодецъ обратно; по бокамъ колодца всегда стоятъ лужи, неизбѣжно являющіяся при водопоѣ скота; все это

1) У о. Палладія «Ола-худукъ», на картѣ же г. Бретшнейдера — «Олонъ худукъ», что, помимо своей неправильности, производитъ смѣшеніе имени этой станціи съ другою, находящеюся отсюда на три переѣзда къ югу.

опять стекаетъ въ колодецъ и, конечно, не рѣдко съ примѣсью другой влаги, оставляемой животными.

Слѣдующая станція Цзэ́съ-хонго̀ръ (дневникъ 15-го Мая) замѣчательна въ томъ отношеніи, что на ней происходитъ скрещеніе путей почтоваго алтайскаго тракта и торговой дороги, соединяющей Хӯхӯ-хото̀ и Ургу. По словамъ монголовъ, при усиленномъ движеніи, караваны отъ Цзэ́съ-хонго̀ра приходятъ въ Хӯхӯ-хото̀ на 5-ый, или 6-ой день; что же касается до дороги въ Ургу, то она совершается въ 18, 20 дней и направляется отсюда на сѣверо-востокъ, минуя ставку Мэргэ́нъ-ва́на, Хонина̀й го̄лъ, горы Янтӯ, Бутургі́йнъ го̄лъ и вступая въ хошӯнъ На́бэ́йсэ (въ предѣлахъ коего находится Урга) въ долинѣ между озерами Бага̀-умбӯй и Йэхэ́ умбӯй. Впрочемъ торговый трактъ, соединяющій Хӯхӯ-хото̀ и Ургу, не идетъ исключительно на Цзэ́съ-хонго̀ръ, но имѣетъ, по крайней мѣрѣ въ данномъ пунктѣ, еще и нѣсколько развѣтвленій, такъ сказать проселочныхъ дорогъ, отстоящихъ одна отъ другой на разстояніи десяти, пятнадцати верстъ; дорога на Цзэ́съ-хонго̀ръ считается только большою, главной дорогой, хотя и это, можетъ быть, единственно потому, что на станціи Цзэ́съ-хонго̀ръ отъ алтайскаго тракта отдѣляется въ направленіи къ Хӯхӯ-хото̀ и почтовая дорога. По этой дорогѣ, раздѣляющейся на семь станціонныхъ переѣздовъ, ѣздятъ чиновники, направляющіеся изъ Халхи въ Хӯхӯ-хото̀, а равно и совершается пересылка казенныхъ пакетовъ. Мѣстоположеніе станціи Цзэ́съ-хонго̀ръ представляетъ полную картину безплодной Гобѝ и, казалось, проводившіе эту дорогу и указывавшіе мѣста для станковъ умышленно выбирали для нихъ урочища похуже. Въ самомъ дѣлѣ, всего верстахъ въ двухъ отъ станка, за невысокимъ уваломъ скрывается большое озеро Йэхэ́-но̄ръ, принимающее въ себя рѣчку Хошо̄ты́инъ го̄лъ, и вся долина этихъ бассейновъ имѣетъ прекрасную траву и обширныя заросли дэрэсӯ; на станціи же, равно какъ и въ послѣдующихъ за нею пространствахъ, по дорогѣ только кое-гдѣ мѣстами песчаная, мѣстами каменистая почва пестрѣетъ рѣдкими и сухими кусти-

ками паленой травы. Куда ни глянешь, вездѣ ряды холмиковъ, образовавшихся то отъ наноснаго песку, то отъ старыхъ изсохшихъ корней травы. По этимъ безплоднымъ пространствамъ бѣгаютъ только ящерицы и развѣ изрѣдка увидишь полевую мышь. Порою колеса экипажа съ трудомъ перескакиваютъ черезъ усѣянныя голыми камнями пространства и ѣзда въ такихъ мѣстахъ походитъ на движеніе по бревенчатой, испорченной временемъ и непогодами гати.

Слѣдующая станція Шара̀-мухӯръ (дневникъ 15 Мая) является послѣднимъ станкомъ въ хошӯнѣ Дӯрбэ̀нъ хӯхэтъ. Верстахъ въ шести отсюда проходитъ граница этого хошӯна и путешественникъ вступаетъ въ сѣверную Монголію, называемую иначе Халхо̀ю, т. е. собственно въ кочевья хошӯна одного изъ халхаскихъ князей, — Мэргэ̀нъ-ва́на. О. Палладій считаетъ первою халхаскою станціею лежащую на пять переѣздовъ отсюда къ сѣверу станцію Мухӯръ-гашӯнъ; но это не вѣрно. Правда, что, не предвидя возможности такого противорѣчія своимъ замѣчаніямъ, я не изслѣдовалъ этого вопроса исторически; однако, имѣя въ виду, что за послѣднее полустолѣтіе у халхасовъ не было передѣла земель, необходимо предположить, что и въ пору проѣзда о. Палладія граница означенныхъ кочевьевъ была та же и что тогда, какъ и теперь, первою станціею въ хошӯнѣ Мэргэ̀нъ-ва́на являлась станція Бӯлӯ́нъ (16—17 Мая), на которой нашему путешественнику пришлось имѣть, какъ говоритъ онъ, «невольную дневку». Имя этой станціи у о. Палладія представляетъ точную транскрипцію съ китайскаго: «Болынъ», которое однако не вполнѣ соотвѣтствуетъ монгольскому произношенію.

Знаменитѣйшій въ Халхѣ родъ Мэргэ̀нъ-ва́новъ ведетъ свое происхожденіе отъ князя Гурӯ́шики, носившаго встарину титулъ Мэргэ̀нъ-ноя̄на и, въ пору самостоятельности Халхѝ, почитавшагося старѣйшимъ изъ правителей восточной части Тушѣту-ха̄новскаго а́ймака, подобно тому, какъ самъ Тушѣту-ха̄нъ почитался старѣйшимъ въ родѣ князей западной части. Маньчжуры

съ самыхъ первыхъ годовъ своихъ сношеній съ Халхою отличали Мэргэ́нъ-ноя̄новъ и еще въ 1655 году утвердили представительство ихъ за восточную половину Тушѣ́ту-ха̄новскаго а́ймака, такъ что всякаго рода сношенія князей этой части съ маньчжурами велись тогда не иначе какъ чрезъ посредство Мэргэ́нъ-ноя̄новъ. Въ 1685 г. Канси командировалъ своихъ пословъ въ мэргэ́нъ-ноя̄новскія кочевья, чтобы вручить тогдашнему Мэргэ́нъ-ноя̄ну Гуру́шики почетные подарки, въ видѣ шапки, платья и другихъ принадлежностей костюма; поэтому Гуру́шики въ слѣдующемъ 1686 году посылалъ свое посольство къ маньчжурамъ, причемъ просилъ ихъ указать между прочимъ границы, до которыхъ могутъ кочевать на югъ его данники, чтобы не смѣшиваться имъ съ Внутренними Монголами, въ то время уже принявшими маньчжурское подданство. Канси указалъ тогда на Галбы́нъ-гоби́ какъ на предѣлъ, за который уже не могли выходить подданные Мэргэ́нъ-ноя̄новъ. Подданство маньчжурамъ Гуру́шики принялъ вмѣстѣ съ другими халхасами во время нашествія Галда́на въ 1688 г. и Канси, зная его вліяніе на халхасовъ, въ ту же пору пожаловалъ ему древнемонгольскій титулъ чжину́на, такъ что Гуру́шики почитался старѣйшимъ послѣ ха̄новъ. На долоно̄рскомъ сеймѣ 1691 г. Гуру́шики былъ утвержденъ цзасако̀мъ и пожалованъ въ хэ-цзю̀нь-ваны, а какъ за нимъ по прежнему оставался титулъ «мэргэ́н'а», то онъ и сдѣлался извѣстнымъ съ этого времени подъ именемъ «мэргэ́нъ-ва́на». Должно замѣтить, что въ періодъ нападеній Галда́на и кочевокъ халхасовъ въ предѣлахъ Внутренней Монголіи хошӯнъ Гуру́шики болѣе чѣмъ всѣ другіе подвергался набѣгамъ чжунга̀ровъ, и весьма вѣроятно, что по этой-то причинѣ Гуру́шики не принималъ участія въ походѣ Канси 1695 г. Впрочемъ, это не помѣшало Гуру́шики оказать помощь маньчжурамъ, ибо несомнѣнно, что, благодаря именно его вліянію, маньчжурамъ поддался въ эту пору главный помощникъ Галда́на—та́йчжи Арабта̀нъ. Умеръ Гуру́шики въ 1706 году, оставивъ послѣ себя двухъ сыновей, изъ которыхъ стар-

шій Дорджѝ-рабта̀нъ наслѣдовалъ своему отцу въ должности цзасака̀ и званіи хэ-цзю̀нь-вана, а второй Цэнгу̀нь-чжа́бъ оставался въ первое время въ хошӯнѣ брата, и только впослѣдствіи былъ объявленъ самостоятельнымъ цзасако̀мъ.

Дорджѝ-рабта̀нъ, принявъ власть отъ своего отца, управлялъ своимъ хошӯномъ, но, будучи болѣзненнымъ и не особенно-то даровитымъ, онъ ничѣмъ не отличился по службѣ за все время своего правленія и въ 1729 г. былъ устраненъ маньчжурами отъ должности, управленіе же хошӯномъ было передано ими сыну его Минцзу̀ръ-дорджѝ.

Минцзу̀ръ-дорджѝ былъ утвержденъ въ должности цзасака̀ и званіи хэ-цзю̀нь-вана непосредственно по увольненіи своего отца и въ первые же годы своего правленія попалъ подъ судъ министровъ богдохана, обстоятельства котораго указываютъ намъ на ту политичную осторожность, которую соблюдали маньчжуры въ отношеніи къ почетнѣйшимъ изъ халха̀скихъ цзасако̀въ. Дѣло началось съ того, что Минцзу̀ръ-дорджѝ, въ 1731 году, во время войнъ Галда́нъ-цэрѐна, получивъ назначеніе отправиться въ походъ, не исполнилъ этого предписанія и тогдашній халха̀скій цзянь-цзюнь Си-ба̄о донесъ объ этомъ въ Пекинъ. Ли-фань-юань, разсмотрѣвъ это обстоятельство, приговорилъ Минцзу̀ръ-дорджі̀я къ лишенію званія, но Юнъ-чженъ, подъ благовиднымъ предлогомъ знатности и заслуженности дѣда Минцзу̀ръ-доржіева Гуру̀шики, не утвердилъ этого приговора, а рѣшилъ вызвать Минцзу̀ръ-дорджі̀я для личныхъ объясненій въ Пекинъ. Въ 1732 году Минцзу̀ръ-дорджѝ представился богдохану и на этой аудіенціи объяснилъ ему, что онъ не могъ идти въ походъ по болѣзни, а войска его не могли двинуться потому, что путь ихъ былъ загражденъ непріятелями. Императоръ извинилъ Минцзу̀ръ-дорджі̀ю его проступокъ, но все таки приказалъ отправить войска, выбравъ въ командиры для нихъ одного изъ болѣе способныхъ та́йчжіевъ. Умеръ Минцзу̀ръ-дорджѝ въ 1741 г.

Сынъ и преемникъ его Цэрѐнъ-байду̀бъ, получивъ званіе

хэ-цзюнь-вана и управляя хошӯномъ, не имѣлъ случая къ отличіямъ вплоть до наступленія смутъ Дава́ци. Съ открытіемъ этихъ военныхъ дѣйствій, онъ отправился въ улясутайскій военный лагерь въ 1755 году и въ слѣдующемъ 1756 году вмѣстѣ съ маньчжурскими войсками ходилъ противъ чжунга̀ровъ. Когда Дава́ци былъ схваченъ, богдоханъ распорядился оставить Цэрэ́нъ-байду́ба на мѣстѣ военныхъ дѣйствій, чтобы сторожить движенія чжунга̀ровъ на границахъ Илѝ. Открывшееся за симъ возмущеніе Амурсаны̀ и мятежное движеніе сообщниковъ его Кэшима, Басута̀я и Дуга́ра побудило Цэрэ́нъ-байду́ба двинуться съ дозорнаго пункта и вступить въ сраженіе съ мятежниками, но въ этомъ бою онъ былъ убитъ.

У Цэрэ́нъ-байду́ба осталось два сына Даньцзу́нъ-дорджѝ и Чаба́къ-чжа́бъ, послѣдовательно преемствовавшіе одинъ другому. Даньцзу́нъ-дорджѝ, утвержденный правителемъ хошӯна въ 1756 г., въ теченіе 17-ти лѣтъ своего управленія оставался совершенно безцвѣтнымъ среди халхаскихъ цзасако̀въ. Правда, въ 1771 году онъ получилъ отъ богдохана въ награду трехъ-очковое павлиновое перо, но это отличіе было пожаловано ему только по тому случаю, что онъ представлялся повелителю Китая на лѣтней охотѣ его въ Жэ-хо. Умеръ Даньцзу́нъ-дорджѝ въ 1773 году и, такъ какъ послѣ него не осталось дѣтей, то управленіе хошӯномъ перешло къ младшему брату его Чаба́къ-чжа́бу.

Утвержденный въ званіи хэ-цзюнь-вана и должности цзасака, Чаба́къ-чжа́бъ былъ несравненно способнѣе своего брата. Образцовое управленіе хошӯномъ съ первыхъ же годовъ обратило на него вниманіе пекинскаго правительства, почему въ 1777 г., на высочайшей аудіенціи въ Жэ-хо, онъ получилъ въ знакъ отличія трехъ-очковое перо на шляпу; но главнѣйшимъ для Чаба́къ-чжа́ба на этой аудіенціи было то, что онъ обратилъ на себя вниманіе самого богдохана своею разсудительностью и знаніемъ положенія Халхѝ. Благодаря такому обстоятельству, онъ въ 1780 году былъ назначенъ сначала помощникомъ сеймо-

ваго старшины въ тушѣту-хāновскомъ áймакѣ, а потомъ причисленъ еще къ управленію главнокомандующаго войсками этого áймака, для рѣшенія дѣлъ военныхъ. Въ 1782 году за его потомствомъ было навсегда оставлено званіе хэ-цзюнь-вана, а въ слѣдующемъ 1783 году онъ умеръ.

Преемникомъ его былъ сынъ его Дорджѝ-чжáбъ, а этому послѣднему наслѣдовалъ сынъ его Дакдàнъ-дорджѝ, въ свою очередь смѣненный сыномъ Лосорòнъ-бацзáр'омъ. Лосорòнъ-бацзáръ наслѣдовалъ отъ своего отца должность цзасакà и званіе хэ-цзюнь-вана въ 1828 году и въ 1837 году получилъ отъ богдохана трехъ-очковое перо на шляпу, а въ 1845 году пожалованъ въ придворное званіе—флигель-адъютанта при воротахъ Цянь-цинъ-мынь. Въ правленіе этого князя о. Палладій проѣзжалъ чрезъ предѣлы Мэргэ́нъ-вáновскаго хошӯна и, кажется, въ годъ этого проѣзда, т. е. въ 1847 году, Лосорòнъ-бацзáръ былъ назначенъ главнокомандующимъ (тусáлакчи цзя́нь-цзюнемъ) всѣхъ войскъ тушѣту-хāновскаго áймака.

По вычисленіямъ китайцевъ, относящимся, впрочемъ, еще ко временамъ царствованія Цянь-луна (1736—1796 г.), хошӯнъ Мэргэ́нъ-вàна долженъ выставлять 14 эскадроновъ латниковъ; кочевья же этого хошӯна, именуемыя на оффиціальномъ языкѣ китайцевъ землями средняго знамени лѣваго крыла корпуса Тушѣту-хāна, считаются обширнѣйшими изъ всѣхъ другихъ халхаскихъ хощӯновъ. Они расположены въ самой срединѣ Гобѝ и растянуты особливо съ запада къ востоку. Въ частности крайніе предѣлы ихъ составляютъ: на востокѣ урочище Гурбӯнъ-цзэ̄рдэ, въ которомъ мэргэ́нъ-вáновскій хошӯнъ граничитъ съ землями Дарѝ-хангà; на югѣ — урочище Байнъ-булàкъ, составляющее вмѣстѣ съ тѣмъ границу Халхѝ съ хошӯномъ Дӯрбэ́нъ-хӯхэтъ; на западѣ — Обо̄ Синѝ-цагāнъ граничитъ съ землями задняго знамени лѣваго крыла, въ просторѣчіи называемыми хошӯномъ Гобїйнъ да̄ тӯшѣ-гӯна Тушѣту-хāновскаго áймака; на сѣверѣ—урочище Багà-хатàй и на сѣверо-западѣ урочище Хадàнь-усӯ, гдѣ къ мэргэ́нъ-вàновскому

хошӯну соприкасаются земли а) вышепомянутаго хошӯна Гобі̆йнъ-да̄-тӱшѣ̄-гу́на и б) срединнаго лѣваго знамени лѣваго крыла; на сѣверо-востокѣ—горы Чжарга̀-ӯла, составляющія вмѣстѣ съ тѣмъ границы Тушѣ̄ту-ха̄новскаго а́ймака съ Сэцэ̀нъ-ха̄новскимъ, или собственно съ среднимъ знаменемъ праваго крыла корпуса Сэцэ̀нъ-ха̄на (въ просторѣчіи они называются хошӯномъ Борчжигѝнъ-да̄-бэ̀йлэ); на юго-востокѣ—урочище Удэ, гдѣ мэргэ̀нъ-ва́новскому хошӯну соприкасаются границы Барӯнъ-сунѝтовъ, и на юго-западѣ—урочище Хӱбо̄-тала̀, гдѣ прилежатъ ему границы Ура̀товъ. Ставка Мэргэ̀нъ-ва́на находится верстахъ въ 80 къ востоку отъ станціи Хоничи̇́, въ урочищѣ Ба́къ-модо̀; послѣднее, по разказамъ, представляетъ собою лощину, почти сплошь поросшую зарослями ильмы. Неподалеку отъ этой ставки (верстахъ, вѣроятно, въ 2, 3-хъ) находится и собственный, хошӯнный монастырь Мэргэ̀нъ-ва́на, извѣстный подъ именемъ «Дучиту̀-ламанары́йнъ-сӱмэ̀», и замѣчательный тѣмъ, что въ немъ имѣетъ свою резиденцію Гобі̆йнъ-ноѝнъ-хутухту̀,—верховный изъ хуту̀хтъ мэргэ̀нъ-ва́новскаго хошӯна. При монастырѣ и ставкѣ, какъ говорили мнѣ монголы, постоянно торгуетъ нѣсколько китайскихъ лавокъ и сверхъ того находилась одна лавка изъ Хӱхӱ̀-хото̀, принадлежавшая бельгійцу Спленгеру и торговавшая европейскими товарами, въ обмѣнъ на получаемую отъ монголовъ шерсть, конскіе хвосты и пушные товары. Сверхъ вышепомянутаго монастыря отдѣльные храмы находятся въ кочевьяхъ каждаго изъ 14 сумуновъ хошӯна, а помимо ихъ въ мэргэ̀нъ-ва́новскомъ хошӯнѣ мнѣ насчитывали и еще нѣсколько важныхъ монастырей, при которыхъ имѣются постоянно живущіе ламы. Таковы прежде всего монастыри императорскіе: первый изъ нихъ называется: «Цзарли̇́к йэ̄р нэрэ̀ шангнакса̀н баясхулангѝ бадарагӯлухчи сӱмэ̀», т. е. «монастырь, которому по высочайшему повелѣнію пожаловано имя распространяющаго радость»; онъ находится въ сѣверо-восточномъ углу хошӯнныхъ кочевьевъ, неподалеку отъ горъ Чиндаманѝ-цага̄нъ-хада. Второй императорскій же монастырь называется:

«Цзарлы̀к йэ̄р нэрэ́ шангнаксàн эрдэнѝ эгӯлэнъ сӱмэ́», т. е. «монастырь, которому по высочайшему повелѣнію пожаловано имя — драгоцѣнное облако»; онъ лежитъ верстахъ въ 20 къ западу отъ урочища Сáйнъ-худӯкъ на ургинско-калганскомъ торговомъ трактѣ. Оба эти монастыря хотя и называются у монголовъ императорскими, однако названіе это усвояется имъ не вполнѣ точно. Дѣло въ томъ, что оба эти монастыря не были первоначально основаны на богдоханскія суммы, равно и въ настоящее время они не получаютъ никакихъ опредѣленныхъ средствъ изъ богдоханскаго казначейства; но воздвигнутыя хошӯнными данниками Мэргэ́нъ-ва́на, кумирни эти были потомъ посвящены богдохану въ царствованіе императора Цянь-луна, который и пожаловалъ имъ вышеозначенныя имена. Въ полномъ смыслѣ слова императорская кумирня въ мэргэ́нъ-ва́новскомъ хошӯнѣ имѣется, кажется, только одна,— это кумирня на станціи Толѝ, которая какъ по началу была основана по высочайшему повелѣнію богдохана, такъ и до сей поры содержится на богдоханскія средства. Изъ числа хутухтинскихъ монастырей въ хошӯнѣ Мэргэ́нъ-ва́на должно отмѣтить во 1-хъ монастыри вѣдомства ургинскаго Чжэбцзӯнъ-дамба̀-хутухты̀: одинъ изъ нихъ находится верстахъ въ 12 къ западу отъ вышепомянутаго монастыря «Эрдэнѝ эгӯлэнъ» и располагается между горами Йэхэ́-долӧ́ту и Багà-долӧ́ту; а другой — не подалеку отъ колодца Тӱгӱ-рѝкъ на дарха̀нскомъ ургинско-калганскомъ торговомъ трактѣ. Этотъ послѣдній монастырь, весьма незначительный по своей величинѣ, извѣстенъ въ мэргэ́нъ-ва́новскомъ хошӯнѣ своимъ замѣчательнымъ колодцемъ и, по разказамъ монголовъ, другаго такого колодца ни по величинѣ, ни по качеству воды не имѣется въ хошӯнѣ. Изъ другихъ монастырей хошӯна замѣчательны: монастырь на станціи Хоничѝ; кумирня у горы Байнъ-цзурухэ́, находящаяся верстахъ въ 40 къ юго-западу отъ станціи Ӯдэ дарханской дороги; Хонго̀ръ-ӯлайнъ-сӱмэ́,— верстахъ въ 30 къ востоку отъ станціи Мухӯръ гашӯнъ и Харгà-ӯлайнъ-сӱмэ́,— верстахъ въ 50 къ западу отъ станціи Сӱчжи. Наконецъ мнѣ

приходилось еще слышать о кумирняхъ: Байнъ-модо̀йн-сӯмэ́, Бугудӯръ-хобуры́йнъ-сӯмэ́, Шара̀-судулы́йнъ-сӯмэ́, Буданà̀й-сӯмэ́ и Цапчѝкъ-сӯмэ́. Всѣ послѣднія кумирни, располагающіяся въ различныхъ урочищахъ на пространствѣ двухъ перекочевокъ къ западу отъ почтоваго тракта по направленію къ границамъ хошӯна Да̄-тӯшэ̄-гу́на, говорятъ, еще недавно отличались своимъ богатствомъ; но онѣ сильно пострадали отъ нападенія дунганъ въ 1871 году. Это нападеніе страшно отразилось на благосостояніи всѣхъ вообще обитателей мэргэ́нъ-ва́новскаго хошӯна, который, не смотря на свои сравнительно безплодныя пространства, является чрезвычайно богатымъ по скотоводству и особливо славится разведеніемъ верблюдовъ. Можно сказать, что главная масса перевозочныхъ средствъ, служащихъ для транзита между Калганомъ и Хӯхӯ-хото̀ на югѣ, и Кяхтою, Улясутаемъ и Кобдо на сѣверѣ, получается только изъ двухъ хошӯновъ—Мэргэ́нъ-ва́на и Уйцза̀нъ-гу́на. Этотъ транзитъ даетъ и основныя средства содержанія данникамъ Мэргэ́нъ-ва́на, большинство которыхъ занимается именно перевозкою товаровъ, получая на сіе подряды то у китайцевъ, то у русскихъ.

Въ предѣлахъ мэргэ́нъ-ва́новскаго хошӯна располагаются семь нижеслѣдующихъ станцій казеннаго, алтайскаго, почтоваго тракта: Булӯнъ, Сӯчжи-була̀къ, Толѝ, Тӯгӯрѝкъ, Мухӯръ-гашӯнъ, Хоничѝ и Бильгѝхъ. Путь по Гобѝ на пространствѣ отъ Булӯнъ къ Сӯчжи-була̀ку и еще далѣе къ Толѝ дышетъ тѣмъ же однообразіемъ, только здѣсь онъ дѣлается еще болѣе каменистымъ: кварцъ, сланецъ, гранитъ и галька толстымъ слоемъ устилаютъ всю дорогу и образуютъ изъ нея нѣчто въ родѣ новоустроиваемаго шоссе, полотно котораго еще не утрамбовано. Нечего и говорить, что ѣзда по такой дорогѣ сопровождается невообразимою тряской. Глазъ поначалу поражается этимъ обиліемъ камней, которые своими разноцвѣтными сочетаніями образуютъ причудливый коверъ; но скоро безплодіе окружающей пустыни начинаетъ дѣйствовать самы́мъ удручающимъ образомъ на душу. Этимъ конечно и слѣдуетъ объяснять то обстоятель-

ство, что въ описаніяхъ рѣшительно всѣхъ путешественниковъ, оставившихъ свои замѣтки объ этой дорогѣ, равно какъ и въ устныхъ разказахъ лицъ, проѣзжавшихъ по ней, непремѣнно встрѣтите вы упоминаніе объ единственномъ вязѣ, растущемъ неподалеку отъ станціи Сӯчжи. И всѣ восхищаются этимъ вязомъ и рисуется онъ имъ могучимъ широковѣтвистымъ деревомъ, хотя въ сущности это вовсе не большое, бугроватое деревцо, довольно хилое и больное. Съ перваго раза онъ и меня поразилъ своимъ видомъ; но, расположившись подъ его вѣтвями на нѣсколько минутъ, мы, вмѣстѣ съ Я. П. Шишмаревымъ, естественно начали говорить объ этомъ растеніи, невольно отнеслись къ нему критически и въ результатѣ оказалось невысокое, вышеизложенное о немъ мнѣніе.

Станція Толѝ (19-го Мая) замѣчательна только построенною здѣсь императорской кумирней, о которой довольно обстоятельно разказываетъ о. Палладій. Монастырь этотъ, какъ говорили мнѣ монголы, построенъ въ царствованіе императора Канси въ память во 1-хъ разбитія здѣсь одного изъ отрядовъ арміи Галда́на, а во 2-хъ чудеснаго появленія здѣсь ключа воды. Преданіе гласитъ, что, когда императорская армія проходила по этимъ безплоднымъ пространствамъ, недостатокъ воды такъ сильно сказывался на солдатахъ, что, подходя къ Толѝ, они просто изнемогали отъ жажды. Въ урочищѣ Толѝ къ арміи прибылъ императоръ и вдругъ въ этой безводной пустынѣ забилъ ключъ, на столько значительный, что отъ него образовалась даже небольшая рѣчушка и до нынѣ протекающая на востокъ отъ кумирни. Какъ и всѣ императорскія кумирни, Толѝскій монастырь отличается такимъ изяществомъ и прочностью построекъ, какихъ нѣтъ и въ религіозной столицѣ Монголіи — Ургѣ. (Самый храмъ ургинскаго Ма́йдари не можетъ быть сравниваемъ съ толѝскимъ, ибо первый представляетъ деревянное зданіе, а второй сложенъ изъ дикаго гранита). За монастырской каменной оградой розоваго цвѣта скрывается два двора, изъ коихъ въ первомъ помѣщаются юрты состоящихъ при монастырѣ ламъ, кладовыя и кухни; вто-

рой же дворъ, храмовый, устроенъ какъ бы на нѣкоторомъ возвышеніи, ибо въ него ведетъ каменная лѣсенка въ три ступени. Довольно узкія ворота соединяютъ этотъ дворъ съ первымъ и, миновавъ ихъ, вы входите, собственно не во дворъ, а въ выстланную каменными плитами площадку передъ храмами. Послѣднихъ здѣсь три: главный располагается на сѣверной сторонѣ, а по сторонамъ восточной и западной — боковые. Ежедневное служеніе обыкновенно отправляется въ западномъ сӱмэ̀, въ главной же кумирнѣ молебствія бываютъ только тогда, когда въ нихъ участвуетъ хутухтà. Помѣщается этотъ хутухтà на томъ же храмовомъ дворѣ, въ юртѣ, между главнымъ и боковымъ храмомъ западной стороны. Относительно личности самого хутухты̀ монголы дали мнѣ, повидимому, невѣрное показаніе. Они сообщали, что хутухтà проживаетъ въ толѝскомъ монастырѣ только три года и прежде сего хутухты̀ здѣсь не было. Между тѣмъ о. Палладій еще въ 1847 году упоминаетъ объ устроенномъ здѣсь сѣдалищѣ хутухты̀ и слѣдовательно уже въ ту пору монастырь имѣлъ у себя такого буддійскаго святителя. Вопросъ этотъ остается открытымъ и за вѣрность записаннаго мной я не могу ручаться. Пробывъ въ монастырѣ всего минутъ 20-ть, я не могъ собрать никакихъ вполнѣ основательныхъ свѣдѣній объ его бытѣ.

За станціею Толѝ видъ степи опять нѣсколько измѣняется: кое-гдѣ попадается здѣсь тощая травка, дорога становится ровнѣе и лучше, каменистыхъ пространствъ встрѣчается меньше, а вмѣсто нихъ начинаетъ появляться песокъ и мѣстами путь походитъ на ровно убитую, садовую дорожку. Въ пору моего проѣзда монголы все время только и разказывали мнѣ здѣсь о совершившемся за шесть лѣтъ передъ симъ нашествіи хойхоцевъ, которые, повидимому, имѣли свой основной станъ вблизи станціи Тӱгӱрѝкъ (19-го Мая). Въ юго-западномъ направленіи отъ нея отдѣляется довольно торная дорога на Хӱхӱ-хотò, — по этой-то дорогѣ и проходили хойхойцы, направляясь въ хошӯнъ Мэргэ̀нъвà на. На обратномъ пути они шли уже по различнымъ дорогамъ,

раздѣлившись на партіи, и къ этому побуждало ихъ съ одной стороны обиліе награбленнаго скота, а съ другой безплодіе залегающихъ здѣсь пространствъ, при которомъ у нихъ, пожалуй, не хватило бы и корма для животныхъ. «Небольшой хребетъ, со множествомъ обо», о которомъ упоминаетъ о. Палладій, описывая дорогу къ станціи Тўгўрѝкъ, называется у мѣстныхъ монголовъ Цзамы́йнъ шандà. Самая станція Тўгўрѝкъ отлична отъ многихъ подобныхъ ей только тѣмъ, что она располагается при небольшомъ соленомъ озерѣ, которое бываетъ довольно обширно весною, вскорѣ послѣ таянія снѣговъ, но за симъ постепенно уменьшается и въ лѣтнее время, особливо если не бываетъ дождей, изсыхаетъ вовсе. При обиліи воды на этомъ озерѣ бываетъ много мелкой дичи, особливо куликовъ и утокъ.

До́рога къ слѣдующей станціи, какъ сказано у о. Палладія, представляетъ собою одинъ сплошной перевалъ черезъ длинный и высокій увалъ, носящій названіе Богдò хаирхàна. Мы не сомнѣваемся, что именно этимъ именемъ называли монголы о. Палладію разсматриваемый хребтикъ, мнѣ же лично сопровождавшіе меня улā́чи со станціи Мухўръ-гашўнъ назвали его «Богдò иргѝн ўла», т. е. «горы святаго утеса». Дѣйствительно, среди этихъ возвышенностей, кажущихся уходящими далеко на западъ, есть одна, неподалеку отъ дороги, круто обрывающаяся на прилежащую равнину, и этотъ-то обрывъ носитъ названіе «Богдò иргѝ», т. е. «святой утесъ». По преданію монголовъ, на вершинѣ его была кузница Чингисъ-хана, почему и самый утесъ чествуется у мѣстныхъ жителей жертвоприношеніями, а мѣсто для совершенія этого обряда отмѣчено постановкою обо, воздвигнутаго на самой вершинѣ. Окрестныя мѣста имѣютъ крайне печальный видъ совершенно безплодной степи. Такое безплодіе, повидимому, признано и пекинскимъ правительствомъ, почему почтосодержателямъ, начиная отъ слѣдующей станціи Мухўръ гашўнъ и далѣе на разстояніи шести станцій къ сѣверу, разрѣшено не держать вовсе лошадей, а довольствоваться только верблюдами, какъ животными болѣе неприхотливыми на пищу и во-

допой. Но, конечно, монголъ не мыслимъ безъ коня, оттого лошадей найдете вы и на всѣхъ прочихъ станціяхъ. Изъ любезности, или желанія поскорѣе избавиться отъ проѣзжающихъ, этихъ лошадей могутъ предложить и для переѣзда; но требовать себѣ лошадь здѣсь никто не имѣетъ права. Такое свѣдѣніе будетъ весьма полезно имѣть въ виду нашимъ чиновникамъ, иногда бывающимъ не въ мѣру притязательными. Та же тоскливая дорога отличаетъ и путь къ станціи Хоничѝ (дневн. 20-го Мая), только здѣсь встрѣчается еще больше песковъ. На самой станціи Хоничѝ имѣется большая кумирня, при которой постоянно проживаетъ до 200 ламъ. Это обиліе монаховъ привлекаетъ къ кумирнѣ не мало семей монголовъ, поселяющихся здѣсь то для прислуживанія ламамъ, то имѣя въ виду отдавать свои юрты подъ помѣщенія стекающихся къ кумирнѣ поклонниковъ. Общее населеніе станціи Хоничѝ доходитъ посему обычно до 500 душъ, а въ праздники, когда къ монастырю приходятъ еще окрестные ламы и богомольцы, оно достигаетъ до $1\frac{1}{2}$ и 2-хъ тысячъ. Благодаря такому скопленію, при монастырѣ имѣются китайскіе торговцы, которые нанимаютъ у монастыря мѣсто для торговли и платятъ ему за эту аренду по 24 ланы въ годъ. Степь по дорогѣ къ слѣдующей станціи Бильгѝхъ, извѣстной на оффиціальномъ языкѣ подъ болѣе полнымъ названіемъ Нарѝнъ-бильгѝхъ, отличается также обиліемъ песковъ и зарослей хармыка и тотъ же характеръ сохраняется до слѣдующей станціи, имѣющей у монголовъ два различныхъ названія. Оффиціально она называется Хацзабчѝ, заимствуя это имя отъ прилежащаго къ ней горнаго кряжа; въ просторѣчіи же монголы зовутъ ее Арбàнъна́йма, т. е. 18-ая, по той причинѣ, что она является 18 штатнымъ станкомъ отъ Калгана, не считая станковъ вспомогательныхъ, прибавочныхъ или промежуточныхъ (цзӯрма). Не доѣзжая верстъ семи до этой станціи, находится урочище Цэнкѝръ-добӧ, составляющее въ этомъ мѣстѣ границу Мэргэ̀нъ-вàновскаго хошӯна.

Отъ этого урочища Цэнкѝръ-добӧ, выступивъ изъ предѣловъ

земель Мэргэ́нъ-ва́на, алтайскій почтовый трактъ проходитъ пограничною межою двухъ хошу́новъ: къ западу отъ дороги лежатъ земли хошу́на, или дивизіи Цэбэ́къ-цзасака́, представляющей собою въ общемъ составѣ тушѣту-ха́новскаго корпуса лѣвое срединное знамя лѣваго крыла; къ востоку же отъ дороги располагается хошу́нъ цзасака́ Цэва́на, или земли конечнаго знамени лѣваго крыла. Благодаря смежности этихъ хошу́новъ, дальнѣйшія станціи чередуются, переходя въ земли то одного, то другаго хошу́на. Въ свою пору я не прослѣдилъ внимательно, въ чьихъ именно кочевьяхъ стоитъ какая станція, потому и не могу теперь отмѣтить этого вполнѣ основательно и точно. Достовѣрно впрочемъ одно, что станція Хацзабчи́ (Арба́нъ-на́йма) располагается на земляхъ хошу́на цзасака́ Цэбэ́ка (дневникъ 21 Мая).

Правители этого хошу́на ведутъ свое происхожденіе отъ цзасака́ Сунду́ба, приходившагося двоюроднымъ племянникомъ предку мэргэ́нъ-ва́новъ Гуру́шики. По началу хошу́нъ этотъ входилъ въ составъ мэргэ́нъ-ва́новскаго и самъ Сунду́бъ исполнялъ обязанности туса́лакчи-та́йчжія въ мэргэ́нъ-ва́новскомъ хошу́нѣ въ періодъ управленія этимъ хошу́номъ Минцзу́ръ-дорджія. Въ 1732 году, когда мэргэ́нъ-ва́новцамъ предписано было отправиться въ походъ противъ Галда́нъ-цэрэ́на и Минцзу́ръ-дорджи́, по болѣзни, не могъ предводительствовать своими войсками (сравни стр. 175), то Сунду́бъ занялъ его мѣсто и, командуя 1000-нымъ отрядомъ мэргэ́нъ-ва́новцевъ, вмѣстѣ съ эфу Цэрэ́номъ разбилъ чжунга́ровъ при Эрдэни́-цзу́, а потомъ преслѣдовалъ ихъ вмѣстѣ съ войсками хэбэ́й-амба́ня Маранта́я. За эти заслуги богдоханъ повелѣлъ отдѣлить отъ хошу́на Мэргэ́нъ-ва́на одинъ эскадронъ, и, образовавъ изъ него отдѣльный хошу́нъ, назначилъ цзасако́мъ этого хошу́на Сунду́ба, съ возведеніемъ его въ званіе та́йчжи 1-й степени; сверхъ того ему пожаловано было еще 500 ланъ серебра, а въ слѣдующемъ 1733 году павлиновое перо на шляпу. Въ 1756 году Сунду́бъ былъ командированъ для охраны въ улясутайскій военный лагерь и отсюда вмѣстѣ съ улясутайскимъ амбанемъ Арангаемъ ходилъ на усмиреніе возстанія Амурсаны

и захватилъ въ плѣнъ жену, дѣтей и большое число данниковъ Амурсаны̀. Въ слѣдующемъ 1757 году, когда хотохо̀йтскій Цэнгу̀нь-чжа̀бъ поднялъ знамя бунта, Санду̀бъ далъ публичную клятву защищать почтовыя станціи своего хошӯна до послѣдней капли крови. Когда объ этомъ было донесено Цянь-луну, то онъ послалъ Санду̀бу похвальную грамоту и возвелъ его въ званіе «заурядъ гу̀на», т. е. дозволилъ ему пользоваться всѣми внѣшними отличіями гу̀новъ. Впрочемъ Санду̀бъ не долго пользовался этимъ отличіемъ и въ слѣдующемъ 1758 году за производство незаконной торговли съ Урянха̀ями, онъ не только лишенъ былъ всѣхъ привиллегій гу̀нскаго званія, а даже удаленъ отъ должности цзасака̀, управленіе же хошӯномъ было передано сыну его Санду̀бъ-дорджію.

Санду̀бъ-дорджѝ, будучи утвержденъ въ званіи та́йчжи 1-й степени и должности цзасака̀ въ 1759 году, правилъ хошӯномъ въ теченіе тридцати одного года и въ 1790 г. былъ смѣненъ, по болѣзни, сыномъ своимъ Ацза́ра.

Ацза́ра, утвержденный цзасако̀мъ въ 1790 году, оставилъ послѣ своей смерти двухъ сыновей, послѣдовательно преемствовавшихъ ему въ управленіи. Такимъ образомъ сначала правилъ старшій сынъ его Ванчѝнъ-дорджѝ, а какъ онъ умеръ бездѣтнымъ, то управленіе хошӯномъ, по монгольскому порядку наслѣдованія, перешло къ брату его Балда̀нъ-го́мбо. Послѣдній былъ утвержденъ цзасако̀мъ въ 1829 году и въ 1843 году получилъ въ отличіе павлиновое перо на шляпу. По немъ правителемъ хошӯна былъ назначенъ сынъ его Дарма̀-сэнгэ́; при немъ совершалъ свою поѣздку и отецъ Палладій; нынѣ же хошӯномъ правитъ сынъ помянутаго Дарма̀-сэнгэ́ — Цэбэ́къ.

Мы видѣли уже, что число данниковъ этого хошӯна въ пору его образованія было настолько невелико, что изъ нихъ можно было организовать только одинъ эскадронъ латниковъ; сообразно сему и земли, отведенныя подъ кочевья этого хошӯна, не особенно значительны по своему пространству и протягиваются отъ юга къ сѣверу не свыше чѣмъ на 90 верстъ. Въ частности окрай-

ными пунктами этого хошўна считаются: на востокѣ — земли почтовой станціи Цзалāту, а на сѣверо-востокѣ урочище Цзáкъусў, располагающееся также при почтовомъ трактѣ. На всемъ этомъ пространствѣ хошўнъ Цэбэ́къ-цзасакà граничитъ съ хошўномъ цзасакà Цэва́на. Самымъ южнымъ пограничнымъ пунктомъ хошўна является урочище Цабчѝръ; на юго-востокѣ таковыми же представляются земли почтовой станціи Хацзабчѝ и на юго-западѣ — урочище Хада́нь-усў. Такимъ образомъ на всемъ протяженіи своихъ южныхъ предѣловъ хошўнъ цзасакà Цэбэ́ка ограничивается землями Мэргэ́нъ ва́на, подходя только юго-восточнымъ своимъ угломъ къ алтайской почтовой дорогѣ и юго-западнымъ — къ владѣніямъ Гоби́йнъ-да̀-тўшэ́-гу́на. Тотъ же хошўнъ Гоби́нъ-да̀-тўшэ́-гу́на ограничиваетъ земли Цэбэ́ка и на всемъ протяженіи его западной стороны, окрайнымъ пунктомъ коей является урочище Улāнъ-цицѝкъ-усў, а на сѣверо-западѣ мѣстность Нарѝнъ-булàкъ. На сѣверѣ хошўнъ этотъ доходитъ до урочища Тахильга̀ту ўндўръ и здѣсь онъ соприкасается съ кочевьями Уйцза̀нъ-цзасакà. Ставка цзасакà Цэбэ́ка располагается верстахъ въ 60 къ юго-западу отъ станціи Арба̀нъ-на́йма, не подалеку отъ горъ Гурба̀нъ-харгатў обō; здѣсь находится и главный монастырь этого хошўна, считающійся главнымъ впрочемъ только потому, что это монастырь княжескій; но по количеству ламъ, обширности и, главное, серіозности постановки дѣла религіознаго ученія въ этомъ хошўнѣ считается «Олòнъ-худугы́йнъ сўмэ́», отстоящее верстахъ въ 20 на юго-западъ отъ станціи Арба̀нъ-на́йма. Здѣсь преподается цанѝтъ, почему и самый монастырь этотъ болѣе извѣстенъ подъ именемъ «сургулы́йн гацза̀ръ». Изъ другихъ важнѣйшихъ мѣстъ хошўна, какъ болѣе замѣчательныя мнѣ называли: Сўмэ́ ўла и Субургатў ўла, находящіяся въ южной оконечности хошўнныхъ земель, и Тахильга̀ту ўндўръ, при которомъ воздвигнуто столовое обō и небольшое сўмэ́.

Кочевья цзасакà Цэбэ́ка отъ станціи Арба́нъ-на́йма протягиваются собственно на пространствѣ трехъ станцій: Цзалāту,

Цзо̄бо̄ри и Боро̀ обо̄, имена которыхъ о. Палладій по китайскому произношенію транскрибируетъ какъ Чжалату, Чжубури и Боро-обо. Въ общемъ весь этотъ участокъ представляетъ равнину, мѣстами покрытую сплошными пространствами песку и лишенными всякой растительности, мѣстами усѣянную галькой, мѣстами представляющую большія глинистыя площади, на которыхъ въ весеннее время обыкновенно скопляются лужи дождевой воды, въ лѣтнюю же пору, когда вода изсыхаетъ, всѣ эти мѣста по большей части лишены всякой растительности и образуютъ гладкую, перетрескавшуюся въ различныхъ направленіяхъ поверхность. Травка зеленѣетъ лишь тамъ, гдѣ болѣе долго задерживается вода, тутъ же у водяныхъ скопищъ всегда бродитъ и масса разнаго рода мелкой болотной дичи.

У станціи Боро̀ обо̄ (22-го Мая) проходитъ граница хошӯна цзасака̀ Цэбэ́ка и дорога на дальнѣйшемъ протяженіи пролегаетъ уже исключительно по кочевьямъ данниковъ цзасака̀ Цэва́на, о которыхъ мы уже замѣчали выше. Начинаясь отъ станціи Арба́нъ-на́йма, кочевья эти располагаются по восточную сторону дороги и являются нѣсколько длиннѣе Цэбэ́ковыхъ, протягиваясь до станціи Хуту̀ль доло̄нъ. Встарину эти кочевья входили также въ составъ мэргэ́нъ-ва́новскаго хошӯна, но они отдѣлились въ самостоятельное вѣдомство почти въ пору подданства халхасовъ Китаю. Родоначальникомъ правителей этого хошӯна былъ цзаса̀къ Цэрэ́нъ, который приходился двоюроднымъ братомъ предка мэргэ́нъ-ва́новъ Гуру́шики. Цэрэ́нъ поддался маньчжурамъ вмѣстѣ съ прочими халхасами въ 1688 году и на Доло̄нъ но̄рскомъ сеймѣ 1691 года былъ возведенъ въ званіе та́йчжія 1-й степени и утвержденъ самостоятельнымъ цзасако̀мъ. Вслѣдъ за симъ, по волѣ богдохана, Цэрэ́нъ долженъ былъ выбрать изъ числа своихъ данниковъ 500 человѣкъ и идти вмѣстѣ съ Гуру́шики на развѣдки о Галданѣ, правителемъ же хошӯна въ это время былъ оставленъ сынъ Цэрэ́на — Ооба̀. Въ 1696 г., когда Цэрэ́нъ умеръ, Ооба̀ былъ возведенъ въ та́йчжи 1-й степени и наслѣдовалъ управленіе хошӯномъ. Впрочемъ о правителяхъ этого хо-

шӯна слѣдуетъ замѣтить вообще, что они ничѣмъ не отличались за все время своего пребыванія въ маньчжурскомъ подданствѣ и не получали никакихъ особыхъ назначеній отъ богдоханскаго правительства, помимо лишь отправленія обязанностей цзасакà. Такимъ образомъ правилъ Ооба, умершій въ 1714 году; ему наслѣдовалъ старшій сынъ его Цзотба, который въ 1730 году былъ удаленъ отъ своей должности по преклонности лѣтъ; послѣ него управленіе хошӯномъ послѣдовательно переходило къ двумъ сыновьямъ его: сначала къ старшему Рабтáну, умершему въ томъ же 1730-мъ году, а потомъ къ младшему Ванбò-дорджѝ, утвержденному въ должности цзасакà въ 1731 году. Ванбò-дорджѝ правилъ до 1759 года, когда былъ смѣненъ, по причинѣ болѣзни, сыномъ своимъ Дондӯбъ-дорджѝемъ. Послѣдній умеръ въ 1783 г. и тогда наслѣдство его власти перешло къ сыну его Мáйдарычжáбу, правившему до 1829 года. Ему наслѣдовалъ въ томъ же году сынъ его Шакдӯръ-чжáбъ, по смерти котораго управленіе хошӯномъ перешло къ сыну его Цэванъ-чжáбу, именуемому въ просторѣчіи Цэванъ-цзасакòмъ.

Хошӯнъ Цэванъ-цзасакà хотя и протягивается по алтайской почтовой дорогѣ длиннѣе хошӯна Цэбэ́кова, однако въ общемъ онъ значительно меньше сего послѣдняго, ибо протяженіе его съ запада на востокъ значительно меньшее. Крайними пограничными пунктами хошӯна цзасакà Цэвáна считаются: на востокѣ—урочище Цзàкъ-усӯ; на югѣ—урочище Хашāту; на сѣверо-востокѣ—урочище Багà-хатàй, и на юго-востокѣ—урочище Цагāнъ-хадá. Во всѣхъ этихъ пунктахъ, какъ и вообще съ восточной и южной сторонъ, земли цзасакà Цэвáна соприкасаются Мэргэ́нъ-вáновскому хошӯну. Крайнимъ западнымъ пунктомъ этого хошӯна являются земли почтовой станціи Цзōбōри, у которой, равно какъ и въ юго-западномъ своемъ углу, у станціи Хацзабчѝ, кочевья Цэвáна прилегаютъ къ хошӯну Цэбэ́къ-цзасакà; наконецъ на сѣверѣ, у горы Шибэ̄-тологòй, и на сѣверо-западѣ, у станціи Хутӯль-долōнъ, хошӯнъ этотъ граничитъ съ землями Уйцзàнъ-цзасакà, въ просторѣчіи болѣе часто называемаго Уйцзàнъ-

гу́номъ. Кочевья цзасака̀ Цэва́на, какъ уже было сказано, очень не велики и данники его выставляютъ только одинъ эскадронъ солдатъ. Ставка самаго цзасака̀, сколько могъ я разузнать то отъ мѣстныхъ монголовъ, располагается верстахъ въ 45, или 50, къ востоку отъ станціи Боро̀ обо̄, у горнаго кряжа Ашигійнъ чулӯ; при ней, конечно, находится и хошӯнный монастырь. Другое извѣстное мнѣ сумэ́ этого хошӯна стоитъ верстахъ въ 10 къ востоку отъ станціи Цзала̄ту.

Тянущаяся по кочевьямъ цзасака̀ Цэва̀на дорога алтайскаго почтоваго тракта отъ станціи Боро̀ обо̄ до станка Хуту̀ль-долбнъ по большей части ровная съ твердымъ песчанымъ грунтомъ; на половинѣ дороги имѣется здѣсь большой колодезь съ очень хорошею водою, которому монголы и придали за то соотвѣтствующее имя, назвавъ его Цзога̀, что значитъ—удовольствіе. У станціи Хуту̀ль долбнъ начинаются кочевья праваго послѣдняго знамени лѣваго крыла, въ просторѣчіи называемаго хошӯномъ Уйцза̀нъ-цзасака̀.

Правители этого хошӯна ведутъ свое происхожденіе отъ цзасака̀ Гаймцу́ка, который приходился двоюроднымъ братомъ предку мэргэ́нъ-ва́новъ Гуру́шики и, до времени подданства маньчжурамъ, состоялъ въ вѣдѣніи сего послѣдняго. Въ эпоху набѣговъ Галда́на-бошокту̀ князья этого хошӯна больше всѣхъ другихъ доставляли безпокойства маньчжурамъ. Принявъ подданство вмѣстѣ съ другими халхасами въ 1688 году, Гаймцу́къ вслѣдъ за симъ предъявилъ искъ сначала противъ роднаго брата своего Намчжа̀ла, который якобы овладѣлъ частью его данниковъ, а потомъ возбудилъ такое же дѣло противъ Гуру́шики, обвиняя его также точно въ присвоеніи себѣ 13-ти семей изъ числа данниковъ его, Гаймцу́ка. Произведенное слѣдствіе выяснило справедливость этого иска и богдоханъ удовлетворилъ просьбу Гаймцу́ка, приказавъ Гуру́шики возвратить захваченныя имъ семьи. На долбнъ-норскомъ сеймѣ Гаймцу́къ не былъ утвержденъ цзасако̀мъ и остался въ прежней зависимости отъ мэргэ́нъ-ва́на Гуру́шики. Въ 1695 году Гаймцу́къ сопутствовалъ великой маньчжурской арміи въ походѣ на Галда́на и въ эту пору

данники его особливо отличились въ умѣньи разыскивать колодцы, въ военномъ же отношеніи они оказали услугу тѣмъ, что захватили въ плѣнъ болѣе 100 семей данниковъ тайчжи Цэрэ́на, единомышленника Галда́нова. Въ 1696 году, когда халхасы получили позволеніе возвратиться изъ южной Монголіи въ родныя кочевья, Канси, зная о несогласіяхъ Гаймцу́ка съ Гуру́шики и, предвидя возникновеніе отсюда новыхъ смутъ въ хошу́нахъ, приказалъ отдѣлить Гаймцу́ка отъ Гуру́шики и, составивъ изъ его данниковъ отдѣльный хошу́нъ, назначилъ правителемъ этого хошу́на Гаймцу́ка, возведя его въ званіе та́йчжи 1-й степени. Умеръ Гаймцу́къ въ 1705 году.

Преемники его должности и званія не сдѣлали ровно ничего замѣчательнаго въ исторіи Монголіи и даже не отправляли никакой службы маньчжурамъ, помимо лишь исполненія обязанностей цзасака̀. Таковы были прежде всего сынъ Гаймцу́ка Намчжа̀лъ, правившій отъ 1705 по 1716 годъ; потомъ сынъ Намчжа̀ла Цэрэ́нъ-ваншу́къ, бывшій цзасако̀мъ съ 1716 по 1757 годъ; далѣе сынъ Ваншука — Тамари́нъ-чжа́бъ, правившій отъ 1757 по 1772 годъ и отличенный богдоханомъ пожалованіемъ павлинова̀го пера только за то, что въ 1765 году онъ сопутствовалъ его величеству при поѣздкѣ на охоту въ Жэ-хо. Преемникъ Тамари́нъ-чжа́ба, старшій сынъ его Урчжа̀нъ-чжа́бъ, будучи утвержденъ цзасако̀мъ въ 1772 году, былъ замѣченъ тѣмъ, что въ 1782 году богдоханское правительство устранило его отъ означенной должности за укрывательство дѣла о покражѣ лошадей и за пристрастный судъ по этому дѣлу. Какимъ образомъ управлялся затѣмъ этотъ хошу́нъ, мы не можемъ сказать, по недостатку объ этомъ обстоятельныхъ свѣдѣній; но несомнѣнно, что Урчжа̀нъ-чжа́бъ былъ признанъ снова маньчжурами въ званіи цзасака̀ не ранѣе 1792 года. Преемникомъ его былъ сынъ его Дондо́бъ-дорджи́, а этому послѣднему въ 1828 году наслѣдовалъ сынъ его Эри́нъ дорчжи́, въ 1829 году получившій отъ богдохана павлиновое перо на шляпу. Позднѣйшіе правители этого хошу́на намъ не извѣстны.

Хошӯнъ Уйцзàнъ-цзасакà, согласно существующимъ о немъ постановленіямъ, долженъ выставлять 5 эскадроновъ латниковъ и слѣдовательно въ отношеніи численности своего населенія, равно какъ и по обширности своихъ пространствъ, является третьимъ въ средѣ хошӯновъ тушѣ̄ту-хāновскаго а́ймака. Кочевья этого хошӯна располагаются собственно къ востоку отъ большаго, почтоваго алтайскаго тракта, соединяющаго Калганъ и Улясутай, соприкасаясь этому тракту своими западными границами на пространствѣ отъ станціи Хутӯль-долōнъ черезъ Са́иръ-усӯ, Модòнъ, Хабиргàнъ, Шубӯту, Лӯсъ и Чжирѝмъ, а на востокѣ доходя до границъ Сэцэ́нъ-хāновскаго а́ймака. Съ юга на сѣверъ по кочевьямъ этого хошӯна проходитъ большой почтовый трактъ отъ Са́иръ-усӯ на Ургу и въ предѣлахъ его заключаются слѣдующія станціи этого тракта: Сологòй, Баѝнъ-хошӯ, Бортогà, Тӯгӯрѝкъ, Модòнъ и Нараѝнъ. Въ частности крайніе предѣлы этого хошӯна составляютъ: на востокѣ — урочище Ихэ́-гацзàръ-ачитӯ-улāнъ, пограничное и для тушѣ̄ту-хāновскаго а́ймака съ сэцэ́нъ-хāновскимъ; на югѣ — горы Шибэ̄ту, гдѣ земли Уйцзàнъ-цзасакà сходятся съ кочевьями данниковъ цзасакà Цэва́на; на западѣ — урочище Булага́нь-сӯчжи, пограничное съ кочевьями Гоби́йнъ-да́-тӯшѣ̄-гӯна; на сѣверѣ — гора Буюнь-кӯй, гдѣ этотъ хошӯнъ соприкасается съ границами земель праваго знамени центра и праваго послѣдняго знамени центра; на сѣверо-востокѣ — урочище Сангѝйнъ-далàй, пограничное съ а́ймакомъ Сэцэ́нъ-хāна; на сѣверо-западѣ рѣчка Хатàнь-усӯ и на юго-западѣ — земли почтовой станціи Хутӯль долōнъ. Въ настоящемъ случаѣ, какъ и въ другихъ сему подобныхъ, я представляю по 8 пунктовъ для показанія границъ хошӯна согласно тому, какъ практикуется это въ китайскихъ географическихъ сочиненіяхъ о Монголіи; но у самихъ монголовъ границы хошӯновъ опредѣляются гораздо точнѣе. Пограничныя обō, отдѣляющія одинъ а́ймакъ, или одинъ хошӯнъ отъ другаго, ставятся чуть ни на разстояніи каждыхъ пяти верстъ; границы эти строго охраняются особыми караульными, а для наблюденія за этими караульными въ каждомъ хошӯнѣ по-

граничная линія раздѣляется на участки, состоящіе въ управленіи цзангйновъ. Проѣзжая по кочевьямъ Уйцзàнъ-цзасакà, я имѣлъ случай познакомиться съ цзангйномъ, завѣдующимъ охраною восточныхъ границъ хошӯна и получить отъ него списокъ всѣхъ, состоящихъ въ его вѣдѣніи пограничныхъ обō, а слѣдовательно и списокъ всѣхъ урочищъ, оффиціально признаваемыхъ за восточную границу хошӯна. Вотъ эти урочища и обō: 1) Сангійнъ далàйнъ усунй обō; 2) Хачжӯ усунй цзӯнъ эмӯнэхй бичихàнъ улāнъ тологòй обō; 3) Эрхэтэ́йнъ бичихàнъ улāнъ тологòйнъ обō; 4) Хочжйсъ усӯ; 5) Сӯчжи усӯ; 6) Бичихàнъ хӯрэ̄нъ обō; 7) Цзӯнъ бичихàнъ-борò хошӯ; 8) Мӯ хабцагàйнъ обō; 9) Талà-булàкъ; 10) Харà гучжирыйнъ улāнъ тобоцòкъ; 11) Цзӯнъ-цабчйръ-усӯ; 12) Байнъ цзӯрӯхэ́йнъ обō; 13) Ирӯльгэ́ ӯлайнъ обō; 14) Арӯ булàкъ; 15) Ацàлъ-ӯла; 16) И-цйнъ обō; 17) Улāнъ обō; 18) Ӯла обō; 19) Мӯ цӧкō; 20) Вачйръ-воорту; 21) Харà обō; 22) Хӯбӯнэй обō; 23) Ӱндӯръ-тологóйнъ обō; 24) Талàйнъ-обō; 25) Талàйнъ сáйнъ сэнчжй обō; 26) Хатӯйнъ хӯхэ́-обō 27) Хатӯйнъ орòйнъ обō; 28) Хатӯйнъ убӯръ орòйнъ-обō и 29) Хадатӯ ӯла.

Первая встрѣчающаяся въ кочевьяхъ Уйцзàнъ-цзасакà по почтовой дорогѣ станція Сáиръ-усӯ (дневникъ 23-го Мая) считается первоклассным станкомъ на всемъ алтайскомъ трактѣ. Въ дневникѣ о. Палладія объясняется вкратцѣ, что здѣсь имѣетъ свою резиденцію и-чжуань-дао, т. е. главный смотритель почтовыхъ станцій; но эта краткость замѣтки можетъ повести къ нѣкоторому недоразумѣнію. Легко подумать, что и-чжуань-дао вѣдаетъ всѣ станціи алтайскаго тракта, хотя это на дѣлѣ не такъ. И-чжуань-дао, болѣе извѣстный у монголовъ подъ именемъ «цзаргучея», управляетъ только двадцать одною станціею, изъ коихъ десять располагаются къ югу отъ Сáйръ-усӯ въ направленіи къ Калгану, а десять находятся на сѣверо-западъ отсюда, собственно по калганско-улясутайскому тракту. Кромѣ сего у Сáйръ-усӯ отъ алтайскаго почтоваго тракта отдѣляется еще дорога на Ургу, но станціи этой дороги уже не подвѣдомственны и-чжуань-дао,

но, какъ содержимыя исключительно на счетъ халхасовъ тушѣту-ха̄новскаго и сэцэ̀нъ-ха̄новскаго а́ймаковъ, состоятъ въ верховномъ управленіи монгольскаго ургинскаго амба̀ня, а для непосредственнаго завѣдыванія ими назначается особый чиновникъ изъ халхаскихъ та́йчжіевъ съ званіемъ туса́лакчи. Такимъ образомъ значеніе са́йръ-усу̀'скаго цзаргучѐя, какъ смотрителя станцій, очень не велико; но оно усиливается тѣмъ, что на ряду съ завѣдываніемъ станціями онъ завѣдуетъ еще казенными табунами. Выше мы уже неоднократно упоминали, что почтовыя станціи ежегодно получаютъ вспомоществованіе изъ казенныхъ табуновъ, по два верблюда каждая. Эти-то казенные табуны и пасутся въ районѣ урочища Са́йръ-усу̀. Зная такой порядокъ вещей, я ожидалъ встрѣтить въ Са́йръ-усу̀ тучныя пастбища, но каково же было мое удивленіе, когда, подобно о. Палладію, я также увидалъ, что мѣстность Са́йръ-усу̀, какъ и предшествовавшія ей урочища, имѣетъ самый печальный и пустынный характеръ. За исключеніемъ протягивающейся на юго-западѣ невысокой грядки горъ, именуемыхъ Нэмихэ̀, кругомъ представляется здѣсь песчаная равнина, лишенная всякой растительности; только мѣстами торчатъ по ней груды бѣлаго кварца или высовываются темные пласты сланца. Ближе къ горамъ растутъ кусты хараганы̀, но и отъ нихъ видны только верхушки, потому что у каждаго изъ нихъ навѣяны вѣтромъ цѣлыя груды песку. По распросамъ оказалось однако, что такова только именно са́йръ-усу̀'ская равнина, къ западу же отсюда залегаютъ травянистыя и богатыя мѣста, на которыхъ привольно пасутся содержимые при станціи табуны. Мало того, долины въ окрестностяхъ Са́йръ-усу̀ на столько хороши и богаты водою, что на нихъ постоянно и съ удобствомъ кочуютъ монголы. Наконецъ, не дальше какъ года за три, четыре передъ симъ, верстахъ въ 20-ти отъ Са́йръ-усу̀, въ урочищѣ Хара̀-нидӯнъ, проживало въ теченіе почти цѣлаго года около 1000 китайскихъ солдатъ, высланныхъ съ юга для охраны степей отъ набѣговъ хой-хой'цевъ. Это, конечно, показываетъ уже, что описываемыя мѣста далеко нельзя назвать пустынными.

За станціею Са́йръ-усу̀ дорога въ Ургу принимаетъ направленіе почти прямо на сѣверъ, причемъ и внѣшній видъ ея мало по малу начинаетъ измѣняться. Уже за станціею Сӯчжи, по дорогѣ къ Сологòй (дневникъ 24-го Мая), степь все болѣе и болѣе начинаетъ волноваться и такого рода мѣста кочующіе здѣсь монголы называютъ преддверіемъ Хангàя. Миновавъ станцію Сологòй, дорога вступаетъ уже прямо въ рядъ холмовъ; повсюду сланецъ и только на вершинахъ холмовъ торчатъ голыя скалы порфира. Изъ среды этихъ холмовъ обращаетъ на себя вниманіе возвышающаяся къ западу отъ дороги Харгату̀ хадà, по ту сторону которой, какъ сообщали мнѣ проводники, находится урочище съ историческимъ памятникомъ, извѣстнымъ подъ именемъ «Чингисы́йнъ пайцзатàй чулӯ». Это якобы большой камень, на которомъ изсѣчена надпись письмомъ, похожимъ на монгольское. Если памятникъ этотъ дѣйствительно относится ко временамъ Чингиса, то, конечно, онъ начертанъ уйгурскимъ алфавитомъ. Далѣе за холмами мѣстность становится ровнѣе, но вмѣстѣ съ симъ начинаютъ попадаться озера. На половинѣ пути къ слѣдующей станціи Байнъ бильгэ́хъ дорога проходитъ почти мимо озера Харà-усу̀, за нимъ къ сѣверу̀ уже по лѣвую, западную сторону дороги находятся озера Онисуту̀-усу̀, Ару̀-усу́ и Гашӯнъ. О. Палладій не упоминаетъ объ этихъ озерахъ, вѣроятно, по той причинѣ, что его везли иною тропою. Необходимо, помнить, что путь отъ одной станціи до другой весьма часто имѣетъ здѣсь нѣсколько тропъ, тянущихся на разстояніи двухъ, трехъ верстъ одна отъ другой; весьма естественно, что о. Палладія везли восточнѣе насъ и помянутыя озера остались ему неизвѣстны. Станція Байнъ-бильгэ́хъ имѣетъ весьма красивое мѣстоположеніе и особливо величественною представляется здѣсь горная цѣпь, тянущаяся къ сѣверо-западу отъ станка, которую монголы называли мнѣ именемъ Ганьчжирлы́нъ. Впрочемъ, оставивъ эту цѣпь позади, путешественнику опять приходится видѣть передъ собою безконечную равнину, какъ будто нарочно усыпанную галькой, хотя общее впечатлѣніе этой равнины все же несрав-

нимо съ впечатлѣніемъ отъ пустынныхъ гобійскихъ равнинъ, ибо, не смотря на обиліе камней, цвѣтъ степи въ этихъ мѣстахъ въ общемъ представляется зеленымъ и, глядя впередъ издали, кажется, что вотъ вотъ въѣдешь въ широкій лугъ. Такова дорога къ станціи Байнъ-хошӯ (дневникъ 25-го Мая) и еще далѣе къ станціи Борò-дагā, имя которой о. Палладій по китайскимъ іероглифамъ транскрибируетъ въ формѣ Бордаханъ, а г. Бретшнейдеръ на своей картѣ почему-то называетъ Боро-буринъ. Верстахъ въ 15-ти къ востоку отъ этой станціи Борò-дагā, или Боро-дагāнъ, находится я́мунь Уйцзàнъ-цзасакà, или, что то же,— главное управленіе этого хошӯна. Не подалеку отъ этого управленія находится и княжескій хошӯнный хӯрē, или монастырь, и, что особенно замѣчательно, здѣсь якобы устроено еще и зданіе острога, на сколько мнѣ извѣстно, единственное во всей Монгольской степи, за исключеніемъ, конечно, тюремъ, содержимыхъ, по указаніямъ китайскаго правительства, въ городахъ. Слѣдующая за симъ станція Тóйримъ производитъ обыкновенно отрадное впечатлѣніе тѣмъ, что здѣсь встрѣчается небольшая деревянная кумиренка. Это чуть-ли ни единственное общественное зданіе, встрѣчающееся по дорогѣ въ хошӯнѣ Уйцзàнъ-цзасакà, и за исключеніемъ этой кумирни, ни хотòновъ, ни даже отдѣльныхъ юртъ въ этихъ мѣстахъ не попадается вовсе, по крайней мѣрѣ на протяженіи десяти и даже двѣнадцати станцій. Впрочемъ, въ пору моего проѣзда, Тóйримская кумирня оказалась также пустынной, такъ какъ причисляющіеся къ ней ламы не живутъ при ней постоянно, а проводятъ весь годъ въ а́иляхъ, въ удаленіи отъ своего монастыря иногда верстъ на 50 и больше. Для совершенія хурàл'овъ они собираются къ кумирнѣ только дважды въ годъ, именно: въ Цагāнъ-сарà и въ девятой лунѣ. Въ это условленное обычаемъ время ламъ сходится человѣкъ до пятидесяти и они проживаютъ при кумирнѣ отъ десяти до пятнадцати дней. Для помѣщенія ихъ, или по крайней мѣрѣ болѣе почтенныхъ изъ нихъ, при кумирнѣ устроенъ глинобитный ба́йшинъ, обыкновенной китайской архитектуры; въ теченіе года въ немъ лежатъ

обычно необходимыя ламскія принадлежности хурàл'овъ, а равно и хранятся приношенія благочестивыхъ поклонниковъ. Приношенія эти не прерываются въ теченіе цѣлаго года, не смотря на отсутствіе отъ кумирни ламъ, и служатъ при собраніи ихъ къ хурàламъ средствомъ для необходимыхъ при совершеніи хурàловъ расходовъ; остатки же идутъ въ раздѣлъ между служащими. Какъ это ни странно, но въ дневникѣ моемъ вовсе нѣтъ упоминанія о томъ озерѣ, которое видѣлъ здѣсь о. Палладій. Можетъ быть въ мою пору оно уже изсохло, а можетъ быть и станція Тóйримъ находилась въ мою пору уже на другомъ мѣстѣ. Относительно мѣстности, на которой располагается станція Тóйримъ, проводники сообщали мнѣ только, что вообще она не считается особенно здоровою и это главнымъ образомъ потому, что въ окрестностяхъ ея находится много торфяныхъ болотъ.

Переѣздъ отъ Тóйрима къ слѣдующей станціи Модòнъ былъ совершенъ о. Палладіемъ почти ночью, отчего у него и является сравнительно весьма не много свѣдѣній объ этомъ участкѣ, хотя онъ представляется довольно интереснымъ. Миновавъ два перевала черезъ отроги кряжа Модòнъ, располагающагося непосредственно къ сѣверу отъ станціи Тóйримъ, дорога вступаетъ въ равнину, на западной оконечности которой залегаетъ озеро Эмтỳ усỳ, дающее отъ себя названіе и всему окрестному урочищу. Послѣднее замѣчательно своими довольно богатыми залежами каменнаго угля, главная масса коихъ находится къ западу отъ озера, въ направленіи къ высоко вздымающимся горамъ. Сѣверная цѣпь этихъ горъ называется Йэхэ́-дэльгэ́ръ, а южная—Багà-дэльгэ́ръ, въ неширокой же долинѣ между ними воздвигнута кумирня одного изъ сумỳновъ хошỹна Уйцзàнъ-цзасакà, извѣстная подъ именемъ «Хоринтỳ сỹмэ́», или болѣе полно, «Хорѝнъ ламанары́инъ сỹмэ́». По самой дорогѣ равнина, усѣянная галькой и мелкимъ гранитомъ, приводитъ къ станціи Модòнъ (дневникъ 26 мая), у которой также болѣе замѣчательны окрестности, чѣмъ самое урочище станціи. Такъ верстахъ въ 20-ти къ западу отсюда находится довольно большой монастырь, называющійся Тубдàнъ-

ша́тдубли́нъ. Число ламъ, постоянно живущихъ въ этомъ монастырѣ, превышаетъ сотню, кромѣ же того въ немъ имѣетъ свою резиденцію какой-то хутухта̀, почему и самый монастырь этотъ носитъ въ устахъ нѣкоторыхъ имя «Гэгэ́нэй сӳмэ́». Къ востоку отъ станціи въ растояніи не свыше десяти верстъ находится также небольшой хӳрѣнь, называющійся Туригі́йнъ сӳмэ́, но, кажется, онъ такой же необитаемый, какъ и на ст. Тӧ́римъ.

Станціею Модо̀нъ нѣкоторые изъ монголовъ полагаютъ сѣверную границу Гоби, другіе же относятъ эту границу еще на два переѣзда къ сѣверу, на станцію Тала̀ була̀къ. Сказать, какое изъ этихъ опредѣленій вѣрнѣе, довольно трудно; достовѣрно только, что сѣвернѣе Модо̀на степь дѣлается уже положительно зеленой. Верстахъ въ 8 къ слѣдующей станціи Нара̀нъ попадается небольшое озерко Бильги́хъ усӳ, а отъ него верстахъ въ четырехъ такое же озерко Тӳгӳри́къ усӳ. На половинѣ разстоянія между станціями мое вниманіе привлекла къ себѣ довольно высокая каменная плита, поставленная ребромъ. Находившіеся при мнѣ проводники объясняли мнѣ, что этимъ камнемъ отмѣчено половинное разстояніе дороги между станками и что поставленъ онъ именно въ то время, когда учреждались здѣсь почтовыя станціи. Исторически мы знаемъ, конечно, что у китайцевъ всегда было въ обычаѣ, при проведеніи дорогъ, обозначать направленіе ихъ камнями; однако въ данномъ случаѣ мнѣ пришлось усумниться въ этомъ объясненіи. Я началъ присматриваться къ мѣстности и дѣйствительно скоро увидалъ здѣсь массу хэрэксӳровъ, или древнихъ могилъ, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ степи. Форма ихъ въ этой мѣстности весьма не прихотливая: это продолговатыя, четырехугольныя насыпи, огражденныя съ четырехъ сторонъ каменными плитами; ни центральныхъ, ни боковыхъ и лучеобразныхъ насыпей у нихъ обыкновенно не имѣется. Къ числу такихъ же плитъ мнѣ показалось необходимымъ причесть и вышепомянутый, стоящій на половинѣ дороги камень. Что касается самыхъ хэрэксӳровъ, то они, по разказамъ монголовъ, тянутся отсюда почти непрерывною линіею къ сѣверо-востоку,

переходя за Кэрӯлэнъ и направляясь оттуда еще далѣе на сѣверо-востокъ къ теченію р. Онона. Верстахъ въ 3-хъ, 4-хъ отъ этого, стоящаго якобы на половинѣ разстоянія между станціями камня, почтовая дорога пересѣкается не менѣе ея торнымъ и широкимъ трактомъ, тянущимся съ юго-востока, а отъ линіи перекрестка направляющимся прямо на западъ. Дорога эта называется лóшарской и служитъ торговымъ путемъ, по которому китайцы, лао-сӣры ѣздятъ съ своими караванами изъ Калгана въ Улясутай. По почтовому тракту на Ургу отсюда начинается невысокій и весьма отлогій перевалъ, за которымъ располагается станція Нарàнъ. Эта послѣдняя раскинулась на довольно красивой равнинѣ, посреди коей лежитъ небольшое соляное озеро. Названіе свое станція заимствовала отъ трехъ конусообразныхъ холмовъ, стоящихъ неподалеку отъ станціонныхъ юртъ и окаймляющихъ долину, на которой располается ӧртӧ, съ юга. По сѣверной сторонѣ этихъ холмовъ, въ направленіи къ западу, проходитъ небольшая проселочная дорога, которая, говорятъ, ведетъ въ монастырь Цзоотӯйнъ сӯмэ́, принадлежащій также хошӯну Уйцзàнъ-цзасакà и стоящій верстахъ въ 35-ти отъ станціи Нарàнъ въ долинѣ между горами Йэхэ́-адацàкъ и Багà-адацàкъ.

Станція Нарàнъ—послѣдняя въ хошӯнѣ Уйцзàнъ-цзасакà и, миновавъ ее, дорога на половинѣ разстоянія къ слѣдующей станціи вступаетъ въ предѣлы кочевьевъ центральнаго знамени корпуса тушѣту хāна. Я отмѣчаю хошӯны этими малоупотребительными оффиціальными названіями по той причинѣ, что пользоваться для сего обычнымъ способомъ монголовъ, т. е. различать хошӯны одними только именами цзасакòвъ, въ сущности почти невозможно по чрезвычайной эластичности такого рода названій. Въ самомъ дѣлѣ, беремъ для примѣра хотя настоящій хошӯнъ. Въ пору проѣзда о. Палладія имъ управлялъ цзасàкъ Дэлэ́къ-дорджѝ и, по китайскому образцу, халхасы называли это княжество хошӯномъ Дэ-бэ́йсэ; въ мое время тѣмъ же хошӯномъ управлялъ сынъ помянутаго Дэлэ́къ-дорджѝ — Намчжàлъ и хошӯнъ назывался хошӯномъ На-бэ́йсэ. Этотъ На-бэ́йсэ умеръ въ

1882 году и какъ зовутъ его преемника, а равно и какъ именуется теперь этотъ хошӯнъ — мнѣ не извѣстно.

О правителяхъ этого хошӯна мы знаемъ, что основнымъ своимъ предкомъ они почитаютъ Галда́нъ-доржі'я, старшаго сына тушѣту-ха̄на Чахӯнь-дорджѝ. Галда́нъ-доржѝ былъ объявленъ маньчжурами самостоятельнымъ цзасако̀мъ еще до времени подданства халхасовъ и именно на хӯрѣнь-бэльчѝр'скомъ сеймѣ 1686-го года. Въ эпоху перваго нашествія Галда́на-бошокту̀, Галда́нъ-дорджѝ первый изъ цзасако̀въ тушѣту-ха̄новскаго а́ймака вступилъ въ сраженіе съ о̄лёотами, но, будучи разбитъ, принужденъ былъ уклониться на югъ и въ 1688 году, вмѣстѣ съ другими халхасами, призналъ надъ собою власть маньчжуровъ. На долбнъ-нбрскомъ съѣздѣ 1691 года Галда́нъ-дорджѝ былъ утвержденъ въ званіи хэ-цзюнь-ва́на, а въ слѣдующемъ 1692 г. онъ скончался, послѣ чего управленіе его хошӯномъ перешло къ старшему сыну его Дондо̀бъ-доржі'ю.

Дондо̀бъ-дорджѝ, утвержденный въ званіи хэ-цзюнь-ва́на въ томъ же 1692 году, въ періодъ проживанія халхасовъ въ кочевьяхъ южныхъ монголовъ, постоянно представлялся богдохану. Такъ, въ 1695 г. онъ имѣлъ аудіенцію въ Пекинѣ; въ 1696 г. сопутствовалъ богдохану въ Хӯхӯ хото̀; въ 1697 г. Канси выдалъ за Дондо̀бъ-доржі'я свою дочь и такимъ образомъ сдѣлалъ его своимъ зятемъ. Все это дѣлалось, конечно, въ виду того, что Дондо̀бъ-дорджѝ являлся тогда старѣйшимъ въ родѣ тушѣту-ха̄новъ и былъ первымъ кандидатомъ на тушѣту-ха̄нство. Когда въ 1699 году умеръ тушѣту-ха̄нъ Чахӯнь-дорджѝ, Дондо̀бъ-дорджѝ былъ, дѣйствительно, въ томъ же году возведенъ въ цинь-ва́ны и провозглашенъ тушѣту-ха̄номъ; впрочемъ не далѣе какъ въ 1702 году онъ совершилъ какой-то проступокъ, которымъ унизилъ званіе тушѣту-ха̄на, почему и былъ разжалованъ маньчжурами въ свой старый титулъ хэ-цзюнь-ва́на съ возвращеніемъ въ прежній хошӯнъ. Послѣ сего Дондо̀бъ-дорджѝ въ теченіе пяти лѣтъ находился въ своемъ хошӯнѣ, не имѣя никакой дѣятельности помимо обязанностей цзасака̀ и даже не представляясь

императору; только въ 1707-мъ году, когда Канси, выѣхавъ изъ Хара̀-хото̀, производилъ въ урочищѣ Дарчжѝ-гумдў смотръ цзасака̀мъ халхаскимъ, Дондо̀бъ-дорджію было позволено не только явиться на аудіенцію къ императору вмѣстѣ съ своей царственной супругой, но даже пригласить богдохана въ свою юрту. При этомъ посѣщеніи богдоханъ пожаловалъ Дондо̀бъ-дорджію въ подарокъ платье и нѣсколько кусковъ шелковыхъ матерій. Въ 1720 г. Дондо̀бъ-дорджѝ былъ командированъ вмѣстѣ съ маньчжурскими войсками подъ начальствомъ цзянь-цзюня Янь-син'я въ Тибетъ по случаю возникшихъ тамъ безпокойствъ и, прибывъ на мѣсто, отправлялъ тамъ дозорную службу. Въ 1723 году по возвращеніи изъ этого похода Дондо̀бъ-дорджѝ былъ снова возведенъ въ званіе хошо̀й-цинь-ва́на, а въ слѣдующемъ 1724-году у него родился сынъ, который былъ объявленъ вторымъ монгольскимъ хубилга̀номъ ургинскаго Чжэбцзў̄нъ-дамба̀-хутухты̀. Въ 1742 году Дондо̀бъ-дорджію было приказано отправиться въ Ургу, чтобы, вмѣстѣ съ тушѣ̄ту-ха̄номъ Дондàнъ-дорджіемъ, охранять благосостояніе хутухты; при исполненіи этихъ обязанностей онъ и умеръ въ 1744-мъ году.

Преемникомъ Дондо̀бъ-дорджія явился второй сынъ его Эринчѝнъ-дорджѝ, который еще въ 1742 году былъ пожалованъ адъютантомъ при воротахъ Цянь-цинъ-мынъ. Получивъ управленіе хошў̄номъ, Эринчѝнъ-дорджѝ наслѣдовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и хошо̀й-цинь-ва́н'ское званіе своего отца. Въ 1746 году богдоханъ поручилъ ему завѣдывать пограничными дѣлами съ Россіею, а въ 1748-мъ назначилъ туса́лакчи цзя̀нь-цзюнемъ тушѣ̄ту-ха̄новскаго а́ймака, послѣ чего Эринчѝнъ-дорджѝ долженъ былъ отправиться въ военный лагерь, располагавшійся въ ту пору на Тамѝрѣ. Въ слѣдующемъ 1749 году Эринчѝнъ-дорджѝ отъ имени всѣхъ халхаскихъ цзасако̀въ представилъ всеподданнѣйшій докладъ, по которому халхасы добровольно принимали на свой счетъ содержаніе находящихся въ Халхѣ почтовыхъ станцій. Въ 1755 г., при открытіи смутъ Дава́ци, Эринчѝнъ-дорджѝ сначала оказывалъ вспомоществованіе маньчжурамъ по сбору и покупкѣ

лошадей, необходимыхъ въ походѣ, а потомъ сторожилъ этотъ скотъ, откармливавшійся по р.р. Кунгэ́ю и Цзабха́ну. Зимою того же года онъ былъ утвержденъ въ должности хэбэ́й амба́ня тушэ̄ту-ха̄новскаго а́ймака и затѣмъ съ наступленіемъ 1756 года выступилъ въ походъ на усмиреніе Дава́ци. Извѣстно, что послѣ поимки Дава́ци Цянь-лунъ имѣлъ въ виду уничтожить самостоятельность Чжунгаріи и ввести здѣсь маньчжурское управленіе по тому образцу, какъ это было сдѣлано въ Монголіи. Съ этою цѣлью онъ, усмиривъ возстаніе, произведенное Дава́ци, отправилъ въ Чжунга́рію своего цзянь-цзюня Ба́ньди, а старѣйшаго изъ тогдашнихъ чжунгарскихъ князей Амурсану̀ назначилъ туса́лачки цзя̀нь-цзюнемъ чжунга́рскихъ а́ймаковъ. Но Амурсана̀, разсчитывая самому сдѣлаться чжунгарскимъ ха̄номъ, началъ распоряжаться именно въ этомъ направленіи; почему богдоханъ, прозрѣвая его намѣренія, тайно приказалъ Ба́ньди умертвить Амурсану̀. Ба́ньди, опасаясь силы чжунгаровъ, не рѣшился исполнить этого повелѣнія въ Чжунгаріи, а какъ, не задолго до этого времени, изъ Пекина было прислано приглашеніе Амурсанѐ явиться на высочайшую аудіенцію, то Ба́ньди составилъ планъ—убить Амурсану̀ на дорогѣ и съ этою цѣлью началъ торопить его отъѣздомъ. Въ провожатые Амурсанѐ была назначена почетная свита, а начальникомъ оной Эринчѝнъ-дорджѝ. Въ дорогѣ Амурсана̀, уже рѣшившій въ ту пору произвести возстаніе, бѣжалъ отъ рѣки Урунгу̀ и Эринчѝнъ-дорджѝ, надзору котораго онъ былъ порученъ, не только не могъ устеречь его, но даже и опоздалъ преслѣдованіемъ. За эту оплошность, послѣдствіемъ которой была цѣлая война Цянь-луна съ чжунгарами, Ли-фань-юань приговорилъ Эринчѝнъ-дорджѝ'я къ смертной казни, но богдоханъ смягчилъ это наказаніе и, вмѣсто публичной казни, приказалъ Эринчѝнъ-дорджѝ'ю принять ядъ дома.

Послѣ Эринчѝнъ-дорджѝя управленіе хошӯномъ перешло къ старшему брату его Гу̀нцзэ́бъ-дорджѝ'ю, на котораго, несмотря на то, что онъ еще съ 1747 года былъ женатъ на китайской принцессѣ, равнымъ образомъ отразились немилости богдохана:

вмѣсто наслѣдственнаго званія хошо̀й-цинь-ва́на онъ былъ пожалованъ только титуломъ бэ́йсэ. Правилъ онъ хошӯномъ менѣе трехъ лѣтъ и умеръ въ 1761 году, оставивъ по себѣ сына Цэбдэ́нъ-дорджі̀я. Богдоханъ въ то же время предоставилъ Цэбдэ́нъ-дорджѝ званіе бэ́йсэ, но управленіе хошӯномъ передалъ младшему брату Гӯнцзэ́бъ-дорджі̀'я — Гӯнцзэ́й-дорджію.

Гӯнцзэ́й-дорджѝ, бывшій третьимъ сыномъ цинь-ва́на Дондо̀бъ-дорджі̀я, еще до времени принятія должности хошӯннаго цзасака̀, пользовался уже отли̋чіями у маньчжуровъ. Такъ, въ 1746 году богдоханъ пожаловалъ его адъютантомъ при воротахъ Цянь-цинъ-мынь, а въ 1754-мъ ему приказано было жить въ Ургѣ и блюсти благосостояніе ургинскаго хутухты̀. Получивъ управленіе хошӯномъ, Гӯнцзэ́й-дорджѝ былъ пожалованъ только въ званіе гу́на и, пробывъ цзасако̀мъ около одиннадцати лѣтъ, былъ смѣненъ потомъ по болѣзни. Это случилось въ 1772 году, причемъ Гӯнцзэ́й-дорджі̀'ю было уменьшено его званіе до титула та́йчжія первой степени, а управленіе хошӯномъ было передано племяннику его Цэбдэ́нъ-дорджі̀'ю.

Цэбдэ́нъ-дорджѝ былъ, какъ мы уже видѣли, сыномъ цзасака̀ Гӯнцзэ́бъ-дорджі̀'я. Въ 1746 г. богдоханъ выдалъ за него одну изъ маньчжурскихъ принцессъ съ званіемъ императорской дочери, а въ 1761 году предоставилъ ему, какъ наслѣдственное званіе его отца, — титулъ бэ́йсэ. Поставленный цзасако̀мъ въ 1772 году, Цэбдэ́нъ-дорджѝ, подобно своему отцу, правилъ только три года и умеръ въ 1775 году.

Ему наслѣдовалъ сынъ его Сунду́бъ-дорджѝ, получившій вмѣстѣ съ назначеніемъ на должность цзасака̀ и титулъ бэ́йсэ. Въ 1780 году богдоханъ пожаловалъ его адъютантомъ при воротахъ Цянь-цинъ-мынь, а за сопутствіе богдоханскому по̀езду въ Жэ-хо наградилъ двухъ-очковымъ павлиновымъ перомъ. Вслѣдъ за симъ Сунду́бъ-дорджѝ былъ назначенъ помощникомъ сеймоваго старшины въ тушѣ̄ту-ха̄новскомъ а́ймакѣ и ургинскимъ хэбэ́й амбанемъ. Въ 1782 году за его потомствомъ было навсегда утверждено званіе бэ́йсэ, а въ 1784 году богдоханъ утвердилъ

Сундȕбъ-дорджі̀я начальникомъ сейма князей тушѣ̄ту-хāновскаго а́ймака. Умеръ Сундȕбъ-дорджѝ въ 1799 году, послѣ чего управленіе хошȳномъ было передано сыну его Ломбò-дорджі̀'ю.

Ломбò-дорджѝ, принявъ управленіе хошȳномъ, былъ утвержденъ въ званіи бэ́йсэ. Въ 1803 году онъ представлялся богдохану въ Жэ-хо и при этомъ обстоятельствѣ ему было пожаловано двухъ-очковое перо на шляпу и право сидѣть на желтомъ олбòкѣ. Въ 1808 году онъ былъ назначенъ улясутайскимъ хэбэ́й-амба́немъ, а въ 1812 за исправную службу былъ пожалованъ адъютантомъ при воротахъ Цянь-цинъ-мынь. Въ 1828 году богдоханъ, въ ознаменованіе своей особой милости, подарилъ ему лошадь, а въ 1833 году Ломбò-дорджѝ скончался.

Ему преемствовалъ сынъ его Дэлэ́къ-дорджѝ, или тотъ самый Дэ-бэ́йцзы, въ правленіе котораго совершалъ свою поѣздку и о которомъ упоминаетъ въ своемъ дневникѣ о. Палладій. Дэлэ́къ-дорджѝ, при своемъ утвержденіи цзасакòмъ былъ также возведенъ въ званіе бэ́йсэ и кромѣ того былъ пожалованъ еще адъютантомъ при воротахъ Цянь-цинъ-мынь и двухъ-очковымъ перомъ. Въ 1836 году онъ былъ вызванъ въ Ургу, чтобы вспомоществовать въ рѣшеніи дѣлъ въ я́мунѣ монгольскаго хэбэ́й амба́ня и пожалованъ флигель-адъютантомъ. Въ 1839 году богдоханъ подарилъ ему лошадь, а въ 1840 назначилъ на должность монгольскаго хэбэ́й амба́ня въ Ургѣ и наградилъ правомъ употреблять желтыя поводья на сбруѣ своей лошади. Въ 1860 г. Дэлэ́къ-дорджѝ, по подозрѣнію въ преданности Россіи, былъ сконфуженъ передъ маньчжурскимъ правительствомъ; однако же подозрѣнія эти не оправдались и Дэлэ́къ-дорджѝ былъ назначенъ хȳхȳ-хотò'скимъ цзя́нь-цзюнемъ. Отсюда года черезъ три его перевели Улясутайскимъ цзянь-цзюнемъ, съ каковой должности онъ вышелъ въ отставку.

Дэлэ́къ-дорджі̀ю наслѣдовалъ сынъ его Намчжа̀лъ-дорджѝ, извѣстный у насъ подъ именемъ На-бэ́йсэ. Онъ, подобно своему отцу, былъ назначенъ хэбэ́й-амба́немъ въ Ургу и былъ извѣстенъ мнѣ лично. Какъ правитель онъ былъ человѣкъ очень слабый и

по недостатку способностей, и по страстной привязанности къ куренію опіума. Отъ этой болѣзни онъ и умеръ въ 1882 году, оставаясь, впрочемъ, до конца дней ургинскимъ амбанемъ. Имя преемника его мнѣ не извѣстно.

Центральное знамя и по количеству входящаго въ составъ его населенія, и по обширности своихъ кочевьевъ должно занимать пятое мѣсто въ средѣ хошўновъ тушѣту-хāновскаго áймака. Въ предѣлахъ этихъ кочевьевъ находится городъ-монастырь Ургa, крайніе же пограничные пункты хошўна составляютъ: на востокѣ—горы Хонгòръ-тологòй, являющіяся вмѣстѣ съ тѣмъ и границею тушѣту-хāновскаго áймака съ сэцэ̀нъ-хāновскимъ; на югѣ—урочище Байнъ-хадà, также точно составляющее границу двухъ помянутыхъ áймаковъ; на западѣ—урочище Дундў-урчàкъ; на сѣверѣ—горы, лежащія непосредственно къ сѣверу отъ Урги и, направляясь къ востоку, соприкасающіяся хребту Алтàнъ-ўлўгэ̀й, доходящему до предѣловъ сэцэ̀нъ-хāновскаго áймака; на сѣверо-востокѣ крайній предѣлъ хошўна составляетъ урочище Хатàй, также пограничное съ аймакомъ сэ̀цэнъ хāна; на сѣверо-западѣ—хребетъ Хамàръ, тянущійся верстахъ въ 10-ти западнѣе урочища Сангīнъ-булàкъ, въ которомъ находится первая почтовая станція ургинско-улясутайскаго малаго почтоваго тракта; здѣсь кочевьямъ центральнаго знамени соприкасаются земли праваго послѣдняго знамени центра; на юго-западѣ — хошўнъ этотъ имѣетъ своимъ пограничнымъ пунктомъ горы Дашѝлўнъ, гдѣ сосѣдятъ ему земли хошўна Уйцзàнъ-цзасакà.

Первою станціею по почтовому тракту отъ Сáйръ-усў на Ургу въ предѣлахъ кочевьевъ центральнаго знамени является Талà-булàкъ, что значитъ по переводу «степной ключъ», и такое названіе станціи, конечно, было заимствовано отъ протекающаго здѣсь ключа,—явленія совершенно необычайнаго въ этой части степи. Впрочемъ существованіе этого ключа не приноситъ никакой пользы жителямъ: подобно содержателямъ всѣхъ другихъ почтовыхъ станцій, они пьютъ воду изъ худука, ибо вышепомянутый ключъ въ дѣйствительности такъ ничтоженъ и содер-

жится такъ не чисто, что пользоваться его водой, по увѣренію здѣшнихъ жителей, никогда не бываетъ возможно. Переѣздъ отсюда къ слѣдующей станціи Ӱндӱръ-добо̄ является значительно длиннымъ и тянется приблизительно верстъ на 30, 35; обусловливается это тѣмъ обстоятельствомъ, что на всемъ протяженіи между Тала̀-була̀комъ и Ӱндӱръ-добо̄ совершенно не имѣется воды, да и на этомъ послѣднемъ станкѣ она крайне непріятна на вкусъ, ибо и самый ӧрто̄ стоитъ на солончакѣ. Въ дальнѣйшемъ протяженіи къ станціямъ Чжиргалантӱ, Долоно̄ъ и Бухэ́къ (дневникъ 27 Мая) дорога повсюду имѣетъ чрезвычайно однообразный характеръ: она ровна и въ большей своей части проходитъ отлогими увалами, совершенно удобными для колесной ѣзды. На всемъ этомъ протяженіи встрѣчается только два высокихъ перевала, — это Ногоно̄ъ-даба̄, по дорогѣ отъ ст. Чжиргалантӱ къ ст. Долоно̄ъ, и Дзамбулы́инъ-даба̄, на пути отъ Долоно̄'а къ ст. Бухэ́къ; впрочемъ и эти перевалы не представляютъ никакой трудности для телѣжной ѣзды, такъ какъ отличаются отъ другихъ только своею длиною, будучи въ то же время совершенно покаты и отлоги. Общій видъ мѣстности дышетъ тѣмъ же однообразіемъ: за уваломъ слѣдуетъ небольшая долина величиною съ полверсты, много съ версту; затѣмъ снова увалъ и снова долина и т. д. Почва глинистая и главнѣйшая растительность ея — дэрэсӱ. Мѣстами попадаются соляныя озера, очень небольшія и большею частію пересохшія, такъ что отъ нихъ осталось только бѣлоснѣжное дно соли, — гуджѝра. Воды на всемъ протяженіи чрезвычайно мало и всѣ станціи получаютъ ее исключительно изъ худуко̀въ. По дорогѣ отъ Чжиргалантӱ къ Долоно̄у, не доѣзжая перевала Ногоно̀ъ-даба̄, встрѣчается небольшое, но никогда не высыхающее озеро Була̀къ и, причисливъ къ нему худуки, мы будемъ имѣть всѣ воды описываемаго пространства. Трудно сказать, этотъ ли недостатокъ воды, или дебоширства проѣзжающихъ чиновниковъ служатъ причиною крайней незаселенности пространствъ по дорогѣ. Въ пору нашего проѣзда мы на всемъ протяженіи трехъ описываемыхъ станцій

повстрѣчали только двѣ юрты нищихъ, живущихъ подаяніемъ проѣзжающихъ; прочее же населеніе живетъ на столько удаленно отъ дороги, что глазъ не видитъ даже и въ окружности а́иловъ. Обо̄ и камни попадаются чрезвычайно рѣдко и только какъ вѣстники соединенія дорогъ, или какъ знаки средины дороги между станціями. За станціею Бухэ́къ, какъ я имѣлъ уже случай замѣтить выше, начинаются перевалы черезъ отроги Ха̄нъ-ӯлы, миновавъ которые, дорога спускается въ долину рѣки То̄лы. На лѣвомъ берегу этой рѣки стоитъ послѣдняя къ Ургѣ станція Соносхолантӯ, а верстъ на 25 выше ея по теченію рѣки, и уже на правомъ берегу ея, широко раскидывается и самая Урга̀, или хӯре̄нь Чжэбцзӯнъ-дамба̀-хуту́хты.

Въ пору пребыванія о. Палладія въ Ургѣ этотъ городъ не стоялъ на томъ мѣстѣ, на которомъ находится теперь и располагался не на Сэ́льби, а въ долинѣ Чингильтӯ-тала̀, т. е. къ западу отъ Га́ндана, верстахъ въ четырехъ отъ нынѣшняго своего мѣстонахожденія. Подробное выясненіе причинъ этой перекочевки Урги довольно подробно изложено въ моей монографіи: «Города Сѣверной Монголіи» (СПБ. 1880 г., стр. 10—12), теперь же я замѣчу только, что въ 1847 году на мѣстѣ настоящей Урги стояло лишь одинокое, довольно запущенное въ то время, деревянное зданіе кумирни Ма́йдари. Къ сѣверо-западу отъ этого зданія, протягиваясь почти до горъ Чингильтӯ, располагался хӯре̄ньскій толкучій рынокъ, по внѣшнему виду, вѣроятно, похожій и на настоящій (см. то же сочиненіе, стр. 33—36), т. е. со множествомъ войлочныхъ палатокъ; нѣсколько же большихъ лавокъ китайскихъ фирмъ, торговавшихъ по близости отъ хӯре̄ня, располагались тогда около нынѣшняго амба̀ньскаго я̀муня. Вотъ почему о. Палладій, выѣхавъ изъ русскаго подворья и направившись на западъ по направленію къ хӯре̄ню, долженъ былъ проѣхать базаромъ, составлявшимъ, по словамъ его, предмѣстье хӯре̄ня, и не проѣзжалъ черезъ самый хӯре̄нь, который, по поворотѣ дороги на сѣверъ, остался у путниковъ влѣво. Оставивъ Ургинскую долину, они вступили въ горную

падь, направляющуюся къ перевалу Тологòйту-дабā. Падь эта орошается до нельзя излучистымъ ручьемъ Манты́йнъ-гōлъ, почему и дорога здѣсь очень извилиста, переходя постоянно то на правую, то на лѣвую сторону ручья; но самое полотно дороги прекрасно, гладко и ровно; вплоть до подъема на перевалъ оно повышается очень полого и только самый подъемъ довольно каменистъ и крутъ. Съ вершины перевала открывается прекрасный видъ на горы: въ лѣвую сторону тянется мощный и покрытый густымъ лѣсомъ Арцатȳ-дабā, а въ правую—голый и скалистый Марцатȳ-дабā. По вершинѣ всѣхъ этихъ хребтовъ проходитъ граница земель халхасовъ, принадлежащихъ къ правому послѣднему знамени праваго крыла.

Правители этого хошȳна ведутъ свое происхожденіе отъ цзасакà Бахàй'я, старшаго сына бэ́йсэ Шибтȳй-хатàнъ-бāтура. Когда въ 1707-мъ году Канси, по смерти Шибтȳй-хатàнъ-бāтура, назначилъ правителемъ его хошȳна втораго сына его Цэбдэ́на, то старшій Бахàй былъ назначенъ ему помощникомъ въ управленіи съ званіемъ тусáлакчи-тáйчжія (см. стр. 212). Въ 1721-мъ году Бахàй вмѣстѣ съ братомъ своимъ Цэбдэ́номъ сопутствовалъ цзянь-цзюню Фурдáню въ походѣ на Цэвáнъ-рабтàна, а въ 1731-мъ выступалъ въ походъ къ сраженіямъ противъ Галдáнъ-цэрэ́на, причемъ особливо отличился въ битвахъ при урочищахъ Ӱдэнъ-цӱль и Сӱхэ́-алдахȳ, за что и былъ утвержденъ самостоятельнымъ цзасакòмъ съ возведеніемъ въ званіе тáйчжія 1-й степени. Въ 1732 году Бахàй помогалъ эфу Цэрэ́ну въ битвѣ съ чжунгарами при Эрдэни́ цзȳ и, за оказанныя здѣсь доблести, Юнъ-чжэнъ возвелъ его въ званіе улу́съ-тȳръ тусáлакчи-гу́на. Умеръ Бахàй въ 1744 году.

Преемникъ его Гунцȳкъ-чжáбъ, наслѣдовавъ отъ отца своего должность цзасакà и званіе улу́съ-тȳръ-тусáлакчи-гу́на, управлялъ хошȳномъ въ теченіе 20 лѣтъ совершенно безцвѣтно и, не сдѣлавъ ничего особенно замѣчательнаго, умеръ въ 1764 году.

Ему наслѣдовалъ сынъ его Гунцȳкъ-дашѝ, при которомъ въ 1782 году совершилось утвержденіе за правителями этого хо-

шӯна неизмѣннаго наслѣдованія званія гӯна; тѣмъ не менѣе Гунцӯкъ-дашѝ, подобно своему отцу, не прославилъ себя ничѣмъ въ исторіи и скончался въ 1785 году, оставивъ по себѣ преемникомъ сына своего Балдàръ-чжáба. Отъ этого послѣдняго управленіе хошӯномъ перешло къ сыну его Вэйдӯбъ-цэвáну, въ свою очередь передавшему свою власть и званіе сыну Сандӯбъ-минцзӯру, который былъ утвержденъ маньчжурами въ должности цзасакà и званіи улӯсъ-тӯръ-тусáлакчи-гӯна въ 1824 году, а скончался въ 1832. Сынъ его Дашѝ-дорджѝ, утвержденный правителемъ въ 1832 году, послѣ своей смерти, оставилъ по себѣ сына, по имени Мандорвà, а этотъ послѣдній, умирая въ концѣ 40-хъ годовъ, передалъ управленіе сыну, именовавшемуся какъ и дѣдъ его Дашѝ-дорджѝ. Всѣ эти цзасаки не оставили по себѣ ничего достойнаго быть занесеннымъ на страницы исторіи и только отправляли свои обязанности по управленію хошӯномъ согласно законамъ и указаніямъ, предписываемымъ имъ маньчжурскимъ правительствомъ.

Разсматриваемый хошӯнъ является однимъ изъ самыхъ бѣднѣйшихъ не только въ тушѣту-хāновскомъ áймакѣ, но и во всей Халхѣ. По правиламъ онъ долженъ выставлять одинъ эскадронъ латниковъ, но въ настоящую пору онъ едва-ли въ силахъ выполнить даже и этотъ налогъ, такъ какъ, по словамъ монголовъ, въ этомъ хошӯнѣ числится не болѣе 50 юртъ, или семей. Сообразно сему и земли этого хошӯна весьма незначительны. Форма пространства хошӯна почти квадратная, причемъ территорія его имѣетъ приблизительно верстъ 45, 50 съ сѣвера на югъ и такое же протяженіе отъ запада къ востоку. Въ частности крайніе предѣлы этого хошӯна составляютъ: на востокѣ — Кя́ктуйнъдабā; на югѣ — хребетъ Уланхӯ; на западѣ — урочище Аргалӣнъ; на сѣверѣ — урочище Номтӯ-булàкъ; на сѣверо-востокѣ — горы Мáндалъ-ӯбӯръ; на сѣверо-западѣ — хребетъ Сонѝнъхангàй; на юго-востокѣ — урочище Дамарчжѝ и на юго-западѣ — хребетъ Хамàръ. Само собою разумѣется, что какъ ни кажутся малы эти земли сравнительно съ другими халхаскими хошӯнами,

онѣ все же черезъ чуръ велики для 50 семей данниковъ этого хошӯна; поэтому-то на означенныхъ земляхъ во множествѣ кочуютъ шабинàры ургинскаго хутухты. Гýнъ, владѣтель хошӯна, сдаетъ въ аренду этимъ шабинàрамъ почти всѣ сѣнокосныя мѣста и пастбища и это составляетъ главнѣйшій источникъ его доходовъ, равно какъ и его данниковъ. Послѣдніе, въ силу лежащихъ на нихъ налоговъ князя, являются необычайно бѣдны. Скотоводствомъ они почти не занимаются, а промышляютъ главнымъ образомъ лѣсомъ, въ обиліи растущимъ по горамъ. Часть этихъ лѣсовъ пригодна и для строевыхъ матеріаловъ; но въ большинствѣ случаевъ онъ годенъ на дрова, которыя мѣстные жители заготовляютъ и въ огромномъ количествѣ отвозятъ въ Ургу, на продажу.

Обратимся однако къ описанію дороги въ предѣлахъ хошӯна гýна Дашѝ-дорджѝ. Сѣверный спускъ къ Тологóйту-дабā является еще болѣе крутымъ и каменистымъ чѣмъ южная сторона его,— въ сторону Урги. Этотъ спускъ приводитъ въ долину рѣчки Аршантӯйнъ-гōлъ, по которой дорога тянется невдалекѣ отъ самыхъ береговъ рѣчки, у подножія высокихъ горъ, — Ӱндӯръ-хāнъ-ӯла. Нѣсколько сѣвернѣе ихъ, къ западу отъ дороги показывается не менѣе возвышенный кряжъ Гахàй-ӯла, или свиныя горы, названныя такъ отъ множества обитающихъ на нихъ дикихъ кабановъ. Долина Аршантý непосредственно соединяется съ долиной Кýйнъ гола, на которой стоитъ и первая почтовая станція въ направленіи отъ Урги къ Кяхтѣ—Кýй (дневникъ 1-го іюня). Мѣстность здѣсь ровная и представляетъ собою тучныя пастбища, причемъ такой же характеръ кýйской долины сохраняется по крайней мѣрѣ верстъ на 30-ть внизъ по теченію Кýя. Эта особенность, по словамъ монголовъ, привлекла къ себѣ вниманіе ургинскихъ правителей и они опредѣлили долину Кýйнъ гōла мѣстомъ для производства конскихъ скачекъ, обыкновенно бывающихъ при ургинскихъ празднествахъ — «Долōнъ-хошӯнай нāдамъ». Впрочемъ, самая площадь этихъ скачекъ не можетъ подлежать изслѣдованіямъ путника, ибо она лежитъ главнѣйше на

юго-востокъ отъ станціи, тогда какъ дорога уклоняется на сѣверо-западъ, направляясь къ перевалу Ӧлӧйнъ-дабӑ. За этимъ переваломъ она вступаетъ въ небольшую долину рѣки Нарӣнъ-гӧла, заканчивающуюся Нарӣнскимъ переваломъ, окаймляющимъ съ юга Бургултӑйскую равнину, — тала̀, какъ говорятъ монголы; хотя эта равнина довольно волнообразна и, по мѣрѣ приближенія къ рѣчкѣ Бургултӑю, на которой стоитъ и Бургултӑйскій ӧртӧ, становится все менѣе и менѣе плодородною, превращаясь въ каменистую площадь. За рѣчкою Бургу̀лтӑй дорога къ слѣдующей станціи проходитъ по долинамъ, отдѣленнымъ одна отъ другой незначительными возвышеніями; а направо и налѣво тянутся невысокія горы, располагающіяся параллельными гребнями. Только верстахъ въ 8-ми отъ станціи, къ западу отъ дороги, показывается болѣе величественная гора Баӣнъ-кунгу̀ръ ӯла, неподалеку отъ которой протекаетъ священный ключъ, именуемый Номту̀-булӑк'омъ. Въ параллели ея и по тракту начинается болѣе замѣтный подъемъ на лѣсистый хребетъ, который называется у мѣстныхъ жителей общимъ именемъ Гурбӑнъ-уртӯ-нирӯ, т. е. «три длинныхъ горныхъ кряжа»; въ частности же эти три кряжа, возвышающіеся вправо отъ дороги и тянущіеся съ запада на востокъ, называются: ближайшій къ дорогѣ и слѣдовательно самый восточный — Малӑръ ӯла, срединный — Дундӯ-уртӯ, а самый западный — Улӑнъ-сӑдакту-ӯла. У подножія этого хребта оканчиваются земли гу̀на Дашӣ-дорджӣ и отъ вершины этого хребта начинается новый хошӯнъ, именуемый оффиціально лѣвымъ послѣднимъ знаменемъ праваго крыла.

Правители этого хошӯна ведутъ свое происхожденіе отъ бэ́йсэ Шибту̀й-хата̀нъ-бӑтура, который приходился троюроднымъ братомъ тушӗту-хӑну Чахӯнь-дорджӣ. До времени подданства своего маньчжурамъ Шибту̀й-хата̀нъ-бӑтуръ, занимая со своими данниками приблизительно тѣ же мѣста, имѣлъ непрестанныя столкновенія съ русскими казаками, переходившими за границы Монголіи. Въ 1688 году, когда Галда́нъ бошокту̀ напалъ на

Халху, Шибтӯй-хатàнъ-бāтуръ намѣревался дать ему отпоръ и для сего заключилъ союзъ съ двумя хотохóйтскими тáйчжіями, но какъ послѣдніе не сдержали своего слова, то и Шибтӯй-хатàнъ-бāтуръ не рѣшился вступить въ бой съ Галдáномъ, а уклонился на р. Кэрулэ́нъ. Въ 1691 г. Шибтӯй-хатàнъ-бāтуръ не присутствовалъ на Долōнъ-нōрскомъ сеймѣ, но какъ въ ту пору богдоханъ отправилъ къ берегамъ Толы своего амбаня Вадáя для развѣдокъ о Галдáнѣ, то Шибтӯй-хатàнъ-бāтуръ явился къ этому сановнику и заявилъ о своемъ намѣреніи поддаться маньчжурамъ. Канси пожаловалъ поэтому Шибтӯю похвальную грамоту и возвелъ его въ званіе улӯсъ-тӯръ-тусáлакчигýна. Въ 1696 году Шибтӯй-хатàнъ-бāтуръ принималъ участіе въ пораженіи Галдáна императорскою арміею, а въ 1698 году за поимку возмутившихся и бѣжавшихъ баргӯтовъ былъ возведенъ въ званіе бэ́йсэ. Шибтӯй-хатàнъ-бāтуръ умеръ въ 1707 г., оставивъ послѣ себя двухъ сыновей, изъ которыхъ младшій Цэбдэ́нъ, какъ болѣе способный, былъ назначенъ правителемъ хошӯна, а старшій Бахàй былъ приданъ ему въ помощники. Впрочемъ Цэбдэ́нъ при наслѣдованіи управленія былъ пониженъ въ званіи сравнительно съ своимъ отцемъ и получилъ только степень улӯсъ-тӯръ-тусáлакчи-гýна. Изъ выдающихся заслугъ его передъ маньчжурскимъ правительствомъ были слѣдующія: въ 1717 году Цэбдэ́нъ, сопутствуя маньчжурской арміи въ походахъ на Цэвáнъ рабтàна, перебилъ и полонилъ множество теленгӯтовъ; въ 1723 г. участвовалъ въ поимкѣ бѣжавшаго ōлōтскаго цзасакà Лубсáнъ-шарàба и за это получилъ повышеніе даже противъ отцовскаго званія бэ́йсэ, будучи пожалованъ прямо въ бэ́йлэ. Въ 1731 году Цэбдэ́нъ отличился преимущественно предъ всѣми другими халхаскими князьями въ битвѣ при урочищѣ Сухэ́-алдахӯ и въ награду за совершенные здѣсь подвиги получилъ отъ богдохана титулъ «батӯ бāтура», трехъ-очковое перо на шляпу и красновато-желтый поясъ. Въ слѣдующемъ 1732 году за пораженіе чжунгаровъ при Эрдэни́-цзӯ богдоханъ возвелъ Цэбдэ́на даже въ званіе хэ-цзюнь-вáна; но когда вслѣдъ за симъ было выяснено, что

Цэбдэ̀нъ недостаточно усиленно преслѣдовалъ чжунга́ровъ и ложно доложилъ императору о своихъ побѣдахъ въ преувеличенномъ видѣ, то Юнъ-чжэ̀нъ отнялъ у него званіе хэ-цзюнь-ва́на, титулъ «ба̄тура» и пожалованный поясъ, самого же его послалъ въ кобдоскій лагерь новою службою искупать свои проступки. Цянь-лунъ, вступивъ на богдоханскій престолъ въ 1736 г., обратилъ вниманіе на Цэбдэ̀на и, поручивъ ему исправленіе обязанностей туса́лакчи цзя́нь-цзюня тушѣ̄ту-ха̄новскаго а́ймака, командировалъ его на охранную службу въ Уля̄сутай; но Цэбдэ̀нъ зимою того же года, не дождавшись своей смѣны, самовольно ушелъ изъ Уля̄сутая въ свои кочевья и за это получилъ высочайшій выговоръ. Въ 1755 году, когда маньчжуры выступили для подчиненія урянха̀евъ, Цэбдэ̀нъ сначала былъ посаженъ вмѣстѣ съ хэ-цзюнь-ва́номъ Санцза̀й-дорджіемъ для охраны въ урочище Урха̀й-хара̀-усу̀, а потомъ вмѣстѣ съ маньчжурскими хэбэ̀й-амба́нями Анцонга̀ и Дэни́н'омъ былъ перемѣщенъ въ урочище Гӯнъ-даба̄. Находясь здѣсь, онъ своимъ небрежнымъ отношеніемъ къ дѣлу далъ возможность бѣжать дурбэ̀тскому та́йчжію Бара̀ну вмѣстѣ съ его данниками и за это, по состоявшемуся суду, Анцонга̀ и Дэни́нъ были приговорены къ смертной казни, а Цэбдэ̀нъ разжалованъ въ бэ́йсэ и вновь оставленъ при военномъ лагерѣ. Въ 1756 году, когда маньчжурскій цзя́нь-цзюнь Ба́ньди отправился въ походъ противъ Дава́ци, Цэбдэ̀ну было поручено повоевать урянха̀евъ и, во исполненіе этого порученія, онъ, дошедши до урочищъ Гурба̀нъ-найта̀къ, Ула̄нъ-була̀къ и Хара̀-хаба̀, повстрѣчалъ здѣсь войска двухъ полковыхъ командировъ, дэмчи́ Чоога́на, подчинявшагося цзангі́ну Цада̀ку, и дэмчи́ Хара̀-маньчжи́, находившагося подъ начальствомъ цза́йсана Тубши́на, и заставилъ ихъ покориться маньчжурамъ; сверхъ того онъ взялъ въ плѣнъ до 200 семей изъ бѣжавшихъ прежде данниковъ Бара̀на. По усмиреніи илійскаго мятежа, Цэбдэ̀нъ снова ходилъ на урянха̀евъ и въ урочищѣ Ха̄нъ-урянха̀й подчинилъ нѣсколько родовъ какъ урянха̀йскихъ, такъ теленгу̀тскихъ. При открывшемся вслѣдъ за симъ возмущеніи Амурсаны̀, Цэбдэ̀нъ умиротворялъ чжунгаровъ, глав-

нымъ образомъ разъясняя имъ разосланное передъ симъ высочайшее повелѣніе богдохана и за это ему было возвращено званіе бэ̀йлэ. Послѣ сего Цэбдэ̀нъ былъ командированъ на преслѣдованіе Амурсаны̀, но, въ противность данному ему порученію, онъ отъ урочища Нарѝнъ харà возвратился въ свои кочевья, за что императоръ приказалъ ему возвратиться на судъ въ столицу. Между тѣмъ тогдашній халхаскій тусáлакчи цзя́нь-цзюнь западной стороны Цэнгу̀нь-чжáбъ командировалъ Цэбдэ̀на противъ возмутившагося хотохóйтскаго Цэнгу̀нь-чжáба; Цэбдэ̀нъ, ссылаясь на свою болѣзнь, не пошелъ и въ эту командировку. По совокупности обоихъ помянутыхъ ослушаній онъ былъ въ томъ же 1757 г. лишенъ званія бэ̀йлэ и устраненъ отъ должности цзасакà.

Ему наслѣдовалъ сынъ его Цэвáнъ-дорджѝ, который еще въ 1752 году за заслуги отца былъ пожалованъ въ адъютанты при воротахъ Цянь-цинъ-мынь, награжденъ павлиновымъ перомъ и правомъ сидѣть на желтомъ олбòкѣ; впрочемъ при своемъ назначеніи цзасакòмъ Цэвáнъ-дорджѝ былъ пониженъ въ наслѣдованіи званія и утвержденъ улу́съ-ту́ръ-тусáлакчи-гу́н'омъ. Въ 1759 году въ хошӯнѣ его обнаружился голодъ и богдоханъ оказалъ ему помощь выдачею серебра и провьянтовъ; тогда же богдохану представился на аудіенцію и прежній, отрѣшенный правитель этого хошӯна Цэбдэ́нъ. Богдоханъ простилъ ему совершенные имъ проступки и пожаловалъ ему званіе гу́на, но не возвратилъ должности цзасакà и, оставивъ не у дѣлъ, приказалъ возвратиться въ кочевья. Въ 1760 году Цэвáнъ-дорджѝ отличился въ поимкѣ возмутившихся ӧлӧтовъ, бѣжавшихъ съ Амура, и за это былъ награжденъ двухъ-очковымъ павлиновымъ перомъ на шляпу. Въ 1766 году Цэвáнъ-дорджѝ умеръ, и какъ у него не осталось наслѣдниковъ, то правителемъ хошӯна снова былъ объявленъ Цэбдэ̀нъ. Въ это второе свое управленіе онъ завѣдывалъ хошӯномъ только пять лѣтъ и умеръ въ 1771 году, оставивъ по себѣ громкую память въ устахъ монголовъ, которые сохранили за нимъ названіе «Бā̀туръ бэ́йлэ», не смотря на то, что всѣ эти титулы были отняты у него богдоханомъ.

Преемникомъ Цэбдэ̀на явился на этотъ разъ сынъ его Чисорѐнъ-дорджѝ, рожденный отъ втораго сына Цэбдэ̀нова,—та́йчжи Цэва́на. Утвержденный цзасакѐмъ въ 1771 году онъ получилъ только званіе та́йчжи 1-й степени и ничѣмъ не ознаменовалъ своего правленія помимо лишь того, что 1777 году, онъ представлялся богдохану въ Жэ-хо и получилъ отъ него павлиновое перо на шляпу. Въ 1782 году богдоханъ, по общему закону о халхаскихъ князьяхъ, навсегда утвердилъ за цзасака̀ми этого хошӯна званіе та́йчжи 1-й степени. Время смерти Чисорѐнъ-дорджѝя для насъ неизвѣстно, но извѣстно, что онъ оставилъ по себѣ сына Ида̀мъ-чжа́ба, который также былъ цзасакѐмъ въ званіи тайчжи 1-й степени и умеръ въ 1818 году, оставивъ свое званіе цзаса̀къ та́йчжи 1-й степени сыну своему Цэрэ̀нъ-дорджѝ. Въ правленіе этого послѣдняго по хошӯну его проѣзжалъ о. Палладій.

Что касается кочевьевъ этого хошӯна, то они протягиваются съ юга на сѣверъ на пространствѣ станцій: Хунца̀лъ Хоримту̀, Хара̀ и Байнъ го̄лъ, т. е. приблизительно верстъ на 90; съ запада же на востокъ протяженіе ихъ исчисляется верстъ на 300. Такъ какъ хошӯнъ этотъ выставляетъ только одинъ эскадронъ латниковъ, то понятно, что собственное населеніе его очень не велико; земли его занимаютъ преимущественно шабина̀ры ургинскаго хутухты̀. У монголовъ хошӯнъ этотъ слыветъ разсадникомъ сарлы̀ковъ по той якобы причинѣ, что здѣсь очень много рѣкъ и озеръ, которыя необходимы для пастбищъ сарлыкамъ. Провѣрить это показаніе мнѣ не удалось на дѣлѣ и хотя сарлы̀ки дѣйствительно встрѣчаются здѣсь довольно часто, но число ихъ, повидимому, не превосходитъ числа, видѣннаго и въ другихъ хошӯнахъ. Большинство бѣднаго люда занимается здѣсь, какъ и въ предшествовавшемъ хошӯнѣ, порубкою лѣса, приготовляя изъ него то бревна и доски, сбываемыя потомъ китайцамъ, то дрова, отвозимыя на продажу въ Ургу. Еще болѣе выгоднымъ почитается обжиганіе угля, продаваемаго мѣстными жителями также въ Ургѣ; но за это дѣло берутся не многіе, такъ какъ оно требуетъ излишняго труда.

Дорога въ Кяхту пересѣкаетъ хребетъ Гурба́нъ-уртӯ-нирӯ въ нетрудномъ перевалѣ, именуемомъ Номтӯ-даба̄, а отъ этого послѣдняго не болѣе 8 верстъ до станціи Хунца̀лъ. Станція эта располагается въ обширной, живописной равнинѣ, въ западномъ углу которой находится озеро Хунца̀лъ съ впадающею въ него рѣчкой того же имени. Берега этой рѣчки усѣяны болотными кочками, но чѣмъ дальше отъ берега, тѣмъ почва дѣлается ровнѣе и тверже. Здѣсь залегаетъ уже прекрасный суглинокъ, вполнѣ пригодный для обработки на немъ пашень, но монголы хлѣбопашествомъ пока еще не занимаются и вмѣсто плуга здѣсь взрываютъ землю только полевыя мыши. Дѣйствительно, рѣдко гдѣ можно встрѣтить такое обиліе мышиныхъ норъ, какое пришлось мнѣ видѣть на Хунцалѣ. За станціею дорога снова идетъ верстъ на 15 незначительными спусками и подъемами, изъ среды коихъ болѣе высокимъ представляется только одинъ, называемый Цага̄нъ хӯтӯл'емъ. За нимъ слѣдуетъ высокій и чрезвычайно неудобный для ѣзды перевалъ Хусутӯ даба̄, сплошь покрытый березовымъ лѣсомъ. Спускъ съ него, не менѣе трудный чѣмъ и подъемъ, приводитъ въ долину Гучжиктӯ, откуда въ направленіи къ западу открывается видъ на высокія горы Ногōнъ-ӯла. Долина Гучжиктӯ, постепенно съуживающаяся къ сѣверу, упирается въ перевалъ Гӯрунзатӯ даба̄, за которымъ открывается долина Хоримтӯ, каковымъ именемъ называется и стоящая на ней четвертая станція отъ Урги въ направленіи къ Кяхтѣ. У о. Палладія эта станція называется Байнъ-бирха̀й и нѣтъ сомнѣнія, что это названіе онъ слышалъ отъ кого либо изъ сопровождавшихъ его маньчжурскихъ чиновниковъ, происхожденіе же этого названія такое. Долина Хоримтӯ, опоясываемая, какъ говоритъ о. Палладій, живописными горами, надъ которыми царитъ спускающаяся шестью отвѣсными уступами Ноинъ-ӯла, прорѣзывается двумя рѣчками, изъ коихъ главная называется Боро̀-голъ, а другая, меньшая рѣчушка (по маньчжурски «бирха̀нь» или «бирха̀й») называется Байнъ. Станція обыкновенно располагается на стрѣлкѣ этихъ рѣкъ и, смотря по удобству,

перекочевываетъ то ближе къ рѣкѣ Борò, то ближе къ Байну. Отсюда является и постоянная смѣна ея названій, хотя въ оффиціальномъ языкѣ она всегда и неизмѣнно называется Хоримтȳ.

При дальнѣйшемъ слѣдованіи дорога почти у самой станціи переходитъ на лѣвый берегъ р. Борò и далѣе верстъ на пять тянется по широкой равнинѣ, носящей названіе Уцзȳрьйнъ хошȳ талà. Влѣво отъ дороги отсюда виднѣется лѣсистая гора Сэргэ́хчи ȳлà, являющаяся, кажется, сѣвернымъ отрогомъ горы Ноѝна. Съ долины Уцзȳрьѝинъ хошȳ приходится подниматься на невысокій увалъ — Харāтай, за которымъ слѣдуетъ новая долина, тянущаяся вплоть до рѣки Харā. Эта вторая долина именуется Наранà́й-хошȳ-талà. Она окаймлена невысокими горами, обыкновенно покато спускающимися въ сторону долины и только по мѣстамъ изрытыми горными ручьями, отчего кое-гдѣ образовались даже обрывы. На равнинѣ Наранà́й-хошȳ мнѣ встрѣчалось не мало обработанныхъ пашень, но еще болѣе заброшенныхъ, ибо здѣшніе монголы вообще не сѣютъ на одномъ и томъ же мѣстѣ болѣе 3, 4-хъ лѣтъ: обиліе пахотныхъ земель вполнѣ дозволяетъ имъ эту роскошь.

Пятая отъ Урги почтовая станція располагается на берегу рѣки Харā, которая почему-то у всѣхъ нашихъ путешественниковъ называется — черной, хотя это совсѣмъ не вѣрно. Послѣдній слогъ *ра* въ этомъ имени какъ въ письмѣ, такъ и въ произношеніи монголовъ является долгимъ и въ этой формѣ слово «харā» будетъ значить не — «черный», а — «сердитый, злой». И кажется, такое названіе вполнѣ соотвѣтствуетъ названію этой рѣки, особливо если посмотрѣть на ея крутые подмытые берега и быстробѣгущія, бурливыя волны. Въ мѣстахъ брода изъ-подъ воды у ней выглядываютъ громадные камни, а около нихъ всегда застряваетъ множество сучьевъ и хворосту; — все это, конечно, свидѣтельствуетъ о разрушеніяхъ, производимыхъ сердитою Харōю. Тимковскій, кажется, единственный путешественникъ, собиравшій у насъ свѣдѣнія о теченіи рѣки Харā; но показанія объ этой рѣкѣ, которыя удалось мнѣ позаимствовать изъ руко-

писныхъ замѣтокъ у мѣстнаго тусалакчи, значительно разнятся отъ данныхъ, собранныхъ Тимковскимъ. По этимъ замѣткамъ оказывается, что монголы за вершину рѣки Харā почитаютъ р. Кӯй, а потому полагаютъ, что Харā беретъ начало изъ сѣверной подошвы хребта Сэ́льби, противостоящаго Хāнъ-ӯлѣ, на сѣверѣ отъ р. Толы. Нося такимъ образомъ первоначально названіе Кӯй, Харā принимаетъ въ себя два притока, по соединеніи съ коими направляется на сѣверъ; здѣсь она принимаетъ съ Ю.-З. притокъ Нарѝнь и еще далѣе къ сѣверу — рѣку Бургултàй, текущую съ запада. Продолжая за симъ теченіе на сѣверъ, она принимаетъ р. Адахàй, текущую съ Ю.-В., и Нарасӯнъ, текущую съ востока. Еще далѣе на сѣверъ она принимаетъ въ себя р. Тункэ́нь (послѣдняя вытекаетъ на сѣверо-востокѣ, изъ западной подошвы горъ Ацзигэнтэ́й тремя источниками, которые, соединившись вмѣстѣ, направляются на Ю.-З.), отъ мѣста соединенія съ которою Харā поворачиваетъ сначала на сѣверо-западъ, а потомъ прямо на западъ. Въ этомъ направленіи она протекаетъ между сѣверною подошвою горы Толоши́ и южнымъ подножіемъ горы Хадāтуръ, миновавъ которыя, принимаетъ въ себя текущую съ юга р. Борò. Еще сѣверо-западнѣе она принимаетъ въ себя текущую съ юго-запада рѣку Чакдӯръ. Отсюда Харā поворачиваетъ прямо на сѣверъ, протекаетъ по восточной сторонѣ Халія́рскихъ горъ и впадаетъ въ Орхòнъ.

Въ мѣстѣ, назначенномъ для расположенія станціи, рѣка Харā дѣлаетъ крутой изгибъ, а потому ее приходится переѣзжать здѣсь дважды и оба раза въ бродъ. Переправившись на правый берегъ рѣки и миновавъ болотистую окраину его, дорога идетъ по ровной долинѣ, гладкой какъ шоссе. Къ востоку отсюда виднѣется высокая гора Йэхэ́ мáндалъ, у южной подошвы которой, по словамъ мѣстныхъ монголовъ, находится княжеская ставка и управленіе этого хошӯна, а нѣсколько восточнѣе ихъ—хошӯнный монастырь. Къ сѣверу передъ глазами путника стоитъ высокій хребетъ Мангатàй, черезъ который должно перевалить, чтобы пріѣхать на слѣдующую станцію. По мѣрѣ приближенія

къ этому хребту глинистая почва долины все болѣе и болѣе переходитъ въ черноземъ, трава дѣлается выше и гуще, появляется цѣлая масса бѣлыхъ и желтыхъ цвѣтовъ, — только подъ самою горою дѣлается уже каменисто. Что касается подъема, то онъ поистинѣ долженъ быть названъ ужаснымъ: дорога, проходящая густымъ лѣсомъ, завалена повалившимися деревьями и громадными кусками гранита; глубокія колеи и ямы дѣлаютъ здѣсь проѣздъ почти невозможнымъ для колесной ѣзды и, несомнѣнно, что для этого перевала нужны по крайней мѣрѣ тройныя силы животныхъ; оттого-то караваны по большей части минуютъ этотъ перевалъ нѣсколько западнѣе, въ объѣздъ. Съ вершины мангатàйскаго перевала открывается дикій и грозный видъ на окрестности, — особливо къ югу: горы возвышаются одна надъ другою со всѣхъ сторонъ и являются поразительны по своимъ разнообразнымъ формамъ и виду: то онѣ покрыты лѣсомъ, то голыя, то зеленыя и все это окрашивается въ самыя различныя краски и въ самыхъ разнородныхъ сочетаніяхъ. Спускъ съ Мангатàя на сѣверъ не менѣе трудный и, пожалуй, еще болѣе опасный, потому что дорога здѣсь болѣе узка, а между тѣмъ скатывающійся съ горы ручей прорылъ себѣ такое глубокое русло, что ежеминутно грозитъ опасность свалиться въ эту ямину. Чѣмъ ниже и ближе къ долинѣ, тѣмъ камней становится меньше и почва мало по малу снова превращается въ черноземную. У подошвы Мангатàя долина очень узка и походитъ скорѣе на ущелье, ограничиваемое съ запада горою Эркэтӯ, а съ востока горою Цархӯ; далѣе къ сѣверу ущелье это расходится; но ровный и пологій скатъ съ горъ простирается почти до Байнъ-гӧл'ской станціи, стоящей на берегу Байнъ-гӧла.

Эта рѣка Байнъ-гӧлъ является такимъ образомъ южною границею долины, именуемой Цайдàмъ и протягивающейся отсюда къ сѣверу верстъ на 12-ть, 13-ть. Почва здѣсь солонцеватая и только мѣстами покрыта мелкою травкою; лѣсовъ вблизи нѣтъ, почему мѣстные жители употребляютъ для топлива аргалъ. Съ сѣверной стороны долина Цайдàмъ ограничивается отрогами

горъ Банькѝ, черезъ каковые отроги дорога проходитъ не высокимъ переваломъ, называющимся Хусутỳ хӱтӱ̀ль. Горы Банькѝ составляютъ сѣверную границу хошӯна цзасакà Цэрэ̀нъ-дорджѝ и отсюда начинается новый хошӯнъ, населеніе коего составляетъ конечное знамя центра лѣваго крыла.

Кочевья этого хошӯна почти сопредѣльны русской границѣ и заключаютъ въ своихъ предѣлахъ ургинско-кяхтинскую почтовую дорогу, начиная отъ станціи Урмухтỳй на пространствѣ почтовыхъ станковъ Хӱйтӱ̀нъ гōлъ, Ирō, Ибицы̀хъ и Гилàнъ-нōръ; помимо сего въ земляхъ этого хошӯна происходитъ и сліяніе рѣкъ Селенги и Орхона. Въ частности крайніе предѣлы его составляютъ: на востокѣ—рѣка Уялгэ̀; на югѣ—горы Банькѝ; на западѣ—рѣка Сарцзѝнь; на сѣверѣ—урочище Цагāнъ усỳ и на сѣверо востокѣ рѣка Борò, извѣстная у насъ подъ именемъ Буры, со времени заключенія на ней договора съ Китаемъ графомъ Владиславичемъ-Рагузинскимъ. Къ замѣчательнѣйшимъ мѣстностямъ этого хошӯна должно причислить: а) монастырь Амỳръ-баясхулантỳ, находящійся въ сѣверо-западномъ углу хошӯна, неподалеку отъ рѣки Ибэнъ; по словамъ монголовъ, въ монастырѣ этомъ постоянно проживаетъ до 4000 ламъ; б) состоящій въ вѣдѣніи ургинскаго хутухты̀ монастырь Дашѝ-чóйнкоръ-лѝнъ, располагающійся на правой сторонѣ р. Орхона, у подножія Халія́р'скихъ горъ,—въ просторѣчіи монастырь этотъ называется Дархàнъ-кѝт'омъ; и в) другой монастырь съ тѣмъ же тибетскимъ именемъ Дашѝ-чóйнкоръ-лѝнъ, находящійся къ востоку отъ станціи Ибицѝкъ, у подножія горъ Сэльмэ̀нь-ӯла. Оба эти монастыря гораздо меньше Амỳръ-баясхулантỳ, но все же населеніе каждаго изъ нихъ не менѣе тысячи душъ. Такіе обширные монастыри, конечно, должны свидѣтельствовать и объ относительной значительности населенія самаго хошӯна. Дѣйствительно, по существующимъ о немъ узаконеніямъ, онъ долженъ выставлять четыре эскадрона солдатъ, а по обширности своихъ пространствъ онъ занимаетъ четвертое мѣсто изъ среды всѣхъ хошӯновъ Тушѣ̄ту-хāновскаго а́ймака.

Правители этого хошўна ведутъ свое происхожденіе отъ цзасака Цэрэ́нъ-чжа́ба, приходившагося двоюроднымъ племянникомъ бэ́йсэ Шибтўй-хата́нъ ба̄туру. Въ 1688 году Цэрэ́нъ-чжа́бъ, подвергшись разграбленію Галда́на-бошокту̀, уклонился въ предѣлы Россіи; но черезъ четыре года послѣ сего въ 1692 году собралъ 600 человѣкъ своихъ данниковъ и поддался маньчжурамъ, причемъ просилъ, чтобы ему позволено было кочевать вмѣстѣ съ Шибтўй-хата́нъ-ба̄туромъ. Императоръ исполнилъ его просьбу и вслѣдъ за симъ въ 1693 году, въ виду того что отецъ Цэрэ́нъ-чжа́ба былъ родовымъ правителемъ, назначилъ цзасако̀мъ и Цэрэ́нъ-чжа́ба, возведя его въ званіе та́йчжи 1-й степени. Въ слѣдующемъ 1694 году Цэрэ́нъ-чжа́бъ кочевалъ съ своими данниками на Ононѣ, и, чтобы дать имъ возможность отдохнуть отъ погрома, Канси даже не бралъ съ собою въ походъ Цэрэ́нъ-чжа́ба, такъ что вся дѣятельность его во время войнъ Галда́на выразилась только во встрѣчѣ и помощи, оказанныхъ возвращавшимся войскамъ хотохо́йтскаго цзасака̀ Гэндўна, преслѣдовавшаго Галда́на послѣ разбитія его при Цзў-модо̀. Въ 1696 году Цэрэ́нъ-чжа́бъ представлялся богдохану въ Хўхў-хото̀ и получилъ высочайшую благодарность за поимку чжунгарскихъ шпіоновъ. Умеръ Цэрэ́нъ-чжа́бъ въ 1719 году.

Ему наслѣдовалъ сынъ его Чаба̀къ-чжа́бъ, отличившійся прежде всего въ 1731 году въ сраженіи при Сўхэ́-алдахў. Въ 1755 году онъ былъ командированъ для охраны сообщниковъ Дава́ци Урянха̀евъ, взятыхъ въ плѣнъ маньчжурами. Въ 1756 г., когда маньчжурскія войска отправились повоевать чжунгаровъ, Чаба̀къ-чжа́бъ былъ посаженъ для охраны мѣстностей по Киргѝзъ-но̄ру и отсюда выступалъ снова на пораженіе Урянха̀евъ. За все это богдоханъ въ слѣдующемъ 1757 году наградилъ его званіемъ заурядъ гу́на. Вслѣдъ за симъ въ Халхѣ возникло возмущеніе Цэнгу́нь-чжа́ба, къ которому присталъ и Чаба̀къ-чжа́бъ, почему, когда смута эта была умиротворена, то богдоханъ лишилъ его пожалованныхъ ему гу́новскихъ отличій; тѣмъ не

менѣе Чабàкъ-чжáбъ оставался цзасакòмъ до 1763 года, когда былъ смѣненъ по болѣзни.

Преемникъ и сынъ его Эрѝнъ-дорджѝ былъ утвержденъ въ званіи цзасакà и тáйчжи 1-й степени въ томъ же 1763 году и немедленно послѣ сего отправился на высочайшую аудіенцію къ богдохану въ Жэ-хо, который при этомъ случаѣ пожаловалъ ему павлиновое перо на шляпу. Умеръ Эрѝнъ-дорджѝ въ 1794 году, оставивъ по себѣ преемникомъ сына своего Цэвàнъ-дорджѝ, который былъ утвержденъ цзасакòмъ уже въ слѣдующемъ 1795 г. Цэвáнъ-дорджѝ правилъ до 1816 года, когда за смертію его управленіе хошӯномъ перешло къ сыну его Намчжàлъ-дорджѝ, правившему до 1842 года. Въ 1842 году правителемъ этого хошӯна былъ назначенъ сынъ Намчжàлъ-дорджія Цэрэ̀нъ-дондӯбъ. Нынѣ хошӯномъ управляетъ сынъ этого послѣдняго, князь ничѣмъ особенно не отличившійся и не несущій на себѣ никакихъ обязанностей, помимо должности цзасакà.

Дорога на первыхъ шагахъ по вступленіи въ земли послѣдняго знамени центра лѣваго крыла, спустившись съ Хусутӯ хӯтӯл'я, вступаетъ въ обширный лугъ, протягивающійся до береговъ неглубокой и мутной рѣки Шары̀. На западной сторонѣ этотъ лугъ окаймляется горами, изъ среды коихъ выдается по своей величинѣ одна, носящая названіе Урмухтӯ, — по имени этой горы называется теперь и находящаяся здѣсь почтовая станція. Но въ дневникѣ о. Палла̀дія эта станція называется Номтӯ, безъ сомнѣнія, потому, что въ пору его проѣзда эта станція располагалась не на западной окраинѣ луга, близъ горы Урмухтӯ, а на правой сторонѣ р. Шары̀, у высокаго увала, ограничивающаго тотъ же лугъ съ вост.-сѣв.-востока и называемаго Номтӯширэ̄. Понятно отсюда, что помянутый лугъ располагается по обоимъ берегамъ рѣки Шары̀, и что, продолжая дорогу къ слѣдующей станціи, путешественнику прежде всего приходится ѣхать по тому же лугу. Въ дальнѣйшемъ дорога къ слѣдующей станціи представляетъ два невысокихъ перевала черезъ холмы, отдѣляющіе другъ отъ друга теченіе р. Шары̀, которая на этомъ про-

странствѣ оказывается очень извилистой. Такимъ образомъ, миновавъ Урмухтуйскую долину, она поднимается на невысокій холмъ, съ глинисто-каменистою почвою; путь представляется здѣсь какъ бы усыпаннымъ щебнемъ и ѣзда по оному въ колесномъ экипажѣ должда быть весьма тряскою. Въ сторону рѣки холмъ этотъ является изрытымъ потоками, стекающими съ окружныхъ высотъ и мѣстами образуетъ просто овраги. Съ холма приходится спускаться снова въ долину рѣки Шарыı, которая дѣлаетъ здѣсь колѣно, огибая помянутый холмъ. Крутые и обрывистые берега рѣки въ разсматриваемомъ пунктѣ очень илисты и, особливо въ періодъ дождей, представляютъ непролазную грязь. По переправѣ вновь черезъ Шарӯ дорога версты на двѣ опять тянется по зеленому лугу, въ западной сторонѣ коего живописно располагается у подошвы невысокой горы Гунтӯ небольшая кумирня, принадлежащая одному изъ четырехъ сумӯновъ этого хошӯна. Мѣстами здѣсь попадаются небольшія пашни; на нѣкоторыхъ, по словамъ монголовъ, они засѣваютъ просо, получая всегда хорошіе урожаи отъ этихъ посѣвовъ. Слова эти кажутся мнѣ не подлежащими никакому сомнѣнію, такъ какъ долины р. Шарыı вообще плодородны: ленъ и макъ изобилуютъ здѣсь въ дикомъ состояніи; не мало также дикаго чесноку и мангирсу, или полеваго луку. Въ параллели помянутой кумирни дорога снова начинаетъ подниматься на невысокій хӯтӯль, являющійся отрогомъ тянущихся къ востоку отсюда горъ Нарасутӯ ӯла. Переваливъ означенный хӯтӯль, вы уже въ третій разъ попадаете въ долину рѣки Шарыı, которая здѣсь, по старому, поросла густою травою. Переправившись вновь черезъ рѣку, дорога поднимается на невысокій увалъ, именуемый Худжиртӯ хӯтӯл'емъ, отъ котораго она идетъ по отлогому скату горъ Сайнъӯла вплоть до долины, на которой происходитъ сліяніе съ Шарӧю незначительной рѣчки Хӯйтӯн'а. У этого сліянія, на лѣвомъ берегу Хӯйтӯна располагается нынѣ девятая отъ Урги къ Кяхтѣ станція. Но въ пору проѣзда о. Палладія эта станція находилась на правой сторонѣ Хӯйтӯна, въ долинѣ, носящей названіе

Дэрэсутӯ-булӯнъ, очевидно, сообщившей свое имя и самому станку; въ дневникѣ нашего синолога оказываются только размѣщенными не вполнѣ правильно по монгольски китайскіе іероглифы, назначенные для тонической передачи слоговъ, входящихъ въ составъ имени этой станціи. Чѣмъ обусловливалось это перенесеніе станковъ въ періодъ проѣзда о. Палладія, сказать трудно; но необходимо замѣтить, что въ этихъ мѣстахъ повсюду имѣется по нѣскольку дорогъ отъ одной станціи до другой, отчего описаніе пути естественно должно разниться у путешественниковъ.

Хӯйтӯнъ значительно меньше Шары, но животной жизни на немъ несравненно больше: турпаны, дикія утки, журавли буквально кишатъ по берегамъ этой рѣки. Самая станція Хӯйтӯнъ отличается отъ прочихъ тѣмъ, что завѣдывающій ею цзангӣнъ считается помощникомъ управляющаго всѣмъ трактомъ отъ Урги до Кяхты, между тѣмъ какъ самъ управляющій, носящій титулъ тусáлакчи, живетъ на станціи Харā. Должно замѣтить однако, что тусáлакчи, почитая себя важной особой, принимаетъ очень мало активнаго участія въ распоряженіяхъ относительно происходящихъ по станціямъ переѣздовъ и дѣло это ведется главнымъ образомъ хӯйтӯнскимъ цзангӣнòмъ, почему и на должность эту обыкновенно назначаютъ людей порасторопнѣе. Въ пору моего проѣзда здѣшній цзангӣнъ принадлежалъ къ цэцэ̀нъ-хāновскому áймаку и, по разказамъ его, до времени полученія настоящаго назначенія былъ сумӯннымъ цзангӣномъ въ хошӯнѣ. На хӯйтӯнской станціи онъ жилъ уже лѣтъ 30 и нимало не жаловался ни на тоску по родинѣ, ни на удобства жизни. Въ хозяйствѣ его было до 300 лошадей и до 800 овецъ. Что касается подводчиковъ на здѣшнихъ станціяхъ, то вообще ихъ полагается здѣсь по 6-7 семей (öркō) и большая часть ихъ пришла сюда изъ цэцэ̀нъ-хāновскаго áймака. Всѣ они довольны своею жизнью и единственныя жалобы, которыя мнѣ приходилось отъ нихъ слышать, состояли въ ихъ горькомъ соболѣзнованіи о верблюдахъ, къ которымъ они весьма привыкли на своей родинѣ и которые почти не живутъ въ этихъ мѣстахъ и гибнутъ, страдая

поносомъ. Чтобы замѣнить верблюдовъ, особливо для перевоза клади, здѣшніе монголы начали употреблять русскія телѣги.

Отъ праваго берега р. Хӯйтӯна дорога по направленію къ Кяхтѣ тянется съ версту по долинѣ рѣки и за симъ поднимается на невысокій холмъ, за которымъ, послѣдовательно чередуясь съ лощинами, ведутъ къ слѣдующей станціи четыре отлогихъ, но все таки не особенно удобныхъ для колесной ѣзды перевала. Первою изъ этихъ высотъ является каменистый Манухàй, съ котораго открывается великолѣпный видъ къ югу, на хӯйтӯнскую равнину, къ сѣверу же дорога кажется крайне печальной, представляя только рядъ гигантскихъ, округленныхъ холмовъ, совершенно безлѣсныхъ, изрѣдка одѣтыхъ травою, но въ большинствѣ лишенныхъ даже и этой растительности: ни лѣсовъ, ни рощъ на всемъ этомъ переѣздѣ не попадается, почему окрестные монголы употребляютъ въ топливо только аргàлъ. Спустившись съ Манухàя въ небольшую лощину, дорога почти вслѣдъ за симъ начинаетъ снова подниматься на такъ называемый Нарасутӯ-дабā, имя котораго какъ будто обѣщаетъ тѣнь деревьевъ; но онъ такъ же безлѣсенъ, какъ и послѣдующій за нимъ. Третій перевалъ, именуемый Цагāнъ-дабāн'омъ, является болѣе другихъ каменистымъ и покрытымъ мелкимъ щебнемъ; а четвертый, съ котораго дорога спускается въ долину р. Ирō, отличается песчанымъ грунтомъ до такой степени, что на сѣверномъ своемъ спускѣ мѣстами представляетъ прямо сыпучіе пески. Тѣмъ оживленнѣе кажется послѣ сего долина рѣки Ирō, обильно поросшая густою травою и богатая своимъ населеніемъ. Живущіе здѣсь монголы суть одни изъ старѣйшихъ шабинàровъ ургинскаго хутухтӹ; они носятъ общее названіе «гáйда гаргахсàнъ улӯсъ» и замѣчательны по своему перечисленію изъ хошӯннаго вѣдомства въ шабѝнское, объ обстоятельствахъ коего мнѣ разказывали такъ: Въ одно время первый ургинскій хутухтà, извѣстный въ Халхѣ подъ именемъ Ӱндӯръ-гэгэ́на, заболѣлъ, не могъ принимать пищи и уже готовился къ смерти; врачи отказались лечить его обыкновенными средствами и полагали единственный способъ из-

бавленія его отъ смерти въ религіозномъ обрядѣ, при коемъ совершается замѣна больнаго другою личностью, или, по буквальному выраженію, «въ выкупѣ его души». Тогда со всѣхъ хошӯновъ тушѣту-хāновскаго а́ймака было собрано не менѣе какъ по десяти семей съ каждаго хошӯна и, согласно правиламъ о «выкупѣ души», этимъ людямъ приказано было одѣться въ одежды Ӱндӱ̄ръ-гэгэ́на и уйти въ лѣсистыя и болотистыя мѣстности съ тѣмъ, чтобы никогда не показываться въ кочевьяхъ Ӱндӱ̄ръ-гэгэ́на. Постановленіе это строго соблюдалось при жизни Ӱндӱ̄ръ-гэгэ́на и только со временъ втораго хутыхты изгнанники эти получили право входить въ Ургу, а до того времени, избравъ своимъ мѣстопребываніемъ берега Ирӧ̄ и Онòна, занимались охотою и звѣроловствомъ. Впрочемъ этотъ родъ занятій преимуществуетъ у нихъ и до нынѣ. Въ настоящее время эти «га́йда гаргахса̀нъ» раздѣляются на три отдѣла, изъ которыхъ два, въ количествѣ 150 ӧркӧ̄, кочуетъ по берегамъ рѣки Ирӧ̄, а третій живетъ у истоковъ Онòна. При Ӱндӱ̄ръ-гэгэ́нѣ «га́йда гаргахса̀нъ» были избавлены отъ всякихъ податей, но со временъ 3-го хутухты (1758—1773 г.) они начали представлять гэгэ́ну по 10 кабаковъ съ каждаго отòка, которыхъ хутухта̀ обыкновенно тотчасъ отсылаетъ въ подарокъ богдохану. Вообще дань съ этихъ шабѝнцевъ и до сего времени считается неблаговиднымъ расходовать на пищу и необходимости хутухты: ее употребляютъ или на содержаніе шабина̀ровъ, заключенныхъ въ тюрьмахъ, или на подарки китайскимъ властямъ, или, наконецъ, сбываютъ, продажею на сторону.

Почтовая станція Ирӧ̄ стоитъ почти на самомъ берегу рѣки и отличается отъ другихъ вдвое бо́льшимъ составомъ служащихъ на ней лицъ. Объясняется это тѣмъ обстоятельствомъ, что на Ирӧ̄ проживаютъ не только подводчики для провоза путниковъ отъ станціи до станціи, но еще полагается отъ четырехъ до шести ӧркӧ̄, отбывающихъ повинность собственно по переправѣ путниковъ черезъ рѣку. Эти лодочники составляютъ собою особое вѣдомство и имѣютъ своего цзангѝна, или офицера, завѣдующаго переправой. Самая переправа совершается на плотахъ

(бàтъ), которые устраиваются изъ трехъ, четырехъ выдолбленныхъ бревенъ, скрѣпленныхъ прибитыми къ нимъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ планками. Для кормчаго устроивается особое мѣсто, обозначаемое выдолбленными для ногъ ступнями; прочіе служители перевоза помѣщаются по бокамъ плота и работаютъ, упираясь шестами въ дно рѣки. Такъ какъ Ирō — рѣка довольно большая (не менѣе 25 саж. ширины), а теченіе ея очень быстро, то перевозчики обыкновенно поднимаются саженей на 100 вверхъ по рѣкѣ и за симъ уже направляютъ бàтъ на противоположную сторону; впрочемъ и при этомъ ихъ нерѣдко относитъ далеко отъ цѣли переправы.

Правый берегъ рѣки Ирō отлогій, песчаный и усѣянный голышами неподалеку отъ рѣчнаго русла, вскорѣ смѣняется широкимъ поемнымъ лугомъ, за которымъ дорога вступаетъ въ узкую лощину, проходящую къ сѣдловинѣ хребта, именуемаго Цагāнъ ӯла. Лощина эта на южной сторонѣ хребта тянется верстъ на 10-ть и, поднявшись по ней къ перевалу, именуемому Уругэ́ту-даба̄, встрѣчаешь на сѣверной сторонѣ его почти такую же лощину, которая впрочемъ здѣсь постепенно расширяется, а ниже незамѣтно переходитъ въ долину, по которой протекаетъ рѣчка Ибицы́хъ. Горы, окаймляющія эту долину, съ западной стороны — безлѣсны, а восточныя—покрыты березовыми и сосновыми рощами. У самой рѣки Ибицы́хъ въ настоящую пору стоитъ почтовая станція того же имени; но во время проѣзда о. Палладія она, очевидно, находилась на другомъ мѣстѣ, т. е. нѣсколько сѣвернѣе нынѣшней. Въ поясненіе сего должно сказать, что въ этой же долинѣ въ Ибицы́хъ впадаетъ небольшая извилистая рѣчушка, носящая названіе Нары́нъ-могòй (тонкая змѣйка), образующаяся изъ ключа, бьющаго въ располагающихся къ сѣверу отсюда горахъ. Длина теченія этой рѣчушки очень незначительна, но долина Нары́нъ-могòя прелестна и несравненно болѣе плодородна и богата травами, чѣмъ долина Ибицы́ха. Здѣсь-то, несомнѣнно, въ пору проѣзда о. Палладія стояла почтовая станція, которая потому и называется у него Нары́нъ-могòй.

Отъ станціи Ибицѝха и сопредѣльной ей долины Нарѝнъ-могòй дорога направляется версты на три по теченію Ибицѝха и проходитъ у подошвы горъ по болотистой почвѣ, покрытой тростникомъ и тальникомъ; далѣе она поднимается на отлогую возвышенность и тянется по оной приблизительно верстъ на 20-ть. Гребень этой возвышенности поросъ вѣковыми соснами, прямыми и величественными; во многихъ мѣстахъ здѣсь видны слѣды огня и многія сосны стоятъ на половину обгорѣлыми. Обширная роща эта двумя просѣками, называемыми Багà цоорхàй и Йэхэ̀ цоорхàй, раздѣляется на двѣ главныя части, изъ коихъ каждая имѣетъ не менѣе восьми верстъ. По выѣздѣ изъ этой рощи передъ глазами открывается низменная долина рѣки Борò, а изъ-за горы, окаймляющей ее съ сѣверной стороны, виднѣется уже золоченая глава кяхтинскаго собора. Впечатлѣніе этого вида для русскаго человѣка — невыразимо! Въ радостномъ упоеніи каждый чувствуетъ необычайное волненіе во всемъ существѣ и сердце до боли сжимается въ груди. Но до желанной страны остается еще довольно далеко, а главное, на первыхъ же шагахъ приходится умѣрять себя въ движеніи. Пологій скатъ отъ Йэхэ̀ цоорхàя скоро приводитъ въ долину Борò, по которой невозможно ѣхать иначе какъ шагомъ: болотистая почва долины, сплошь усѣянная болотными кочками, препятствуетъ быстротѣ бѣга лошади, и даже на обычномъ ходу она здѣсь постоянно спотыкается. Переѣхавъ вбродъ р. Борò, тотчасъ-же начинаешь подниматься на завѣтную возвышенность, но и здѣсь остановка, — это послѣдняя станція передъ Кяхтою, именуемая Гиланъ-нòръ, отъ имени находящагося къ западу отъ нея небольшаго озера. Отъ Гиланъ-нòра до Кяхты считаютъ 10 верстъ и дорога до Маймачена, въ первой половинѣ пути, идетъ косогоромъ по направленію на сѣв.-востокъ, а за симъ, поднявшись мало по малу на кяхтинскій ширэ̄, направляется прямо на сѣверъ.

А. Позднѣевъ.

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ Инв №

УКАЗАТЕЛЬ.

Аввакумъ, архимандритъ, 114, 115.
А-гу̀нъ, монгольскій князь, 131, 147.
А-гу̀нъ-мяо, кумирня, 128.
Адаха̀й, рѣка, 218.
Ады̄чины, пастухи лошадей, 163, 165.
Алтайскій трактъ, 162.
Алта̀нъ-ӱлӱгэ̀й, горы, 205.
Амурсана̀, 176, 185, 202, 213.
Амуръ, рѣка, 214.
Аму̀ръ-баясхуланту̀, монастырь, 220.
Арба̀нъ-на́йма, станція, 184, 187, 188.
Аргалӣнъ, урочище, 209.
Аруктай, монгольскій предводитель, 130.
Ару̀-усу̀, озеро, 195.
Арцату̀-даба̄, горы, 208.
Аршанту̀йнъ-го̄лъ, рѣчка, 210.
Ацза̀ра, монгольскій правитель, 186.
Ацзигэнтэ̀й, горы, 218.
Ашигійнъ чулу̀̄, горный кряжъ, 190.
Аюдсі̀нъ даба̄, горный перевалъ, 117, 118.

Бага̀-адаца̀къ, гора, 199.
Бага̀-доло̄ту, горы, 179.
Бага̀дэльгэ́ръ, горы, 197.
Бага̀-умбу̀̄й, озеро, 172.
Бага̀-хата̀й, урочище, 177, 189.
Бага̀ цоорха̀й, просѣка, 228.
Ба-да-линъ, 100.
Банѝнъ, рѣчка, 216.
Банѝнъ бильгэ́хъ, станція, 83, 195.
Банѝнъ-бирхай, станція, 216.
Банѝнъ-була̀къ, урочище 177.
Банѝнъ-го̄лъ, рѣка, 97, 219.
Банѝнъ-го̄лъ, станція, 96, 219.
Банинь дагъ, гора, 85.
Банѝнъ-кунгу̀ръ ӯла, гора, 211.
Банѝнъ-модо̀йн-сӱ́мэ́, кумирня, 180.
Банѝнъ-хада̀, урочище, 205.
Банѝнъ-хошӯ, станція, 85, 196.
Банѝнъ-цзурухэ́, гора, 179.
Байковъ, Ѳ. И., его посольство въ Китай, 5.
Ба́къ-модо̀, урочище, 178.
Балда̀нъ-го́мбо, монгольскій правитель, 186.
Балдаръ-чжа́ба, монгольскій правитель, 209.
Бань-ба, мѣстечко, 101.
Ба́нь-ди, цзянь-цзюнь, 202.
Бань кѝ, горы, 220.
Бао-ань-чжоу, городъ, 44, 125.
Бара̀нъ, 213.
Баргуты, племя, 137, 159—161.
Бару̀нъ-даба̄, горный перевалъ, 127.
Бо̄туръ бэйлэ, 214. См. Цэбдэ̀нъ.
Бахай, 208, 212.
Баянь-Бильгэхъ, станція, 83.
Баянъ-бирхай, станція, 94.

Балнъ улцзэ, гора, 110, 111.
Балнь хошо, станція, 85.
Бель, англійскій путешественникъ, 13.
Билэ, монгольское племя, 61.
Бильгихъ, станція, 184.
Бильгѝхъ усу̀, озерко, 198.
Богдо̀ иргѝнъ ӯла, 183.
Богдо-ола, гора, 90, 92.
Богдо-хапрханъ, гора, 76, 183.
Бомботу (Бомбату), станція, 64, 110, 167.
Болынъ, станція, 72.
Большевъ, А. А., картографъ, 167.
Борголтай, ручей, 93.
Борголтай, станція, 93.
Боро̀ рѣка, 218, 228.
Боро̀-голъ, рѣчка, 216, 217.
Боро̀-дага̄, станція, 196.
Боро̀-да̄ганъ, станція, 85.
Борокчонъ, гора, 85.
Бородджи, станція, 104.
Боро̀ обо̄, станція, 80, 188, 190.
Боро хучжирту, станція, 109.
Боро̀-цэ̄чжи, рѣка, 128.
Боро̀ цэ̄чжіинъ сӱмэ̀, кумирня, 128.
Босэкъ, станція, 91.
Боэньсы, кумирня, 78.
Бугуду̀ръ-хобуры̀йнъ-сӱмэ́, кумирня, 180.
Буданàй-сӱмэ́, кумирня, 180.
Бунръ норъ, 34.
Булага́нь-сӱчжи, 192.
Булàкъ, озеро, 206.
Бӱлӱ̄нъ, станція, 72, 173, 180.
Бӱлӱ̄тӱ̄, станція, 65, 167.
Бунге, А., ботаникъ, 9, 25 и слѣд.
Бура или Боро̀, рѣка, 220.
Бургасутай, станція, 56, 139, 162, 166.
Бургултàй, рѣка, 211, 218.
Бургултàйская равнина, 211.
Бурдаханъ, станція, 85.
Бурин, монгольскій предводитель, 102.
Бурулэнъ, гора, 112.
Бурханъ ола, гора, 113.
Бурхатàй даба̄, горный перевалъ, 117.
Бурынъ-хапрханъ, гора, 84, 85.
Бусынъ чоло или Буссу чилонъ, горный кряжъ, 9, 106.
Бусынъ чоло, станція, 106.
Бутургѝйнъ го̄лъ, 172.
Бутэхъ, станція, 89.
Бӱхэгѝйнъ го̄лъ, рѣка, 118.
Бӱхэ̀къ, станція, 89, 118, 207.
Буюнь-кӱй, гора, 192.

Ванбо̀-дорджѝ, монгольскій правитель, 189.
Ванчѝнъ-дорджѝ, монгольскій правитель, 186.
Васильевъ, В. П., синологъ, академикъ, 136.
Великая стѣна, 41, 101, 123, 125.
Венюковъ, Н., гонецъ, 11.
Владиславичъ, Савва, его посольство въ Китай, 16.
Внутренніе Монголы, 166.
Волковъ, топографъ, 29.
Ву-шн цзя-цзы, селеніе, 53.
Вэйдубъ-цэва́нъ, монгольскій правитель, 209.
Вязъ, дерево среди пустыни у станціи Сучжи, 73, 181.

Гаймцукъ, монгольскій правитель, 190, 191.
Гакца худукъ, станція, 112.
Галбы̀нъ-гобѝ, 174.
Галда̀нъ-бошокту̀, монгольскій предводитель, 102, 190, 221.
Галда́нъ-доржѝ, монгольскій правитель, 200.
Галда̀нъ-цэрэ́нъ, монгольскій правитель, 185.
Ганьчжирлѝнъ, горная цѣпь, 195.
Гарвинъ, Ѳ., медикъ, 12.
Гахàй-ӯла, горы, 210.
Гашӯнъ, озеро, 195.
Гиланъ-норъ, станція, 99, 228.
Гилгентай, станція, 111.
Глазуновъ, И., секретарь посольства, 12.

Гоби, пустыня, 59, 76, 107, 170 и слѣд., 180, 198.
Гобійнъ-да-тӯшѣ-гунъ, 177, 178.
Гобійнъ-ноінъ-хутухтӯ, 178.
Головкинъ, графъ Юрій, посольство его въ Китай, 23.
Гуань гоу, горный перевалъ, 39, 100, 120.
Гуань-лао-ѣ, кумирня, 55, 82.
Гу-бэй коу, застава, 51.
Гуй-хуа-ченъ, см. Хуху хотонь.
Гумбольдтъ, А. фонъ, 26.
Гунцӯкъ-дашн, монгольскій правитель, 208.
Гунцӯкъ-чжабъ, монгольскій правитель, 208.
Гӯнцзэбъ-дорджи, монгольскій правитель, 202.
Гӯнцзэй-дорджи, монгольскій правитель, 203.
Гунъ-даба, урочище, 213.
Гурбанъ-найтакъ, урочище, 213.
Гурбанъ-уртӯ-нирӯ, горы, 211, 216.
Гурбӯнъ-цзэрдэ, урочище, 177.
Гӯрунзатӯ даба, горный перевалъ, 216.
Гурӯшики, монгольскій правитель, 174, 175, 185, 188, 190.
Гучжиктӯ, долина, 216.
Гучжиртӯ-норъ, соленое озеро, 152.
Гэбшн-ламаинъ сӯмэ, типографія, 141.
Гэгэнэй сӯмэ, монастырь, 198.
Гэнтей, горы, 113.
Гэцзыгенъ-гашунъ, станція, 105.

Дабасутӯ-норъ, соленое озеро, 152.
Давáци, монгольскій мятежникъ, 176, 201 и слѣд., 213.
Дай нинъ ченъ, городище, 19 и слѣд.
Дакданъ-дорджи, монгольскій правитель, 177.
Дамарчжи, урочище, 209.
Даньцзӯнъ-дорджи, монгольскій правитель, 176.
Дондӯбъ-дорджи, монгольскій правитель, 191.
Дарй-хапга, земли, 177.
Дармá-сэнгэ, монгольскій правитель, 186.
Дарханская дорога по Монголіи, 28 и слѣд.
Дарханъ, гора, 109.
Дарханъ-китъ, монастырь, 220.
Даши-гойнкоръ-линъ, монастырь, 220.
Даши-дорджи, монгольскій правитель, 209.
Даши-лунъ, горы, 205.
Дзамбулынъ-даба, горный перевалъ, 206.
Дзэсъ-хонгоръ, станція, 68.
Долонъ, станція, 89.
Долонъ-ола, гора, 89, 110.
Долонъ-хошӯ най надамъ, ургинскія празднества, 210.
Дондобъ-дорджи, монгольскій правитель, 200.
Дондӯбъ-дорджи, монгольскій правитель, 189.
Дорджи-рабтанъ, монгольскій правитель, 175.
Дорджи-чжабъ, монгольскій правитель, 177.
Дорога отъ Пекина до Калгана, 37—50, 119.
Дороги по Монголіи, 1, 3, 6 и слѣд., 29, 30 и слѣд.
Дундӯ-уртӯ, горы, 211.
Дундӯ-урчакъ, урочище, 205.
Дунь, постоянныя казармы, 41.
Дӯрбэнъ-хӯхэтъ, хошунъ, 166, 173, 177.
Дурботы, племя, 167.
Дучнтӯ - ламанарыйнъ - сӯмэ, монастырь, 178.
Ду-ши коу, застава, 51.
Дэ-бэйцзы, ургинскій правитель, 92, 204.
Дэлэкъ-дорджи, монгольскій правитель, 204.
Дэрэсутӯ-булӯнъ, станція, 224.
Дэрэсъ-тоболонъ, станція, 97.

Жербильонъ, патеръ, 31.

Ибицихъ, рѣчка, 227, 228.

Ибицйкъ, станція, 220.
Ибэнъ, рѣка, 220.
Игнатьевъ, графъ Н. П., 1, 2.
Идамъ-чжаба, монгольскій правитель, 215.
Измайловъ, Л., его посольство въ Китай, 12 и слѣд.
Инь-хуа-синъ, полководецъ, 60.
Инь-шаньская система горъ, 100.
Иренъ-норъ, озеро, 105.
Иренъ-норъ, станція, 105.
Иро, рѣка, 98, 225 и слѣд.
Ирогольскія горы, 98.
Иро-голъ, станція, 97, 226.
Исаія, іеромонахъ, 32.
Исбрантъ Идесъ, его посольство въ Китай, 6, 20.
Ихэ-гацзаръ-ачитў-уланъ, урочище, 192.

Іакинѳъ (Бичуринъ), О., синологъ 23 и слѣд., 25, 115, 129, 132, 134.

Йэхэ-адацакъ, гора, 199.
Йэхэ-долоту, горы, 179.
Йэхэ-дэльгэръ, горы, 197.
Йэхэ мандалъ, гора, 218.
Йэхэ умбўй, озеро, 172.
Йэхэ цоорхай, просѣка, 228.

Казенный почтовый трактъ по Монголіи, 9.
Караванныя дороги по Монголіи, 10.
Каракорумъ, развалины города, 32.
Католики въ Китаѣ, 46.
Калганскій хребетъ, 162.
Калганъ, городъ, 47, 51, 101, 125.
Каменный уголь, мѣста разработки, 44, 125, 151.
Кириловъ, П., врачъ, 25, 28.
Киселевъ, П., казакъ, 3.
Клапротъ, оріенталистъ, 23, 32.
Кобура, станція, 103.
Ковалевскій, Егоръ Петровичъ, приставъ Пекинской Духовной Миссіи 3, 28 и слѣд., 133, 135.
Кованько, горный инженеръ, 25, 27.
Колодезь Тўгўрикъ, 179.
Колодцы въ Чахаріи, 166.
Кузница Чингисъ-хана, 183.
Куй, рѣка, 218.
Кўй, станція, 93, 210.
Куйголъ, ручей, 93.
Кўйнъ-голъ, рѣчка, 210.
Куйсутай, станція, 58.
Куйтунъ-голъ, рѣчка, 97.
Кулунъ норъ, озеро, 34.
Купеческій трактъ по Монголіи, 29.
Курень, городъ, 91.
Курякинъ, И. С., Тобольскій воевода, 3.
Кутулъ, станція, 105.
Кэрўлэнъ (Кэрэлунъ), рѣка, 34, 110, 111, 199.
Кэсынъ байшинъ, 108.
Кяктуйнъ-даба, горы, 209.
Кяхтинская дорога по Монголіи, 8.

Ладыженскій, Михаилъ Васильевичъ, приставъ Пекинской Духовной Миссіи, 25, 27.
Ланге, Лоренцъ, его поѣздки въ Китай, 7, 11, 16 и слѣд.
Лао-лунъ-бей, горы, 45, 49.
Лао ѣ шань, мѣстечко, 100.
Лао-спры, жители Шаньсійской губерніи, 52, 53.
Ли, пекинскій банкиръ, 132.
Линь-пу-сянь, китайскій чиновникъ, 121.
Ли-ши-фу, казенное управленіе въ Калганѣ, 54.
Ломбо-дорджи, монгольскій правитель, 204.
Лосорънъ-бацзаръ, военный начальникъ, 177.
Лунъ ху тай, деревня, 100.
Лу-синъ, городъ, 130.
Лѣ-цзы, философъ, 40.
Любимовъ, Николай Ивановичъ, приставъ Пекинской Духовной Миссіи, 28.

Майдари, кумирня, 207.
Майдари-чжабъ, монгольскій правитель, 189.

Маймачэнъ, предмѣстье Урги, 113.
Малāръ ӯла, горы, 211.
Мангатàй, горы, 96, 218 и слѣд.
Мангатайскія тѣснины, 96.
Мàндалъ-ӯбӯръ, горы, 209.
Мандорвà, монгольскій правитель, 209.
Мантыйнъ-гōлъ, ручей, 208.
Манухàй, гора, 225.
Мао-юй-линъ, городокъ, 46.
Марцатӯ-дабā, горы, 208.
Маршруты, снятые въ Монголіи, 1, 29.
Матусовскій, З. Л., географъ, 167.
Мендезъ Пинто, португальскій авантюристъ: о русскихъ въ Китаѣ, 4.
Меркйты, племя, 137.
Минган, станція, 135, 162, 164, 166.
Мингай-ола, горный хребетъ, 59, 61 и слѣд.
Минганъ, станція, 103 и слѣд.
Минцзӯръ-дорджй, монгольскій правитель, 175, 185.
Минъ-чанская военная граница, 103.
Минъ чанъ, императоръ Гиньской династіи, 103.
Модòнъ, станція, 86, 197, 198.
Монастыри въ Монголіи, 178—180.
Монголія, баромегрическая нивеллировка, произведенная А. Бунге, 26.
Монголы, отзывы китайцевъ о нихъ, 42.
Мубӯлунъ, станція, 106.
Мукоту, станція, 110.
Мухуръ-Гашунъ, станція, 77, 173, 179, 183.
Мэргэ̀нъ-вáнъ, хошунъ, 173, 177, 178.
Мэргэ̀нъ-нóянъ, монгольскій титулъ, 173, 174.

На-бэ́йсэ, монгольскій правитель, 204.
На-бэ̀йсэ, хошӯнъ, 118, 172.
Налайха, станція, 111.
Намадаба, гора, 98.
Намчжàлъ-дорджй, монгольскій правитель, 204, 222.
Намто, станція, 97.
Намчжàлъ, монгольскій правитель, 190, 191.
Нань-коу, мѣстечко, 39, 100.
Нань-коускій проходъ, 120.
Нань хай цзы, охотничій паркъ, 15.
Наранай-хошӯ-талà, долина, 217.
Наранъ-орто, станція, 87, 198, 199.
Нарасӯнъ, рѣка, 218.
Нарасутӯ-дабā, горы, 225.
Нарынскій перевалъ, 211.
Нарйнъ-бильгйхъ, станція, 78, 184.
Нарйнъ-булàкъ, мѣстность, 187.
Нарйнъ-гōлъ, рѣка, 211.
Нарйнъ-могòй, рѣчка, 227.
Нарйнъ-могòй, станція, 98.
Нарйнъ-хара, урочище, 214.
Нарйнь, ручей, 93, 218.
Ного модо даба, гора, 94.
Ногōнъ-дабā, горный перевалъ, 206.
Ногōнъ-ӯла, горы, 216.
Нонинь-ула, горный хребетъ, 94, 216, 217.
Номтӯ, станція, 222.
Номтӯ-булàкъ, урочище, 209.
Номтӯ-булàкъ, священный ключъ, 211.
Нэмихэ̄, горы, 194.

Обō и урочища восточной границы хошуна Уйцзàнъ-цзасакà, 193.
Обō Синй-цаганъ, 177.
Овцеводство въ Чахаріи, 152.
Ола-худукъ, станція, 67.
Олйнъ-дабā, перевалъ, 93.
Олонъ байшинъ, развалины, 107, 108.
Ӧлӧйнъ-дабā, перевалъ, 211.
Олòнъ-худугы̆йнъ сӱмэ̀, монастырь, 187.
Олòнъ-худӯкъ, станція, 66, 170.
Ӧлӧты, народъ, 137.
Оницутӯ-усӯ, озеро, 195.
Ооба, монгольскій правитель, 188.
Орой, станція, 162.
Орōтай, станція, 57.
Орхонъ, рѣка, 218, 220.

Падалинъ, подъемъ къ воротамъ Великой стѣны, 41.
Падеринъ, И. В., русскій консулъ, 32.

Пекинъ, планъ города и окружностей, 27.
Перовскій, П. Н., приставъ Пекинской Духовной Миссіи, 2.
Перфильевъ, боярскій сынъ, 5.
Петлинъ, И., казакъ, 3.
Петровъ, И., ка́закъ, 4.
Петръ (Каменскій), архимандритъ, начальникъ Пекинской Духовной Миссіи, 24.
Подарки монголамъ, 64.
Поповъ, П. С., первый драгоманъ Пекинской Миссіи, 2.
Поршенниковъ, И., боярскій сынъ, 11.
Потанинъ, Г. Н., ученый путешественникъ, 136.
Почта по Монголіи, 10.
Почтовая дорога по Монголіи, 50.
Почтовыя станціи отъ Пекина до Кяхты, 35.
Пржевальскій, Н. М., 30, 167.
Пѣвцовъ, М. В., генералъ-маіоръ, ученый путешественникъ, 30.
Пясецкій, П. Я., докторъ, 116.

Рабта́нъ, монгольскій правитель, 189.
Радловъ, В. В., оріенталистъ и путешественникъ, 33.
Раши-самбала, кумирня, 74.
Ремюза, Абель, оріенталистъ, 32.

Са̄дакту, долина, 150.
Са́йнъ-кутулъ, станція, 106.
Са́йнъ-ӯла, горы, 223.
Са́йнъ усу̀, станція, 103.
Са́йнъ-худукъ, урочище, 179.
Са̀йръ-усу̀, станція, 76, 81, 82, 193.
Сайханъ-ула, рѣка, 88.
Сангі̄нъ-булакъ, урочище, 205.
Сангі́йнъ-дала̀й, урочище, 192.
Сандуб̀ъ-дорджѝ, монгольскій правитель, 185, 186.
Сандуб̀ъ-минцзуръ, монгольскій правитель, 209.
Санъ-ганъ-хэ, рѣка, 120.
Сараинъ-голъ, рѣчка, 97.
Сарцзинь, рѣка, 220.
Селенга, рѣка, 220.
Си-ванъ-цзы, мѣстечко, 46.
Си-нинъ-сяньскій каменный уголь, 125.
Синъ-хо-чэнъ, древній городъ, 129, 130.
Синъ-хэ-чэнъ, городъ, 102.
Синь-бао-ань, городъ, 44, 125.
Си-фынъ коу, застава, 51.
Сологой, станція, 83, 195.
Солонгуты, монгольскій родъ, 136.
Соль, торговля ею, 154.
Соляныя озера въ Чахаріи и южной Монголіи, 152.
Сонѝнъ-хангà̀й, хребетъ, 209.
Сосновскій, Ю. А., полковникъ, 116.
Софроній (Грибовскій) архимандритъ, начальникъ Пекинской Духовной Миссіи, 22.
Спаѳарій, Н., его посольство въ Китай, 6, 11.
Сперанскій, графъ, 26.
Спленгеръ, бельгіецъ, 178.
Станціи, военныя въ Монголіи, 51.
Станціи купеческія отъ Калгана до Пекина, 50.
Старинные пути по Монголіи, желательность ихъ изслѣдованія, 30 и слѣд.
Струве, его описаніе путешествія посольства графа Головкина, 23.
Субургату̀ ӯла, урочище, 187.
Сӳмэ́ ӯла, урочище, 187.
Сундӳ̀ъ-дорджѝ, монгольскій правитель, 203.
Сунѝты, монгольскій родъ, 103, 137.
Сургулы́йнъ гацза̀ръ, монастырь, 187.
Сӳхэ̀-алдахӳ̀, урочище, 212, 221.
Сӳчжи (Суцзи), долина, 82.
Сӳчжи (Суцзи), станція, 83, 103, 179, 181, 195.
Сучжи-булакъ (Суцзи-булакъ), станція, 73, 180.
Сы-цзы-бу-ло, хошунъ, 166.
Сэ̀льби, горный хребетъ, 218.
Сэльмэ̀нь-ула, гора, 220.
Сэнчжѝйнъ-даба̄, горный перевалъ, 127.
Сэргэ́хчи ӯла, гора, 217.

Сюань-хуа-фу, губернскій городъ, 45, 46, 101.
Сюань-хуа-фу' скій округъ, 123.

Тай, пикеты, 41.
Та́й-пу-сы̀, конное, конюшенное и табунное управленіе, 162 и слѣд.
Тай-тунъ-фу, городъ, 43, 46.
Тайханская система горъ, 100.
Тайханскій хребетъ, 42.
Тала̀ булàкъ, станція, 87, 198, 205.
Тамарѝнъ-чжа́бъ, монгольскій правитель, 191.
Татариновъ, Александръ Алексѣевичъ, врачъ, 28.
Тахильга̀ту ӱндӱ̀ръ, урочище, 187.
Тимковскій, Егоръ Ѳедоровичъ, приставъ Пекинской Духовной Миссіи, 24 и слѣд., 115, 217.
То́йримская кумирня, 196.
То́йримъ, станція, 196, 197.
Тола, рѣка, 91, 113, 118.
Тола-бира, станція, 91.
Толготскій перевалъ, 93.
Толготъ, горы, 93.
Толѝ, станція, 179 и слѣд.
Толибӱлакъ, станція, 75.
Толѝскій монастырь, 181.
Толого́йту-даба̄, горы, 208, 210.
Толо мяо, слобода, 53.
Толошѝ, гора, 218.
Топо, гора, 111.
Торгэнъ-голъ, ручей, 90.
Тубда̀нъ-ша́тдублѝнъ, монастырь, 197.
Тӱгӱрѝкъ, станція, 76, 182.
Тӱгӱрѝкъ, колодезь, 179.
Тӱгӱрѝкъ усӱ, озерко, 198.
Тулга, станція, 102.
Ту-му, мѣстечко, 43.
Тункэ̀нь, рѣка̀, 218.
Турботъ, монгольское племя, 61.
Тӱргэ̀нъ го̄лъ, ручей, 118.
Тушѣ̄ту-ха̄нъ, 173, 177.

Удэ, урочище и станція, 106, 178, 179.
Уйцза̀нъ-цзасакъ, 189; урочища и обо̄ на восточной границѣ этого хошуна, 193.
Уланху, хребетъ, 209.
Ула̄нъ-була̀къ, 213.
Ула̄нъ-са̄дакту-ула, горы, 211.
Ула̄нъ-хада̀, станція, 63.
Ула̄нъ-цицѝкъ-усӱ, урочище, 187.
Ула худӱ̀къ, станція, 67, 171.
Ӱндӱ̈ръ-гэгэ̀нъ, ургинскій хутухта̀, 225, 226.
Ӱндӱ̈ръ-добо̄, станція, 88, 206.
Ӱндӱ̈ръ-ха̄нъ-ӱ̄ла, горы, 210.
Ӱндуръ хуху, гора, 112.
Ургa городъ, 207, 215.
Ургинскій Нордянь, горы, 90.
Урмухтӱ, гора, 222.
Урмухтӱ, станція, 220, 222.
Урочища и обо̄ восточной границы хошуна Уйцзанъ-цзасака, 193.
Уругэ̀ту-даба̄, перевалъ, 227.
Урха̀н-хара̀-усӱ, урочище, 213.
Урчжа̀нъ-чжа́бъ, монгольскій правитель, 191.
Урянхаи, племя, 221.
Уцзурѝйнъ хошӱ тала̀, долина, 217.
Уялгэ̀, рѣка, 220.

Фритше, Г. А., астрономъ, 30, 116.
Фуссъ, Г., астрономъ, 25 и слѣд.
Фу чжоу, древній городъ, 102, 129.

Хабсулга, приписные монголо-китайцы, 61, 168.
Хабцала, станція, 106.
Хада́нь-усӱ, урочище, 187.
Хада̄туръ, гора, 218.
Хайласу, станція, 105.
Халхасы 61; причина почему подчинились Китаю, а не Россіи, 165.
Халю̄тай, станція, 57, 162.
Хама̀ръ, хребетъ, 205, 209.
Ха̄нъ-ула, гора, 26, 113, 117, 118, 218.
Ха̄нъ-урянха̀й, урочище, 213.
Хара̄, рѣка, 217 и слѣд.
Хара, станція, 96, 217, 223.
Хара̀-балгасу̀нъ, развалины города, 17, 101, 128 и слѣд.
Хараголъ, рѣчка, 95.

Хара-нидунъ, урочище, 194.
Харанюду, горы, 111.
Хара-усу, озеро, 195.
Хадань-усу, урочище, 187.
Хара-хаба, урочище, 213.
Харачинскія станціи, 167.
Харгату хада, гора, 195.
Харга-улайнъ-сумэ, кумирня, 179.
Хатай, урочище, 205.
Хатань-усу, рѣчка, 192.
Хашату, урочище, 103, 189.
Хачжабчи, горный кряжъ, 79.
Хачжабчи (Хацзабчи), станція, 78, 184, 185, 187.
Хилковскій, Н., путешественникъ, 7.
Хирай-мухурскій хребетъ, 70.
Хирай-мухуръ, станція, 69.
Хойхойцы, народъ, 182.
Хонгоръ-тологой, горы, 205.
Хонгоръ-улайнъ-сумэ, кумирня, 179.
Хонинай голъ, рѣка, 172.
Хоничи, станція, 78, 178, 179, 184.
Хоничи сумэ, кумирня, 77.
Хоримту, долина, 216.
Хорінъ ламана рынъ сумэ, кумирня, 197.
Хототынъ голъ, рѣчка, 172.
Хошуны, названія ихъ, 199.
Хошуны: Гобінъ-да-тушэ-гунъ, 187.
Дурбэнъ хухэтъ, 166, 173, 177.
Мэргэнъ-вана, 177 и слѣд.
Уйцзанъ-цзасака, 192 и слѣд., 196.
Цэбэкъ-цзасака, 187.
Цэванъ-цзасака, 189 и слѣд.
Конечнаго знамени центра лѣваго крыла, 220.
Лѣваго послѣдняго знамени праваго крыла, 211, 215.
Центральнаго знамени, 205.
Хуай-лай'ская долина, 43, 44, 45.
Хуай-лай-сянь, уѣздный городъ, 43.
Хуа му ба, гора, 94.
Хубо-тала, урочище, 178.
Худжиртуй хутуль, горный перевалъ, 223.
Хуйсутуй, станція, 58, 164.
Хуйтунъ, рѣчка, 223, 224.
Хуйтунъ, станція 223, 224.
Хунцалъ, озеро и рѣка, 216.
Хунцалъ, станція, 94, 216.
Хусутуй даба, горный перевалъ, 216.
Хусутуй хутуль, горный перевалъ, 220.
Хутуль-долонъ, станція, 189, 190, 198.
Хутуль-долонъ, станція, 80, 188.
Хутуль-тойримъ, станція, 86.
Хухуй-хото, городъ, 50, 172.
Хэрэксуры, древнія могилы, 198.

Цабчиръ, урочище, 187.
Цаганъ балгасунъ, 17, 101, 128, 132.
Цаганъ-даванъ, перевалъ, 225.
Цаганъ-норъ, озеро, 162.
Цаганъ-тологой, горный перевалъ, 54, 127.
Цаганъ-тологой, станція, 142, 162.
Цаганъ-тугурикъ, станція, 106.
Цаганъ-ула, горный хребетъ, 227.
Цаганъ усу, урочище, 220.
Цаганъ-хада, урочище, 189.
Цаганъ-худукъ, станція, 66, 167, 170.
Цаганъ-хутуль, горный перевалъ, 216.
Цайдамъ, долина, 219.
Цапчикъ-сумэ, кумирня, 180.
Цархуй, гора, 219.
Цахюръ, станція, 72.
Цзагасутай, станція, 59.
Цзакъ-усу, урочище, 187, 189.
Цзалату (Чжалату), станція, 79, 187, 190.
Цзамынъ худукъ, станція, 102.
Цзамыйнъ шанда, хребетъ, 183.
Цзарлик йэр нэрэ шангнаксан баясхуланги бадарагулухчи сумэ, монастырь, 178.
Цзарлик йэр нэрэ шангнаксан эрдени эгулэнъ сумэ, монастырь, 179.
Цзиргаланту, станція, 89.
Цзисхунгоръ, станція, 68.
Цзи-минъ-и или Цзи-минъ-пу, городокъ, 45.
Цзи минъ и, станція, 101.

Цзи-минъ-шань, гора, 43, 44, 45.
Цзобори, станція, 80, 189.
Цзога̀, колодезь, 190.
Цзоотӯинъ сӯмэ́, монастырь, 199.
Цзотба̀, монгольскій правитель, 189.
Цзӯ-модо̀, мѣсто, 221.
Цзѣ-цзяо-жень, татарскіе поселенцы въ Китаѣ, 39.
Цзэ́съ-хонго̀ръ, станція, 172.
Цзюй-юнъ-гуань, крѣпость и застава, 40, 42, 50, 100, 120.
Цзюй-юнъ-гуань́ская арка и надпись, 121 и слѣд.
Циндай, станція, 63.
Цинъ-хэ, слобода, 37; рѣчка, 38.
Цинъ-хэ, станція, 100.
Цы инь сы, кумирня, 75.
Цѣны за переѣздъ отъ Калгана до Пекина, 49.
Цэбдэ̀нъ, монгольскій правитель, 208, 212 и слѣд.
Цэбдэ̀нъ-дорджи, монгольскій правитель, 203.
Цэбэ́къ, монгольскій правитель, 186.
Цэва̀нъ-дорджѝ, монгольскій правитель, 214, 222.
Цэва́нъ-цзасакъ, монгольскій правитель, 189.
Цэва́нъ-чжа́бъ, монгольскій правитель, 189.
Цэнгӯнь-чжа́бъ, монгольскій правитель, 175, 221.
Цэнкӣръ-добо̄, урочище, 184.
Цэрэ́нъ-байду̀бъ, монгольскій правитель, 175.
Цэрэ̀нъ-ваншӯкъ, монгольскій правитель, 191.
Цэрэ̀нъ-дондубъ, монгольскій правитель, 222.
Цэрэ̀нъ-дорджѝ, монгольскій правитель, 215.
Цэрэ́нъ-чжабъ, монгольскій правитель, 221.

Чаба́къ-чжабъ, монгольскій правитель, 176, 221.
Чаганъ-балгасу см. Цага̄нъ-балгасӯ.
Чаганъ-долгай, станція, 54.
Чаганъ-худӯкъ, станція, 66.
Ча-дао, мѣстечко, 42, 43, 100, 124.
Чакдӯръ, рѣка, 218.
Чакчагай, станція, 167.
Чанъ-пинъ чжоу, городъ, 38.
Чанта̀й, станція, 63, 170.
Чанъ пинь чжоу, городъ, 100.
Чахарія, страна, 59.
Чахары, народъ, 136—158, 166.
Чахӯнь-дорджѝ, монгольскій правитель, 200, 211.
Чанъ-чжоу, древній городъ, 102.
Чжагасутай, станція, 59, 142, 164.
Чжалату, станція, 79.
Чжанъ-дэ-хой, китайскій путешественникъ, 2, 129.
Чжанъ-цзя коу, см. Калганъ.
Чжарга̀-ӯла, горы, 178.
Чжэ лю, мѣстечко, 100.
Чжпргалантӯ, станція, 89, 111.
Чжубурн, станція, 80.
Чжэнъ-тунъ, императоръ Минской династіи, 43.
Чингильтӯ-тала̀, долина, 07.
Чингисханова кузница, гора, 109, 183.
Чингисы́йнъ пайцзата̀й чулӯ, историческій памятникъ, 195.
Чиндаманй-цага̄нъ-хада, горы, 178.
Чисордо̀нъ-дорджѝ, монгольскій правитель, 215.
Чэчэ́ртӯ, станція, 62, 167.

Шабарту, станція, 103.
Шабинары ургинскаго хутухты, 118.
Шакдӯръ-чжабъ, монгольскій правитель, 189.
Ша-мо, пустыня, 104.
Шанду-голъ, рѣка, 150.
Шанъ-хуа-юань, усадьба, 45.
Шара̀, рѣка, 222 и слѣд.
Шара̀ мӯрэ̀нь, станція, 67, 171.
Шара̀-мухӯръ, станція, 167, 173.
Шара̀-судулы́йнъ-сӯмэ, кумирня, 180.
Шара̀-хада̀ или Шархада, станція, 65, 170.
Ша-ху-коу, пограничная застава, 43, 51.
Шахэ, городокъ, 38, 100.

Ша-чэнъ, слобода, 44.
Шачэнъ, см. Цаганъ-балгасу, 132.
Шибэту, горы, 192.
Шибету, станція, 109.
Шибтуй-хатанъ-батуръ, монгольскій правитель, 208, 211 и слѣд., 221.
Шибэ-тологой, гора, 189.
Шимковичъ, топографъ, 1, 29, 116.
Ширэтуй гэгэнъ, хутухта, 171.
Шишмаревъ, Я. П., консулъ въ Ургѣ, 117.
Школа чахарская, 139.

Эмту, озеро, 197.
Эндырдово, станція, 88.
Эндэръ-ола или Эндыръ-ула, рѣка, 88.
Эрдэни-цзу, монастырь, 33, 185.
Эринчинъ-дорджи, монгольскій правитель, 201, 202.
Эринъ дорджи, монгольскій правитель, 191, 222.
Эркэту, гора, 219.

Юй-линь, слобода, 43.
Юй-цай, китайскій чиновникъ, 31.
Юй-чжоу, городъ, 125.

Ядринцевъ, Н. М., ученый путешественникъ, 33.
Якоби, И., курьеръ, 21.
Ялычевъ, Б., казакъ, 4.
Янту, горы, 172.
Янъ-хэ, рѣка, 44, 45, 120.

Θаворовъ, И., гонецъ, 11.

Benfey, санскритологъ, 122.
Edkins, англійскій миссіонеръ, 121.
Foucaux, синологъ, 122.
Haas, Dr., санскритологъ, 122.
Wylie, англійскій миссіонеръ, 121.

КОНЕЦЪ.

МАРШРУТНАЯ КАРТА
ВОСТОЧНОЙ МОНГОЛІИ.

составил Э. В. Бретшнейдеромъ.

1891.